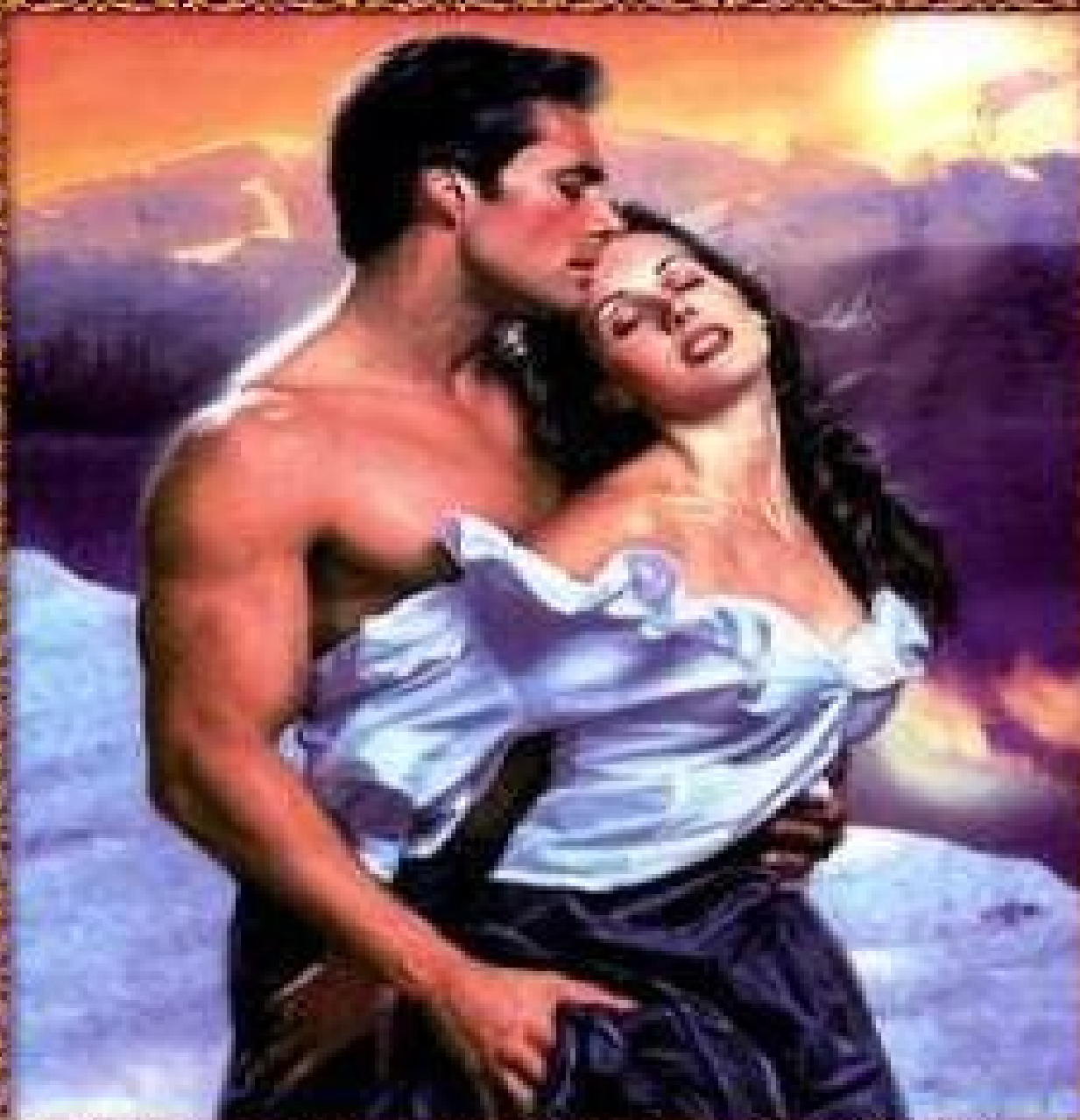


Карен Мари Монинг



ПОЦЕЛУЙ ГОРЦА

Жрица погрузила в сон могущественного друида Друстана, пытаясь отвести опасность от своего сына. Через пятьсот лет очаровательная Гвен пробуждает его от сна. Сердце друида охватывает пламя страсти. Однако там, в далеком прошлом, его клан на грани гибели. Как ему спасти своих людей и сохранить любовь?

- [Карен Мари Монинг](#)
 - [Пролог](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [Дорогой читатель](#)
 - [Список источников](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)



Карен Мари Монинг

Поцелуй горца

*Посвящается тебе, мама. Когда я злилась, ты слушала меня.
Когда я плакала, ты обнимала. Когда я убегала, ты возвращала
меня назад.*

Когда я мечтала, ты верила.

*Невероятно мудрая и понимающая, ты была самой лучшей мамой
из всех, и даже больше.*

Я не верю, что Господь играет в кости с Вселенной.

Альберт Эйнштейн.

*Господь не только играет в кости, но к тому же забрасывает их
порою туда, где мы их не можем не увидеть.*

Стивен Хокинг.

Северошотландское нагорье, 1518 год

— Этот МакКелтар опасный человек, Невин.

— Ну что на этот раз, мама? — Выглянув в окно хижины, Невин посмотрел на густую траву, блестящую в свете утреннего солнца.

Его мать была предсказательницей, и он знал, что глупо оборачиваться и встречаться с ней взглядом. Прямой взгляд Бессета восприняла бы как поощрение, и тогда ему не избежать разглагольствований об очередном туманном пророчестве. Его мать, и прежде не отличавшаяся острым умом, в последнее время подозревала всех и вся.

— Мои тисовые палочки говорят мне, что лэрд представляет для тебя смертельную угрозу.

— Лэрд? Друстан МакКелтар? — Невин недоверчиво глянул через плечо.

Бессета выпрямилась возле столика у очага и внимательно наблюдала за реакцией сына. Невин понял, что она все-таки добилась своего: среагировав на ее слова и обернувшись, он попался. Невин тихонько вздохнул. Опять он дал втянуть себя в разговор и застрял в нем, как в тех кустах ежевики, где пару раз запутывались полы его рясы. Теперь, если он хочет остаться целым и не исцарапаться, нужно очень тщательно подбирать слова, пока беседа не превратилась в свару.

Бессета Александр потеряла в этой жизни слишком много и теперь яростно держалась за то, что у нее осталось, — за Невина. Он подавил желание распахнуть дверь и сбежать в спокойное утро, потому что при первой же возможности мать снова поймала бы его и продолжила свои жалобы.

— Друстан МакКелтар не представляет для меня опасности, — спокойно сказал Невин. — Он прекрасный правитель, и быть духовником его клана — честь для меня.

Бессета покачала головой, ее губы задрожали. В уголке рта застыла слюна.

— Ты рассуждаешь как священник. Ты не видишь того, что вижу я. И это тоже пугает, Невин.

Он ответил одной из своих самых благожелательных улыбок. С их помощью Невин, несмотря на свою юность, всегда успокаивал мятущиеся сердца грешников.

— Ты когда-нибудь прекратишь читать мою судьбу по рунам и палочкам? Всякий раз, как меня переводят на новое место, ты принимаешься за гадание.

— Я была бы плохой матерью, если бы не беспокоилась о будущем своего сына! — закричала Бессета.

Невин убрал с лица прядь волос, пересек комнату и поцеловал мать в морщинистую щеку. А потом протянул руку и смешал гадательные палочки, упавшие загадочным узором.

— Я принял сан, а ты все возишься со своими прорицаниями. — Он взял дрожащую руку Бессеты в ладони и погладил, успокаивая. — Ты должна оставить это, мама. Как я могу проповедовать крестьянам, если моя собственная мать верит только языческим щепкам?

Бессета отдернула руку и отобрала у сына палочки.

— Это не просто щепки. Относись к ним с уважением, сын! А его нужно остановить.

— Ну что такого страшного рассказали про лэрда твои палочки? — Любопытство оказалось сильнее желания как можно быстрее завершить этот глупый разговор.

К тому же Невин не сможет развеять страхи матери, если не узнает, из чего они происходят.

— Он скоро женится, и его леди причинит тебе вред. Думаю, она собирается убить тебя.

От такого заявления Невин только беспомощно открыл и закрыл рот, как вытщенная из воды рыба. Он знал, что бесполезно искать смысл в странных предсказаниях Бессеты, однако то, что у нее вообще появлялись подобные мысли, подтвердило его страхи. В своих рассуждениях его мать все реже и реже опиралась на реальность. Бессета заблудилась в своем бреде.

— Ну зачем кому-то меня убивать? Я же священник, какой в этом смысл?

— Я не вижу причины. Возможно, эта леди влюбится в тебя и решит отомстить за пренебрежение.

— Вот теперь ты точно говоришь глупости. Влюбится в меня, а не в Друстана МакКелтара? Бессета посмотрела на него и быстро отвернулась.

— Ты красивый мальчик, Невин, — солгала она с материнским апломбом.

Невин рассмеялся. У Бессеты было пятеро сыновей, но только он родился тонкокостным, худым и слабеньким. Поэтому и решил посвятить себя Богу, а не воинской службе у короля. Невин прекрасно знал, как выглядит. Он не был красив — как Друстан МакКелтар, — не был рожден для битв, власти и соблазна женщин и давно уже смирился с таким положением вещей. Господь выбрал его, Господь говорил с ним, и для Невина это было важнее физической силы.

— Убери свои палочки, мама, я не хочу больше слушать эту ерунду. Тебе не нужно за меня волноваться. Господь присматривает за... — Он осекся на полуслове.

Фраза, которой Невин часто успокаивал паству, в данном случае могла снова вызвать старый, очень долгий и неприятный спор. Бессета нахмурилась.

— О да, твой Господь определенно присматривает за моими сыновьями, не так ли?

От боли и язвительности в ее голосе у Невина заболело сердце. Из всей своей паствы только с собственной матерью он не мог найти нужных слов.

— Напоминаю, мама, что он и твой Господь тоже и, когда меня посветили в сан и отправили сюда, ты радовалась этому назначению, — спокойно сказал Невин. — И ты не причинишь вреда Друстану МакКелтару, мать.

Бессета пригладила седые волосы и посмотрела в потолок.

— Тебе так страшно услышать правду, Невин?

— Не нужно усложнять наше положение здесь, мама, — мягко ответил он. — У нас хороший дом, прекрасные соседи, и я хотел бы остаться здесь надолго. Пообещай мне, что не будешь делать глупостей.

Бессета упрямо молчала и смотрела в сторону.

— Мама, взгляни на меня. Ты должна пообещать. — Невин не отступал, и ей пришлось пожать плечами и угрюмо кивнуть.

— Я не причиню вреда Друстану МакКелтару, Невин. А теперь иди куда шел, — резко отмахнулась она. — Мне, старухе, нужно кое-что сделать.

Невин облегченно вздохнул. Раз уж его мать обещала не приставать со своими языческими глупостями к лэрду, можно без опаски возвращаться в замок. Если Господь будет милостив, мать забудет о своих страхах уже к обеду. А Господь милостив.

Бессета несколько дней пыталась убедить Невина, что он в опасности, но не вышло. Сын вежливо, но твердо обрывал такие разговоры, и возле его рта залегли страдальческие морщинки, которые она просто ненавидела. Эти морщинки говорили об одном: моя мать сошла с ума.

Отчаяние пробирало Бессету до костей: она понимала, что теперь все зависит только от нее. Она не потеряет своего последнего сына. Нечестно отнимать у матери всех ее детей, а верить в то, что Господь защитит его, было просто невозможно. Четырех старших Господь не защитил. Да и способность предвидеть будущее явно дана ей не для того, чтобы сидеть сложа руки.

Вскоре после страшного видения в селение Баланох приехал цыганский табор, и Бессета

приняла решение. Пришлось потрудиться и поторговаться с нужными людьми. О тех, с кем она договаривалась, можно сказать очень много, но Бессета заставила себя думать о них только как о нужных. Сама она умела лишь читать будущее по рунам и палочкам. А вот цыгане, путешествующие по Шотландии, торговали не только бусами и травами, но и мощными заклятиями своих предков. Хуже всего было то, что Бессете пришлось украсть у сына прекрасную Библию в золотом переплете. Невин читал эту Библию только по праздникам и очень дорожил ею, но для оплаты услуг ее сбережений не хватило. На Рождество сын обнаружит пропажу Библии, и его сердце будет разбито.

Но зато он останется жив!

Бессета знала, что ее палочки никогда не лгут, и все же прошла не одна бессонная ночь, прежде чем женщина приняла решение. Связываться с цыганами было страшно, но, если она не остановит Друстана МакКелтара, тот женится и его жена убьет ее сына. Палочки ясно сказали это. Жаль, что они не сообщили, что именно эта женщина собирается делать, когда, как, почему. Тогда бы не было этого давящего отчаяния. Как жить, если Невин погибнет? Кому нужна беспомощная больная старуха? Оставшись в одиночестве, Бессета просто рухнет в бездонную тьму и достанется на растерзание живущим там чудовищам. У нее нет выбора, ей нужно остановить Друстана МакКелтара.

Неделю спустя Бессета стояла на поляне у озера, неподалеку от замка МакКелтаров. Вокруг бродили цыгане, рядом с ней стоял их седоволосый предводитель по имени Рашка. У ее ног лежал Друстан МакКелтар. Он был без сознания.

Бессета с опаской смотрела на него. Даже лежа на спине у ее ног, МакКелтар словно возвышался над ней бронзовой горой мышц и сухожилий. Женщина вздрогнула и опасно потрогала лэрда ногой. Цыгане расхохотались.

— Он не проснется, даже если на него рухнет луна, — сказал Рашка, вытирая слезы с глаз.

— Ты уверен? — опасно спросила Бессета.

— Это не обычный сон.

— Но вы же его не убили, правда? Я обещала Невину, что не причиню ему вреда.

Рашка приподнял бровь.

— Забавные у тебя представления о морали, женщина. Нэй, мы его не убили, он просто спит. И будет спать вечно. Это древнее заклятие, тщательно и правильно наложенное.

Рашка отвернулся, раздавая приказы своим людям, и Бессета облегченно вздохнула. Затея была рискованной — ей пришлось пробраться в замок, отравить вино лэрда и заманить его на полянку возле озера, — но все пошло по плану. МакКелтар примчался к озеру и уснул на поляне, а цыгане завершили ритуал. Они нарисовали на его груди странные символы, обрызгали травяным отваром и прочитали заклинания.

Бессета боялась цыган и очень хотела снова оказаться в безопасности своей хижины, но заставила себя стоять и смотреть, чтобы убедиться, что они сдержали слово. Чтобы удостовериться, что Невин наконец в безопасности и что Друстан МакКелтар до него не доберется.

Как только прозвучали последние слова заклинания, воздух над поляной стал чище и Бессета ощутила озноб и непонятную слабость. Вокруг лэрда сгустилось странное свечение. Цыгане определенно владели могущественной магией.

— Действительно вечно? — уточнила Бессета. — Он никогда не проснется?

— Я же сказал тебе, женщина, — фыркнул Рашка. — Этот человек будет спать, застыв в мгновении, и время не коснется его. Он никогда не проснется, если человеческая кровь и солнечный свет не попадут на наши символы одновременно.

— Кровь и солнечный свет разбудят его? Этого не должно случиться! — Бессета

почувствовала, как к ней возвращается страх.

— И не случится. Я дал тебе слово. Там, где мы спрячем его тело, не появится ни солнце, ни кровь. У озера Лох-Несс есть несколько пещер. Там лэрда никто не найдет, и туда не попадают солнечные лучи. Никто, кроме нас, не знает тех мест.

— Вы должны спрятать лэрда очень глубоко. Замуровать его там. Его никогда не должны найти!

— Повторяю: я уже дал тебе слово. — Рашка начал злиться.

Цыгане подогнали крытую повозку, погрузили в нее тело лэрда и укатили прочь, а Бессета упала на колени в густую траву и вознесла хвалу всем божествам, которые могли ее слышать. Она почувствовала облегчение. Это ощущение было таким ярким, что в его свете меркли даже намеки на чувство вины. Почти. Но Бессета успокаивала себя тем, что лэрду на самом деле не причинили вреда.

Как она и обещала Невину. Лэрд не пострадал — в буквальном смысле этого слова.

Северошотландское нагорье

21 сентября, наше время

Гвен Кэссиди хотела найти мужчину. Отчаянно. Или, за неимением такового, хотя бы сигарету. «Господи, ненавижу свою жизнь, — подумала она. — Я даже не знаю, кто я теперь».

Оглядев переполненный туристический автобус, Гвен глубоко вздохнула и потеряла никотиновый пластырь на запястье. После всех ее фиаско сигарета не помешала бы. Вот только, даже если Гвен удастся выбраться из этого жуткого автобуса и найти пачку сигарет, она рискует умереть от передозировки никотина после первой же затяжки. От пластыря ее трясло и тошнило.

Возможно, перед тем как бросать курить, ей следовало подождать встречи с парнем, готовым лишить ее девственности. Не то чтобы прежде черрипикеры^[1] слетались к ней как мухи на мед. Но потере девственности никак не способствует желание рычать и лаять на каждого встречного.

Откинувшись на скрипящем сиденье, Гвен моргнула, когда автобус подскочил на дорожной выбоине и острая проволока изношенной спинки врезалась ей в плечи. Даже гладкая серебристая поверхность загадочного озера Лох-Несс, проплывающая за окном — окно прекрасно пропускало дождь и абсолютно не способствовало проникновению свежего воздуха, — ничуть не заинтересовала девушку.

— Гвен, ты хорошо себя чувствуешь? — вежливо поинтересовался Берт Харди, сидящий в соседнем ряду.

Девушка уставилась на Берта сквозь косую челку, как у Дженнифер Анистон (дорогая стрижка должна была привлечь к Гвен ее собственного Брэда Питта, однако пока что непослушные прядки только щекотали нос и действовали на нервы). Неделю назад, в начале тура, Берт гордо сообщил ей, что ему семьдесят три и никогда раньше у него не было такого великолепного секса (полненькая новобрачная, Беатрис, держала его за руку и вдохновенно краснела во время радостной тирады жениха). Гвен вежливо улыбнулась и поздравила их, после чего проявленный ею интерес намертво приковал пожилых новобрачных к их «любимой маленькой американке».

— Я в порядке, Берт, — заверила Гвен, разглядывая его клеенчатую рубашку ядовито-лимонного цвета, короткие болотно-зеленые брюки, не прикрывавшие клетчатые носки, и белоснежные теннисные туфли.

Радужный ансамбль завершался красным шерстяным кардиганом, туго обтягивающим внушительное брюшко.

— Милая, ты плохо выглядишь, — обеспокоенно вмешалась Беатрис, поправляя широкополую соломенную шляпку на серебристых кудряшках. — Ты немножко позеленела. Тебя тошнит?

— Меня немножко укачало, Беатрис.

— Скоро будет деревня, и мы сможем отдохнуть. И тебе нужно перекусить с нами чем-нибудь, прежде чем наслаждаться красотами, — твердо сказал Берт. — Можем посмотреть дом, в котором раньше жил колдун Алистер Кроули. Говорят, там водятся привидения. — Берт иронично подвигал пушистыми седыми бровями.

Гвен безразлично кивнула. Она знала, что протестовать бесполезно, знала, что Беатрис наверняка жалеет ее и поэтому без конца пилит Берта, утверждая, что он должен «развеселить

девушку». С начала тура прошло всего несколько дней, а Гвен уже пожалела о решении отправиться в это глупое путешествие.

Дома, в Санта-Фе, штат Нью-Мексико, когда она грустно поглядывала в окно своей каморки в страховой компании штата и спорила с очередным пострадавшим клиентом, который требовал оплатить свои астрономические счета у массажиста (общей суммой 9 827 долларов) как следствие страхового случая, нанесшего заднему бамперу его автомобиля ущерб в 127 долларов, — так вот, дома идея сбежать в Шотландию (или куда угодно, лишь бы подальше) казалась невероятно привлекательной.

В итоге Гвен позволила туристическому агенту убедить себя в том, что двухнедельный тур по романтическим нагорьям и низменностям Шотландии — это именно то, что нужно. Тем более что стоимость тура была всего 999 долларов. Цена показалась приемлемой, а сама мысль о таком импульсивном поступке пугала. В общем, это действительно было то, что нужно, чтобы встряхнуться.

Следовало бы догадаться, что четырнадцать дней в Шотландии за тысячу долларов — это наверняка путешествие на автобусе в компании жизнерадостных пенсионеров. Но Гвен настолько обрадовалась возможности сбежать от пустоты и рутины, что с жадностью набросилась на карту маршрута, а о попутчиках практически не думала.

Тридцать восемь пенсионеров в возрасте от шестидесяти двух до восьмидесяти девяти лет болтали, смеялись и с безграничным энтузиазмом встречали каждую новую деревню/паб/пивоварню. Гвен догадывалась, что по возвращении домой веселые старички начнут рассылать своим таким же пожилым, но менее удачливым друзьям открытки и рассказывать анекдоты. Интересно, будет ли среди историй о достопримечательностях рассказ о двадцатипятилетней девственнице, которая ехала с ними в одном автобусе? Девственнице, колючей, как дикобраз, и настолько глупой, что она решила бросить курить, отправившись в первый настоящий отпуск и одновременно пытаясь найти того, кто избавит ее от девственности?

Гвен вздохнула. Попутчики были милыми, но она ехала сюда не за этим. Ей хотелось страстного, умопомрачительного секса. Просто секса, дикого, грязного, жаркого, потного, после которого не остается лишних мыслей.

В последнее время ей хотелось того, чему она не могла подобрать названия, чего-то, не дававшего ей покоя во время просмотра «Десятого королевства» или ее любимой истории о непростой любви — «Леди-ястреб». Если бы мама Гвен, известный доктор физики Элизабет Кэссиди, была жива, она сказала бы дочери, что в той всего лишь проснулся генетически заложенный зов природы.

Гвен, следовавшая по стопам матери, изучала физику, занималась исследованиями в корпорации «Тритон», получила докторскую степень (все это — до того как Великое Восстание Против Судьбы забросило ее в страховую компанию). В дни, когда расчеты выплат по страховым обязательствам захлестывали ее с головой, Гвен задумывалась о том, что мама могла быть не права и не все в жизни можно объяснить генетической программой и научными методами...

Девушка отправила в рот подушечку жевательной резинки и уставилась в окно. В этом автобусе ей не найти своего черрипикера. В деревнях, попадавшихся на пути, тоже вряд ли представится такая возможность. Нужно что-то делать, и быстро, иначе она рискует вернуться домой в том же состоянии, в каком уезжала. Честно говоря, эта мысль пугала Гвен куда больше, чем перспектива соблазнить мужчину, которого она впервые видит.

Автобус резко затормозил, Гвен бросило вперед. Девушка ударилась губой о металлическую ручку на переднем сиденье. Бросив взбешенный взгляд на толстого водителя, Гвен задумалась о том, почему престарелые туристы ни разу не пострадали от резкой остановки. Может, они просто более осторожны, потому что помнят о своих хрупких костях? Или удобнее устраиваются

на сиденьях? А может, они сговорились со старым толстым водителем? Гвен полезла в рюкзак за новым компакт-диском, прекрасно понимая, что нижняя губа опухнет от удара.

«Ну, может, мужчины найдут это привлекательным», — подумала она, выпячивая губу и покорно направляясь вслед за Бертом и Беатрис. Снаружи их поджидало прекрасное солнечное утро. Припухшие губы... Мужчины ведь на них ведутся, верно?

— Я не могу, Берт, — сказала Гвен, когда вежливый попутчик подхватил ее под руку, и добавила, извиняясь: — Мне нужно немного побыть в одиночестве.

— У тебя губа напухла, милая, — нахмурился Берт. — Разве ты не пристегивалась? Ты точно в порядке?

Гвен проигнорировала два первых вопроса.

— Я в порядке. Просто хочу немного пройтись и собраться с мыслями, — ответила она, стараясь не замечать внимательного взгляда Беатрис.

Последняя следила за Гвен с видом женщины, вырастившей не одну дочь. Беатрис уверенно подтолкнула Берта к лестнице отеля.

— Иди, Берти, — сказала она мужу. — А нам, девочкам, нужно немного пошептаться.

Когда Берт исчез за дверью старомодного отеля с соломенной крышей, Беатрис подвела Гвен к каменной скамейке и заставила сесть.

— Гвен Кэссиди, ты найдешь своего мужчину, — произнесла женщина.

Глаза Гвен расширились от удивления.

— Откуда вы знаете, что я его ищу?

Беатрис улыбнулась, от уголков васильковых глаз разбежались морщинки.

— Послушай старую Беатрис, милая: отбрось предрассудки. Если бы я в твоём возрасте выглядела, как ты, я бы трясла своей бом-бом везде, где только можно.

— Бом-бом? — Брови Гвен непроизвольно поползли вверх.

— Петунией, дорогая. Пышкой, попкой, задницей, — подмигнула ей Беатрис. — Отправляйся гулять и найди себе подходящего мужчину. И не позволяй нам, старикам, портить тебе отдых. Старые перечницы вроде нас тебе не компания. Тебе нужен молодой сногшибательный парень, такой, который не только сшибет тебя с ног, но и не позволит сразу подняться.

— Но я не могу найти себе парня, Беатрис. — Гвен раздраженно фыркнула. — Вот уже несколько месяцев я ищу себе черрипикера...

— Черри... о! — Плечи Беатрис, обтянутые розовой пушистой кофточкой, затряслись от сдерживаемого смеха.

Гвен моргнула.

— О Господи... Как я вообще могла произнести это вслух?! Я просто... привыкла мысленно называть его черрипикером, потому что я наверняка самая старая из живущих ныне...

— Девственниц, — помогла ей Беатрис, снова рассмеявшись.

— Угу.

— Разве у такой красивой девушки нет парня, который остался дома?

Гвен вздохнула.

— За прошедшие шесть месяцев я встречалась с уймой парней... — Она запнулась.

Родители Гвен, довольно известные люди, возвращаясь с конференции в Гонконге, погибли в авиакатастрофе. С тех пор она превратилась в автомат для свиданий. Единственная родственница, бабушка по отцу, при всем желании не могла бы узнать Гвен. У бабушки была болезнь Альцгеймера. В последнее время Гвен чувствовала себя последней из могижан. Она словно бродила по миру в надежде найти место, которое сможет назвать своим домом.

— И? — напомнила о себе Беатрис.

— И я все еще девственница не потому, что стараюсь ею оставаться, — угрюмо ответила Гвен. — Я не могу найти мужчину, который бы мне понравился, и начинаю думать, что проблема во мне, а не в них. Может, я слишком многого от них жду. Может, стараюсь найти то, чего вообще не существует, — озвучила она свой тайный страх.

Вполне возможно, что большая любовь — всего лишь сказка. За последние несколько месяцев Гвен сотни раз целовалась и при этом ни разу не ощутила даже проблеска страсти. Да и между ее родителями наверняка не было страстной любви. Действительность наводила на мысль о том, что такая любовь существует лишь в кино и книгах.

— Ох, милая, не думай так! — воскликнула Беатрис. — Ты слишком молода и красива, чтобы терять надежду. И понятия не имеешь, когда на горизонте появится мистер Тот, Кто Нужно. Вот посмотри на меня, — добавила она с пренебрежительным смешком. — Старая, толстая, в рейтинге популярности у мужчин мое место — сразу за вдовами. Я много лет провела в одиночестве, а в одно прекрасное утро Берти солнышком вкатился в маленькое кафе на Элм-стрит, где я с подругами обычно завтракала по вторникам. Я тут же влюбилась по уши, и шансов справиться с этим у меня было не больше, чем у толстой леди из цирка — влезть в узенькие стринги. Я стала мечтательной, как девчонка, сделала прическу и... — Беатрис покраснела, — даже прикупила пару вещичек в магазине «Victoria's Secret».

Она понизила голос и подмигнула.

— Знаешь, когда на уме штучки-дрючки, респектабельные белые трусы и лифчики тебе уже не годятся. И ты вдруг оказываешься в магазине, где выбираешь себе розовое, сиреневое, лимонно-зеленое и прочее белье.

Гвен прочистила горло и заерзала на скамье, надеясь, что лифчик цвета лилии не очень выделяется под ее белым топом. Но Беатрис не обратила на это внимания, продолжая:

— И вот что я тебе скажу. Берти оказался совсем не таким, каким я представляла себе идеального мужчину. Я всегда думала, что люблю только простых, честных, работающих. И мне в страшном сне не могло присниться, что я свяжусь с таким опасным типом, как Берти. — Улыбка Беатрис стала нежной, мечтательной. — Он тридцать лет проработал в ЦРУ, прежде чем уйти в отставку. Тебе стоит послушать парочку его историй. Они пробирают до костей, честное слово.

Гвен вскрикнула:

— Берти служил в ЦРУ?! Душка Берти?

— Не суди о содержимом по подарочной упаковке, милая. — Беатрис погладила девушку по щеке и добавила: — И не спеши сдаваться, Гвен. Найди мужчину, который достоин тебя. Найди мужчину, которому ты сможешь довериться в трудную минуту, с которым сможешь спорить при необходимости, от прикосновения которого будешь просто гореть.

— Гореть? — с сомнением повторила Гвен.

— Поверь мне. Когда ты его встретишь, ты не ошибешься. — Беатрис сияла, лукаво улыбаясь. — Ты это почувствуешь. И не сможешь этому противиться.

Довольная Беатрис поцеловала Гвен в щеку, оставив отпечаток розовой помады, встала, одернула свитер и исчезла в фойе отеля. Гвен задумчиво следила за тем, как она шагает.

Беатрис Харди, шестьдесят девять лет и добрых двадцать килограммов лишнего веса, шагала уверенно. Скользила с грацией женщины, которая вдвое тоньше, и крутила полной попкой с таким задором, как будто была вдвое моложе. Она шагала так, словно была красавицей.

«Который достоин тебя».

Ха! Гвен Кэссиди устроил бы любой, кто способен на что-то без виагры.

Гвен вскарабкалась на вершину небольшой горы и остановилась отдохнуть. Узнав, что в свою комнату отеля она не попадет до пяти часов вечера, и решив избавиться от соблазна рвануть в ближайший магазин и купить пачку это-слово-мы-больше-не-курим... ой, то есть не

произносим, Гвен схватила рюкзачок, яблоко и отправилась исследовать холмы на предмет самого красивого вида. Холмы над озером Лох-Несс то и дело сменялись скалами. Та, на которую взобралась Гвен, возвышалась над озером на добрых пятьсот метров. Крутые склоны и острые зубцы казались труднопреодолимыми, но после спертого воздуха автобусного салона физические усилия были только в радость.

Шотландия была прекрасна, Гвен не могла этого отрицать. Девушка осторожно обогнула заросли боярышника, окруженного колючим чертополохом, остановилась полюбоваться ярко-красными гроздьями рябины и пнула несколько шипастых конских каштанов, которые упали на землю, намекая о скорой осени. Сквозь сплетение ветвей она любовалась вересковой пустошью, окрасившей склоны холма фиолетово-розовым и лиловым цветами. На небольшой полянке Гвен испугнула маленькую лань и сама испугалась неожиданного чуда.

Чем выше девушка взбиралась, тем легче становилось у нее на душе. Луга и поросшие лесом склоны дышали покоем. Далеко внизу осталось озеро Лох-Несс, двадцать четыре мили в длину и почти миля в ширину. В некоторых местах глубина этого озера достигала тысячи футов. Так, по крайней мере, сообщала брошюрка, от нечего делать прочитанная в автобусе. В той же брошюрке говорилось, что озеро никогда не замерзает благодаря торфянистым берегам и повышенной кислотности воды. Лох-Несс казалось огромным серебряным зеркалом, в котором отражается безоблачное небо. Солнце стояло почти в зените, напоминая о скором обеде и ласково поглаживая кожу. Впервые за несколько дней было так тепло, и Гвен решила этим воспользоваться.

Выбрав плоскую скалу, девушка растянулась на ней, нежась под солнечными лучами. По расписанию тура ее группе предстояло торчать в отеле до половины восьмого завтрашнего утра, так что можно было, не спеша и не беспокоясь, насладиться природой, прежде чем возвращаться в душный ад на колесах. Гвен очень нравилось здесь: никаких телефонных звонков, никаких клиентов с истеричными претензиями, никаких долгожителей, сующих нос не в свое дело.

Гвен знала, что о ней болтают; старики болтали обо всем. Наверное, старались наверстать упущенное, и за все те случаи в молодости, когда приходилось держать язык за зубами, эти ребята отыгрывались на пенсии. Гвен поймала себя на том, что ей нравится такая перспектива. Приятно для разнообразия получить возможность высказать то, что думаешь. А что бы ты сказала, Гвен?

— Я одинока, — тихонько пробормотала она. — Я бы сказала: я одинока и мне до чертиков надоело притворяться, что у меня все хорошо.

Как бы ей хотелось, чтобы произошло что-то необычное, захватывающее!

Но, как выяснилось, если она сама пыталась устроить себе это захватывающее, дело заканчивалось автобусом с веселыми старичками. Может, стоит наконец смириться с тем, что ей предначертана одинокая, скучная и ничем не примечательная жизнь?

Прикрыв глаза от яркого солнца, Гвен потянулась за рюкзаком, чтобы достать солнцезащитные очки, но не рассчитала и столкнула рюкзак со скалы. Послышался стук потревоженных камешков, затем последовало несколько секунд тишины и наконец — мягкий удар. Заправив челку за ухо, Гвен села и взглянула туда, куда улетел рюкзак. И с ужасом поняла, что он не только свалился со скалы, но и угодил в довольно глубокую и узкую расщелину.

Подойдя к самому краю, Гвен внимательно осмотрела склон. В рюкзаке остались ее пластыри, а пережить без них отказ от сами-знаете-чего было просто невыносимо. Прикинув, что до рюкзака не больше десяти метров, она решила, что вполне справится с задачей.

Все равно у нее нет другого выхода: ей нужен этот чертов рюкзак.

Спустившись, Гвен начала осторожно нащупывать опору для ног. Туристические ботинки с рифленой подошвой чудесно подходили для спуска, но камни впивались в голые икры, и Гвен

пожалела, что утром не надела джинсы вместо любимых коротких шорт цвета хаки (шорты от «Аберкромби и Фитч» были последним пискom моды). Белый кружевной топ не стеснял движений, а вот джинсовая куртка, повязанная вокруг талии, сползала и мешала. Гвен сняла ее и бросила вниз: перед подъемом куртку можно будет засунуть в рюкзак.

Спуск оказался медленным и трудным, но половина ее жизни была в этом рюкзаке — и, возможно, лучшая половина. Косметика, расческа, зубная паста, флосс, сменные трусики и множество необходимых мелочей, которые она всегда держала при себе на случай, если основной багаж потеряется. «Ох, да признайся, Гвен, — подумала она, — ты прекрасно проживешь и без этого рюкзака».

Солнечный луч лег ей на плечи. Гвен стало жарко. Кажется, солнце светило прямо в эту чертову дыру. Получасом раньше или позже ей не пришлось бы потеть от жары.

Внизу она поскользнулась и сшибла рюкзак на самое дно. Покосившись вверх, на ярко светившее солнце, Гвен пробормотала:

— Я, знаешь ли, пытаюсь бросить курить, так что, Боженька, можешь не стесняться и помочь мне.

Преодолев последние метры, она ступила на дно расщелины. Ну вот, она справилась. Здесь почти нет места, чтобы развернуться, зато она добралась, куда надо. Согнув колено, Гвен подняла сброшенную куртку и осторожно потянулась к лямкам рюкзака.

Земля под ее ногами осела так быстро и неожиданно, что Гвен успела только удивленно вдохнуть и тут же полетела вниз вместе с осыпавшимся дном расщелины. Последовало несколько жутких секунд свободного падения, а затем сильный удар выбил весь воздух из ее легких.

Не успела Гвен вдохнуть, как сверху посыпался дождь из земли и камней. Завершающим штрихом оказался рюкзак, больно стукнувший ее по плечу и укатившийся в темноту. Наконец Гвен смогла вдохнуть, выплюнуть пыль и попавшие в рот волосы и мысленно оценить свое состояние, прежде чем попытаться встать.

При падении она ударилась так сильно, что, казалось, все тело теперь покрыто синяками. Руки были содраны до крови: Гвен бессознательно старалась удержаться от падения и хваталась за острые камни. К счастью, переломов, похоже, не было.

Девушка очень осторожно повернула голову и взглянула вверх, на дыру, через которую упала. Упрямый солнечный луч проникал и сюда.

«Я не стану паниковать». Дыра была невероятно высоко. А что еще хуже, по пути сюда Гвен не увидела на склонах ни одного человека. Она может кричать, пока не сорвет себе голос, но никто ее не услышит.

В шаге от освещенного пятачка тени переходили в полную темноту, из которой доносилось отдаленное капанье воды. Все понятно, она угодила в подземную каверну. Но в брошюре ничего не говорилось о кавернах возле озера Лох-Несс...

Все мысли внезапно исчезли, когда Гвен осознала, что лежит не на земле и не на камне. Ошеломленная внезапным падением, она решила, что упала на твердый пол. Но поверхность, хоть и была твердой, при этом не была холодной. Она оказалась отчетливо теплой. А учитывая, что солнечные лучи проникли сюда только вместе с Гвен, что может быть теплым в подземной пещере? Сглотнув, девушка постаралась не двигаться и определить, на чем лежит, не глядя на это «что-то».

Она осторожно двинула бедром. Поверхность под ней поддалась, но не так, как поддалась бы мягкая земля. «Меня сейчас стошнит, — подумала Гвен. — Это похоже на человека».

Неужели она упала в древнюю погребальную камеру? Но если так, здесь ведь должны быть только кости... Пока она рассуждала, солнце достигло зенита и сияющий столб света накрыл ее

и то, на чем она лежала.

Собрав всю свою волю в кулак, Гвен заставила себя посмотреть вниз. И закричала.

Она упала на тело. Учитывая, что тело под ней ни разу не пошевелилось, оно было мертвым. Или, возможно, стало мертвым, когда она на него приземлилась. Перестав кричать, Гвен поняла, что оттолкнулась от лежащего под ней человека и теперь оседлала его, упираясь руками в грудь. И не просто в грудь, а в его грудь, поняла она. Неподвижная фигура под ней принадлежала мужчине.

Страстному мужчине.

Гвен отдернула руки и потрясенно вздохнула.

Не важно, как он здесь оказался. Если он сейчас мертв, то это произошло совсем недавно. Он прекрасно сохранился — Гвен снова прикоснулась к его груди — и был теплым. У лежащего под ней мужчины было телосложение профессионального футболиста:^[2] широкие плечи, накачанные бицепсы и грудные мышцы, рельефный брюшной пресс. Бедрa, на которых сидела Гвен, были узкими, но мускулистыми. На голой груди незнакомца виднелись непонятные символы.

Гвен медленно и глубоко вздохнула, пытаясь прогнать непонятное чувство, внезапно сжавшее грудь. С любопытством подавшись вперед, она рассматривала лицо мужчины, любовалась необычной, дикой красотой. Незнакомец излучал ту самую властную мужественность, которую женщины представляют в сокровенных эротических фантазиях, но на самом деле думают, что такой не существует. Черные ресницы и золотистая кожа, красивый излом бровей и великолепные длинные темные волосы. На подбородке — иссиня-черная тень бороды, губы розовые, полные, невероятно чувственные. Гвен провела по ним пальцем, смутилась и решила сделать вид, будто просто проверяла, жив ли он, однако реакции не дождалась. Накрыв его нос ладонью, она почувствовала легкое движение воздуха. «Слава Богу, он жив». Мысль о том, что он ей очень нравится, сразу перестала ее смущать. Приложив ладонь к его груди, Гвен с радостью обнаружила, что его сердце бьется. Пульс был нечастым, но он был. Наверное, незнакомец просто без сознания или, возможно, в коме. Как бы то ни было, он ей не помощник.

Гвен снова посмотрела вверх, на дыру в земле. Даже если ей удастся разбудить незнакомца и встать ему на плечи, она не дотянется до нижнего края дыры. Солнце светило прямо в лицо, дразня такой близкой и такой недостижимой свободой. Гвен снова вздрогнула.

— Ну и что мне теперь делать?

Несмотря на то что незнакомец был без сознания и ничем не мог ей помочь, ее взгляд непроизвольно возвращался к нему. От лежащего мужчины исходило невероятное ощущение жизненной силы. Гвен задумалась, стоит ли ей расстраиваться из-за его «обморока» или нужно радоваться, что он без сознания. Судя по его внешности, это наверняка бабник, а от бабников она всегда старалась держаться подальше. Гвен росла в окружении ученых, и у нее не было опыта общения с другими типами людей. Несколько раз она видела представителей иной породы, фланирующих у спортзала, и всегда провожала их подозрительным взглядом, радуясь, что находится в машине, в безопасности. От такого количества тестостерона Гвен становилось неуютно. Это было просто ненормально.

Подвид: черрипикер экстраординаре. Эта мысль застала ее врасплох. С ужасом прислушавшись к себе, Гвен поняла: да, она действительно пострадала при падении и да, это она после падения оседлала незнакомца и предается похотливым мыслям. Наверное, у нее какой-то гормональный разлад и организм производит сотни нетерпеливых и настойчивых яйцеклеток.

Гвен наклонилась, чтобы поближе рассмотреть рисунки на груди мужчины и определить, не скрыты ли под ними раны. Странные символы были совсем не похожи на татуировки, кровь от царапин на ее ладонях смотрелась на них просто дико.

Девушка подалась немного назад, чтобы солнце осветило лежащего. Яркие рисунки быстро тускнели, становились нечеткими, таяли, на коже оставалась только кровь с ее ободранных ладоней. Но такого ведь не бывает...

Гвен моргнула, и несколько символов исчезли одновременно. Пара мгновений — и от странных значков не осталось и следа. Девушка перевела взгляд на лицо незнакомца и закашлялась.

«Спящий» внимательно наблюдал за ней. Глаза у него оказались странными, радужная оболочка мерцала ледяным серебром из-под тяжелых век. Взгляд был сонным, но в нем отчетливо читались удивление и несомненный мужской интерес. Незнакомец потянулся под Гвен с ленивой грацией большого кота. Девушка поняла, что он только что проснулся и еще не вполне пришел в себя. Его зрачки были огромными и темными, словно он находился под действием наркотика... или просто сильно удивился.

«Господи, он уже в сознании, а я все еще сижу на нем верхом!» Нетрудно было представить, о чем он думает, и вряд ли стоило его за это осуждать. В такой интимной позиции сидят только любовники: коленями Гвен сжимала его бедра, руками упиралась в упругий живот.

Она напряглась и попыталась слезть с незнакомца, но сильные руки схватили ее за бедра. Он ничего не говорил, только удерживал, не позволяя сдвинуться с места, и заинтересованно изучал ее бюст. Когда мужские ладони скользнули по голой коже ее бедер, Гвен в очередной раз пожалела, что надела сегодня короткие шорты. Под шортами были лишь тоненькие стринги, а пальцы, теребившие бахрому шорт, явно собирались пробраться под ткань.

Тяжелый взгляд был застывшим, но явно не потому, что его обладатель только что проснулся, — в том, что именно у него на уме, не могло быть сомнений. «Но это не безопасный черрипикер, — подумала Гвен. — Этот не только сорвет вишенку, он еще и выкорчует вишню».

— Слушай, я как раз собиралась слезть с тебя, — пролепетала она. — Я не хотела на тебе сидеть. Просто я упала в дыру и приземлилась на тебя. Я гуляла, потом нечаянно сбросила свой рюкзак в расщелину, а когда попыталась его достать, подо мной просела земля и... И вот я тут. Кстати говоря, почему ты не проснулся, когда я на тебя упала?

А еще немаловажно то, когда именно он проснулся. До или после того, как она поймала себя на недостойном поведении? В загадочных глазах незнакомца блеснуло недоумение, но он ничего не ответил.

— Я тоже плохо соображаю спросонья, — подбодрила Гвен.

Он пошевелил бедрами, напомнив ей о том, что просыпаются они все же по-разному. Под ней кое-что происходило, и это «кое-что» было весьма... мужественным.

Когда незнакомец улыбнулся, показав ряд ровных белоснежных зубов, та часть Гвен, которая отвечала за принятие разумных решений, растаяла, как шоколадка на солнце. Сердце зачастило, ладони вспотели, а губы внезапно пересохли. Гвен оцепенела и в первый миг не чувствовала ничего, кроме облегчения. Так вот оно какое, бездумное сексуальное влечение. Оно существует! Прямо как в кино!

Облегчение сменилось беспокойством, когда мужчина притянул ее к себе, подхватив под ягодицы, заставил опуститься ему на грудь и прижал к своему телу ее бедра. Зарывшись лицом в волосы Гвен, он вскинул бедра и потерялся об нее как спокойный сильный зверь. Девушка хрипло выдохнула. Непроизвольная реакция на его действия была слишком бурной, чтобы она могла сохранять ясность ума. Гвен затопила волна ощущений: властная хватка его рук, мужской запах, легкое царапанье его щетины, когда он потерялся об ее щеку и прикусил зубами ухо, и — дикий

эротизм в движении его бедер...

Мужчина сжал ее ягодицы, поглаживая и лаская, потом одна рука скользнула выше, на талию, погладила спину и поднялась к затылку, пригибая девушку ниже для поцелуя.

— Доброе утро, англичанка, — выдохнул он в ее губы.

Незнакомец говорил с акцентом, напоминавшим о крепком виски и торфяниках.

— Отпусти меня, — пробормотала Гвен, отворачиваясь.

Он умудрился посадить ее так, чтобы его эрегированный член прижался куда нужно. Сильные руки не позволяли девушке отодвинуться. Сквозь тонкую ткань шорт Гвен прекрасно чувствовала, какой он напряженный и горячий. Мало того, незнакомец уверенно терся о местечко, которым природа наградила каждую женщину, и Гвен пришлось закашляться, чтобы замаскировать стон. Если он еще пару раз так двинет бедрами, то свой первый оргазм она испытает, не потеряв девственности.

— Поцелуй меня, — промурлыкал мужчина в ее ухо.

Губы заскользили по шее Гвен, язык с ленивой чувственностью ласкал кожу.

— Я не буду целовать тебя. Я понимаю, почему у тебя возникло неверное впечатление, ты ведь проснулся, когда я на тебе сидела... Но я уже сказала тебе, что не собиралась на тебя залезать, а просто упала. Это произошло случайно.

«Ой, заткнись и поцелуй его, Гвен», — промурлыкала сотня голодных яйцеклеток. «Сами заткнитесь! — огрызнулась она. — Я его даже не знаю, а несколько минут назад вообще считала, что он мертв. Так отношения не начинают».

«А кто говорит об отношениях? Поцелуй-поцелуй-поцелуй!» — настаивали ее нерожденные дети.

— Милая девушка, поцелуй меня. — Он прижался горячими губами к чувствительному местечку на шее, над ключицей. Зубы осторожно прикусили кожу, прикосновение языка отозвалось мурашками на спине. — Поцелуй в губы.

Гвен поежилась от его бархатного голоса, почувствовала, как напрягаются соски от прикосновения к его груди.

— Не-а, — выдавила она, не доверяя собственному голосу.

— Нэй? — Это прозвучало удивленно.

И недоверчиво. Губами он ласково пощипывал ее подбородок, а руки снова скользнули ниже.

— Нет. Ни за что. Нэй. Понял? И убери руки с моей задницы, — добавила Гвен и пискнула, когда он снова сжал ее. — Ох... прекрати это!

Он лениво потянулся к ее плечам, не забывая поглаживать ее тело. А потом положил ладони на затылок Гвен и заставил ее нагнуться.

— Я серьезно.

Мужчина удивленно изогнул бровь, но, к удивлению Гвен, повел себя как джентльмен и разжал объятия. Девушка откатилась в сторону. И обнаружила, что лежали они на каменной плите практически в метре от пола. Гвен свалилась с нее и довольно сильно ударилась локтями и коленями.

Незнакомец осторожно спустил ноги с края плиты. Двигался он немного неуверенно, словно все мышцы его прекрасного тела затекли от долгого сна.

Он осмотрел пещеру, помотал головой, как выбравшаяся из воды собака, потом огляделся еще раз, окинув все цепким изучающим взглядом. Затем перебросил гриву темных волос через плечо и нахмурился. Гвен наблюдала, как с его лица исчезают остатки дремоты. Незнакомец сложил мускулистые руки на груди. Его глаза перестали игриво блестеть. Теперь он смотрел на девушку с удивлением и гневом.

— Я не помню, как попал сюда, — сердито проговорил он. — Что ты сделала? Это ты привела меня сюда? Это твое колдовское логово, девушка?

Колдовское логово?

— Нет, — поспешно ответила Гвен. — Я уже сказала тебе, что свалилась в дыру. — Она ткнула пальцем вверх, указывая на отверстие, через которое проникало солнце. — А ты был уже здесь. Я упала прямо на тебя. И понятия не имею, как ты здесь оказался.

Его холодный взгляд прошелся по рваной дыре в потолке, потом по разбросанным вокруг камням и комьям земли, оценил взъерошенное состояние Гвен и кровь на ее ладонях.

— Если ты пришла сюда не за моими ласками, то почему ты так бесстыдно одета? — скучным голосом поинтересовался мужчина.

— Возможно, потому что на улице жарко? — вскинулась Гвен, непроизвольно поправляя шорты и стараясь натянуть их пониже. Что за глупости, ее шорты не настолько короткие, чтобы быть «бесстыдными». — На тебе тоже не так уж много одежды.

— Для мужчины это обычное дело. А женщины не обрезают свою сорочку до талии и не заголяют низ. Любой мужчина оценил бы твое обличье так же, как я. Ты развратно одета, и ты сидела у меня на бедрах. Когда мужчина просыпается, некоторое время ему не удается мыслить четко.

— Ага, а у некоторых на то, чтобы научиться мыслить четко, уходит много лет, если не вся жизнь, — ехидно ответила она.

Сорочку? Заголяют?

Он фыркнул, снова помотал головой — так резко, что Гвен сама почувствовала головокружение.

— Где я? — требовательно спросил мужчина.

— В пещере, — пробормотала она, чувствуя, что его очарование начинает рассеиваться. Сначала он попытался заняться с ней сексом, а теперь ведет себя так, словно это она намеревалась сделать что-то нехорошее с ним. — И ты должен передо мной извиниться.

Он удивленно приподнял брови.

— За то, что проснулся и увидел на себе полуобнаженную женщину, мечтающую насладиться моими ласками? Не думаю. И я не дурак, — прорычал мужчина. — Мне ясно, что мы в пещере. В какой части Шотландии находится эта пещера?

— Возле озера Лох-Несс. Неподалеку от Инвернесса, — ответила Гвен.

И попятилась на несколько шагов. Незнакомец облегченно вздохнул.

— Слава Амергину, это не слишком далеко. Я в нескольких днях пути от своего дома. До него не так уж много лиг.

Амергину? Лиг? Кто учил этого человека английскому? У него был такой сильный акцент, что Гвен приходилось вслушиваться в слова, чтобы разобрать их, но, несмотря на все ее усилия, кое-что оставалось непонятным. Возможно, этого великолепного самца воспитывали в отдаленной шотландской деревне, где время остановилось двадцать лет назад и старомодные выражения все еще в ходу?

Несколько минут мужчина молчал, а Гвен размышляла. Может, он каким-то образом пострадал, а потом забрался в эту пещеру отдохнуть? Может, он ударился головой, эту часть его тела она не ощупывала. «Черт, да это, похоже, единственная часть его тела, которую ты не ощупывала», — подумала Гвен и нахмурилась. Ей стало очень неудобно в пещере с опасно привлекательным незнакомцем, который, казалось, занимает больше места, чем ему положено. А от того, что он кажется сбитым с толку, ей было еще неудобнее.

— Может, ты покажешь мне выход отсюда и мы побеседуем на свежем воздухе? — предложила Гвен.

Вдруг при дневном свете она сочтет его менее привлекательным? Наверняка это сумрак пещеры виноват в том, что незнакомец кажется ей таким большим и потрясающе мужественным.

— Ты клянешься, что не имеешь отношения к тому, как я попал сюда?

Гвен развела руками, словно говоря: «Ну ты взгляни сначала на меня, а потом на себя и подумай еще раз».

— Верно, — согласился он с ее молчаливым протестом. — Ты не настолько сильна.

Она решила не реагировать на этот комментарий. Когда незнакомец поднялся с каменной плиты, Гвен поняла, что ошиблась. Он не был одет в длинные широкие шорты, как некоторые из ее престарелых попутчиков. Вокруг его талии была намотана клетчатая ткань, спадающая до колен. Ниже были мягкие сапоги. Гвен подняла голову, чтобы посмотреть ему в лицо... Поднимала, поднимала и наконец изумленно выпалила:

— Какой же у тебя рост?

Она тут же осеклась, потому что в ее голосе прозвучала нотка страха. Даже в толпе его сложно было бы не заметить. Гвен еще не встречала таких, как он. Не впечатлиться невероятным ростом и сильным развитым телом было просто невозможно.

Мужчина пожал плечами.

— Я выше очага.

— Выше... очага?

Он перестал мерить шагами пещеру и обернулся к Гвен.

— Ну и как я могу сосредоточиться, если ты постоянно болтаешь? Очага в Грейтхолле, где мы росли вместе с Дугом... — При упоминании о Дуге по его лицу скользнула тень, потом мужчина помотал головой, раздвинул пальцы примерно на дюйм и показал их Гвен: — Я вот настолько выше отца и выше двух камней Бан Дрохада.

— Я имела в виду в футах,^[3] — уточнила Гвен.

Разговор о таких обычных вещах помог ей успокоиться. Мужчина взглянул на носки сапог и, кажется, начал что-то подсчитывать в уме.

— Ладно, забудь. Я поняла. — «Шесть с половиной футов, а то и выше. Грустновато для женщины, рост которой пять футов три дюйма».

Гвен встала, забросила лямку рюкзака на плечо.

— Пойдем.

— Подожди. Я еще не готов путешествовать, девушка. — Мужчина подошел к темной куче в углу пещеры, которую Гвен поначалу приняла за груды камней.

Девушка нервно следила за тем, как он разбирает свои вещи. Сделав что-то непонятное со своей юбкой, он перебросил через плечо длинный отрезок ткани. Закрепил его на талии, надел пару кожаных перевязей, перечеркнувших его фигуру буквой «Х». Ремни крепились на груди широкой кожаной лентой, еще пара таких же лент оказалась на груди и на поясе.

Это что, какой-то древний костюм? Гвен видела нечто подобное в замке, который ее группа посетила на днях, — это были средневековые доспехи. Гид объяснил им, что кожаные ремни в самых важных точках оснащены металлическими пластинами, которые в бою прикрывали сердце и живот.

Кожаные ленты обхватили его руки от запястья до локтя. Гвен молча наблюдала, как незнакомец вставляет в гнезда перевязи несколько десятков ножей — ножей, которые выглядели вполне настоящими. Два ножа отправились в ножны на руках, рукоятками к ладони. По десять ножей ушло в гнезда скрещенных на груди ремней. Когда мужчина нагнулся над уменьшившейся кучей и выудил из нее обоюдоострую секиру, Гвен вздрогнула. Сорвет вишенку и выкорчует вишню. Это определенно не тот тип мужчины, с которым безопасно связываться. Мужчина

поднял руку и повесил секиру за спину, пропустив ее рукоять через ремни на спине. Последним штрихом был меч у пояса.

К тому времени как незнакомец закончил, Гвен была в ужасе.

— Все оружие настоящее?

Ответом был холодный взгляд серебряных глаз.

— Айе. Иначе его было бы недостаточно для убийства.

— Убийства? — ошеломленно переспросила она.

Он пожал плечами и указал глазами на отверстие в потолке. Некоторое время оба молчали.

А потом, когда Гвен уже почти решила, что он забыл о ней, незнакомец заговорил:

— Я могу тебя туда забросить.

Ага, наверняка может. Одной рукой.

— Нет, спасибо, — холодно ответила девушка.

«Может, я и маленькая, но не настолько, чтоб играть мной в баскетбол».

Мужчина улыбнулся, оценив ее тон.

— Но, боюсь, это может вызвать обвал и мы здесь застрянем. Пойдем, я найду путь наружу.

Она сглотнула.

— Ты действительно не помнишь, как сюда попал?

— Нэй, девушка, не помню. — Он внимательно взглянул на нее, потом добавил: — И не помню зачем.

Ответ ей не понравился. Как он может не знать, как и почему он попал в эту пещеру, если наверняка сам снял и аккуратно сложил в углу свое оружие, прежде чем лечь спать? У него амнезия?

— Пойдем. Нам нужно торопиться. Мне не нравится это место. А тебе стоит одеться.

Гвен оцетинилась и едва удержалась, чтобы не зашипеть, как рассерженная кошка.

— Я одета!

Мужчина приподнял бровь, потом пожал плечами.

— Как скажешь. Если тебе удобно разгуливать в таком наряде, то лично я возражать не стану. — Он пересек комнату, схватил ее за запястье и поволок за собой.

Гвен позволила ему вести себя, однако, выйдя из пещеры, они оказались в полной темноте и незнакомец начал двигаться вперед, ощупывая стену тоннеля. Другой рукой он крепко держал Гвен за запястье, и девушка боялась, что, если земля снова поддастся под ее ногами, в каверну они угодят вместе.

— Ты знаешь эти пещеры? — спросила она.

Густая темнота наваливалась со всех сторон и буквально душила ее. Ей срочно нужен был свет.

— Нэй, и если ты мне не соврала про ту дыру, ты их тоже не знаешь, — напомнил он. — Или у тебя есть идея получше?

— Да. — Она попыталась вырвать запястье из его хватки. — Если ты остановишься, я смогу помочь тебе.

— У тебя есть факел, способный осветить наш путь, маленькая англичанка? Он бы нам не помешал.

Издвательские нотки в его голосе разозлили ее. Он оценил ее возможности и счел беспомощной, а это просто взбесило Гвен. И почему он называет ее англичанкой? Это что, шотландское словечко специально для американцев, а настоящих англичан они называют британцами? Гвен знала, что говорит с британским акцентом, потому что ее мама росла и училась в Англии, но этот акцент был не настолько явным.

— Я могу зажечь огонь, — огрызнулась Гвен.

Мужчина остановился так внезапно, что она врезалась в его спину, больно ударившись щекой о рукоятку секиры. Девушка не видела его, но почувствовала, как он поворачивается, ощутила терпкий запах его кожи и его руки на своих плечах.

— И где же прячется твой огонь? Здесь? — Он запустил пальцы в ее длинные волосы. — Нэй, возможно здесь. — Его пальцы прошли в темноте по ее губам, по губам, которые она раскрыла для ответа. Этот человек был сплошным соблазном, и Гвен начала бояться своей реакции. — Или здесь... — промурлыкал он, подхватывая ее под ягодицы и притягивая к себе. Он все еще был возбужден. Невероятно, промелькнуло в ее затуманенном мозгу. Мужчина рассмеялся низким вибрирующим смехом. — Я не сомневаюсь, что в тебе полно огня, но он не поможет нам выбраться из пещеры. Разве что мы решим согреться во время плутаний.

Вот теперь он точно издевается. Она вывернулась из его ладоней.

— Надменный урод, тебе что, стероиды последние мозги проели?

Мужчина молчал, и отсутствие ответа нервировало Гвен. Она не видела его лица и не могла определить, о чем он думает. Опять собирается ее лапать? Наконец он медленно произнес:

— Я не понимаю твоего последнего вопроса, девушка.

— Забудь. Просто отпусти меня, мне надо кое-что достать из рюкзака, — сухо ответила она. Сбросив лямки с плеча, Гвен ткнула рюкзаком в невидимую грудь незнакомца. — Подержи.

Пусть она собиралась бросить курить, но выбрасывать при этом совершенно новую зажигалку было бы глупо. К тому же она бросала курить не первый раз и в прошлом ей приходилось покупать новую зажигалку. Копаясь во внешних кармашках рюкзака, Гвен с облегчением нащупала серебряную «Vic». Когда девушка нажала на кнопку, незнакомец вскрикнул и отскочил назад. Сейчас его глаза под тяжелыми веками сияли не искушением, а изумлением.

— У тебя и вправду есть огонь...

— Это зажигалка, — перебила Гвен и добавила, защищаясь: — Но я не курю!

Ей очень не хотелось объяснять наличие зажигалки человеку, который явно занимается каким-то видом спорта. Гвен начала курить два года назад, во время Великого Восстания Против Судьбы. Первую сигарету она попробовала после того, как родители перестали с ней разговаривать, а потом курение переросло в привычку. Она в третий раз пыталась бросить и надеялась, что Бог, любящий Троицу, ей в этом поможет.

Пальцы незнакомца медленно приблизились к зажигалке. Он явно прикидывал возможность сцапать вещичку себе. А Гвен просто стояла рядом в темноте и, когда он забрал зажигалку, погасив огонек, почувствовала, что точно так же он поступил бы с чем угодно, стоило ему только пожелать. Если он чего-то хотел, он просто протягивал свою сильную руку — и брал.

Девушка удивилась, заметив, что прошло несколько секунд, прежде чем мужчина разобрался, как работает зажигалка, и нажал на кнопку. Как можно не уметь пользоваться зажигалкой? Любой фанатик здорового образа жизни наверняка не раз видел, как подкуривают сигару или раскуривают трубку, пусть даже видел он это лишь на экране телевизора. От этой мысли у Гвен мурашки побежали по спине. Она двинулась следом за незнакомцем, только чтобы не оставаться одной в темноте.

— Англичанка? — тихо позвал он.

— Почему ты так меня называешь?

— Ты не сказала мне своего имени.

— Но я же не зову тебя «шотландец», верно? — раздраженно парировала Гвен.

Ее раздражали его сила, его высокомерие, его кричащая сексуальность. Он рассмеялся, но смех был невеселым.

— Англичанка, какой сейчас месяц?

«Приехали, — подумала она. — Я словно Алиса в кроличьей норе».

Друстан МакКелтар беспокоился. Очевидных причин для беспокойства не было — если не принимать во внимание забавное пламя, которым владела эта девушка, ее бесстыдный наряд и необычную манеру говорить, — но он не мог избавиться от ощущения, что упустил нечто важное. Сначала он решил, что находится не в Шотландии, но девушка заверила его, что он всего в трех днях пути от дома.

Возможно, он проспал несколько дней, а то и неделю. Друстан помотал головой, стараясь стряхнуть сонную одурь. Точно так же он чувствовал себя в детстве после сильной лихорадки. Он заснул и проснулся через неделю: сбитый с толку, отупевший, медлительный. В этот раз его реакцию, обычно быструю как молния, замедляло еще и то, что он был возбужден. А в таком состоянии мужчина не способен реагировать адекватно. Вся кровь отлила от головы и направилась совсем в другую часть тела, честно говоря, не самую худшую часть, но логика и спокойствие рядом с ней и не ночевали.

Последним, что запомнил Друстан до пробуждения под развратной маленькой англичанкой, была его поездка к небольшому озеру за замком, во время которой он почувствовал невероятную усталость. После этого все воспоминания расплывались. Как он оказался в пещере, до которой три дня ходьбы от дома? Почему не помнит, как забрался туда? Ран или признаков болезни он у себя не обнаружил.

Друстан постарался вспомнить, зачем спешил к озеру, и застыл от потока воспоминаний.

Спешка... отдаленный гул голосов... запах благовоний и обрывки разговора: «Его никогда не должны найти» — и странный ответ: «Мы хорошо его спрячем».

Была ли там эта маленькая англичанка? Нэй. Голоса говорили со странным акцентом, но ее акцент был другим. Возможно, эта девушка решила расстроить его помолвку? Он обдумал этот вариант. Англичанка была не очень умной и не очень сильной. Впрочем, при ее красоте это и не нужно, природа одарила ее всем, что необходимо для выживания. Такая красotka может быть и глухонемой, мужчина все равно проявит способности воина, чтобы защитить ее.

— Ты в порядке? — Англичанка повисла у него на плече. — Почему ты остановился? И, пожалуйста, не гаси огонек, я от этого нервничаю.

Непостоянная и порывистая, как жеребенок. Друстан снова нажал маленькую кнопку и только моргнул, когда показался язычок огня.

— Какой сейчас месяц? — грубо спросил шотландец.

— Сентябрь.

Ее ответ показался ему ударом в живот: последний день, который он помнил, был восемнадцатым днем августа.

— Сколько дней до Мабона?

Девушка странно на него посмотрела, да и голос ее был странным, когда она переспросила:

— Мабона?

— Осеннего равноденствия.

Она откашлялась.

— Сегодня двадцать первое сентября. А равноденствие будет двадцать третьего.

Боже, он потерял целый месяц! Как такое возможно? Друстан прикидывал возможности, оценивал вероятности, рассматривал и отбрасывал множество вариантов, пока не остановился на том, который ему крайне не нравился, но при этом идеально соответствовал условию задачи: его заманили к озеру, а затем похитили. Но если его похитили, то куда подевался целый месяц?

Странная усталость, которую он ощущал по пути к озеру, внезапно получила объяснение.

Кто-то из замка опоил его. Именно так похитители смогли затащить его сюда, он наверняка находился под воздействием зелья.

А значит, кто-то может явиться в эту пещеру, чтобы снова дать ему зелье. Однако во второй раз им придется потрудиться, поклялся про себя Друстан.

— Ты в порядке? — нерешительно поинтересовалась Гвен.

Он помотал головой, отгоняя мрачные мысли.

— Идем, — предупредил горец, прежде чем схватить ее за руку и потянуть за собой.

Она была такой маленькой, что ему легче было бы забросить ее на плечо и побежать, однако девушка наверняка начала бы отбиваться и громко протестовать против такого обращения, а он не собирался тратить время на споры. Миниатюрная и тоненькая, англичанка отличалась характером голодного медведя. При этом она была так ладно сложена и настолько привлекательна, что в нем, как в котле, вскипали похотливые мысли.

Друстан обернулся через плечо и посмотрел на девушку. Кем бы она ни была, откуда бы ни пришла, сейчас рядом с ней не было мужчины, а значит, она пойдет с ним. От ее вида его сердце несется вскачь, а кровь закипает. Когда он очнулся и увидел ее над собой, девушка жарко реагировала на его ласки. Коснувшись ее впервые, Друстан уже не хотел ее отпускать. А когда его руки скользили по ее шелковистой коже, он с удивлением подумал, что ей удалось удалить все волосы на ногах. И только ли на ногах? Это он собирался проверить при первой же возможности.

В горах Шотландии девять десятых законов гласили о том, что прав сильнейший. Друстан МакКелтар был бреоном, человеком закона. Он мог рассказать родословную своего клана вплоть до древних ирландских друидов из свиты Туата де Данаан — а этим могли похвастаться немногие друидские барды. Никто не сомневался в авторитете Друстана. Он был рожден, чтобы править.

— Кому ты присягала, англичанка?

— Меня зовут Гвен Кэссиди, — сухо отозвалась она.

Он повторил ее имя.

— Хорошее имя: Кэссиди — ирландцы. Я Друстан МакКелтар, лэрд Келтара. Мои люди поселились в Ирландии за несколько веков до того, как мы стали звать эти горы домом. Ты слышала о моем клане?

Зачем его похитили? И если похитили, то почему не убили? Что делал его отец, когда узнал о похищении? И самое главное: жив ли он? Страх за отца накрыл его как волна, и Друстан повторил вопрос:

— Ты слышала новости о моем клане?

— Я никогда не слышала о твоём кл... твоей семье.

— Тогда ты, наверное, прибыла из-за границы. Как ты попала сюда?

— Приехала в отпуск. Обычный визит.

— У тебя есть клан в Шотландии?

— Нет.

— Тогда кому же ты наносила визит? Кто сопровождает тебя?

Женщины не путешествуют без эскорта или клана, особенно если они одеты, как эта красотка. Даже повязав вокруг пояса свою странную накидку, она не прикрыла обнаженных ног. Эта женщина совершенно бесстыдна.

— Никто меня не сопровождает. Я уже большая девочка и могу сама о себе позаботиться.

В ее голосе прозвучал намек на вызов.

— Хоть кто-то из твоего клана уцелел, девушка? — спросил Друстан более вежливо.

Может быть, ее семья уничтожена и теперь девушка демонстрирует свое тело, отчаянно

стараясь найти защитника? Она храбрилась, но вела себя, словно осиротевший волчонок, который одичал без стаи, изголодался и не ждет ничего хорошего, огрызаясь даже на тех, кто предлагает ему еду.

Девушка сверкнула глазами.

— Мои родители умерли.

— Ох, девушка, прости.

— Ты вроде бы собирался найти выход отсюда. — Она сменила тему.

Друстан понял, что ему нравятся сила и решительность этой маленькой и беспомощной леди. Видно было, что ей все еще тяжело говорить о потере своего клана, и он не собирался продолжать расспросы. Он слишком хорошо знал, что такое боль от потери близкого человека.

— Ох, да выход прямо перед нами. Видишь, свет сочится между камнями? Мы можем выбраться вон там. — Он погасил зажигалку.

Впереди, в нескольких метрах от них, черноту пещеры прорезали тонкие лучики солнца. Гвен и Друстан подошли ближе, и девушка с недоверием уставилась на каменную кладку, закрывающую тоннель.

— Даже ты не сможешь разломать такую стену.

Она его совсем не знала. Вопрос был лишь в том, стоит ли ему положиться исключительно на возможности тела или воспользоваться другими своими... умениями. Друстан дико хотел выбраться из этой проклятой пещеры, а друидские заклятья были самым быстрым путем к свободе.

А еще — самым быстрым способом навсегда отпугнуть ее. Демонстрация сверхъестественных способностей стоила ему трех последних невест. Четвертую убили две недели назад — нэй, напомнил он себе, полтора месяца назад, если сейчас действительно канун Мабона, — убили, когда его брат Дуг сопровождал ее к замку на венчание. Друстан закрыл глаза. На него накатила волна тоски по ним. Для него прошло всего две недели.

Он никогда не видел свою суженую. Горюя о ней, Друстан горевал о потере возможной жены, о том, что девушка погибла в самом расцвете лет, но не о самой девушке.

Дуг же... Боль от его потери жгла ему грудь. Друстан закрыл глаза, уговаривая отчаяние прийти позже, когда он будет готов с ним справиться. С тех пор как погиб брат, вопрос о женитьбе и наследнике встал остро как никогда. Друстан остался последним в роду.

Он окинул Гвен оценивающим взглядом.

Нэй. В ее присутствии он не будет пользоваться силой друидов.

Несколько минут Друстан изучал каменную кладку, а потом приступил к делу. Он работал не только руками — он напрягал все тело, играл мышцами, зная, что девушка опустила на корточки за его спиной и внимательно наблюдает за каждым движением. Возможно, он изгибался чуть больше, чем того требовала ситуация, но упускать шанс покрасоваться перед ней он не собирался. Друстан хотел показать, какой приз она может заполучить в свою постель. Ожидание всегда является важной частью постельной игры, и чем дольше прелюдия, тем выше наслаждение женщины. Друстана никогда не назовут неумелым или невнимательным любовником. Соблазнение начиналось задолго до того, как он снимал с женщины одежду. Возможно, дам не привлекала возможность выйти за него замуж, однако многие с радостью спешили вкушать наслаждение на его ложе.

Освобождение выхода было лишь делом времени. По тому, насколько плотно слежались камни, по пыли времен между ними Друстан мог сказать, что этот выход заложили очень давно и с тех пор забыли о нем. Он начал с мелких камней, доставая их и отбрасывая, затем перешел к крупным глыбам. Секира служила прекрасным рычагом и позволяла легко приподнимать и откатывать валуны. Довольно быстро горец расчистил небольшой проход. Снаружи выход зарос

густым подлеском, и Друстан понял, почему о пещере забыли. То, что раньше было выходом, прикрывали две скалы, а проход между ними густо порос ежевикой. Кто бы стал искать пещеру в подобном месте? Он сам явно попал внутрь не этим путем. Такие дикие заросли не могли возникнуть здесь за месяц.

Друстан повернулся к девушке. Та виновато отвела глаза от его ног, и он улыбнулся.

— Тебе нечего бояться, — заверил он. — Выбраться отсюда несложно. Сложным будет подъем.

— Какой подъем?

Он не стал отвечать, вернувшись к своему занятию. Чем раньше они выберутся, тем скорей он сможет перейти к приятному делу соблазнения. Наверняка он достигнет успеха раньше, чем они доберутся до замка, но терять время не стоило. Расширив выход, Друстан взял меч и начал рубить переплетающиеся ветки, закрывшие пещеру. Наконец проход получился достаточно широким для того, чтобы выбраться, и Друстан заметил, что девушка поднялась и подошла к нему. Без сомнения, стоит ему отвлечься — и англичанка сбежит от него.

— Отойди назад, я пойду первым, — скомандовал он.

— Обычно даму пропускают вперед, — мило улыбнулась Гвен.

Он покачал головой.

— Если я сделаю такую глупость, ты сбежишь от меня быстрее зайца. — Обняв ее за плечи, Друстан притянул девушку к себе. — Я бы не советовал от меня убежать. Я легко тебя поймаю, а игра в догонялки только возбудит меня еще больше. — Когда она попыталась стряхнуть с плеч его руки, он добавил: — Разве так следует благодарить своего освободителя? Я рассчитывал на небольшую награду за мои усилия, — поддразнил он, глядя на ее губы и не оставляя сомнений в том, какой награды он ждет.

Девушка нервно облизнулась, и Друстан склонился к ней, приняв это за знак согласия. Однако непостоянная англичанка поймала его лицо в ладони и отодвинула от себя.

— Хорошо. Иди вперед, красота уступает возрасту.

— Наглая девчонка, — фыркнул горец, неохотно отстраняясь. — Отдай мне свою котомку.

В ее вещах нашелся полезный огонек, и вряд ли она решит сбежать, оставив ему все свои пожитки.

— Я не отдам тебе рюкзак.

— Тогда ты не уйдешь отсюда, — сухо ответил Друстан. — А чем дольше я буду стоять так близко к тебе...

Она с силой впечатала рюкзак в его грудь, и лэрд рассмеялся. Щеки девушки покраснелись, и он добавил:

— Спокойнее, спокойнее, маленькая англичанка. Женщине подобает смирение.

Такая крошечная и такая вспыльчивая... Она была чуть выше ребенка, однако ее чудесное тело и возраст вполне подходили для взрослых удовольствий.

Айе, он заберет ее с собой в замок МакКелтаров, и она станет его любовницей. Или, возможно, пятой невестой, со смешанным чувством подумал горец, той, которая все же дойдет с ним до алтаря. Он еще не встречал женщины, способной ему сопротивляться. Это было как глоток свежего воздуха. При его росте и габаритах, не говоря уже о слухах о роде МакКелтаров с гор, девушки часто пугались Друстана.

Горец выбрался наружу и протянул девушке руки, помогая преодолеть подъем. Ему нравилось ощущать прикосновение ее маленьких ладошек. Обняв англичанку за талию, он перенес ее на открытое место, но отпускать не спешил. Вместо того чтобы просто поставить ее на землю, лэрд вызывающе посмотрел ей в глаза и позволил сползти по его телу, наслаждаясь прикосновением ее груди. Ее телу это понравилось — это было заметно по тому, как

подогнулись ее колени, когда девушка коснулась земли.

Если скорость, с которой она отскочила, была равна силе ее желания, то девушка дико его хотела. Англичанка с испуганным выражением лица отпрыгнула от него в тот же миг, как коснулась земли. Друстан уставился на ее соски, четко обозначившиеся под тонкой тканью одежды. Гвен взглянула туда же и сердито скрестила руки на груди, оскалившись, как разозленная лисица. Лэрд рассмеялся, потому что это движение лишь приподняло ее и без того соблазнительную грудь, и с трудом подавил желание ткнуться лицом в эти заманчивые холмики.

— Я велел тебе не убегать от меня, — напомнил он. — Я все равно с легкостью тебя догоню.

Ее кожа — а при такой одежде он многое мог рассмотреть — была гладкой, без шрамов и явных признаков болезни. Узкая талия, чуть выпуклый живот, как раз такой, как он любил. Бедро были широкими, и все же горец надеялся, что эта девушка еще не родила своего первенца. При ярком свете дня лэрд смог оценить ее красоту, практически полностью открытую взгляду. Друстан с трудом подавил стон. За всю свою жизнь он никогда и никого не хотел так яростно, как эту маленькую англичанку.

— Прекрати так на меня смотреть, — потребовала она.

Их взгляды встретились. Оказалось, что глаза у девушки такого же цвета, как дикое шотландское море, и сложно было не заметить, что в глубине ледяных синих вод нарастает шторм.

— Почему ты настроена против меня, англичанка? Потому что я шотландец?

— Потому что ты слишком самоуверенный, деспотичный и нахальный.

— Я мужчина, — просто ответил он.

— И что же делать женщине, когда мужчина ведет себя как варвар?

— Принимать это с благодарностью. В моем клане требовательность женщин ценилась только в постели.

Ее взгляд стал ледяным, и Друстан добавил:

— Ты не понимаешь шуток. Успокойся, Гвен Кэссиди. Я хотел лишь немного развеселить тебя. Тебе нечего бояться. Я позабочусь о тебе, несмотря на твою плохую кровь. Даже англичанку можно кое-чему научить. При случае, — добавил он, чтобы подразнить ее.

Она зарычала. Действительно зарычала — низкий звук зародился глубоко в горле, словно после того, что он сказал, ей осталось только ударить его. Друстан поймал себя на том, что надеется на это. Больше всего на свете ему хотелось получить возможность подмять ее тело под себя. Тогда он смог бы превратить это рычание в совсем другой звук, в стон страсти и желания.

Но какой бы глупенькой она ни была, провоцировать его на физический контакт англичанка не стала бы, он видел это в ее злых глазах. Недостаток ума она компенсировала наличием здравого смысла. Друстан глубоко вздохнул и улыбнулся. Он выбрался из пещеры, он жив и скоро будет дома. Он найдет предателей и накажет их со всей жестокостью истинного горца. «Жизнь прекрасна», — подумал лэрд МакКелтар.

Женщины обычно не склонны к насилию, но Гвен с трудом сдержалась, чтобы не стукнуть Друстана МакКелтара. Не срезать и не отшить его словами, как сделал бы взрослый человек, а ударить его, возможно даже укусить, когда он прикоснется к ней в следующий раз. От одного взгляда на этого человека ее рассудительность помахала ручкой и укатила в длительный отпуск. Такие махровые сексисты ей еще не попадались. Он провоцировал ее на самое худшее, хотел стянуть вниз, опустить до своего первобытного уровня. Гвен испытывала желание прыгнуть на него и как следует поколотить. Шотландец вел себя так, словно, проснувшись и обнаружив ее у себя на животе, получил на нее какое-то право. Видимо, шотландские лорды за последние несколько веков ничуть не изменились.

От Гвен не ускользнуло то, что вместо слова «лорд» он произнес архаичное «лэрд», но она решила не обращать на это внимания. Он, видимо, ожидал в ответ реверанса или девичьего обморока, но потакать его заносчивости она не собиралась. Похоже, за века правления Англии шотландцы так ничему и не научились. Вот этот, например, точно принадлежит к числу упрямых аристократов, до сих пор борющихся за независимость Шотландии и возможность расхаживать в своем килте с видом настоящего маленького короля. Он даже выражался чопорно, как в прошлых столетиях.

А еще он определенно был бабником. Обходительным, сексуальным и невероятно чувственным. И, скорее всего, был тупой как пень, потому что при таких развитых мышцах на мозг у организма не хватило бы сил.

— Мне пора возвращаться в гостиницу, — сообщила Гвен.

— Тебе не нужно возвращаться на постоялый двор. Ты можешь вольно расположиться в моем поместье, я прослежу, чтобы ты ни в чем не нуждалась. — Лэрд властно запустил руку в ее волосы, поглаживая затылок. — Мне нравится то, как ты носишь волосы. Это необычно, но так... чувственно.

Гвен оцетинилась и отбросила челку с глаз.

— Давай проясним кое-что, МакКелтар. Я не пойду к тебе домой. Не лягу с тобой в постель и не собираюсь тратить время на споры, ясно?

— Обещаю не дразнить тебя, когда ты изменишь свое решение, девушка.

— Оххх... Что бы ты там себе ни надумал, наглость не действует на меня как афродизиак.

Она почти не соврала. Одна только наглость не действовала, но конкретно вот этот наглый мужлан казался ей ходячим леденцом. Гвен была уверена, что стоит ей прикоснуться к нему губами — и они забудут о постоянной жажде другого прикосновения. Не то чтобы она считала, но курить ей хотелось уже десять дней, семь часов и сорок три минуты.

— Афро-ди-зи-ак, — медленно повторил лэрд, нахмутив брови. После небольшой паузы он заговорил снова: — А, греческий. Афродита и акос. Ты имела в виду любовное зелье?

— Что-то вроде того. — Как он может не знать такого простого слова?

Гвен подозрительно уставилась на него. Почему он разложил слово на греческие составляющие?

Друстан задорно улыбнулся ей, и она резко опустила глаза, с излишним вниманием разглядывая свои ногти. Этот мужчина был слишком сексуален. И стоял слишком близко.

Он снова запустил руки ей в волосы и осторожно потянул, заставляя взглянуть на него. Его серебристые глаза ярко блестели.

— Скажи мне, что ты не ощущаешь нарастающего между нами жара. Скажи, что не желаешь меня, Гвен Кэссиди.

Его взгляд требовал правдивого ответа. Гвен испуганно подумала, что шотландец может чувствовать ее желание так же отчетливо, как она чувствует его напряжение, так что ей осталось только отрицать, отрицать и отрицать.

— Я не хочу тебя, — насмешливо сказала она.

Ага, как же. Сексуальное напряжение между ними равнялось по силе Пятому Элементу.

Лэрд склонил голову. Темные брови приподнялись словно от удивления. Похоже, его заинтересовала ее внутренняя борьба.

— Когда ты наконец произнесешь правду, это будет прекрасно, маленькая англичанка. От этого я стану тверже камня, одни лишь слова, сорвавшиеся с твоих губ, возбудят меня, как ничто иное.

Гвен прекрасно понимала, что и без ее признаний у него нет никаких проблем с «твердостью». Запустив руки ей в волосы, шотландец прижал Гвен к стратегически верному месту, так что сомнений у нее не оставалось. Она с изумлением поняла, что вообще-то рассматривает возможность случайного секса с ним и пытается придумать, что такого плохого может случиться, если она поступит, как большинство ее знакомых, — прыгнет в постель к незнакомцу. Господи, он такой привлекательный! Она хотела узнать, что такое страсть, а когда он смотрел на нее так, как сейчас, Гвен чувствовала, что после первого же жаркого поцелуя это познание станет для нее Божественным откровением.

Но этот мужчина был чересчур упрям и прекрасен для кого бы то ни было, его дикая непредсказуемость слишком близко подходила к критической отметке — и Гвен знала, к чему это может привести. К хаосу. Нервный трепет в животе и нарастающее желание побуждали ее броситься в омут с головой, не задумываясь о последствиях.

Да, она хотела перевернуть свою жизнь и расстаться с девственностью, но теперь начала понимать, что изменить привычную манеру поведения не так просто, как казалось раньше. Думать о сексе с воображаемым незнакомцем — это одно, а оказаться голой в постели с тем, кого ты не знаешь, и перейти непосредственно к делу — совсем другое. Особенно когда воображаемый незнакомец сменяется живым человеком. Это сбивало с толку. А совершенно новые для нее ощущения просто пугали. Необъяснимо сильная реакция тела на этого незнакомца пугала Гвен не меньше.

Возможно, она могла бы переспать с ним в последний день своего тура. Он был бы не против. Она могла бы получить максимум удовольствия от чудесного (в этом она не сомневалась) секса, а потом улететь домой и никогда больше не встречаться со своим первым любовником. Перед отъездом из США Гвен купила презервативы, и они до сих пор смиренно ждали своего часа в ее рюкзаке...

Э-эй! Сумасшествие заразно? О чем она вообще думает?

Гвен помотала головой, чтобы прийти в себя.

— Пойдем, — сказал Друстан.

«Я бы с удовольствием, но ты слишком опасен», — со вздохом подумала она.

Друстан начал спускаться с горы. Поскольку шагал он в ту сторону, где располагалась гостиница, Гвен последовала за ним.

— Тебе не надо держать меня за руку, — запротестовала она. — Я не убегу.

В его глазах сверкнуло удивление, но руку он отпустил.

— Мне просто нравится держать тебя за руку. Но ты можешь пойти и рядом со мной.

— Рядом, и никак иначе, — пробормотала Гвен.

Если бы она шла сзади, это подстегнуло бы его самолюбие, а она сама любовалась бы его невероятным телом. Шагать впереди ей не хотелось, потому что пришлось бы постоянно ощущать на себе его взгляд. Идти рядом с шотландцем было разумнее всего.

Ей пришлось приноравливаться к его широкому шагу, но Гвен не собиралась жаловаться. Чем быстрее он будет идти, тем скорее она окажется в безопасности, в спокойной деревне. Гвен никогда бы не подумала, что будет так рада снова увидеть автобус с толпой престарелых туристов.

Задумавшись о том, как бы побыстрее и повежливее избавиться от своего нового знакомого, Гвен пропустила момент, когда он остановился, и по инерции прошагала еще несколько метров. Осознав это, она повернулась и нетерпеливо махнула рукой, предлагая ему догнать, но он этого не заметил. Глаза Друстана были прикованы к деревне.

— Пойдем! — крикнула девушка, но он ее, кажется, не услышал.

Гвен снова позвала, размахивая руками, чтобы привлечь его внимание, но мужчина не двигался и не сводил глаз с открывшегося перед ним вида.

«Ну и ладно, — решила она. — Самое время уйти. К тому же я его обогнала и у меня есть фора». Гвен помчалась вниз по склону. Она бежала так, словно спасала свою жизнь, и в какой-то момент ей стало смешно. Если бы этот человек хотел причинить ей зло, он бы уже это сделал. И все равно она не могла избавиться от ощущения, что за ее спиной на склоне осталась невероятная опасность — гораздо большая, чем может представлять незнакомец, — и что разумнее всего сбежать от этой опасности.

Еще несколько секунд бега — и словно ракета врезалась ей в спину. Потеряв равновесие, Гвен приземлилась на живот и заскользила по лиловому вереску, придавленная сверху телом горца. Он вскинул руки и прижал ее к земле.

— Я велел тебе не убегать от меня! — прорычал шотландец. — У тебя проблемы со слухом?

— Ну ты же остановился, — огрызнулась Гвен. — Я тебя звала. И — ой, черт, у меня теперь все болит!

Он не ответил, только немного приподнялся, чтобы дать ей возможность дышать, и Гвен поразились перемене, которая произошла с ним. Она спиной чувствовала, как грохотало его сердце, дыхание стало прерывистым, а руки, на которые он опирался, дрожали.

— Что... Что случилось? — тихо спросила она.

Что такого ужасного должно было произойти, чтобы эти мощные руки начали дрожать? Друстан указал на машину, исчезающую за поворотом прямо под ними.

— Во имя всех святых, что это за штука!

Гвен скосила глаза.

— Похоже на «VW», но с такого расстояния я не могу разобрать. Солнце бьет прямо в глаза.

— Что?

— «Фольксваген».

— Фолк... что?

— «Фольксваген». Машина. — Он что, еще и глухой?

— А это?

Она скользнула виском по его подбородку, поворачивая голову в указанном направлении.

— Что? — непонимающе моргнула Гвен. Казалось, что он показывает на отель. — Гостиница?

— Нэй, та яркая штука, раскрашенная в цвета, которых я никогда раньше не видел. И что это за деревья без листьев? Зачем между ними натянуты веревки? Они что, рухнут, если их не привязывать? Я никогда еще не видел посрамленных дубов!

Гвен молча уставилась на неоновую вывеску отеля и телефонные столбы с проводами.

— Ну, девушка? — Друстан несколько раз глубоко вздохнул, потом взволнованно добавил: — Всего этого раньше здесь не было. Я не видел ничего похожего на эти странные штуки. Выглядит так, словно половина кланов Шотландии уговорила на это Бродди, а я уверен, что он

бы этого не одобрил. Он слишком честный человек.

Лэрд скатился с нее, сел и помог сесть ей, а потом развернул к себе и встряхнул за плечи.

— Что такое машина? Для чего она служит?

— О Господи, ты сам знаешь, что такое машина! Прекрати притворяться. Ты прекрасно справился с ролью древнего лорда, считай, что ты меня убедил, но хватит уже играть!

Гвен посмотрела на него и, несмотря на раздражение, почувствовала страх. Друстан выглядел совершенно сбитым с толку, а в его ярких глазах застыл испуг.

— Что такое машина? — тихо повторил он.

Гвен хотела выдать в ответ что-то язвительное, но осеклась. Может, он просто болен? Может, эта ситуация гораздо опаснее, чем ей кажется?

— Это... механизм, который приводится в движение... э-э-э... с помощью аккумулятора и бензина. — Она решила не огорчать его, ограничиваясь короткими ответами. — Люди на них ездят.

Его губы зашевелились, беззвучно повторяя слова «аккумулятор» и «бензин». Потом Друстан замер.

— Англичанка?

— Гвен, — поправила она.

— Ты и вправду англичанка?

— Нет. Я американка.

— Американка. Понятно... то есть непонятно, но... Гвен?

— Что? — Его вопросы начали пугать ее.

— В каком столетии я нахожусь?

Она закашлялась и помассировала виски — у нее внезапно заболела голова. Оказалось, что человек, излучающий такой мощный сексуальный заряд, совершенно точно сошел с ума. И она понятия не имеет, как и что теперь ему говорить. Ну вот как ответить на его вопрос? Или просто встать и уйти, если, конечно, он ей позволит?

— Я спросил: какой сейчас век? — ровным голосом повторил Друстан.

— Двадцать первый, — ответила Гвен, закрывая глаза.

Может, он притворяется? На внутренней поверхности век буквально проступил газетный заголовок, заслоняя собой все разумные мысли:

«ДОЧЬ ИЗВЕСТНЫХ ФИЗИКОВ ПОХИЩЕНА СБЕЖАВШИМ ИЗ ЛЕЧЕБНИЦЫ ПСИХОМ».

Подзаголовок: *«Ей нужно было пойти по стопам родителей и остаться в лаборатории».*

Друстан молчал, и Гвен решила открыть глаза. Он изучал деревню у подножия холма: яхты на озере, здания, машины, яркие огни вывесок, дорожные знаки, велосипедистов на улицах. Склонив голову набок, горец прислушивался к сигналам машин, жужжанию мотоциклов и ритмичному рок-н-роллу, который доносился из какого-то кафе. Наконец Друстан потер подбородок, явно о чем-то размышляя. И через пару секунд кивнул, решив для себя терзавший его вопрос.

— Господи, — прошептал он еле слышно, и ноздри его при этом раздувались, как у загнанного животного. — Я спал не месяц. Я спал столетия.

Не месяц? Столетия? Гвен ущипнула себя за губу, чтобы очнуться.

А шотландец уставился на нее, внимательно изучая ее топ, рюкзак, волосы, шорты и, наконец, туристические ботинки. А потом прикоснулся к ноге Гвен, рассмотрел ее и снова перевел взгляд на лицо девушки. Его темные брови нахмурились.

— Ты дала имя своим чулкам?

— Что?

Он провел пальцем по надписи, вышитой на плотной резинке носков: «Polo Sport». И

установился на марку ее ботинок — «Тимберленд». Прежде чем Гвен смогла ответить, горец скомандовал:

— Дай мне свою сумку.

Девушка вздохнула и протянула ему рюкзак, предварительно расстегнув змейку. Ей не хотелось тратить время на объяснение того, как работает застежка, учитывая, что на ее шортах такая же — и если он не знает, как их расстегивать, она не собирается его учить. Когда он рядом, ширинку вообще лучше зашить суровыми нитками.

Друстан взял рюкзак и принялся копаться в его содержимом. На землю выпал мобильный телефон, и Гвен рассердилась на себя за то, что совершенно забыла о нем, но потом вспомнила, что в Шотландии он все равно не работает. Впрочем, ее телефону уже не суждено заработать даже в Штатах — пластик корпуса раскрошился во время одного из сегодняшних падений, а в руках горца просто развалился на куски. Друстан с интересом рассматривал тоненькие платы.

А потом шотландец перебрал ее косметику, вытащил плеер и установился на крошечное зеркальце компакт-диска. Протеиновые батончики полетели в сторону, коробка с презервативами тоже (и слава Богу). Друстан нашел зубную щетку и установился на нее с недоумением. Он несколько раз перевел взгляд с крошечной щетки на длинные густые волосы Гвен и удивленно приподнял брови. Настал черед последнего номера «Космополитена». Друстан внимательно рассмотрел полуголую модель на обложке, потом быстро пролистал глянцевые страницы, разглядывая красочные иллюстрации. Погладив одну из них пальцами, он пробормотал:

— А Сильван считает, что умеет иллюстрировать книги.

Когда Друстан начал перебирать ее трусики, Гвен не выдержала, отобрала у него лимонные стринги, которые он внимательно рассматривал, и покачала головой.

Но, взглянув ему в глаза, она поняла, что впервые с момента их встречи он не думает о соблазнении. Желание испарилось, сменилось болью, и Гвен уже не была уверена, что он притворяется. Если его поведение — всего лишь игра, то он гениальный актер.

Взяв журнал из его рук, она указала на дату в углу обложки. Глаза Друстана расширились еще больше.

— А в каком веке ты рассчитывал оказаться? — спросила она.

Гвен злилась на себя за то, что так хотела этого красавчика. У него, кажется, не было ни мозгов, ни положительных качеств, и все равно ее тянуло к нему словно бабочку к огню. Тянуло так, что ей было наплевать на свои крылья.

— В шестнадцатом, — пустым голосом отозвался горец.

Он произнес это с таким отчаянием, что Гвен не удержалась и погладила шотландца по щеке, задержав пальцы чуть дольше, чем собиралась.

— МакКелтар, тебе нужна помощь, — сказала она. — И мы найдем того, кто сможет тебе помочь.

Он накрыл ее руку своей, повернул голову и поцеловал ладонь Гвен.

— Благодарю. Я рад, что ты на моей стороне.

Гвен быстро отдернула руку.

— Пойдем со мной в деревню, я отведу тебя к доктору. Скорее всего, ты упал и у тебя сотрясение мозга.

Гвен надеялась, что это правда. Иначе окажется, что она провела уйму времени с человеком, уверенным, будто он средневековый лорд, и не смогла опознать в этом великолепном экземпляре мужчины признаков параноидальной шизофрении. Гвен очень не хотелось, чтобы этот человек оказался психом. Пусть он будет тем, кем кажется: умным, сильным и здоровым мужчиной. Ну не может же психическое заболевание быть настолько... величественным.

— Нэй, — мягко ответил шотландец, снова рассматривая дату в углу журнала. — Мы не пойдём к тебе в селение, мы отправимся в Бан Дрохад. Мы не можем терять время. Это будет нелегкий путь, но в конце я возьму тебе все неудобства. Твоя помощь будет оплачена по заслугам.

О Господи, он собирался отвести ее в свой замок. Он действительно не в своем уме.

— Я не отправлюсь с тобой к этим руинам. — Голос Гвен звучал настолько спокойно, насколько это было возможно в данных обстоятельствах. — Позволь мне отвести тебя к доктору. Поверь мне.

— Поверь мне, — сказал горец, помогая ей подняться. — Ты нужна мне, Гвен. Мне необходима твоя помощь.

— Я пытаюсь тебе помочь...

— Но ты не понимаешь.

— Я понимаю, что ты болен!

Он покачал головой. При свете дня девушка смогла получше рассмотреть его глаза. В них светились логика и ясный ум. Ни малейшего намека на сумасшествие. Незнакомец выглядел сосредоточенным и решительным.

— Нэй. Я в порядке и не болен тем, в чем ты меня подозреваешь. Тебе лишь нужно самой в этом убедиться.

— Я не пойду с тобой, — тихо ответила Гвен. — У меня дела.

— Тебе нужно забыть о них. Дела МакКелтаров важнее, и со временем ты это поймешь. А теперь я спрошу тебя в последний раз: ты пойдешь со мной по своей воле?

— Ни за что, варвар.

Только когда он схватил ее за запястье, Гвен поняла, что за время их разговора шотландец умудрился достать откуда-то нечто вроде наручников с цепью. Металлические браслеты сомкнулись на ее руках, приковав Гвен к горцу. Она открыла рот, чтобы закричать, но сильная ладонь закрыла его.

— Значит, ты пойдешь со мной против своей воли. Да будет так.

«Почти пять сотен лет», — размышлял Друстан. Как такое возможно? Ему казалось, что только вчера он мчался по вересковым лугам, направляясь к родному замку. Он был потрясен, разум старался отыскать доказательства того, что все это происходит не на самом деле. Однако внутренним чутьем он понимал, что отрицать это глупо. Ее время ощущалось по-другому, природный ритм элементов был резким, рваным. Мир этой девушки был болен.

Прошли столетия, и Друстан понятия не имел, почему он здесь очутился. Память не давала ни малейшей подсказки. Похоже, пять столетий сна как-то повлияли на его память, все события до похищения казались туманными и смазанными. Он знал лишь, что попал в засаду из нескольких человек. Кто-то из них был вооружен. Еще он помнил заклинания и ароматный дым, что указывало на магию друидов. Его опоили каким-то зельем, но что потом? Наложили на него заклятие сна? И если так, то кто колдун? И, что немаловажно, почему он решился на такое? Узнай Друстан причину, он мог бы понять, почему весь его клан стал целью непонятного нападения.

Холодный палец страха прошелся по спине, когда Друстан подумал о том, что МакКелтаров атаковали ради их тайных знаний.

Поверил ли кто-то слухам и решил найти доказательства?

Все мужчины в роду МакКелтаров были друидами, равно как и их предки на протяжении многих поколений. Но лишь немногие знали, что они не просто друиды, владеющие остатками знаний, утраченных тысячелетие назад после судьбоносной войны. МакКелтары владели всей силой и были единственными стражами стоящих камней.

Если после похищения Друстана его отец, Сильван, был убит предателями, заветные силы были потеряны навсегда, а знание, которое МакКелтары защищали — чтобы использовать лишь в случае опасности, угрожающей всему миру, — исчезло.

Друстан взглянул на Гвен. Если бы она его не разбудила, он мог бы проспать до конца света! Горец пробормотал тихую благодарственную молитву.

Обдумывая ситуацию, он понял, что в данный момент не важно, кто и почему его похитил. В ее времени он не найдет ответов на эти вопросы. Сейчас важно действовать. Ему дважды повезло: он очнулся, и очнулся неподалеку от нужного места. Все можно исправить, однако для этого он должен быть в Бан Дрохаде в полночь Мабона.

Друстан снова посмотрел на девушку, но она не ответила на его взгляд. Мрачное молчание длилось уже достаточно долго, жуткая шумная деревня осталась далеко позади. В лунном свете кожа девушки переливалась мягкими оттенками перламутра. Друстан рассматривал ее почти нагое тело. В свое оправдание он мог бы сказать, что, учитывая то, как одета эта девушка, у него просто нет другого выхода. Гвен была очень женственной и будила в нем самые низменные инстинкты, звериную тягу к обладанию и размножению. Под тоненькой тканью отчетливо виднелись ее соски, и Друстан страстно желал прикоснуться к ним губами. Гвен была миниатюрной девушкой со стальным характером, а изгибы ее тела смутили бы даже благочестивого священника Невина. Друстан возбудился в тот миг, когда открыл глаза и впервые увидел ее, и с тех пор возбуждение его не оставляло. Всего один ее кокетливый взгляд — и это почти болезненное состояние вернется, но об этом лэрд сейчас не беспокоился. Гвен не разговаривала с ним уже несколько часов, с тех пор как он в сотый раз отказался освободить ее. С тех пор как он сказал, что, если понадобится, он будет нести ее, перебросив через плечо.

Друстана интриговало то, что девушка не кричит, не плачет, не умоляет о свободе. Его первое впечатление было не вполне верным. За странной манерой разговора этой леди

скрывался недюжинный ум. Она вполне логично обосновывала свои слова, стараясь уговорить Друстана последовать за ней, а когда поняла, что переубедить его не удастся, стала вести себя так, словно его вообще не существует. «Браво, Гвен, — подумал горец. — «Кэссиди» на ирландском означает «ум». Гвендолин — имя богини луны. Получается, что ты довольно необычная девушка».

Сначала Друстан решил, что она сирота из уничтоженного клана, женщина, которая ищет защитника и готова расплатиться с ним собственным телом, — это объяснило бы ее одежду и развязные манеры. Однако теперь он размышлял о том, что для ее времени это может быть обычным. Возможно, за эти пять веков женщины очень изменились, стали сильными и независимыми. Тогда почему же под внешней бравадой он чувствовал тихую печаль и скрытую уязвимость этой девушки?

Лэрд знал, что Гвен думает, будто он потащил ее с собой, потому что хочет ее, но все было не так просто. Он не скрывал, что очарован этой девушкой и с удовольствием взял бы ее на ложе, но все внезапно стало куда сложнее. Как только Друстан осознал, что застрял в будущем, он понял, что без нее ему не обойтись. Когда они доберутся до камней — если самое страшное все-таки правда и от его замка остались одни руины, — ему придется выполнить ритуал, будь он проклят. И если во время этого ритуала что-то пойдет не так, ему не обойтись без Гвен Кэссиди.

Она явно очень устала, и Друстан ощутил укол совести оттого, что он так ее утомил. Споткнувшись о древесный корень, Гвен врезалась в спину горца, но только зашипела и отпрянула. Друстан решил, что сегодня сделает ей поблажку. Этой ночью он позволит ей поспать, а завтра они пойдут без остановок. Гвен чуть не упала там же, где остановилась, и он подхватил ее и усадил на замшелый ствол огромного дерева, когда-то сломанного бурей. На таком сиденье ноги Гвен не доставали до земли, и она казалась еще меньше и беззащитнее. Сердце воина не всегда рождается в сильном теле. Сам Друстан мог бы идти три дня без отдыха и еды, но девушке такое не под силу.

Горец запрыгнул на ствол и присел рядом с ней.

— Гвен, — мягко позвал он.

Молчание в ответ.

— Гвен, я клянусь, что не причиню тебе вреда.

— Ты уже причинил! — вскинулась она.

— Ты снова со мной разговариваешь?

— Я к тебе прикована. Я решила с тобой не разговаривать, но потом поняла, что не хочу облегчать тебе жизнь, так что тебе предстоит выслушать красочное описание моих страданий. Я собираюсь жаловаться до тех пор, пока ты не пожалеешь, что не родился глухим.

Друстан рассмеялся. Колючая маленькая англичанка снова стала собой.

— Можешь изводить меня при каждом удобном случае. Мне жаль, что я причинил тебе неудобства, но я должен был так поступить. У меня нет выбора.

Она презрительно изогнула бровь.

— Давай выясним, правильно ли я поняла ситуацию. Ты считаешь, что жил в шестнадцатом веке. В каком году?

— Тысяча пятьсот восемнадцатом.

— И в тысяча пятьсот восемнадцатом году ты жил неподалеку отсюда?

— Айе.

— И был лордом?

— Айе.

— Ну и как же получилось, что ты спал в пещере в двадцать первом веке?

— Именно это я и хочу выяснить.

— МакКелтар, это невозможно. Ты кажешься мне относительно нормальным, пока дело не доходит до этого бреда. Ты немножко сексист, но это тоже можно понять. Однако человек не может проспать почти пять веков! Это невозможно чисто физиологически. Я слышала о Рип Ван Виниле и Спящей Красавице, но это просто сказки про фей.

— Сомневаюсь, что к этому причастны феири. Я подозреваю цыган или колдунов, — задумчиво поправил Друстан.

— Ага, это звучит правдоподобнее, — мягко протянула Гвен. — Спасибо, что уточнил.

— Ты издеваешься надо мной?

— А ты веришь в фей? — подначила она.

— Феи, или феири — всего лишь иное наименование Туата де Данаан. И да, они существуют, но стараются держаться подальше от людей. Мы, шотландцы, всегда это знали. Судя по всему, у тебя была очень спокойная жизнь, верно?

Гвен прикрыла глаза, и он улыбнулся. Такая наивная. Открыв глаза, наивная девушка наградила его высокомерной улыбкой и сменила тему. Явно для того, чтобы его больной разум не перенапрягался. Друстан прикусил губу, сдерживая саркастический смешок. По крайней мере она снова с ним разговаривает.

— Зачем ты идешь в Бан Дрохад и для чего так настойчиво тянешь меня за собой?

Он решил сказать ей только то, что ее точно не отпугнет.

— Я должен добраться до камней, потому что там, где стоит мой замок...

— Стоит или стоял? Если ты хочешь убедить меня, что ты действительно из шестнадцатого века, тебе следует тщательнее подбирать слова.

Он взглянул на нее с упреком.

— Стоял, Гвен. Я молюсь о том, чтобы он стоял до сих пор. — Он и вправду молился, потому что, если они придут к камням, а замка там не окажется, ситуация станет просто критической.

— Итак, ты надеешься повидать своих потомков? Если, конечно, предположить, что я на миг поверила в твою абсурдную версию.

Нэй, он не надеялся повидать потомков. Вряд ли его отец на шестьдесят втором году жизни смог произвести на свет наследника, после того как Друстан был похищен. Учитывая то, что после смерти жены Сильван и вовсе не смотрел на женщин, это становилось еще менее вероятным. Друстан надеялся найти пару вещей в своем замке, но не мог рассказать об этом Гвен. Спугнуть ее сейчас, когда она так ему нужна, было бы непозволительной глупостью.

Напрасно он искал подходящий ответ, потому что стоило сделать паузу — и девушка двинулась вперед, отмечая уже неинтересную тему:

— Зачем тебе я?

— Я не знаю твоего столетия, а территория между этим местом и моим замком могла измениться, — выдал он ей часть правды. — Мне нужен проводник, который знает пути этого века. Мы будем проходить через ваши деревни, а там меня могут поджидать опасности, о которых я не догадаюсь, пока не станет слишком поздно. — Это звучит довольно убедительно, подумал он.

Судя по скептическому выражению лица, девушка не разделяла его мнения.

— Гвен, я знаю, что ты думаешь, будто я утратил память или болен, что у меня болезненная фантазия, но поразмысли вот о чем: что, если ты ошибаешься и я говорю тебе правду? Разве я причинил тебе вред? До того как я заставил тебя пойти со мной, навредил ли я тебе хоть чем-то?

— Нет, — мрачно ответила она.

— Посмотри на меня, Гвен. — Горец обхватил ее лицо ладонями, заставляя смотреть ему прямо в глаза. Цепь, сковывавшая их руки, зазвенела. — Ты и вправду веришь, что я собираюсь

причинить тебе вред?

Девушка сдула прядь со лба.

— Я к тебе прикована. Меня это раздражает.

Друстан немного подумал и резким движением разъединил браслеты, надеясь, что взаимное притяжение не позволит ей сбежать от него.

— Хорошо. Ты свободна. Я переоценил тебя. Мне казалось, что ты добрая и милосердная женщина, а не легкомысленная девчонка, которая не может принять того, чего не понимает своим умишком с первого наскока...

— Я не легкомысленная!

— А если что-то противоречит твоему видению мира, значит, этого «чего-то» просто не существует. — Он фыркнул. — Ну и узкий же у тебя кругозор.

— О! — Гвен сердито отодвинулась и оседлала ствол, поворачиваясь к Друстану лицом. — И ты еще пытаешься заставить меня думать, будто я плохая, потому что не верю тебе? Не сомневайся, у меня не узкий кругозор, я одна из тех немногих, у кого он действительно широкий. Ты еще удивишься тому, насколько я хорошо знаю мир. — Она прожгла его взглядом, потирая кожу на запястье.

— Какое же ты странное существо, — мягко сказал Друстан. — В первый миг я вижу в тебе храбрость, но миг проходит, и не остается ничего, кроме трусости. Скажи, ты всегда противоречишь сама себе?

Его рука потянулась к ее горлу, и глаза Гвен удивленно расширились. Его слова ранили, и он не собирался останавливаться на достигнутом.

— Разве тебе так сложно помочь тому, кто нуждается в помощи? Сделать так, как он просит, вместо того чтобы самой решать, что ему нужно?

— Ты говоришь так, словно это я во всем виновата. Если верить твоим словам, это я сумасшедшая.

— Если то, что я говорю, — правда, а я клянусь, что не лгу тебе, ты действительно ведешь себя неразумно, — спокойно ответил Друстан. — Не кажется ли тебе, что для меня твой мир, в котором ничего не помнят о прошлом, в котором растут деревья без ветвей, а девушки носят лишь намек на одежду, — этот мир для меня такой же невероятный, какой кажется тебе моя история?

Сомнение. Оно ясно читалось на выразительном лице девушки. Ее штормовые глаза широко распахнулись, и лэрд снова заметил уязвимость, скрытую за внешним упрямством. Он не хотел ее провоцировать, но она не знала, насколько высоки ставки в этой игре, а он не мог ей сказать. У Друстана не было времени искать в этом мире другого помощника. Да он и не хотел никого другого — ему нужна была именно она. Она его нашла, она его разбудила, и с каждым часом в нем крепла уверенность — ее привела судьба, чтобы помочь ему исправить то, что нуждалось в исправлении. «В нашем мире не бывает совпадений, Друстан, — говорил ему отец. — Ты должен смотреть на все с высоты птичьего полета. Ты должен отрешиться, подняться над головоломкой и увидеть ее целиком. У всего, что происходит, есть причина, тебе нужно лишь найти ее».

Гвен, нахмурившись, массирует виски.

— У меня от тебя голова разболелась.

Минуту спустя она обреченно вздохнула и убрала со лба непослушные прядки.

— Ладно, сдаюсь. Расскажи мне о себе. То есть о том, кем ты себя считаешь.

Вымученный вопрос, но это лучше, чем ничего, и Друстан решил воспользоваться полученной возможностью по максимуму. Он не понимал, как напряженно ждал ее вопроса, пока не почувствовал, как расслабляются после ее слов напряженные мускулы.

— Я уже говорил тебе: я лэрд своего клана, несмотря на то что мой отец Сильван еще жив. Он тридцать два года был лэрдом, и я не могу винить его в том, что он отрекся. Это слишком долгое время и слишком большая ответственность. — Друстан закрыл глаза и глубоко вздохнул. — У меня был брат, Дуг, но недавно он погиб.

Он не стал говорить о помолвке и о том, что его невеста погибла в битве вместе с Дугом, который вез ее в замок МакКелтаров на свадьбу. Чем меньше Гвен будет знать о его невестах, тем лучше. Да и сама тема была для Друстана болезненной.

— Как? — тихо спросила она.

— Он возвращался из поместья Эллиотов и был убит в бою двух кланов. Мы не участвовали в той войне, свара была между кланами Кемпбеллов и Монтгомери. Скорее всего, Дуг увидел, что Монтгомери оказались в меньшинстве, и решил прийти им на помощь.

— Мне так жаль, — мягко проговорила Гвен.

Друстан открыл глаза и увидел в ее взгляде сострадание, от которого сразу потеплело на душе. Когда он спрыгнул с поваленного дерева и развернул девушку лицом к себе, она не возражала. Теперь, когда Друстан стоял на земле, а она сидела на возвышении, их глаза оказались почти на одном уровне. Казалось, что ей сразу стало легче.

— Дуг всегда был таким. — В голосе лэрда звучали печаль и гордость. — Он всегда сражался за других. Меч пронзил его сердце. В одно жуткое утро я проснулся, чтобы увидеть своего брата, переброшенного через седло. Коня вел под уздцы капитан стражи Эллиотов.

И грусть разрывает мне сердце. Брат мой, я подвел и тебя, и отца.

Гвен нахмурилась. Друстан видел ее печаль.

— А твоя мать? — осторожно спросила она.

— Мой отец овдовел. Мать умерла во время родов, когда мне было пятнадцать. Ребенок тоже не выжил. Отец больше не женился. Он поклялся в этом, потому что настоящая любовь бывает в жизни лишь раз. — Друстан улыбнулся.

Он понимал сентиментальность отца. Брак его родителей был заключен на небесах: он друид, она — дочь чудака, наплевавшего на традиции и давшего ей образование, которым могли похвастаться немногие сыновья. К сожалению, образованные девушки в горах Шотландии были редкостью, как, впрочем, и в других краях. Сильвану невероятно повезло. Друстан надеялся на такое же везение, но время поджимало и он почти утратил надежду найти свою половинку.

— Ты женат?

Друстан покачал головой.

— Нэй. Я бы не пытался тебя поцеловать, если бы был женат или помолвлен.

— Призовое очко мужскому роду, — сухо ответила Гвен. — А разве тебе по возрасту не положено быть женатым? Обычно если мужчина твоего возраста еще не женился, с ним что-то не так, — поддела она.

— Я был помолвлен, — гордо отрезал Друстан, решив не уточнять, сколько раз. Количество помолвок говорило не в его пользу, а девушка подобралась к правде гораздо ближе, чем ему бы хотелось. Да, с ним определенно что-то не так. Стоило женщине провести с ним некоторое время, и она уходила. Нескольких таких случаев было достаточно, чтобы он начал сомневаться в своей привлекательности. Он видел, что Гвен и не думает прекращать расспросы, и быстро проговорил, надеясь закрыть неприятную тему: — Она умерла незадолго до свадьбы.

Гвен моргнула.

— Ох, прости.

Несколько минут они молчали, потом она решилась:

— А ты бы хотел жениться?

— Это предложение, девушка? — промурлыкал Друстан, иронично приподняв бровь.

Если да, то он схватит ее за шиворот и их обвенчают прежде, чем она успеет передумать. Друстан с удивлением отметил, что эта девушка интересуется его куда больше, чем все предыдущие невесты.

Гвен покраснела.

— Конечно, нет. Я просто спрашиваю. Пытаюсь понять, что ты за человек.

— Айе, я хочу жениться. Хочу иметь наследника. Просто не нашел подходящей женщины, — сказал он со своей самой чарующей улыбкой.

Улыбка подействовала, он видел это по глазам девушки. Она явно забыла, какой вопрос собиралась задать следующим. Друстан выдохнул беззвучную благодарность богам, наделившим его красивым лицом и белыми зубами.

— И какую же женщину такой мужчина, как ты, считает подходящей? — спросила Гвен после паузы. И прежде чем он успел ответить, подняла ладонь. — Подожди, дай угадаю. Послушную. Обожающую. Определенно не слишком умную, — насмешливо добавила она. — Да, и еще. Красотой она должна затмить остальных. Верно?

Друстан вскинул голову и посмотрел ей прямо в глаза.

— Нэй. Подходящей я счел бы женщину, которую полюблю с первого взгляда, и не потому, что другие считают ее красивой, а потому, что она будет особенной, такой, какая нужна только мне. — Он провел пальцами по лицу Гвен, коснувшись уголка ее рта. — Возможно, от улыбки на ее щеке будет появляться ямочка. Возможно, у нее будет ведьмин знак. — Его пальцы скользнули по небольшой родинке на правой скуле Гвен. — Высоко на щеке. Возможно, в ее глазах будет танцевать шторм, а цвет их напомнит мне о море, которое я так люблю. Есть вещи, которые куда важнее внешности. Моя женщина будет интересоваться миром и с радостью учиться всему. Она будет мечтать о любви и о том, чтобы стать матерью, будет обожать наших детей несмотря ни на что. Она будет храброй и нежной.

Слова шли от самого сердца, в глубоком голосе звенела страсть. Друстан наконец-то выпустил на волю, сумел сказать ей то, что кипело у него внутри с момента их встречи.

— Она бы говорила со мной о чем угодно даже в трудные минуты, у нее был бы характер истинной горянки, которая дорожит семьей и гордится родом. Эта женщина видела бы красоту во мне, в мире — в том мире, что мы создали бы вместе. Она была бы равной мне, моей подругой, возлюбленной, женой.

Гвен поняла, что задержала дыхание, и выдохнула. Скептицизм, который светился в ее глазах, поблек. Поерзав на дереве, она отвернулась от Друстана и некоторое время молчала. Он не мешал ей, размышляя о том, как она отреагирует на его искренность.

И сухо улыбнулся, когда она прочистила горло и заговорила о другом:

— Ладно. Но если ты горец из шестнадцатого века, почему ты не говоришь на гэльском?

«Ничем не выдаешь себя, девушка, — подумал Друстан. — Кто или что приучило тебя скрывать свои чувства?»

— На гэльском? Хочешь услышать гэльский? — И с хищной ухмылкой Друстан перечислил все, что хотел бы с ней сделать, сняв с нее одежду.

Сначала на гэльском, потом на латыни и, наконец, на языке, которым не пользовались уже многие столетия — даже если брать за точку отсчета его родной век. От одного только озвучивания своих мыслей его кинуло в жар.

— Тарабарщина какая-то, — фыркнула Гвен.

И все же задрожала, словно уловила смысл этих слов.

— Так зачем же было проверять меня? — тихо спросил лэрд.

— Потому что мне нужно какое-то доказательство. Я же не могу просто принять твои слова на веру.

— Нэй, — согласился он. — Ты не из тех, кто верит на слово.

— Ну, у тебя доказательства есть, — задумчиво сказала Гвен и тут же добавила: — Если предположить, что ты говорил мне правду... Ты видел машины, деревню, мою одежду.

Он жестом показал на свои доспехи, затем пожал плечами.

— Это может быть маскарадный костюм.

— И что же ты считаешь достаточным доказательством?

Гвен скрестила руки на груди.

— Не знаю.

— Я смогу доказать тебе свою искренность, когда мы доберемся до камней, — сказал наконец Друстан. — Там я, несомненно, тебе это докажу.

— Как?

Он покачал головой:

— Ты должна пойти и увидеть.

— Ты думаешь, что у твоих наследников может оказаться твой портрет или какие-то записи о тебе? — предположила она.

— Гвен, ты должна решить, наконец, сумасшедший я или говорю правду. Я ничего не смогу тебе доказать, пока мы не дойдем до нужного места. Если мы достигнем Бан Дрохада и ты не согласишься мне там, у камней, после того, что я сделаю, чтобы доказать тебе, я ни о чем больше тебя не попрошу. Что ты теряешь, Гвен Кэссиди? Или твоя жизнь настолько полна и насыщена, что ты не можешь провести несколько дней с мужчиной, который просит тебя о помощи?

Он выиграл. Его победа ясно читалась в ее глазах. Долгое время Гвен молча смотрела на него. Друстан спокойно выдержал ее взгляд, ожидая решения. И дождался напряженного кивка.

— Я удостоверюсь, что ты целый и невредимый добрался до камней, но это не означает, что я тебе поверила. Мне просто интересно, как ты попытаешься доказать, что твоя невероятная история — правда, потому что если...

Гвен осеклась и помотала головой.

— Скажем так, достоверное доказательство стоит того, чтобы немного покарабкаться по горам. Но если ты покажешь мне то, что собирался, а я все равно тебе не поверю, я больше не буду иметь с тобой никаких дел. О'кей?

— О'кей? — повторил горец.

Это слово ничего не значило ни на одном из известных ему языков.

— Ты согласен на такую сделку? — уточнила девушка. — На все условия?

— Айе. После того как я предъявлю тебе доказательства, ты решишь, согласишься мне или нет. Если нет, то ты будешь свободна. Но ты должна пообещать, что останешься со мной до тех пор, пока не увидишь доказательства. — Друстан усмехнулся про себя, довольный формулировкой.

— Принято. Но ты не будешь меня заковывать. А еще мне надо поесть. И прямо сейчас я должна немного прогуляться в ближайшие кусты. А если ты за мной пойдешь, я буду очень, очень, очень недовольна. — Она спрыгнула с поваленного ствола и обогнула шотландца по широкой дуге.

— Как пожелаешь, Гвен Кэссиди.

Она остановилась и потянулась к рюкзаку, но Друстан схватил ее за запястье.

— Нэй. Если ты пойдешь, это останется со мной.

— Но мне нужно кое-что взять, — зашипела Гвен.

— Можешь взять с собой один предмет, — уступил горец, решив не вмешиваться в женские тонкости.

Может, как раз сейчас у нее лунные дни.

Гвен агрессивно дернула рюкзак, покопалась в нем и достала какую-то палочку и сумочку.

Сунув первую во вторую, девушка хмыкнула:

— Теперь это один предмет, видишь?

Потом резко обернулась и зашагала в лес.

— Прости меня, девушка, — прошептал Друстан, когда решил, что она не сможет его услышать.

У него не было выбора: он должен был держать жертву в неведении. На кону стояло нечто куда более важное, чем его собственная жизнь.

Гвен торопливо воспользовалась кустиками вместо туалета, нервно поглядывая по сторонам, однако Друстан сдержал слово и не пошел за ней. И все же она была не в том положении, чтобы доверять ему. Облегчившись, девушка прожевала шоколадный батончик, который прихватила с собой из рюкзака. Покопавшись в косметичке, она воспользовалась флоссом, потом выдавила немного зубной пасты на язык. Вкус мяты немного успокоил Гвен. А прикосновение влажной салфетки к носу, щекам, лбу чуть не заставило запрыгать от счастья.

Потная и усталая, она чувствовала себя живой как никогда. И начала немного опасаться за собственный рассудок, потому что часть ее души не просто хотела поверить новому знакомому, а отчаянно желала узнать хоть что-то, выходящее за рамки обычного и привычного мира, где «всему-можно-найти-научное-объяснение». Гвен хотела поверить в магию, поверить человеку, от одного вида которого у нее подгибались колени, поверить в то, что он был под действием заклятия.

Природа или наука: что является определяющим фактором? В последнее время этот вопрос просто преследовал ее. Гвен прекрасно знала, к чему привела ее образованность. Ей двадцать пять, и у нее серьезные проблемы в личной жизни. Ей хочется того, чему она не может подобрать названия, и это ее пугает.

А что касается ее сущности... Была ли она таким же самородком, как ее родители? Гвен хорошо помнила те времена, когда она — тогда еще маленькая и глупая — спросила у отца, что такое любовь. *«Любовь — это иллюзия бедняков, Гвен. Она дает им возможность верить, что их жизнь имеет хоть какую-то ценность. Выбирай себе пару по IQ, амбициям и финансам. Но будет лучше, если ты предоставишь выбор нам. У меня уже есть на примете пара достойных кандидатов».*

До Великого Восстания Против Судьбы она добросовестно встречалась с теми, кого выбирал для нее отец. Как правило, «кандидаты» попадались сухие, умные, с красноватыми глазами, уставшими от книг и окуляра микроскопа, едва ли интересующиеся ею как личностью, но при этом крайне заинтересованные в том, чтобы знаменитые родители Гвен посодействовали их карьере. Никаких страстных признаний в любви, только пламенные заверения в том, что из них получится прекрасная команда ученых.

Гвендолин Кэссиди, богатая наследница знаменитых родителей, которые из бедного детства пробивались к высоким постам в Национальной лаборатории Лос-Аламос, где занимались сверхсекретными исследованиями в области квантовой физики. В детстве у Гвен не было ни малейшего шанса познакомиться с кем-то помимо замкнутой группки ученых. В колледже стало еще хуже. С ней встречались по трем причинам: чтобы произвести хорошее впечатление на родителей, чтобы посмотреть, нет ли у нее стоящих теорий, которые можно украсть, и последняя, но немаловажная причина: престижность того, что твоя подружка — вундеркинд. Те немногие, кого привлекли другие ее особенности (иными словами — размер лифчика), сбегали сразу после того, как узнавали, кто она и какие предметы изучает, пока они возятся с адаптированными курсами.

К двадцати одному году Гвен превратилась в жуткого циника. В двадцать три бросила аспирантуру, после чего между ней и родителями пролегла пропасть. К двадцати пяти она была

дьявольски одинока, словно необитаемый остров в океане.

Два года назад Гвен принялась менять место работы — ее привлекали нормальные, средние профессии для нормальных милых людей, которые не были повернуты на науку. Гвен считала, что это поможет ей справиться с проблемами. Она так старалась перестроиться и начать наконец жить для себя... Но в конце концов поняла, что проблема была не в выборе карьеры.

Девушка убеждала себя, что отправилась в Шотландию, чтобы избавиться от девственности, и старалась не думать о настоящей причине и куда более глубоких мотивах. А проблема была в том, что Гвен Кэссиди не знала, есть ли у нее сердце.

Когда Друстан стал искренне и страстно рассказывать о том, что ищет в женщине, она чуть не бросилась ему на шею, и ей было безразлично, псих он или нет. Семья, разговоры, тихая диковатая красота шотландских гор, дети, которых она любила бы... Честность, преданность, духовная связь с человеком, который не поцелует другую женщину, если будет женат. Она чувствовала, что Друстан почти такой же «необитаемый остров», как и она.

О, Гвен знала, зачем на самом деле приехала в Шотландию, — ей необходимо было выяснить, прав ли был отец и действительно ли любовь — это только иллюзия. Девушка отчаянно хотела измениться, найти что-нибудь, что встряхнет ее и даст возможность почувствовать себя живой.

Ну что ж, она получила, что хотела. Если ей нужно стать другим человеком, почему бы не начать с попытки избавиться от недоверчивости, забыть об осторожности? Отбросить все, чему ее учили с детства, и принять жизнь во всей ее непредсказуемости? Перестать контролировать происходящее и доверить этот контроль сумасшедшему? Гвен выросла в твердой уверенности, что интеллект превыше всего, и вот теперь у нее появился шанс действовать импульсивно, на одних только инстинктах.

К тому же сумасшедший ей попался просто великолепный. Это пойдет ей на пользу. Кто знает, что из этого получится?

Курить ей хотелось все больше и больше.

— Пойдем, — сказал Друстан, когда она вернулась.

За время ее отсутствия он развел костер. Гвен хотела было потребовать зажигалку обратно, но отбросила эту идею, потому что слишком устала, чтобы устраивать диспут. Похоже, о неприкосновенности личной собственности он не задумывался — все ее прежде чистые вещи перекочевали на землю. Друстан сделал из них подобие постели на земле. Последнее приобретение — ярко-алые трусики-танга с вышитыми силуэтами черных котят — торчали из «постели» между скомканной футболкой и джинсами. Гвен немного поразмышляла о странностях судьбы: это были ее любимые трусики-танга, она купила их, но ни разу не надела — они были предназначены на утро, когда она лишится невинности, и Друстан умудрился положить на видное место именно их.

Это необъяснимо. Гвен подозрительно уставилась на него. Может, он и специально положил трусики на видное место, но сейчас выглядел как воплощение невинности.

— Сегодня я не смог достать еду, — проговорил горец, — но утром мы поедем. А пока тебе нужно поспать.

Она ничего не ответила, рассерженно глядя на свою одежду, испачканную ветками, листьями и землей. Друстан стоял на самом краю освещенного костром круга, и рассмотреть его было сложно. Это тоже раздражало. Но Гвен не могла не заметить той ленивой чувственности, с которой он потрянул головой, перебрасывая через плечо львиную гриву волос. Его поведение, это кричащее «иди сюда», просто выводило ее из себя.

Ее бешеный взгляд шотландец встретил с провоцирующей улыбкой и жестом указал на одежду.

— Я сделал ложе, на котором ты сможешь отдохнуть. В моем веке я расстелил бы для тебя свой плед и согрел бы тебя теплом своего обнаженного тела. Стоит ли мне сделать это и теперь?

— Не нужно беспокоиться, — выпалила Гвен. — Сойдет и моя одежда. Все прекрасно, спасибо.

Несмотря на невероятно низкую эмоциональность при высоком уровне взбесившихся гормонов, она так устала, что могла думать только о сне. Сегодня она получила столько впечатлений, сколько не набралось бы и за месяц мирной домашней жизни. Крошечная стопка белья казалась не менее соблазнительной, чем двуспальная кровать.

— А ты? — спросила Гвен.

Мысль о том, что она будет спать, а он останется бодрствовать, ее смущала.

— Ты мне не веришь, но это не отменяет того, что я долгое время проспал и теперь просто не смогу сомкнуть глаз. Я останусь в дозоре.

Она подозрительно на него посмотрела и не двинулась с места.

— Я с радостью могу предложить тебе то, что поможет расслабиться.

Гвен нахмурилась.

— Например? Наркотик или что-то в этом роде? — возмущенно поинтересовалась она.

— Мне говорили, что мое прикосновение обладает успокаивающим эффектом. Я бы гладил твою спину, перебирал твои волосы, пока ты не уснешь.

— Обойдусь, — отрезала девушка.

Друстан сверкнул белозубой усмешкой, явно наслаждаясь происходящим.

— Тогда предлагаю тебе лечь, пока ты не упала от усталости. Завтра нам предстоит долгий путь. Я мог бы нести тебя, но чувствую, что ты будешь против.

— Вот именно, МакКелтар, — пробормотала Гвен, опускаясь на землю у костра.

Свернув куртку в некое подобие подушки, девушка сунула ее под голову.

— Тебе тепло? — мягко поинтересовался горец из темноты.

— Сейчас поджарюсь, — соврала Гвен.

Но дрожала она и вправду недолго. Придвинувшись ближе к огню, Гвен заснула глубоким сном без сновидений.

Друстан смотрел на спящую Гвен Кэссиди. На ее волосы, блестящие в свете костра. Светлые прядки чередовались с более темными. Гладкая кожа, розовые губы — нижняя чуть полнее верхней. Эти уста были созданы для поцелуя. Миндалевидные глаза под темными изогнутыми бровями... Брови были приподняты, отчего сердитый взгляд Гвен казался аристократически высокомерным. Девушка лежала на боку, и ее полные груди соблазнительно соприкасались, но не это привлекло его взгляд.

Она была самой необычной женщиной из всех, с кем сводила его жизнь. Что бы ни формировало ее характер, в результате это привело к забавной смеси осторожности и храбрости. Друстан уже понял, что эта девушка обладает живым, гибким умом. Такая крошечная, она не боялась кричать на него. Скорее всего, отвага этой девушки была врожденной, а вот осторожность — явно приобретенной.

Ее храбрость не раз пригодится ему во время испытаний, которые ждут их впереди. Лэрд снова стал размышлять об обрывках воспоминаний, которые теперь казались ему пугающе неполными. У него осталось два дня, чтобы привести мысли в порядок и вспомнить в деталях все, что произошло до наложенного на него заклятия.

С тяжелым вздохом горец повернулся спиной к огню и устался в ночь того мира, которого он не понимал и частью которого не желал становиться. Этот век был тревожным и беспорядочным, судя по ритму его элементов, и Друстана успокаивало только то, что он не останется здесь надолго. Он вслушивался в незнакомые звуки ночи — странный гул в воздухе,

отдаленный гром в небе, почти на пределе слышимости, — и пытался собрать свои обрывочные знания воедино.

То, что он собирался сделать, требовало исключительной точности. Он никогда раньше не делал того, что предстоит ему теперь, и, хотя учителя хорошо его подготовили, вероятность ошибки была довольно велика. У Друстана была великолепная память, и все же его обучение не предполагало, что он может оказаться вдали от замка МакКелтаров и проводить ритуал без доступа к своим шкафам и книгам.

Считалось, что друидов в мире не осталось — встречались только неумелые недоучки, владеющие слабенькими заклинаниями, — а древние знания исчезли вместе с рукописями. Однако слухи об этом распускали сами друиды, те немногие, кому удалось уцелеть. Они хотели, чтобы мир верил этим мифам, — а друиды всегда мастерски управляли иллюзиями.

На самом деле друиды процветали, а умение британских друидов накладывать сонные заклятия вызывало у Друстана почтение.

Почти тысячу лет назад Туата де Данаан ушли из мира людей по своим непонятным делам. Смертные друиды, служившие им, не смогли последовать за фейри и начали сражаться между собой за обладание силой.

Результатом их соперничества стала затяжная война, едва не окончившаяся уничтожением мира. В итоге была избрана одна семья, которой доверили хранение тайных друидских знаний, что и определило судьбу клана МакКелтаров на долгие годы. Они должны были исцелять, учить и охранять. Залечивать нанесенные миру раны.

Невероятное и опасное знание, которое касалось даже тайн геометрии и движения звезд, было подробно изложено в тринадцати томах и спрятано под семью каменными плитами, а друиды из рода МакКелтаров отвечали за этот оплот знания своими душами. Они любили Шотландию, и использовали камни только в случае крайней необходимости и лишь для блага всего мира, и при этом тщательно следили, чтобы все оставалось в тайне.

Ритуал, который следовало провести в Бан Дрохаде, требовал безошибочного воспроизведения определенных формул. Три формулы Друстан не помнил. Ну кто мог представить, что он окажется в будущем? Если они доберутся до камней, а замка МакКелтаров не окажется на месте и каменные плиты исчезнут — что ж, на этот случай ему и нужна Гвен Кэссида.

Бан Дрохад, его любимые камни, были белым мостом в четвертое измерение — время. Тысячу лет назад друиды выяснили, что человек может передвигаться тремя способами: вперед и назад, из стороны в сторону, вверх и вниз. А затем они нашли белый мост, который давал возможность перемещаться в четвертом направлении. Попасть на мост можно было четыре раза в год: проход открывался в дни солнцестояния и равноденствия. Простому человеку этот мост недоступен, но для МакКелтаров такие путешествия не представляли сложности. С начала времен их растили специально для этого.

Такая сила — способность перемещаться во времени — налагала огромную ответственность. Именно поэтому МакКелтары всегда дорожили данными клятвами.

Гвен уже считала его сумасшедшим; если он поделится с ней своими планами, она просто сбежит от него. Друстан не мог рисковать, рассказывая ей о себе. Прежде его способность к магии друидов не раз отпугивала от него женщин. Друстан же хотел, оставаясь в ее столетии, видеть в глазах девушки желание, а не отвращение. Он хотел хоть немного побыть простым человеком, которого желает красивая девушка.

Потому что к концу ритуала она будет бояться и, возможно, — да нет, наверняка! — ненавидеть его. Но у него не было выбора, только ритуал и глупая надежда. Его клятвы требовали, чтобы он вернулся и предотвратил исчезновение своего клана. Клятвы требовали

сделать все возможное для их выполнения.

Друстан закрыл глаза, ненавидя свой жребий.

Если бы Гвен проснулась этой ночью, она бы увидела, как лэрд, запрокинув голову, смотрит на небо и говорит сам с собой на языке, которого этот мир не слышал уже тысячи лет.

Но поскольку Друстан произнес слова заклятия, вызывающего сон, девушка мирно проспала до утра.

22 сентября

10:02 а. т.

Гвен никогда еще не приходилось так отчетливо ощущать, что роста в ней — чуть больше полутора метров. Сегодня этот пробел восполнил громила, идущий впереди и не понимающий, что такое границы физических возможностей.

Девушка старалась шагать шире, размахивала руками, чтобы придать себе дополнительное ускорение, — и пыталась не думать о том, что эти попытки заведомо обречены на провал, потому что масса этого бегемота в три раза больше, чем у нее, следовательно, он продолжит разгон без малейших усилий. В итоге Гвен не выдержала:

— МакКелтар, я тебя убью, если ты не снизишь темп!

— Хотел бы я знать, как ты собираешься это сделать, если не можешь меня догнать, — поддразнил он.

Она была не в настроении реагировать на подначки.

— Я устала и хочу есть.

— Ты съела одну из тех палочек, что носишь в своей сумке. Это было четверть часа назад, когда мы останавливались, чтобы изучить твою карту и выбрать более короткую дорогу, — напомнил он.

— Я хочу нормальной еды.

«Она мне просто необходима», — подумала Гвен, с тяжелым чувством вспоминая о том, что «короткая» дорога до Бан Дрохада была длиной в восемьдесят миль^[4] по пересеченной местности.

— Если я поймаю кролика и мы поджарим его на вертеле, это сойдет за еду?

Кролика? Живого кролика? Он что, шутит? Фу-у-у...

— Нет. Надо было остановиться у той деревни. До сих пор не могу поверить, что ты не отпустил меня в Фейрхевен. Мы же были совсем рядом! Там был кофе, — грустно добавила Гвен.

— Чтобы достичь Бан Дрохада к завтрашнему дню, мы должны идти без остановок.

— Но ты же останавливался, чтобы подобрать свои дурацкие камни!

— Завтра ты поймешь назначение моих дурацких камней, — сказал Друстан, поглаживая сумку, в которую сложил их.

— Завтра. Ты все мне покажешь завтра. Все объяснится завтра. Я могу не дожить до завтра, а ты слишком много просишь принять на веру, МакКелтар, — раздраженно отозвалась Гвен.

Он обернулся через плечо.

— Айе, я многого прошу, Гвен Кэссиди. Но тем, кто мне верит, я многое даю. Я понесу тебя, если хочешь.

— Обойдусь. Почему бы тебе просто не идти помедленнее?

Он остановился. Гвен моргнула: это был первый раз, когда он явно потерял терпение.

— Девушка, если твоя карта верна, мы должны до завтра пройти почти восемьдесят миль. А это значит — три мили в час, без остановки на сон. Я мог бы пробежать большую часть пути, но знаю, что тебе это не под силу. Отдохнуть мы сможем только при условии, что ты пройдешь четыре мили в час.

— Это невозможно, — выдохнула Гвен. — Я когда-то пробежала милю по беговой дорожке, уложила в десять с половиной минут, но потом чуть не умерла. Чтобы прийти в себя, я

проспала целый день, а потом подкрепились шоколадом. МакКелтар, нам нужно нанять машину. — Попытка не пытка. Чуть раньше, оценив предстоящий им путь, Гвен уже предлагала это, но он просто поднялся и потащил ее за собой, все ускоряя шаг. — На машине мы могли бы проделать тот же путь за час.

Друстан посмотрел на нее и пожал плечами.

— Я доверяю только своим ногам.

— Да ладно тебе. — Гвен чуть не застонала. — Мне с тобой нечего тягаться. Я предлагаю вариант получше: мы подойдем к следующей деревне, возьмем машину, доедем до твоих камней, и ты покажешь, что хотел, уже сегодня вечером.

— Я не смогу показать тебе это до завтра. Так что сегодня нам нечего там делать.

— Ты сказал, что нам нужно будет остановиться у тебя в замке. Если мы будем идти пешком, у тебя не останется времени на то, чтобы погулять по развалинам.

— Я не гуляю и нигде не собирался гулять, женщина. Это из-за тебя мы гуляем. — На щеках горца заходили желваки. — Обычно я передвигаюсь куда быстрее.

— Тебе повезло, что я вообще двигаюсь. Ты что, не знаешь первого закона Ньютона? Тело пребывает в состоянии покоя, пока действующие на него силы не изменят это состояние. Это инерция, МакКелтар. Я ничего не могу поделать с законами природы. Такие переходы для меня — сложная задача. И я думаю, что ты просто боишься.

Гвен испытала чувство вины из-за того, что так быстро сдалась и использовала свою любимую уловку с Ньютоном. Большинство людей понятия не имели, о чем она говорит, когда дело касалось законов механики, и предпочитали не спорить, чтобы не показаться глупыми. После этого неприятная тема разговора исчерпывалась сама собой. Уловка нечестная, но очень эффективная. А Гвен готова была воспользоваться чем угодно, только бы не идти эти проклятые восемьдесят миль пешком.

В ответном взгляде Друстана читались удивление и недоверие.

— Я не знаю, кто такой Ньютон, но ему явно не удалось постичь законы материи и движения. И я не боюсь твоих глупых телег.

Он не знает, кто такой Исаак Ньютон? Где он вырос? В пещере?

— Прекрасно! — выпалила Гвен. — Если ты не боишься, тогда давай вернемся в Фейрхевен и я найму нам машину. Я даже сама за себя заплачу. Мы будем в твоём замке еще до обеда.

Друстан сглотнул. А ведь он действительно испытывает отвращение к машинам, поняла Гвен. Отвращение, которое испытывал бы житель Средневековья, внезапно перенесшийся на пятьсот лет вперед. Или, цинично добавила она про себя, отвращение, которое сыграл бы актер, поминутно планирующий свое выступление. В глубине души она хотела проверить, как далеко зайдет эта куча тестостерона, оказавшись в маленьком замкнутом пространстве автомобильного салона.

— Позволь помочь тебе, МакКелтар, — проговорила Гвен. — Ты же просил меня о помощи. И я пытаюсь сделать так, чтобы мы оказались в твоём замке быстрее, чем ты мог бы добраться туда сам. К тому же мне не по силам шагать в таком темпе два дня кряду. Либо мы возьмем машину, либо можешь обо мне забыть.

Он раздраженно выдохнул.

— Хорошо. Я поеду с тобой в этой повозке. Ты права, мне нужно время, чтобы подготовиться, и ясно, что ты не собираешься ускорять шаг.

Всю обратную дорогу до Фейрхевена Гвен улыбалась. Она купит пластырь, потому что растерла ноги ботинками. Она выпьет кофе и закажет на завтрак лепешки с шоколадом. Она купит Друстану одежду, наймет машину, вернет этого сумасшедшего его семье, и пусть они выясняют, что с ним не так. Похоже, день стремительно превращается из ужасного во вполне

сносный, подумала Гвен, незаметно оглядываясь на надоедливую мужчину, который теперь шагал гораздо медленнее... Вообще-то он еле-еле тащился, позволяя ей вести. Выглядел он жалко, но Гвен не рассмеялась. Она знала, что, если не будет держать себя в руках, они тут же направятся в противоположном направлении.

Утро налаживалось. Никотиновый пластырь, который Гвен нацепила, отправившись в кустики освежиться, справлялся со своей задачей. Никотин струился по венам, и девушка уже не боялась, что стукнет первого встречного за то, что он попался ей на дороге. Или, еще хуже, вцепится в Друстана МакКелтара и сделает с ним что-нибудь, что помогло бы удовлетворить сосательный рефлекс. Она знала, что сильно пожалела бы впоследствии, однако ломка без сигарет была жуткой. Ну что ж, зато теперь она точно выживет, поскольку снова контролирует ситуацию.

«Контроль — это все, — часто повторяла ее мать, Элизабет, своим сухим голосом с четким британским акцентом. — Если ты контролируешь причину, ты контролируешь и следствие. Если же нет, то события могут обрушиться на тебя, как в эффекте домино, и виновата в этом будешь только ты».

«Ох, замолчи, мама», — упрямо подумала Гвен. Ее родители были мертвы и все равно управляли ее жизнью. К тому же ее мать в чем-то была права. Все, что случилось, случилось только потому, что Гвен поддавалась эмоциям — этого Элизабет никогда не позволяла — и бросила свой рюкзак, предварительно не осмотревшись. Если бы она была внимательнее, она бы не положила рюкзак в такую неустойчивую позицию. Но она это сделала, рюкзак упал, а сама Гвен оказалась в пещере. Один-единственный момент беспечности — и вот она застряла в горах Шотландии с тяжелобольным человеком.

Слишком поздно об этом жалеть. Теперь можно лишь пытаться взять ситуацию под контроль. Гвен шагала все шире и быстрее, заставляя Друстана приноравливаться к ее шагу. Он мрачно молчал, и Гвен решила воспользоваться этой тишиной для того, чтобы убедить себя: он не потенциальный черрипикер.

Обратный путь до Фейрхевена они проделали быстрее, чем за час, и девушка вздохнула с облегчением, глядя на уютные отели, пункты проката машин, кофейни и магазины. Она снова среди людей, ей уже не нужно бороться с желанием расстаться с девственностью — или опять закурить, или и то и другое последовательно. Сейчас они зайдут в магазин и... ох!

Гвен остановилась и недовольно посмотрела на своего спутника.

— Тебе нельзя идти дальше, МакКелтар. В таком виде тебе лучше не появляться на людях. — Великолепно-порочный полуголый воин, похожий на средневекового террориста, ни за что не сможет смешаться с толпой туристов.

Друстан посмотрел на себя, потом на нее. Последовало возмущенное и высокомерное фырканье.

— Моя одежда прикрывает больше, чем твоя.

Похоже, этот человек умудряется даже фыркать по-королевски.

— Возможно. Но прикрывает не так, как надо. Ты не только ходячая фабрика оружия, на тебе намотано одеяло! — Друстан оскалился, и Гвен быстро добавила: — Очень хорошее одеяло, но дело не в этом.

— Ты меня не оставишь, Гвен Кэссиди, — тихо сказал он. — Я тебе не позволю.

— Я дала слово, что помогу тебе добраться до камней, — напомнила она.

— Я не собираюсь полагаться только на искренность твоих слов.

— Свое слово я держу. К тому же у тебя просто нет другого выхода.

— Есть. Мы пойдем пешком. — Друстан взял ее за руку и шагнул в обратном направлении.

Гвен запаниковала. Она ни за что не выдержит еще два дня. Ни за что.

— Ладно, — воскликнула она, — ты пойдешь со мной! Но тебе придется избавиться от оружия. С топором на спине, мечом на поясе и полусотней ножей я тебя в Фейрхевен не пущу.

Он стиснул зубы, и Гвен поняла, что сейчас последует очередная порция возражений.

— Нет! — Она вскинула руку, не позволяя ему начать. — Один нож. Можешь взять один нож, и закончим на этом. Остальное спрячем здесь. Мы подберем твое оружие на обратном пути. Я смогу объяснить твой костюм ролевыми играми или исторической реконструкцией, но такое количество оружия мне не удастся объяснить ничем.

С тяжелым вздохом Друстан сложил оружие. Груда железа осталась под деревом, а сам он без промедления шагнул к деревне.

— Хм, одну секунду, — обратилась Гвен к его спине.

— Что теперь! — Он остановился и обернулся, прожигая ее взглядом.

Девушка указала глазами на меч, который остался у него на поясе.

— Ты сказала «один нож». Но не уточнила, какого размера.

В глазах шотландца появился опасный блеск, и Гвен поняла, что он и так на пределе и лучше не настаивать. В конце концов, можно будет сказать, что меч — просто часть костюма. Она посмотрела на драгоценные камни на рукояти и пожалела, что они выглядят как настоящие. Из-за этого фальшивого меча они становятся приманкой для грабителей.

В пункте проката Гвен выбрала маленькую старенькую машину и договорилась о том, что заберет ее через час. За это время они успеют купить одежду, еду и кофе, а потом отправятся в Алборат. Гвен удалось затащить Друстана в «Барретс», магазин спортивной одежды, просто незаменимый для туристов. Тащить иногда приходилось в буквальном смысле — шотландец то и дело останавливался на что-то поглазеть, да и сам он привлекал всеобщее внимание.

На него реагировали сразу же. Люди таращились на Друстана, а потом внимательно рассматривали Гвен, явно пытаясь понять, что совершенно нормальная, разве что немного неряшливая американка делает в компании средневекового варвара. Ничего, успокаивала себя Гвен, которая терпеть не могла навязчивого внимания, скоро они с Друстаном будут на пути к Алборату. Возможно, она даже поужинает с его семьей, рассказывая о том, как нашла его. А потом оставит этого психа на попечение родственников и вернется к своей туристической группе.

Ты правда хочешь оставить его? Вернуться к старичкам?

После вчерашней ночи Гвен уже не была уверена, что сможет расстаться с шотландцем. Возможно, оставшееся время отпуска она проведет неподалеку от его дома, чтобы убедиться, что с ним все в порядке. В Штатах ей не к чему и не к кому было спешить. Ее не манили ни работа, ни огромный изысканный дом на Каньон-роад в Санта-Фе, которого она избегала после смерти родителей. Слишком много там было воспоминаний, все еще свежих и болезненных.

Можно будет поселиться в мотеле неподалеку от дома Друстана и объяснить свое поведение простым сочувствием.

— Куда это ты собрался?! — прошипела она, когда Друстан обогнал ее, чтобы провести рукой по вешалке с пурпурными спортивными костюмами.

Не обращая внимания на Гвен, он погладил лавандовую футболку, потом уставился на повязку цвета лилии. Покачав головой, Гвен решила, что ничего страшного не случится, если она позволит ему побродить по магазину, а сама подберет для него кое-что из одежды.

Она переключила внимание на одежду для мужчины, обладающего развитой фигурой профессионального спортсмена. «Барретс» предлагал огромный выбор вещей, но мало что годилось Друстану по размеру. Гвен взяла пару джинсов, окинула взглядом джинсовые куртки и посмотрела на широкие плечи Друстана. Не подойдет. А вот футболка с треугольным вырезом может налезть, пусть и в обтяжку, но вот цвет возьмем определенно не белый: слишком

шикарным получится контраст с золотистой кожей и черными волосами. Гвен представила себе мускулистую грудь, обтянутую белой футболкой, и поняла, что у нее есть все шансы утратить контроль над собой.

Она почувствовала его приближение. Волоски на спине и шее встали дыбом, и Гвен решила не оборачиваться. В тот же миг мурлычущий женский голос поинтересовался:

— Чем могу помочь?

Гвен оторвалась от стопки футболок и уставилась на высокую длинноногую продавщицу. Той было около тридцати. Очки на носу, пухлые чувственные губы чуть приоткрыты, а восхищенный взгляд прикован к МакКелтару.

— Предпочитаете старину? — пропела продавщица, полностью игнорируя Гвен. — Великолепный наряд. Я никогда раньше не видела подобного узора.

Друстан скрестил руки на груди, отчего тугие мышцы заиграли под доспехами.

— И не увидишь, — ответил он. — Этот узор принадлежит только МакКелтарам.

Вдобавок он царственно тряхнул львиной гривой волос. У любой женщины такой жест вышел бы кокетливым, но в исполнении МакКелтара это был открытый вызов «иди-ко-мне-если-считаешь-что-можешь-меня-укротить». Еще миг — и продавщица решит подойти и попробовать... или просто прыгнет на него. Гвен не хотелось этого видеть. Она сунула Друстану охапку выбранной одежды, и тот машинально подхватил вещи, выходя из своей «ах, какой мужественной» позы.

— Позвольте показать вам примерочную, — промурлыкала дама-консультант. — Я уверена, что смогу удовлетворить все ваши... хм... потребности... в «Барретсе».

«Подавись ты своими намеками, — подумала Гвен, на которую продавщица до сих пор даже не взглянула. — Может, он и сумасшедший, но это мой сумасшедший. Это я его нашла».

Гвен встала так, чтобы загородить проход этой — она взглянула на бейдж с именем — Мириам, и подтолкнула Друстана в сторону раздевалки. Мириам фыркнула и попыталась обойти Гвен, но та не позволила этого. В итоге они исполняли маленький танец в проходе, пока Гвен не услышала, как за Друстаном закрылась дверь примерочной. Уперев руки в бока, Гвен уставилась на очки длинноногой мымры и сообщила:

— Мы потеряли наш багаж. Этот костюм — все, что у нас осталось. Нам не нужна помощь.

Мириам взглянула на примерочную, сквозь короткую белую дверцу которой виднелась мускулистая фигура Друстана, потом высокомерно оглядела Гвен с головы до ног. Точнее — от давно не щипанных бровей до покрытых грязью туристических ботинок.

— Нашла себе шотландца, мелкая няффка? Вас, американок, тянет к нашим мужчинам точно так же, как ваших мужчин — к нашему виски. Причем с виски вы тоже не можете справиться.

— Я совершенно уверена, что могу справиться со своим мужем, — огрызнулась Гвен громче, чем ей хотелось бы.

Мириам взглянула на ее руки без колец, аккуратная бровь презрительно изогнулась, и Гвен внезапно ощутила, как жутко выглядит свежая поросль ее собственных бровей, но не позволила себе смутиться и ответила мымре ледяным взглядом. Не дождавшись от Гвен ни объяснений по поводу отсутствия кольца, ни готовности освободить дорожку к примерочной, Мириам хмыкнула и начала приводить в порядок стопку футболок, в которой копалась Гвен.

Гвен сдержала рычание и встала на страже у примерочной, притопывая ногой от нетерпения. Шелест ткани подсказал, что плед уже снят, и Гвен изо всех сил старалась не думать о том, что за дверцей кабинки стоит голый мужчина. Это было сложнее, чем не думать о сигарете, мысли словно издевались — чем больше она старалась не думать о Друстане, тем больше думала.

— Гвен?

С трудом вынырнув из фантазии, в которой она обливала его шоколадным сиропом, Гвен моргнула:

— Да?

— Эти штаны... ох! Во имя Амергина!

Она фыркнула. МакКелтар притворялся, что впервые видит змейки, а если он действительно носил плед, как это положено человеку из шестнадцатого века, то под пледом не было нижнего белья (об этом в свое время рассказывал гид). Гвен услышала еще пару приглушенных проклятий, потом скрип змейки — и злобное ругательство. Звучало очень правдоподобно.

— Выходи, я на тебя посмотрю, — сказала она, стараясь сохранять невозмутимость.

— Тебе самой придется войти. — Его голос прозвучал странно и сдавленно.

Украдкой взглянув на Мириам, которая теперь занялась прыщавым подростком, Гвен вошла в примерочную. Друстан разглядывал себя в зеркале, стоя к ней спиной, и, Боже, лучше бы ей не видеть этой мускулистой задницы, обтянутой выцветшими джинсами... Длинные темные волосы струились по его плечам, и Гвен захотелось запустить в них пальцы, погладить и поднять, наслаждаясь видом чудесной мускулатуры... Во рту внезапно стало сухо.

— Повернись, — скомандовала она.

Друстан повернулся, скривившись. Она уставилась на его голую грудь, потом напонила себе, что смотреть вообще-то следовало на джинсы. Ее взгляд скользнул по рельефным мышцам живота, переместился на бедра и...

— Что ты засунул себе в штаны, МакКелтар? — возмущенно поинтересовалась она.

— Только то, чем наделила меня природа, — сдавленно ответил он.

Гвен уставилась на него.

— Это просто не может быть настоящим. Ты, наверное, засунул туда... носок или я не знаю что. О Боже! — Она заставила себя поднять глаза.

На скулах Друстана ходили желваки, ему явно было неудобно.

— Нэй, я не думаю, что ты умышленно собралась меня пытаться. Я видел на улицах мужчин в такой одежде, поэтому не буду принимать никаких мер. Однако у нас есть проблема размером с мою стопу, — сообщил он.

— Стопу? — глупо повторила она, машинально взглянув на его ноги.

Большие ноги.

— Айе. — Он жестом указал на ее ноги. — В твоём времени принято сковывать ступни этими неудобными колодками, а мы носили мягкую гибкую кожу.

— В смысле?

— В смысле им было куда расти, — пояснил он, как дурочке.

Гвен покраснела. Все это казалось ей отрепетированной шуткой. А в штанах у него свернутые носки, в этом она не сомневалась!

— МакКелтар, я в жизни не поверю, что это, — она показала на бугор в его джинсах, — твоё родное. Может, я и доверчивая, но знаю, на что похожа эта часть тела. Так вот, с тобой явно что-то не так!

Он прижал ее к двери примерочной, чувственные губы изогнулись в дразнящей улыбке.

— Ты ведь можешь во всем убедиться сама. Прикоснись ко мне, девушка. Почувствуй мой... носок. — В серебристых глазах светилась усмешка, змейка скрипнула под его пальцами.

— Не-а. — Гвен помотала головой, чтобы избавиться от наваждения.

— Тогда найди мне штаны, которые не будут угрожать некоторым частям моего тела.

— Ага, — согласилась она, пытаясь не думать о расстегнутой змейке.

— Не пугайся, девушка. Когда мы займемся любовью, с размером не будет проблем.

Эти слова, произнесенные с урчащим акцентом, в сочетании с теплой близостью «носка» чуть не заставили Гвен стянуть с шотландца джинсы. Зубами. Она закрыла глаза.

— Отпусти, или эти штаны перестанут тебе жать, — пригрозила она. — Я возьму твой меч, и проблема исчезнет.

— Посмотри на меня, Гвендолин.

— Гвен, — поправила она.

— Гвен, — повторил он.

И поцеловал ее.

«Как удар молнии, — подумала Гвен. — От его прикосновений словно электричеством пробивает». Напряжение просто зазвенело между ними, и Друстан тоже это почувствовал, потому что отодвинулся и странно на нее посмотрел. А затем провел пальцем по ее губам и снова поцеловал, настойчиво и властно.

«Да, — подумала она, — именно то, что мне нужно. Я чувствую... о-о-о!» Ей пришлось запрокинуть голову, и теперь их поцелуй стал, как у Гвиневеры и Ланселота в фильме «Первый рыцарь», — его губы накрыли ее рот под идеальным углом. Гвен задрожала, когда его язык скользнул между ее губами — горячий, мягкий, настойчивый. «Вот тебе, Мириам!»

Забывшись в нахлынувшем на нее желании, она слегка стукнулась затылком о дверцу кабинки. Руки Гвен скользили по мощным мускулам его предплечий, поднялись к плечам и обняли за шею. Она не приехала в Шотландию, не упала в пещеру и не встретила сумасшедшим. Она умерла, попала на небо, и здесь ее ждала награда за долгие годы, проведенные под строгим контролем родителей. Руки Друстана, обнимавшие ее талию, смещались все выше, отслеживая каждый изгиб тела, а поцелуй становился все глубже. Когда его ладони сжали ее грудь, Гвен среагировала так, что сама удивилась: видимо, нужно было носить на груди табличку «Для секса сжать вот здесь». Она выгнула спину, потерлась сосками о его загрубевшие ладони. «Носок», который Друстан якобы засунул в свои джинсы, был самым твердым носком в мире и находился в опасной близости от места назначения.

И, Боже, как она хотела, чтобы он там оказался!

Гвен хотела, чтобы на них не осталось одежды, хотела ощутить его внутри.

Пальцами Друстан поглаживал ее соски, его язык хозяйничал у нее во рту, гладкий и жадный, и от его настойчивости у Гвен вырывались почти мяукающие звуки. Друстан слегка сместился, и теперь его возбужденный член упирался прямо в ее пах, а их бедра двигались в одном безумном ритме с языками. Когда он подхватил Гвен под ягодицы и вздернул вверх, она с готовностью обхватила ногами его талию, подчиняясь и жадно отвечая на поцелуй.

Гвен прижималась к шотландцу изо всех сил, чувствуя, как мешает ей эта проклятая одежда. Запустив пальцы в его густые волосы, она посасывала его язык, отчаянно желая большего. Друстан издал тихий, типично мужской довольный смешок, взял ее лицо в ладони и поцеловал так глубоко, что Гвен начала задыхаться. Его язык скользнул ей в рот, коснулся, исчез, вернулся. Она чувствовала, как от его прикосновений по коже прокатываются волны энергии; она купалась в этой теплой силе, все больше распаяясь. Казалось, этот человек знает естественную частоту ее тела и заставляет ее резонировать со своей. Она вибрировала, как идеальный кристалл, и, если их частоты продолжают колебаться на одном уровне, она рассыплется на кусочки. Гвен ласкала его в ответ, искренне желая довести до такого же состояния.

— Могу я предложить вам другой размер или стиль? — прошептала Мириам из-за двери, вызвав у Гвен самое теплое чувство с момента их встречи.

Мымра спасла ее от потери невинности, к которой Гвен была уже готова, — с сумасшедшим, на полу примерочной кабинки.

Друстан застонал и углубил поцелуй.

«Какая наглость! — Сознание вернулось к Гвен, и оно явно было не в настроении. — Мужчина целует меня, и я тут же прыгаю на него, как на самый классный аттракцион Диснейленда. Я что, сошла с ума?» Она загнала ногти в его плечи и укусила за язык.

— Ой. Не думаю, что в этом была необходимость, — прошептал Друстан.

В его глазах светилась страсть пополам с раздражением на то, что их посмели прервать. Он

был явно не из тех, кто бросает начатое дело на полпути. Лэрд был настроен решительно и возбужден до крайности.

— Мадам? — В голосе Мириам послышалось раздражение.

Гвен с ужасом осознала, что тихонько стонет. Она глубоко вздохнула, заставила себя расслабить ноги и соскользнула с его талии вниз. Руки Друстана сомкнулись на ее бедрах, и ей пришлось еще раз вцепиться ногтями в его плечи. Он неохотно опустил ее на пол и снова попытался поцеловать.

— Прекрати, — яростно прошипела она.

Еще раз судорожно вздохнув, она смогла ответить Мириам:

— Да. Хм. Правильно, одежда. Как насчет... э, вот тех хаки? Со свободной посадкой, размер тридцать два... подождите-ка. — Она помотала головой, пытаясь прийти в себя. Чтобы штаны не жали Друстану ниже пояса, они должны быть широкими в талии. — Объем талии должен быть тридцать четыре, тридцать шесть или тридцать восемь, — сказала Гвен. — И пояс. — Закрыв глаза, она снова попыталась отдышаться. Сердце грохотало, как барабан, и настойчиво старалось вырваться из груди.

— Мадам? — позвала Мириам таким милым голоском, что только другая женщина могла бы различить в нем стервозные нотки.

— Да?

— Я понимаю, что американцы... отличаются... от нас и, возможно, ваших ног не видно на полу, потому что вы встали на стул и любуетесь одной из наших новых камер слежения, но в этом магазине дети, а в Шотландии строго относятся к их воспитанию. И ваша кабинка не предназначена для совместной примерки.

Лицо Гвен пылало.

— Отпусти меня, придурок, — прошипела она, толкая Друстана в грудь.

Он взглядом пообещал, что они продолжат начатое, — и отступил на шаг.

— Как пожелаешь, женушка, — промурлыкал он, открывая ей дверь с галантным поклоном.

Гвен покраснела. Она так надеялась, что он не расслышал их перепалки с Мириам. Гвен шагнула наружу. Мириам, пылающая праведным гневом, уставилась мимо нее на Друстана МакКелтара — стоящего в расстегнутых джинсах и без футболки.

— О Боже. — Продавщица облизнула губы. — Я принесу хаки.

Но не сдвинулась ни на дюйм, и Гвен захотелось ее пнуть. А еще лучше — затолкнуть подальше в череп ее вытарашенные глазки.

— Вы собирались принести штаны, — сухо напомнила Гвен.

— Ой, да, — засуетилась Мириам. — Если хаки не подойдут... э-э-э... по размеру, можете попробовать спортивные штаны. Они довольно... просторные.

Ослепительно улыбаясь Друстану, она переводила взгляд с его паха на руку без обручального кольца и обратно.

— Отлично. Вот и принесите.

Гвен взглянула на Друстана, захлопнула дверцу примерочной, привалилась к ней спиной и вздохнула, собираясь с мыслями.

— Я хочу пурпурные штаны, девушка, — раздалось из-за двери.

— Нет, — раздраженно ответила она.

— И пурпурную рубашку.

«Ни в коем случае», — подумала Гвен. Этот насыщенный цвет невероятно оттенит его темные волосы и смуглую кожу. Может, в черном он будет выглядеть более... тусклым. Помечтать-то можно? Спустя несколько минут и пару приглушенных проклятий Гвен услышала, как джинсы упали на пол. Воображение с готовностью выдало картинку — его обнаженное

тело, — и Гвен принялась размышлять о том, кто в течение последних суток мог подсыпать ей афродизиак.

«Найди мужчину, которому ты сможешь довериться в трудную минуту, с которым сможешь спорить при необходимости, от прикосновения которого будешь просто гореть», — сказала ей Беатрис. Ну, с горением все в порядке, и спорить они тоже могут...

Гвен помотала головой, отказываясь думать о том, что ее идеальный мужчина — сумасшедший.

А вдруг он был прав по поводу ступни? Вдруг без специальных ограничений все может вырасти больше, чем обычно? То, что было у него в штанах, ощущалось совсем не как носок. Оно больше походило на тубус с теннисными мячами, который Гвен заметила на кассе магазина. Девушка посмотрела на свою грудь. Стоит ли перестать носить лифчик и стринги и перейти на старое доброе плотное белье?

Ну и как она теперь посмотрит ему в глаза?

Спортивные штаны подходят, с облегчением понял Друстан. А вот те голубые точно были орудием пыток, после которых невозможно продолжить род. Может, во времени этой девушки мужчины устроены как-то иначе? Тех, что шагали по улицам, штаны совершенно не стесняли. Может, там просто нечего сжимать? Тогда в этом столетии должны водиться сотни неудовлетворенных женщин, однако в данный момент его не интересовали эти сотни. Друстана интересовала только одна, удовлетворение которой полностью завладело его мыслями. Он понял, что просто одержим этой женщиной с самой первой минуты.

Гвен Кэссиди сотворила с ним нечто невероятное. В ее присутствии у него подгибались колени, и при этом он чувствовал себя невероятно могучим. Сила друидов и чисто мужское вождение струились в его венах вместе с кровью, грохотали в ушах. Когда Друстан прикасался к этой девушке, все в мире обретало смысл, становилось чудесной, математически выверенной конструкцией. Ему следовало бы испугаться, потому что, обнимая эту девушку, он забывал обо всем, даже о клятвах.

В свое время друиды просчитали, что чем больше объект, чем больше его объем и масса, тем сильнее сила притяжения, которая влечет к нему другие объекты. Друстан всегда считал себя ходячим подтверждением этой теории, но Гвен, крошечная Гвен, которая почти ничего не весит, притянула к себе весь его мир. Она нарушала все законы природы.

Друстан вздохнул и заставил себя не думать о ее маленьком теплом теле. Он посмотрел на себя в зеркало. Черные штаны (по имени Адидас) ему подошли, но оказались мешковатыми. На лодыжках и на поясе они держались при помощи странной упругой ткани. Из всего предложенного это был наиболее приемлемый вариант. Ему нравилась темная шерстяная ткань, гладкая снаружи. Друстан подозревал, что она непромокаемая. Пурпурный цвет был бы лучше, но и черный вполне подходил. Не королевский цвет, но и не рабский.

Голубые штаны были болезненно узкими, в них невозможно было даже обуться, да и сам цвет, казалось, не хотел на них держаться. Ни один ткач его клана не признался бы в том, что из-под его рук вышла эта мерзкая штука. А штаны, которые называли «хаки», неплохо сидели на нем, однако их цвет обозначал фермерское сословие, а МакКелтары не были фермерами. Плед Друстана был пурпурно-черным, с вплетением драгоценных серебряных нитей. Горец скатал плед, перевязал его кожаными ремнями и зажал под мышкой. Люди этого века явно не подчинялись брeону. По всему магазину были развешаны вещи разных оттенков пурпурного, и кто угодно мог их купить. МакКелтары много столетий назад на торжественной церемонии получили право носить семь цветов гэльского короля. Лэрды клана МакКелтаров всю жизнь носили пурпурный.

Господи, он тоже — всю жизнь. Возможно, никого из его клана не осталось, но он еще жив

и, как только доберется до камней, найдет способ все исправить. Ему было неуютно в этом мире, мысль о путешествии в машине была неприятной, но, чтобы добраться сегодня до замка МакКелтаров, Друстан оседлал бы и огнедышащего дракона.

Горец молился о том, чтобы Сильван каким-то чудом смог продолжить род — пусть отец уже не молод, но ведь в принципе такое возможно — и в этом веке жили его наследники, живые и здоровые. Молился о том, что, если это не так, пусть хотя бы замок устоит перед напором времени, тогда он закрепит каменные плиты и завтра в полночь шагнет в свое время. Там не будет странных шумов, отвратительной вони и неверного ритма самой Геи.

Пинком отбросив жесткую белую обувь с веревочками, которую девушка подсунула под дверь, Друстан снова надел свои сапоги. Потом продел руки в ту вещь, которую здесь непонятно почему называли футболкой, и растянул ее, чтобы ткань не так сильно сжимала шею и грудь.

Открыв дверь, Друстан немного постоял, глядя на изящную фигурку Гвен. Они прекрасно подойдут друг другу в постели, но она не поверит в это, пока не убедится. Что ж, он с радостью займется с ней этим снова, снова и снова.

Ему нравилась Гвен Кэссиди — колючая, упрямая, немного высокомерная и властная, — и все же больше всего горцу хотелось сорвать с нее одежду, толкнуть на ложе из вереска, раздвинуть ей ноги и дразнить, пока она не начнет молить о том, чтобы он взял ее. Хотелось прижаться лицом к ее груди, коснуться языком ее кожи. Их поцелуй только распалил его, и Друстан со стоном вспомнил, как больно было снимать узкие штаны после того, как она выскользнула у него из рук.

Остановившись в проеме, он надел сумку, повязал на пояс один из кожаных ремней и повесил на него меч. А потом тихо шагнул к Гвен, погладил ее талию, улыбнулся и опустил руки ниже. У нее была аппетитная попка, мягкая и женственная, в форме перевернутого сердечка, и он не упускал возможности потрогать ее. Вот и сейчас он собрался пальцем коснуться той точки, где сходятся две соблазнительные полусферы, но Гвен вырвалась и отпрыгнула.

Лэрд насмешливо изогнул бровь, взглянул на продавщицу.

— Моя жена все еще не привыкла ко мне. Мы не так уж давно женаты. — Хм, ему нравилось произносить слово «жена», глядя на Гвен.

— Хороший меч, — промурлыкала в ответ Мириам, глядя не на меч, а гораздо левее.

Гвен отвернулась от нее.

— Пойдем, — обратилась она к Друстану, — муж.

Взгляд, которым он ей ответил, кипел от страсти, и Гвен начала задумываться о том, как долго она сможет держать шотландца под контролем. Если вообще сможет его контролировать.

— Я бы привыкала с удовольствием, — пробормотала Мириам, глядя, как этот красавец уводит свою жену из магазина, властно обняв за талию.

Он улыбнулся ей, обернувшись через плечо.

Настроение Гвен улучшилось в нескольких кварталах от кафе — одного запаха свежесмолотого кофе оказалось достаточно, чтобы вернуть ей радость жизни. Пару минут спустя она закажет себе капучино и шоколадное пирожное. А еще лепешку с клубникой и апельсином. Войдя в кафе, Гвен облегченно вздохнула.

— Девушка, тут так много людей, — задумчиво произнес Друстан. — Скажи, вся эта деревня принадлежит одному лэрду?

Гвен посмотрела на него и решила, что надо было выбирать белую футболку. Друстан МакКелтар, с ног до головы затянутый в черное, выглядел, как выразилась бы ее подруга Бет, с-ног-на-фиг-сшибательно и более чем привлекательно. От их поцелуя в примерочной по коже Гвен до сих пор бегали мурашки, и это не прекратится, пока она смотрит на него. Девушка быстро отвела взгляд, рассматривая кафе. Семьи с детьми, пожилые и совсем юные пары — в

основном туристы — заняли десятки маленьких столиков.

— Нет, они, скорее всего, из разных семей.

— И они находятся в мире? Представители разных кланов едят вместе и счастливы, — воскликнул шотландец так громко, что многие повернулись, чтобы посмотреть на них.

— Тише... ты привлекаешь внимание.

— Я всегда привлекаю внимание. В твоём времени — даже больше, чем в моём. Вы ещё такие дети...

Гвен прожгла его взглядом.

— Просто говори потише, веди себя прилично и позволь мне сделать заказ.

— Я веду себя лично, — пробормотал он, направляясь к сверкающим серебряным машинкам, которые гудели, пытели и выпускали пар.

Ведет себя лично? Это выражение ставило её в тупик. Но потом Гвен подумала, что слова меняются со временем. Ещё одно доказательство того, что он не в себе. Как там говорил Ньютон? *«Я могу рассчитать движение небесных светил, но не степень безумия человеческого».*

Пока Гвен делала заказ, Друстан кружил по кафе, ничего не упуская. Казалось, любая мелочь приводила его в восторг. Он поднимал кружки из нержавеющей стали, переворачивал их и рассматривал, нюхал мешочки с кофейными зёрнами, трогал салфетки и подставки. А потом нашёл специи. Гвен взглянула на него как раз вовремя, чтобы заметить, как маленькие баночки с корицей и какао исчезают в кармане спортивных штанов.

— Ты что делаешь? — прошипела она, снимая крышечки с их кофе.

Гвен выгнулась, чтобы заслонить Друстана от хозяев кафе. Ну вот, уже дошло до нарушения закона.

— Ну-ка быстро вынь баночки из кармана!

Друстан фыркнул.

— Это ценные специи.

— И ты собрался их украсть?

— Нэй, я же не вор. Но это корица и какао. Их непросто достать, у нас они почти закончились, а Сильван их любит.

— Но это же не твоё. — Гвен старалась сохранять спокойствие.

— Я МакКелтар, — ответил он, тоже явно стараясь не выйти из себя. — На этой земле всё принадлежит мне.

— Поставь на место.

Его улыбка стала очень мужской — и очень вызывающей.

— Ты поставь их на место.

— Я не собираюсь рыться у тебя в карманах.

— Тогда специи останутся у меня.

— Ну ты и упрямый.

— Я упрямый? Я? И это говорит женщина, которая требует, чтобы всё было только так, как она скажет? — Он прижал кулаки к груди и повысил голос почти на октаву, передразнивая её: — Ты должен носить жесткую белую обувь! Ты должен ехать на машине! Ты должен избавиться от оружия! Ты не должен меня целовать, даже если я обнимаю тебя ногами, когда ты меня целуешь! — Раздраженно мотнув головой, Друстан добавил уже своим глубоким баритоном: — Должен, должен, должен. Меня тошнит от этого слова.

Щеки Гвен горели, колени подгибались, но она сунула руку в его карман и ухватила стеклянные баночки.

— Сильван будет разочарован, — сказал Друстан с хищной усмешкой и сделал шаг вперед.

— Если верить твоим словам, Сильван умер пятьсот лет назад, — выпалила Гвен и тут же пожалела об этом.

По лицу шотландца пробежала тень боли, и девушка чуть не стукнула себя по лбу за такую глупость. Даже если этот человек болен, он наверняка верит в то, что рассказывает ей, а если так, ему больно слышать о смерти отца — не важно, реального или воображаемого.

— Извини, — быстро сказала она.

И посыпала корицей пенки на их капучино. А потом, надеясь сгладить впечатление от своих необдуманных слов, опустила баночки обратно в его карман, пытаясь не думать о том, что становится соучастницей преступления. И о том, что находится слишком близко к «носку» этого вора, и что «носок» на самом деле вовсе не носок, и что она до сих пор помнит, как горец выглядел в джинсах.

Друстан раздраженно сунул руку в карман, достал обе баночки, грохнул их на низкий столик для специй, развернулся и зашагал прочь.

Гвен бросилась за ним мимо столика, за которым сидели родители с сыном, и услышала, как мальчишка сказал:

— Поверить не могу, что они собирались украсть специи! Они же вроде не выглядят бедными. А вы видели его меч? Вау! Круче, чем у Горца!

Гвен раздраженно сунула под мышку пакет со сладостями, накрыла крышечками стаканы с капучино и пошла к двери.

— Друстан, подожди! Друстан, мне очень жаль, — обратилась она к широкой упрямой спине уходящего.

Он остановился, а когда обернулся, Гвен с удивлением поняла, что он улыбается. С чего вдруг такая разительная перемена настроения? Она задержала дыхание. Друстан был самым красивым мужчиной из всех, кого она видела, а улыбка делала его еще красивее.

— Я тебе нравлюсь.

— Ничего подобного, — солгала Гвен. — Но я правда не хотела задеть твои чувства.

Он не среагировал.

— Айе, девушка, я нравлюсь тебе. Я это вижу. Ты назвала меня по имени и нахмурилась, но глаза тебя выдали. Я прощаю тебе глупость и грубость.

Она быстро сменила тему, решив выяснить то, что не давало ей покоя после перепалки с Мириам в «Барретсе».

— Друстан, что такое «ньяффка»?

Он растерянно взглянул на нее, а потом рассмеялся.

— Кто посмел назвать тебя ньяффкой?

— Эта злобная мымра из «Барретса». И прекрати надо мной смеяться.

— Ох, девушка... — И снова смех.

— Ну так что это значит?

— Ты хочешь услышать полное описание или краткое значение слова? С кратким выйдет заминка. Это чисто шотландское выражение.

— Я хочу услышать, что оно означает, — сердито ответила Гвен.

В глазах горца запрыгали озорные искорки, брови изогнулись, и он ответил:

— Как пожелаешь. Это слово означает человека, надоедливого, как комар. При этом способность раздражать и надоедать не идет ни в какое сравнение с крошечным размером, поскольку самомнение этого человека просто неизмеримо.

К тому времени как он договорил, Гвен уже кипела от возмущения. Она развернулась и шагнула в сторону «Барретса», чтобы высказать нахалке Мириам все, что о ней думает.

— Подожди, девушка, — сказал Друстан, хватая ее за руку и притягивая к себе. — Ведь

совершенно ясно, что она просто ревновала. Рядом с тобой был такой великолепный мужчина, как я, а она видела меня в тех голубых штанах и приревновала к тебе.

Гвен уперлась руками в бедра.

— А ты не мог бы чуть меньше любоваться собой?

— Ты не няффка, Гвен, — произнес Друстан, ласково заправляя ей за ухо выбившуюся прядь. — Ей просто не понравилось выражение моих глаз, когда я смотрел на тебя.

Что ж... Паруса сдулись. Гвен внезапно почувствовала, что Мириам уже не кажется ей такой мерзкой, и это как-то отразилось на ее лице, потому что Друстан самодовольно улыбнулся.

— Теперь я нравлюсь тебе еще больше.

— Неправда, — сказала она, пытаясь вырвать руку из его хватки. — Пойдем заберем машину и поедem, куда собирались.

Господи, да он не просто нравился ей. Он был сильным, надежным и невероятно соблазнительным.

22 сентября

7:32 р. т.

Одно спустившее колесо — в компании человека, который понятия не имеет, как его менять, и при отсутствии домкрата, — остановка, чтобы подобрать оружие, три остановки для того, чтобы отдохнуть, четыре кофе и поздний обед — и вот они на границе Албората, а за окнами машины сияет закат. Гвен украдкой посмотрела на Друстана и принялась размышлять, приобретет ли его лицо снова нормальный цвет. Когда девушка разогнала дребезжащую машину до семидесяти километров в час, Друстан вцепился в свое кресло и застыл в такой напряженной позе, что, казалось, щелкни по нему пальцем — и он разлетится на осколки.

Такая скорость себя оправдала, потому что, отъехав от Фейрхевена на две мили, они пропоролы колесо и пешком отправились обратно, чтобы найти служащего прокатного агентства и уговорить его вызвать техника для смены колеса. Гвен попыталась договориться о другой машине, но, согласно заключенному договору, это было невозможно до завтрашнего вечера.

Колесо сменили, машина снова покатила по дороге, и Друстан внезапно расслабился настолько, что даже обратил внимание на кофе и сладости. Поворчав из-за того, что Гвен не додумалась купить лосося и картошки, он попробовал кофе и шоколад — и на его лице появилось выражение искреннего блаженства. Такая реакция на обычные, повседневные вещи раздражала девушку. Господи, кажется, она начинала ему верить. Во время поездки они почти не разговаривали, но не потому, что она должна была следить за дорогой. Просто нервов МакКелтара еще и на разговор не хватало.

А теперь, когда на горизонте показались огни Албората, а машина нырнула в сумерки аллеи, выражение лица горца стало почти пугающим.

— Хочешь остановиться в деревне?

— Нэй, — коротко ответил он. Разжав побелевшие пальцы, которыми он хватался за сиденье, Друстан указал на дорогу, уходящую на север. — Тебе надо перегнать это железное чудовище через вершину того холма.

Гвен посмотрела в указанном направлении. Согласно туристической брошюре, в Шотландии было двести семьдесят семь гор высотой более километра, и Друстан указывал как раз на одну из них. Вдохнув, Гвен обогнула деревню и сбросила скорость на дороге, ведущей вверх. Девушка так надеялась убедить его поужинать и отдохнуть, чтобы получить отсрочку перед его безумным планом.

— Расскажи мне о своем доме, — попросила Гвен.

Этот день был нелегким для них обоих, и она внезапно ощутила тревогу. Она собирается отвезти его «домой», но что, если его дом не здесь? Что, если следующие несколько часов станут критическими для его большого разума? Гвен намеревалась остаться рядом с Друстаном до завтрашней ночи, чтобы увидеть обещанное доказательство, однако технически она уже выполнила свое обещание: довезла его до Бан Дрохада целым и невредимым. Но Гвен казалось, что для горца технического исполнения будет недостаточно.

— Даже не думай бросить меня сейчас, — сказал Друстан, накрывая ее руку своей и сжимая ее пальцы.

Гвен ответила острым взглядом.

— Ты что? Мысли читаешь? Он слегка улыбнулся.

— Нэй. Я просто напоминаю тебе, что ты обещала остаться со мной, пока не увидишь

доказательства. И я не позволю тебе подвести меня сейчас.

— А как ты собираешься это сделать? Опять посадишь меня на цепь? — сухо спросила она.

Друстан не ответил, и Гвен снова посмотрела на него. Господь всемогущий, этот человек выглядел опасным. Серебристые глаза были холодными и пугающе спокойными — да, если будет нужно, он снова воспользуется цепью. На секунду в неверном свете Гвен показалось, что она смотрит на настоящего средневекового лорда, шагнувшего вперед на пять столетий, на воина, который стремится к своей цели — и никто и ничто не может помешать ему ее достичь.

— Я не собиралась изменять своему слову, — сказала Гвен.

— Судя по твоему голосу, ты считаешь измену позорной? Хорошо, потому что я не позволю иного.

Некоторое время они ехали в тишине.

— Тебе нравятся мелодии бардов, Гвен?

Она слегка скосила глаза.

— Раньше мне выговаривали за то, что я интересуюсь поэзией. «Романтической поэзией, которой не было места в доме Кэссиди, а я в детстве ее очень любила».

— Можешь сделать мне одолжение?

— Конечно, почему бы нет? — с мученическим вздохом ответила Гвен. — Я и так сделала тебе сотню одолжений, так что не стесняйся с добавками.

Друстан слегка улыбнулся и заговорил тихо и отчетливо:

— Куда ни иди, я пойду по следам, мы два огонька одного уголька, и время, летящее дальше и вспять, не в силах теперь наши судьбы разнять, помни.

Гвен пожала плечами. Это не было похоже на романтическую поэзию, хотя и напоминало ее.

— И что это значит?

— У тебя хорошая память, Гвен Кэссиди? — поинтересовался он.

— Конечно. — Боже, кажется, он начинает бредить.

— Повтори мои слова.

Она посмотрела на него. Его лицо было бледным, руки сжались в кулаки, а взгляд был серьезным и напряженным. Чтобы успокоить его, Гвен попросила повторить строчки, а потом без запинки произнесла странное стихотворение.

— Ну и какой в этом смысл? — спросила она после того, как трижды проговорила строки.

Они отпечатались в ее памяти.

— Смысл в том, что мне приятно это слышать. Спасибо.

— Кажется, это становится целью моей жизни, — сухо отозвалась она. — Это еще одна из вещей, которые ты объяснишь позже!

— Если все пойдет как надо, нет, — ответил шотландец, и в его голосе прозвучало что-то, от чего по спине Гвен поползли мурашки. — Молись, чтобы тебе не пришлось понять этого.

Она сменила тему разговора, и они болтали только о пустяках, пока его настроение не улучшилось. Он с любовью рассказывал о своем замке, сначала о землях вокруг него, потом о внутреннем убранстве и последних постройках. Гвен упомянула о своей бессмысленной работе, но была лаконична. Она не стала откровенничать: чем больше он о ней узнает, тем больше вероятность, что она ему не понравится. А Гвен Кэссиди почему-то очень хотела понравиться Друстану МакКелтару. Но они оба продолжали говорить, потому что гнетущая тишина, казалось, готова была проглотить их живьем.

К тому моменту как они добрались до вершины, руки Гвен начали дрожать на руле. Когда Друстан убрал прядь, упавшую ей на глаза, девушка заметила, что его рука тоже дрожит. Немаловажный факт: он не лукавил с ней. Он действительно надеялся найти свой замок на

вершине горы. Друстан искренне верил в свою иллюзию и в то же время боялся, что замка может не оказаться на месте. Гвен с беспокойством косилась на него, размышляя о своем. Не похоже было, что он потерял память или играл с ней в какую-то странную игру. Он верил в то, что говорил о себе, и это ее расстраивало: легче справиться с физическим недугом, чем с психическим заболеванием.

Гвен сбросила скорость, не торопясь закончить их путешествие. Теперь она жалела, что они не пошли пешком и этот решающий момент настал так быстро. Если бы она послушалась Друстана, до неприятного решения оставалось бы еще двадцать четыре часа.

— Поверни на север.

— Но там нет дороги.

— Это я вижу, — угрюмо ответил горец. — А учитывая, что ко всем замкам, попадавшимся нам по пути, вели дороги, это обстоятельство меня тревожит.

Она повернула налево, свет фар запутался в густой траве.

— Вверх по склону, — мягко, но настойчиво повторил Друстан.

Глубоко вздохнув, Гвен подчинилась. Когда он велел ей остановиться, она сделала это не задумываясь — машина и без того была на последнем издыхании. Изломанный край развалин Бан Дрохада устремлялся в низкое полночное небо, выделяясь черной громадой.

— Э... я не вижу тут замка, МакКелтар, — сказала Гвен.

— Он за скатом, его не видно, потому что он закрыт маковкой. Пойдем, я покажу тебе. — Друстан распахнул дверцу и выскочил наружу.

Наверное, он имел в виду склон и вершину, подумала Гвен. Она выключила фары и присоединилась к горцу. Раньше у нее дрожали только руки, теперь дрожь охватила все тело, и ей внезапно стало холодно.

— Подожди, я захвачу теплую кофту, — сказала она.

Шотландец нетерпеливо притопнул ногой, не сводя глаз с камней, и девушка знала, что он отчаянно хочет подняться туда и убедиться, что замок все еще стоит. Ей так же отчаянно хотелось отложить этот момент.

— Может, перекусим, прежде чем идти туда? — легкомысленно поинтересовалась Гвен, вытаскивая пирожки с лососем, купленные во время последней остановки.

Друстан слабо улыбнулся.

— Пошли, Гвен. Сейчас же.

Пожав плечами, она захлопнула дверцу и зашагала к нему. Друстан взял ее за руку, и, вместо того чтобы отдернуть ладонь, Гвен придвинулась ближе и позволила ему вести.

Они молча прошли по остаткам вала. Тишину, окружавшую их со всех сторон, нарушали только цокот сорвавшихся с насыпи камешков и тихий хор древесных лягушек. Ветер шевелил высокую траву, закат пылал в полнеба, а на его фоне возвышались каменные глыбы, образующие круг. Гвен насчитала тринадцать камней, с огромной плитой в центре круга. На фоне неба камни казались совершенно черными.

И за ними ничего не было. Точнее — было несколько сосен, пологие холмы, но ничего, напоминающего замок.

Гвен и Друстан молча шли вперед, теперь уже гораздо медленнее, чем раньше. За каменным кругом виднелись остатки того, что раньше было рощей могучих дубов, и раскрошившийся фундамент древнего замка.

Гвен не хотела смотреть на него. Не собиралась смотреть на него.

Дойдя до внешней стены, Друстан упал на колени.

Дальше, в центре руин, Гвен заметила высокую траву и осколки камней, раздробленных, словно в гигантской ступе. Молчаливая могила древнего замка, темное небо над ней, и мужчина,

на которого Гвен боялась смотреть. Что она увидит? Страдание? Ужас? Или в серебристо-серых глазах, таких ясных и честных, появится осознание того, что он действительно сошел с ума?

— О Боже, все они мертвы, — прошептал Друстан. — Кто уничтожил мой народ? Почему? — Он судорожно вздохнул и приглушенно добавил: — Гвен.

— Друстан, — мягко откликнулась она.

— Я прошу тебя посидеть немного в твоей телеге.

Гвен замерла. Часть ее хотела сбежать, поджав хвост, другая часть чувствовала, что здесь и сейчас она будет нужнее.

— Я не уйду...

— Иди.

В его голосе прозвучала такая боль, что Гвен моргнула и решилась посмотреть на него. Глаза шотландца потемнели, на ресницах блестели слезы.

— Друстан...

— Прощу тебя, оставь меня сейчас, — прошептал он. — Я должен оплакать свой клан в одиночестве.

Слабость в его голосе обманула ее.

— Я обещала тебе, что не оставлю...

— Сейчас же! — рявкнул он. Она не шевельнулась, и он сверкнул глазами: — Повинуйся мне.

Гвен подчинилась — и отметила три вещи. Во-первых: человеческие глаза не могут светиться в темноте, но глаза Друстана засияли, словно это был какой-то киношный спецэффект. Во-вторых, голос горца изменился: теперь он звучал как хор десяти голосов, оттенки и тона которых наслаивались друг на друга. В-третьих, если бы он таким голосом приказал ей пройти по отвесному склону, она бы прошла.

Пока мозг был занят размышлениями, ноги делали свое дело, унося Гвен все дальше и дальше.

Однако в кругу камней странная сила его приказа ослабела. Гвен остановилась и посмотрела назад. Друстан вошел вглубь руин и взобрался на самую большую грудку битых камней. Темный силуэт вырисовывался на фоне неба: шотландец стоял на коленях и грозил кулаком закату. Когда горец запрокинул голову и заревел, кровь Гвен застыла в жилах.

Неужели это тот человек, который целовал ее в примерочной? Тот, от кого ее бросало в жар, и Гвен чувствовала себя готовым взорваться вулканом, и думала о том, что страсть, существование которой ее родители отрицали, все же существует?

Нет. Это был человек, носящий при себе уйму оружия. Человек с двуручной секирой и мечом.

Человек, на которого странно реагировал орган, который Гвен с детства считала лишь насосом для перекачивания крови. И этот факт шокировал ее. Сумасшедший Друстан или нет, пугает он ее или нет, но он разбудил в ней чувства, о существовании которых она не подозревала.

«МакКелтар, — подумала она, — ну что же мне с тобой делать?»

Друстан плакал.

Самые страшные подозрения оказались правдой. Он лежал на спине в центре Грейтхолла, раскинув руки и согнув колени. Вцепившись в густую траву, он вспоминал Сильвана.

«У тебя есть только одно предназначение, сын, равно как и у меня. Ты должен защитить род МакКелтаров и знание, которое мы храним».

Он не справился. Один момент беспечности — и его застали врасплох, заколдовали, выкрали из родного времени и похоронили на несколько веков. Он исчез, а его клан и замок были уничтожены. Сильван мертв, род МакКелтаров прервался, и кто знает, где сейчас плиты и

книги? Мысль о том, что тайные знания могли попасть не в те руки, швырнула Друстана в пропасть отчаяния. Он знал, что с помощью этих знаний алчные люди могли изменять, контролировать, а то и уничтожить весь мир.

«Защити наш род. Защити знания».

Необходимо было вернуться в родное время.

Сам Друстан нисколько не изменился, но прошло пять столетий, и теперь ничто не напоминало ни о нем, ни о его отце, ни о предках. Тысячелетия тренировок и дисциплины — и все исчезло в мгновение ока.

Завтра ночью он не выйдет из камней. Так или иначе, он не останется в нынешнем «здесь и сейчас».

Если будет на то Божья воля, завтра он вернется в свое столетие и, если повезет, в ночь Мабона исправит весь причиненный вред.

Но пока Друстан оставался в двадцать первом веке, все его люди были мертвы, замок был разрушен, и только ветер носил по Шотландии пыль веков и тень памяти о них. Вытерев лицо тыльной стороной ладони, горец заставил себя подняться на ноги и исследовать руины. На это у него ушел час, однако ни одной могилы, ни одной отметки на кладбище он не нашел. Куда подевался его клан? Если они мертвы, то почему не похоронены? Где могила Сильвана? Его отец в свое время дал понять, что хочет покоиться под рябиной за церковью, однако ни на одном надгробии Друстан не нашел его имени.

«Дуг МакКелтар, возлюбленный сын и брат».

Дрожащими пальцами Друстан провел по камню, отмечавшему могилу брата. Пять минувших столетий ничего для него не значили, для Друстана похороны брата остались недавним событием. Он чуть не сошел с ума от горя. Они с братом были друг другу самыми близкими людьми. Потеряв Дуга, Друстан долгое время спорил с отцом.

«Что толку от знаний и плит, если я не могу вернуться назад и помешать смерти Дуга?!» — орал он на Сильвана. «Ты никогда не должен смещаться в периоде собственной жизни», — сверкал Сильван покрасневшими от слез глазами. «И почему же я не могу вернуться в свое собственное прошлое?» — «Потому что если ты окажешься в опасной близости от себя самого, один из вас — либо ты прошлый, либо ты настоящий — не выживет. Мы никак не можем предсказать, кто из вас уцелеет. Бывали времена, когда погибали оба. Такие путешествия нарушают естественный порядок вещей, и природа борется с нарушителями». — «Я могу выбрать в прошлом время, когда уезжал в Англию», — рычал Друстан, отказываясь верить, что Дуг потерян безвозвратно. «Никто не знает расстояния, которое было бы достаточным, сын. К тому же ты забыл, что мы никогда не пользуемся силой для личных нужд. Обращаться к камням можно лишь для общего блага, для блага всего мира — или в случае, если роду МакКелтаров грозит полное исчезновение. Хотя бы один из рода должен жить. Но сейчас такой угрозы нет, и ты знаешь, что случится, если ты злоупотребишь силой камней».

Айе, он знал. О МакКелтаре, который использовал камни в личных целях, ходили легенды. Он стал темным друидом, утратил честь и совесть, продал душу самым темным из всех сил зла. Стал тварью, стремящейся только разрушать.

«Да к дьяволу легенды!» — прогремел Друстан... Но каким бы глубоким ни было горе, он понимал, что не посмеет нарушить запрет. Права легенда или нет, он не станет МакКелтаром, который нарушит святое правило. Нэй, он примет свою судьбу, как принимали ее его предки, и останется верен своим клятвам. Безграничная власть была дарована его роду не для личного пользования. Друстан не мог позволить себе сорваться.

Если он спасет Дуга и станет темным друидом, что он станет делать, когда постареет Сильван? Снова обманет судьбу? При такой силе и при отсутствии границ легко сойти с ума.

Однажды ступив на неверную дорожку, он уже не сможет с нее свернуть и превратится в мастера темных искусств.

Друстан попрощался с Дугом и снова поклялся отцу: «Я никогда не буду использовать камни в личных целях. Лишь для того, чтобы служить и защищать, или тогда, когда моему роду будет грозить полное уничтожение».

Как сейчас.

Друстан пригладил волосы, вздохнул. Дуг мертв. Сильван мертв. Он остался последним в роду МакКелтаров, и его долг был кристально ясен. Пять сотен лет мир не был защищен друидами из клана МакКелтаров. Ему нужно вернуться в прошлое и сделать все возможное, чтобы его род не прервался. Все возможное — и любой ценой.

«А как насчет цены, которую придется заплатить этой девушке?» — проворчал голос совести.

— У меня нет выхода, — мрачно пробормотал Друстан.

Он запустил пальцы в волосы, потер ладонями виски.

Он знал наперечет все формулы тринадцати камней, но не знал трех главных уравнений, тех, что определяли год, месяц и день. Важно было вернуться в шестнадцатый век, в момент сразу после своего похищения. Тот, кто выманил его за стены замка, не мог с такой же легкостью занять крепость МакКелтаров — даже многочисленной армии понадобилось бы для этого как минимум несколько дней. Замок был прекрасно укреплен, и его было кому защищать. Так что если Друстан вернется на день, а то и на два позже своего исчезновения, у него будет время спасти свой клан, замок и хранящуюся в его стенах информацию. Он победит врагов, женится, заведет десяток детей.

После смерти Дуга Друстан наконец понял настойчивость, с которой Сильван уговаривал их продолжить род МакКелтаров.

«Друстан, ты должен научиться скрывать свои способности от женщин и жениться — на ком угодно. Небеса благословили меня твоей матерью, это было чудо, а чудеса случаются редко. Я желал бы тебе того же, но МакКелтаров осталось очень мало. Это опасно. Поспеши».

Айе, этот урок дался ему нелегко. Друстан снова потер глаза и выдохнул. У него есть цель, к которой нужно стремиться, но он никогда не учился необходимым для ее достижения символам. Раз уж ему запрещено возвращаться во время своего существования, он решил не забивать память лишними символами и координатами своего поколения.

И все же... в моменты тоски и слабости Друстан искал то, что могло бы вернуть его в утро смерти Дуга, — и теперь из этих запретных символов можно было попытаться извлечь формы и линии трех недостающих.

И все же это будет не более чем догадка. Невероятно рискованная догадка, а он не мог себе позволить испортить конечный результат.

И это возвращало его к камням. Если Сильван смог спрятать их где-нибудь неподалеку до того, как судьба взяла свое, Друстану предстоит догадаться, где они. Выгравированные на камнях символы позволяли составить уравнения без ошибок. Он был бы уверен, что вернется именно в день после своего похищения, возникнет в нескольких лигах от своего спящего тела и будет отгорожен от самого себя расстоянием и толстыми каменными стенами пещеры. Это должно сработать.

У него не было выбора: он мог только надеяться.

Друстан обернулся и посмотрел на руины. Пока он размышлял, наступила ночь, а значит, поиск камней придется отложить до завтра — сегодня он все равно ничего на них не увидит.

Но что, если камней не окажется на месте?

Что ж, на этот случай у него была маленькая, милая, ничего не подозревающая Гвен.

Маленькая, милая, ничего не подозревающая Гвен сидела на капоте машины, хрустела сельдереем, жевала пирожки с лососиной, грела пятую точку над остывающим мотором и время от времени поглядывала на часы. Почти два часа назад она оставила Друстана одного в руинах.

Она могла уехать. Просто сесть в машину, врубить заднюю передачу и рвануть к ближайшей деревне. Оставить этого сумасшедшего наедине с его проблемами.

Так почему она этого не сделала?

Размышляя о ньютоновском законе всемирного тяготения, девушка подумала о том, что масса Друстана настолько превышает ее массу, что она застряла на его орбите жертвой притяжения — как Земля, притянутая Солнцем, — и ей уже никуда от него не деться.

Задумавшись, Гвен тихонько мурлыкала, постукивала по капоту пальцами, дрожала от холода по мере того, как небо становилось из синего черным, спорила с собой — но так и не пришла ни к какому приемлемому выводу.

Она не могла избавиться от чувства, что просто не видит множества фактов, которые помогли бы ей разобраться в том, кто ее новый знакомый и что с ним произошло. Никогда раньше она не прислушивалась к своему внутреннему голосу. Ну что такое нутро? Вместителище для желудочно-кишечного тракта, оно может чувствовать голод, но никак не сущность людей. И все же за последние тридцать шесть часов у ее нутра проклюнулся голос, спорящий с голосом рассудка, и теперь Гвен чувствовала себя совершенно сбитой с толку.

Она стояла у камней и наблюдала за Друстаном, пока не замерзла и не решила погреться у машины. Гвен наблюдала за ним с отстраненным интересом ученого, следящего за ходом эксперимента, однако итоги наблюдения ничего не прояснили, только запутали ее еще больше.

Его тело было гармонично развито. Без специальных тренировок сложно придать мышцам такую форму, а тренировки предполагают наличие дисциплины, четкости мышления и способности долгое время фокусировать внимание. Чем бы Друстан ни занимался до того, как она нашла его в пещере, он вел активную гармоничную жизнь. Либо он много работал, либо много играл. Скорее — много работал, решила Гвен, потому что его руки покрыты мозолями, но несвежими, загрубелыми. Мозоли были на ладонях и пальцах — так бывало в старину у аристократов, много работавших с мечом. Шелковистые волосы горца слишком длинны (что неприемлемо для современных английских лордов и джентльменов), но блестят и аккуратно подстрижены. Зубы — ровные и белые — тоже указывали на то, что Друстан следит за своим телом. А люди, которые заботятся о своем теле, редко страдают расстройствами психики.

Друстан шагал с достоинством, распространяя вокруг себя ауру спокойствия и силы. Он мог принимать сложные решения. Он был довольно умен и обладал богатым словарным запасом, несмотря на странный акцент и архаичную манеру выражаться.

Он не знал, где находится выход из пещеры, а когда они выбрались наружу, Гвен не могла не заметить и не понять, что значат каменная кладка, обвалившийся тоннель и густые заросли у выхода.

«О Боже, все они мертвы», — прошептал он.

Гвен вздрогнула. Мотор остыл, и остатки тепла испарились.

Привычный принцип гласил, что верным, как правило, является самое простое объяснение, отвечающее всем условиям задачи. А самым простым объяснением было то... что Друстан говорит правду. Пятьсот лет назад он против своей воли погрузился в глубокий сон — возможно, результат ныне утраченных умений, — а она разбудила его своим падением.

«Невозможно!» — кричал разум.

Устав от попыток найти компромисс между разумом и чувствами, Гвен решила отложить выводы на неопределенное время и просто признать: она не может сейчас расстаться с

Друстаном МакКелтаром. Что, если невозможное возможно? Что, если завтра он предъявит ей конкретное доказательство того, что он застыл во времени пятьсот лет назад? Возможно, он собирается продемонстрировать ей, как это было с ним проделано. Может, в прошлом существовали свои системы криозаморозки, а потом они были утрачены. Если существует хоть малейшая возможность выяснить это, Гвен ни за что от нее не откажется. Ох, признайся, несмотря на то что ты оставила профессию, которую тебе всю жизнь навязывали, несмотря на то что ты бросила свои исследования, ты всё еще любишь науку и с удовольствием выяснила бы, как человек может проспать пять сотен лет и проснуться здоровым и вменяемым. Ты никогда не опубликуешь этого, но узнать — для тебя счастье.

И все же ею двигало не только любопытство ученого. Гвен подозревала, что немаловажную роль тут сыграли ее взбесившиеся яйцеклетки и его «носок», а еще — чувство, которое невозможно было полностью списать на генетически запрограммированный зов природы к продолжению рода и обеспечению выживания расы. Ни один мужчина не вызывал в ней прежде такого бурного отклика.

И ни одна наука не смогла бы объяснить той щемящей нежности, которая охватила Гвен при виде слез горца. Ей захотелось прижать его голову к своей груди — не ради секса, а лишь затем, чтоб успокоить.

Да, ее сердце показало, что способно чувствовать, и это одновременно радовало и пугало Гвен.

Заправив волосы за уши, она соскользнула с капота и зашагала к вершине холма. Она дала ему достаточно времени на то, чтобы побыть в одиночестве. Пришло время поговорить.

— Друстан. — Голос Гвен лучиком света разрезал окружающую его темноту.

Шотландец ответил ей тяжелым взглядом. Девушка выглядела испуганной, но при этом так и сияла решимостью. Она выдержала его взгляд, и, даже если он испугал ее, Гвен смогла преодолеть свой страх.

Друстан восхищался этой ее способностью: несмотря на все свои опасения, она шла вперед с бесстрашием благородного рыцаря. Прогнав ее, Друстан боялся, что она сядет в свое железное чудовище и уедет. Какое же облегчение он испытал, когда заметил, что она шагает к нему от круга камней. Что бы она о нем ни думала, к какому бы выводу ни пришла — она твердо решила остаться на его стороне. Друстан видел это в ее взгляде.

— Друстан? — с запинкой, но уверенно произнесла Гвен.

— Айе, девушка?

— Тебе уже лучше? — Теперь в ее голосе сквозила настороженность.

— Я разобрался со своими чувствами, — сухо ответил он. — Не бойся, я не собираюсь бросить все и начать мстить за моих людей.

Пока не собираюсь, уточнил он про себя. Она быстро кивнула.

— Хорошо.

Друстан видел, что Гвен не хочет обсуждать это и, вместо того чтобы опять обвинить его в сумасшествии, собирается вежливо бродить вокруг да около, чтобы не действовать на его и без того взвинченные нервы. Он нахмурился. Интересно, что она будет делать?

— Друстан, я запомнила твои стихи, теперь твоя очередь сделать мне одолжение.

— Как пожелаешь, Гвен. И чего же ты от меня хочешь?

— Чтобы ты ответил на пару простых вопросов.

— Я отвечу на них, если это будет в моих силах.

— Сколько земли в яме в три с половиной фута глубиной, девять дюймов длиной и фут шириной?

— И это твой вопрос? — удивленно переспросил он.

Из всего, о чем она могла спросить...

— Один из вопросов, — уточнила Гвен.

Он улыбнулся. Это была одна из его любимых загадок. Его священник, Невин, полчаса пытался подсчитать, сколько земли поместится в яме такого объема, прежде чем до него дошел правильный ответ.

— В яме не может быть земли, иначе она перестанет быть ямой, — просто ответил Друстан.

— Ладно, ты заметил подвох, но это еще ни о чем не говорит. Ты мог слышать эту загадку раньше. А как насчет такой? С борта лодки свешивается веревочная лестница. Расстояние между ступеньками — девять дюймов. Во время прилива уровень воды поднимается на шесть дюймов в час, потом спадает до прежнего уровня. Если в момент начала прилива нижняя ступенька лестницы касается воды, сколько ступенек прилив закроет через восемь часов?

Друстан быстро справился с подсчетом, а потом мягко рассмеялся, удивившись тому, что все еще способен смеяться. Он понял, почему она выбрала такие вопросы, и в очередной раз признал, что девушка далеко не глупа. В те времена, когда он только начал изучать премудрости друидов, ему давали подобные задания, чтобы понять, насколько развит его разум и на что он способен.

— Ни одной ступеньки, потому что лестница будет подниматься вместе с лодкой. Моя способность к логическим рассуждениям убедила тебя, что я не сумасшедший?

Гвен странно посмотрела на него.

— Способность к логическим рассуждениям никак не зависит от характера твоего... расстройств. Ладно. Сколько будет $4732,25$ умножить на $7837,50$?

— $37089009,375$.

— О Боже! — Теперь она выглядела одновременно испуганной и восхищенной. — Бедненький... Первый вопрос я задала, просто чтобы убедиться, что ты в состоянии думать, второй — чтобы проверить правильность первого. Но за пять секунд просчитать ответ на третий? Даже я не могу так быстро умножать числа!

Он пожал плечами.

— Мне всегда нравилась математика. Ну и о чем тебе говорят мои ответы? — Потому что ее вопросы говорили Друстану о многом.

Гвен Кэссиди была самой умной девушкой из всех, с кем сводила его жизнь. Молодая, наверняка способная родить, невероятно привлекательная и умная. Уверенность в том, что судьба недаром свела их вместе, усилилась на порядок.

Возможно, подумал Друстан, после завтрашней ночи она перестанет его бояться. Возможно, и вправду существует такая любовь, как та, что познал его отец.

— Ладно. Если ты и кандидат в психушку, ты все равно самый умный псих из всех, кто мне встречался, а твои проблемы с головой относятся лишь к одной сфере. — Гвен вздохнула. — И что теперь?

— Иди сюда. — Он протянул к ней руки.

Она настороженно покосилась на него.

— Девушка, я просто хочу обнять кого-то живого и теплого. Я не причиню тебе вреда.

Она медленно подошла к нему и опустилась рядом на траву. Некоторое время Гвен молча смотрела на звезды, не решаясь встретиться его взгляд, потом ее напряженные плечи опустились и она повернулась к нему лицом.

— Вот блин! — Реплика удивила горца, но последующие ее действия удивили еще больше — Гвен потянулась к нему, положила ладони ему на виски и притянула его голову к своей груди.

Друстан обнял ее за талию и прижал к себе.

— Милая Гвен, спасибо тебе. Ты — мой дар Небес.

— Я бы не была в этом так уверена, — пробормотала она ему в волосы.

Ее объятия были неуверенными, словно она никогда раньше так не делала. Тело девушки было таким напряженным, что Друстан понял: любое неосторожное движение — и она отпрянет. Он медленно вдохнул и выдохнул, стараясь не шевелиться. Пусть она привыкнет к его близости.

— Насколько я поняла, до завтра ты ничего не сможешь мне доказать?

— Как я и обещал, завтра ты удивишься, что я говорил правду. Но это ничего не меняет. Ты останешься со мной по своей воле? Поможешь завтра осмотреться на этом месте?

Она осторожно запустила пальцы в его волосы, и от этой простой ласки у Друстана вырвался полувздых-полустон.

— Айе, Друстан МакКелтар, — ответила Гвен, прекрасно имитируя говорок горца. — Я останусь с тобой до завтра.

Он громко рассмеялся и притянул ее к себе. Он страстно желал касаться ее, заниматься с ней любовью, однако понимал, что если сейчас он будет настойчив, то потеряет даже возможность обнять Гвен.

— Вот и хорошо. Ты не безнадежна, из тебя еще может выйти хорошая горянка.

В эту ночь Гвен Кэссиди спала в объятиях горца, среди древних развалин на ложе из маргариток. В серебристом свете луны она казалась трогательной и беззащитной, как ягненок. И каким бы хищным волком не чувствовал себя МакКелтар, в эту ночь он приказал себе ограничиться простым объятием.

23 сентября

10:23 р. т.

Весь день прошел в поисках, но плит они так и не нашли. Когда небо потемнело и стало темно-синим и замерцали первые звезды, Друстан сдался и сложил костер в круге камней — так, чтобы он освещал место будущего ритуала.

Ритуал мог пойти не так, как надо. На этот случай у Друстана были свои соображения: он хотел как можно больше рассказать о том, что произошло перед его исчезновением. А еще ему определенно пригодится ее рюкзак. Копаясь в руинах, он подробно рассказывал обо всем, что случилось до его похищения.

Гвен недоверчиво изгибала брови, но все же внимательно слушала его объяснения. Он вспоминал, как получил записку с предложением немедленно явиться на поляну возле озера за замком, если хочет узнать имя Кемпбелла, который убил его брата. Боль потери жгла Друстана огнем, и, схватив оружие, он помчался к озеру, не взяв с собой даже охраны. Жажда мести лишила его способности здраво мыслить.

Он рассказал о том, как по пути к озеру испытывал нарастающую усталость и головокружение. Наверное, его предварительно опоили чем-то. Добравшись до опушки возле озера, он просто упал. Ноги и руки не двигались, веки словно налились свинцом. Друстан чувствовал, как с него снимают доспехи и оружие, как рисуют на его груди непонятные символы, а потом он погрузился в сон, от которого очнулся только после ее падения.

Он рассказал ей о своей семье, об умном и задиристом отце, об их любимой домоправительнице Нелл, которая практически заменила Друстану мать. Рассказал о молодом священнике, мать которого предсказывала судьбу и постоянно гонялась за ним, стараясь что-то прочитать по его руке.

Горец на время забыл о печали и увлеченно вспоминал истории из своего детства и их с Дугом проделки. Когда он говорил о своей семье, скептический взгляд Гвен становился мягче, и она слушала с искренним вниманием. Она смеялась над выходками Друстана и его брата, улыбалась бесконечным препирательствам Сильвана и Нелл. По легкой задумчивости, то и дело появлявшейся на лице Гвен, Друстан понял, что эта девушка видела не так уж много любви даже в те времена, когда ее семья еще жила на свете. «А у тебя есть братья или сестры?» — спросил он. Она покачала головой. «У моей мамы были проблемы по женской части. Я родилась довольно поздно, а после моего рождения врачи сказали, что детей у нее больше не будет». — «Почему же ты сама не вышла замуж и не родила наследника?» Она отвернулась, избегая его взгляда. «Я просто не нашла подходящего мужчины». Нэй, в ее жизни было не так уж много хорошего, но он с удовольствием это изменит. Он с радостью сделает что угодно, чтобы увидеть счастье в ее глазах.

Друстан желал Гвен Кэссиди. Он хотел стать для нее «подходящим мужчиной». От одного ее запаха у него начинала кружиться голова. Он хотел, чтобы она настолько привыкла к его телу, к наслаждению, которое он может ей дать, что, лишь взглянув на него, забывала бы обо всем остальном. Он хотел бы две недели не выпускать ее из спальни, разбудить в ней ту дремлющую до поры страстность, которой девушка была одарена в полной мере.

Но этому не суждено сбыться. Как только он исполнит ритуал и Гвен поймет, кто он на самом деле и что он с ней сделал, она, скорее всего, его возненавидит. И все же у него не было выбора.

Друстан взглянул на серп луны, плывущий по темному небу, и жадно вдохнул, вбирая в себя сладкий запах шотландской ночи. Время почти пришло.

— Оставь, Гвен, — сказал он. Его тронуло то, что девушка не собиралась сдаваться. Пусть она считала его сумасшедшим, но она помогала ему исследовать руины. — Пойдем со мной к камням.

Им осталось пробыть вместе около часа, и этот час горец хотел провести у костра, обнимая ее. Конечно, на самом деле ему хотелось сорвать с нее одежду и заняться любовью, однако это было так же возможно, как то, что потерянные плиты вдруг материализуются перед ним из ночного воздуха.

— Но мы же не нашли плиты. — Гвен повернулась к Друстану и отбросила волосы с глаз, нечаянно мазнув грязью по щеке.

— Уже слишком поздно. Время почти пришло, а эта световая трубка, — он указал на ее фонарик, — не поможет нам найти то, чего здесь нет. Было глупо и наивно надеяться, что плиты уцелели при разрушении замка. Если мы до сих пор их не нашли, то лишний час поисков ничем нам не поможет. Пойдем. Я хочу, чтобы этот час ты провела со мной.

Прошлой ночью они спали рядом, и, когда Друстан проснулся, он долго любовался лицом Гвен, таким невинным и доверчивым во сне. А потом он поцеловал ее в губы, и девушка открыла глаза. Еще не совсем проснувшись, с розовым следом от его свернутой футболки, из которой Друстан сделал подобие подушки, Гвен вызвала в горце прилив нежности, которой он в себе даже не подозревал. Желание обладать этой девушкой, не угасавшее с того самого момента, как он впервые увидел Гвен, внезапно смешалось с другим, куда более сложным чувством. Будь у них немного больше времени, эта смесь могла бы превратиться в любовь. Ему хотелось не просто затащить ее в постель и насытить наконец свою похоть, нет: Друстану хотелось, чтобы их судьбы переплелись, он испытывал ту самую смесь восхищения, страсти и понимания, которая способна связать мужчину и женщину на долгие годы. Гвен была для него идеальной парой.

Сейчас она бродила в кругу камней, явно не собираясь прекращать поиски, пока каждый камень не будет перевернут и тщательно осмотрен: еще одна черта, которая ему в ней нравилась, — настойчивость.

— Почему ты не хочешь рассказать мне о своем плане? — Весь день она пыталась выспросить у него подробности, но Друстан ограничился тем, что сказал: им необходимо найти семь каменных плит с высеченными на них символами.

— Я сказал, что представлю тебе доказательства, и я собираюсь это сделать.

Часы тянулись, а они копали, искали, отбрасывали булыжники, сдвигали камни — и надежда Друстана угасала с каждым новым найденным черепком. Эти обломки — все, что оставило от его клана беспощадное время.

Настал момент, когда Друстан понял тщетность их поисков. Он отправил Гвен в деревню со списком вещей, которые им понадобятся, а сам решил подумать в одиночестве, не отвлекаясь. Пока ее не было, он успел помедитировать над символами, справиться со сложными подсчетами и приблизительно сформулировать три недостающих уравнения. Очень скоро предстоит узнать, насколько верны его расчеты. Меньше чем через час они проверят точность магического «прицела» — Друстан собирался попасть в прошлое через две недели после смерти брата. Точнее — через две недели и один день. Он был почти уверен, что не ошибся. Ошибка могла привести к самому худшему.

И на этот случай он приготовил Гвен. Осталось лишь напомнить ей, что нужно сказать и сделать, чтобы восстановить память у него прошлого. Именно для этого он заставил ее заучить заклинание.

Гвен достала несколько бутылок с водой, фонарики, кофе и еду, а потом села рядом с

шотландцем у огня, скрестив ноги. Она вытирала руки мокрым полотенцем и с довольными вздохами гладила себя по лицу маленькими влажными салфетками, запас которых Друстан нашел у нее в рюкзаке.

Пока она освежалась, он разбил те несколько камней, что подобрал по дороге сюда. Внутри каждого камня оказалась блестящая пыль, которую он аккуратно собирал и смешивал с водой, чтобы вышла густая паста.

— Рисовальные камни, — заинтересованно отметила Гвен, прекратив ненадолго свое занятие.

Она никогда раньше такого не видела, но знала, что в средние века люди использовали их для рисования. В сердцевине небольших шероховатых камешков многие годы собиралась пыль, которая при смешивании с водой приобретала удивительные цвета.

— Айе, мы тоже их так называем, — сказал Друстан, поднимаясь на ноги.

Гвен наблюдала, как он шагает к мегалиту и после небольшой заминки начинает рисовать на камне сложный узор из формул и символов. Она прищурилась, стараясь разобрать странные знаки. Часть их казалась чем-то знакомым и все же совершенно чуждым, словно искаженное математическое уравнение с неизвестными параметрами, которое никак не поддается осознанию.

Гвен смотрела и чувствовала, как в груди зарождается непонятная тревога. Друстан перешел ко второму камню, потом к третьему и четвертому. Чередование рисунков и символов на каждом камне было разным, а горец время от времени делал паузу и, казалось, сверялся со звездами.

Осеннее равноденствие, вспомнила Гвен, время, когда солнце проходит через точки пересечения эклиптики с земным экватором, отчего длина дня и ночи по всему земному шару получается одинаковой. Исследователи долго спорили об исторической роли таких вот каменных кругов. Неужели ей предстоит узнать их истинное предназначение?

Гвен рассматривала мегалиты и пыталась припомнить все, что ей известно об археоастрономии. В это время Друстан закончил рисунок на последнем мегалите, и у Гвен перехватило дыхание. Она распознала лишь часть его странных формул, но последний значок в нижнем ряду не мог быть ничем, кроме символа бесконечности:

∞

Лемниската. Лента Мебиуса. Апейрон. Откуда Друстан о нем узнал? Гвен рассматривала круг из тринадцати камней, ощущала, как нарастает неприятное чувство и как верный вывод пытается пробиться на поверхность ее перегруженного впечатлениями сознания.

Странная мысль пришла ей в голову, пока она наблюдала за его действиями. Возможно ли, что этот человек умнее ее и именно поэтому кажется ей сумасшедшим?

Красивый и умный? И биться сердце перестало...

Друстан отвернулся от последнего камня, и Гвен задрожала. Он был неотразим. Утром он снова надел свой плед и перевязь с оружием, заявив, что «мужчине неудобно в таких штанах, а сорочка не позволяет удобно крепить перевязь». Неудобно в штанах, подумала Гвен, рассматривая его килт и чувствуя, как пересыхает во рту от одной мысли о том, что там, под ним. Кажется, с момента их встречи возбуждение так и не покинуло его. Гвен хотелось поцеловать горца и развеять свои сомнения.

Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы отвлечься и посмотреть ему в лицо. Водопад темных волос, широкие плечи... Он был самым необычным, самым красивым и самым сексуальным мужчиной из всех, что ей встречались.

Рядом с Друстаном МакКелтаром с ней начинали происходить странные вещи. Когда Гвен смотрела на него, на его сильное тело, волевой подбородок, яркие глаза и чувственные губы, она слышала мелодию свирели Пана и ощущала почти непреодолимое желание вознести хвалу

Дионису, богу вина и оргий. Мелодия вела и соблазняла, советовала забыть обо всем, надеть красные трусики с котятками и сплясать босиком перед этим темным незнакомцем, утверждающим, будто он средневековый лэрд.

Друстан тоже посмотрел на нее, их взгляды встретились. Гвен почувствовала себя часовой бомбой, механизм которой отсчитывает последние секунды.

Должно быть, это как-то отразилось на ее лице, потому что Друстан шумно вздохнул. Его ноздри затрепетали, глаза сощурились, а сам он внезапно стал совершенно неподвижен — так застывает лев перед броском на добычу.

Гвен сглотнула.

— Что ты делаешь с этими камнями? — спросила она, сама удивляясь силе вспыхнувших в ней чувств. — Может, пора уже рассказать мне об этом?

— Я сказал тебе все, что мог. — Его взгляд сделался холодным, хрустальный блеск немного померк.

— Ты мне не доверяешь. После всего, что я сделала для тебя, ты все еще мне не доверяешь. — Гвен изо всех сил старалась не показать, насколько ее это задело.

— Ох, девушка, не думай так. Просто говорить о некоторых вещах... запрещено. — Не совсем, добавил Друстан про себя, просто раскрывать ей свой план сейчас означало бы потерять ее до срока.

— Ерунда, — фыркнула Гвен, устав от его отговорок. — С тем, кому доверяешь, запреты не важны.

— Я доверяю тебе, Гвен. Я доверяю тебе куда больше, чем ты думаешь. — «Я доверяю тебе свою жизнь и, возможно, существование моего клана».

— Ну и как я могу в это поверить, если ты ничего мне не говоришь?

— Ты всегда во всем сомневаешься, верно, Гвен? — поддразнил горец. — Поцелуй меня перед тем, как я нарисую последний знак. На удачу.

Его глаза снова сияли. Как бы он ни старался приглушить свою страстную натуру, она всегда прорывалась сквозь маску шаловливыми лучиками.

Гвен начала было говорить, но Друстан прижал палец к ее губам.

— Прощу тебя, просто поцелуй. Хватит слов. Их между нами было уже достаточно. — Он помолчал, затем тихо добавил: — Если тебе нечего сказать мне, пусть говорит твое сердце.

Она глубоко вздохнула.

В том, что говорило ее сердце, сомнений не было. Чуть раньше, сказав, что направляется в деревню, Гвен освежилась и надела прихваченные из рюкзака красные трусики-танга. А потом отлепила и выбросила никотиновый пластырь: лучше немного потерпеть, чем потом объяснять его назначение. Она не хотела, чтобы в ее первый раз на теле был пластырь. К тому же, приняв решение, Гвен почти успокоилась.

Она знала, что собирается сделать.

По правде говоря, еще в пещере, в тот самый миг, когда Друстан открыл глаза, она поняла, что подарит ему свою девственность. Два прошедших дня большей частью ушли на то, чтобы свыкнуться с этой мыслью, и, как только решение было принято, тревога схлынула.

Шотландец не просто нравился ей. Ее тянуло к нему на всех уровнях — ментально, эмоционально, физически.

Она хотела его, и это влечение не поддавалось никакой логике. Каждый раз, когда он говорил с ней, когда касался ее, внутри вспыхивало незнакомое, но очень сильное чувство. Гвен уже не волновало, что он может оказаться психически неуравновешенным. Весь день, помогая ему исследовать руины, она слушала рассказы Друстана о членах его клана и понимала, что останется рядом с ним и сделает все возможное, чтобы ему помочь. Он ей нравился. И она

хотела узнать о нем как можно больше. Несмотря на его бредовые рассказы, Гвен начала его уважать. Если придется отправить его в больницу и держать за руку, пока он не поправится, — она была готова к этому. Если придется сделать его фото и исколесить всю Шотландию в поисках тех, кто может узнать его и рассказать о нем, Гвен займется и этим.

Заправив челку за уши, она задумчиво взглянула на горца. И, стараясь, чтобы голос не дрожал, произнесла:

— Займись со мной любовью, Друстан.

Сумасшедший он или нет, но только ему она хотела подарить «свой первый раз». Здесь и сейчас, на вершине горы, под мириадами звезд, в круге древних камней. Кто знает, может, ее тоже нужно запереть в психушке?

В глазах Друстана вспыхнул огонь, но горец не тронулся с места.

— Я не ослышался? — осторожно поинтересовался он. — Ты и правда это сказала? Или я действительно сошел с ума, как ты и говорила?

— Займись со мной любовью, — тихо повторила Гвен.

В этот раз в ее голосе не было дрожи.

Серебристые глаза ярко блеснули.

— Это честь для меня.

Друстан раскрыл объятия, и Гвен буквально прыгнула на него, обвив ногами его талию. Оба вскрикнули: не столько от силы столкновения, сколько от желания, которое ударило обоих, словно молния. Друстан широкими шагами пересек площадку, и Гвен оказалась прижата спиной к одному из мегалитов. Горец поцеловал ее и подвигал бедрами, отчего девушка тихо вскрикнула ему в рот.

— Я хотел тебя с того самого момента, как увидел, — хрипло сказал Друстан.

— Я тоже, — призналась Гвен с задышающимся смешком.

— Так почему же ты не сказала мне? — спросил он, обхватив ее лицо ладонями и целуя щеки, нос, ресницы. — Почему сопротивлялась? Мы потеряли целых три дня.

— Не потеряли. Мы же все-таки добрались до твоих камней, — выдохнула она с досадой. Теперь, когда наконец-то можно заняться друг другом, он почему-то стал разговорчивым. — Заткнись и поцелуй меня.

Друстан засмеялся. От его поцелуя Гвен потеряла остатки сдержанности. Она видела фильмы, в которых люди занимались любовью медленно, чувственно и нежно, но ее первый раз обещал быть совершенно диким. Поддавшись своей страстности, она не могла даже думать о том, чтобы замедлить темп или в чем-то сдержать себя. Она не могла насытиться новыми ощущениями, не могла оторваться от него, ей было мало поцелуев, мало прикосновения рук, мало ощущения мускулистых ягодиц под ладонями. Она хотела всей кожей ощутить его обнаженное тело. Хотела принять его в себя. Она всю жизнь этого ждала и теперь была готова. От одного взгляда на него она становилась влажной.

Друстан вытащил ее футболку из шорт и затеребил ширинку, не прекращая жаркого поцелуя.

— Твои штаны, девушка... Сними их немедленно, — хрипло скомандовал он.

— Не могу. Мои ноги у тебя на талии, — пробормотала Гвен. — И... ой, твой нож упирается мне в грудь.

— М-м-м, прости. — Он прикусил ее нижнюю губу, засосал нежную кожицу. — Я должен отпустить тебя, чтобы мы могли раздеться.

Однако Друстан не сделал даже попытки отпустить ее — это было практически невозможно, пока горячий рот Гвен пощипывал его губы, а маленькие ручки скользили по его спине.

— Так опусти меня, МакКелтар, — выдохнула она ему в губы, когда их поцелуй прервался.

Ей отчаянно хотелось ощутить кожей его голое тело. — На мне слишком много одежды.

— Я пытаюсь, — ответил Друстан, оставляя дорожку поцелуев на ее шее и снова поднимаясь к губам, которые просто невозможно было не поцеловать.

— Не отпускай меня, — всхлипнула Гвен, когда они перестали целоваться.

Губам стало холодно без его прикосновения, тело пронзило ощущение утраты.

Как только ее ноги коснулись земли, Гвен нетерпеливо потянулась к его одежде. Друстан нагнулся, чтобы стянуть с нее шорты, и тихо выругался, потому что двигались они одновременно и он стукнулся подбородком о ее макушку. Руки Гвен запутались в волосах горца.

Освободив пальцы, она схватилась за кожаные ремни его перевязи, но не смогла разобраться, как их нужно снимать. Друстан отвел ее руки в стороны, стянул с нее футболку и удивленно уставился на бюстгальтер. Проведя пальцами по глянцевой ткани, он выдохнул:

— Покажи мне свою грудь. Сними эту штуку, пока я не порвал ее от нетерпения.

Гвен щелкнула застежкой и спустила бретельки с плеч. Соски напряглись от прикосновения холодного воздуха, и у Друстана перехватило дыхание. Некоторое время он просто стоял и смотрел, словно был не в силах пошевелиться.

— У тебя великолепные груди, — мурлыкнул он, накрывая их ладонями. — Великолепные, — ословело повторил он, и Гвен чуть не рассмеялась.

Мужчины просто обожают женские груди, вне зависимости от размеров и форм. И этот мужчина явно был без ума от ее груди. Он гладил, сжимал, приподнимал их, а потом с хриплым стоном ткнулся лицом в ложбинку между ними, потерся носом и наконец накрыл горячими губами ее сосок.

Гвен задохнулась, когда он начал целовать ее грудь. Она дрожала и извивалась в его руках, она хотела, чтобы он коснулся вот здесь... и тут... и вот там, а ее тело само подставлялось под его поцелуи, подсказывая, где его прикосновение будет нужнее всего. Пальцы Друстана возились с ее шортами, но безуспешно. Он зарычал от разочарования и рванул застежку, но это привело лишь к тому, что змейку заклинило. У Гвен были те же проблемы: она никак не могла разобраться с его костюмом. Ей хотелось прижаться кожей к коже, и она застонала, досадуя на такую глупую помеху.

— Ты сними свою одежду, а я разберусь со своей, — выпалила она.

Потеряв голову от желания, Гвен стала предельно откровенной. Ей хотелось увидеть его обнаженным. Прямо сейчас.

Друстан явно обрадовался ее решению. Пока Гвен боролась с заклинившей змейкой и сбрасывала шорты, он снял свой плед, отбросил ножи, отстегнул секиру и ножны с мечом и наконец освободился от ременного доспеха. Горец выпрямился перед ней, откинул темные волосы назад и посмотрел ей в глаза.

— Господи, МакКелтар! — ошеломленно выдохнула Гвен.

Она смотрела на шесть с половиной футов идеального мускулистого тела. Тела воина, который совершенно не стеснялся своей наготы. Он гордился своим телом — и гордился по праву. Друстан был естественным, мужественным и сильным, и никто другой не мог бы с ним сравниться. А то, что пряталось вчера под его джинсами, определенно не было носком. От его вида у нее перехватывало дыхание. Гвен впервые поняла, что ее теория оказалась верной: вращаться на орбите этого прекрасного тела будет довольно приятно, а сила притяжения вряд ли ослабнет со временем.

Взгляд горца скользнул по ее груди, спустился ниже, на живот, и еще ниже... Друстан издал сдавленный звук, увидев ее трусики с вышитыми котятками.

— Я думал, это какая-то странная лента для волос. Я потому и положил их на твою подушку, подумал, что ты захочешь заплести волосы на ночь. Но так куда забавнее, — хохотнул

он. — Хорошо, что ты не сказала мне, что у тебя под штанишками. Иначе я бы весь день размышлял о том, как буду стаскивать с тебя эту ленточку. Языком.

«Ему нравятся мои трусики!» — просияла Гвен. Она всегда знала, что, когда она найдет нужного мужчину и решится потерять девственность, этот мужчина оценит ее хороший вкус.

Друстан опустился перед ней на колени и выполнил свою угрозу: зубами и языком поддел тонкие трусики, целуя чувствительную кожу под ними. Подцепив шелковую полоску языком, он прикусил ее и начал понемногу сдвигать вниз, кружа языком по ткани и под ней. Гвен вцепилась в его плечи, а он лизал снова и снова, сводя ее с ума своими движениями. Он нежно засосал ее плоть сквозь шелк ткани, и Гвен выгнулась, умоляя о большем. Каждый новый дюйм обнаженной кожи Друстан награждал горячим прикосновением языка или легким игривым укусом. Его мозолистые ладони сжимали ягодицы Гвен, скользили и массировали гладкую кожу, касаясь эрогенных зон, о существовании которых девушка до сих пор даже не подозревала. Колени Гвен подогнулись, и она вынуждена была опереться на его плечи, чтобы не упасть.

— Ты прекрасна, — мурлыкнул Друстан, глядя и целуя открывшуюся кожу. — Не могу решить, что мне попробовать первым.

— Друстан! — застонала она, цепляясь за него, чтобы не упасть.

— Что, Гвен? Ты хочешь меня?

— Господи, да!

— И ты хотела меня, когда увидела в тех синих штанах? Ты уже тогда хотела меня?

— Да.

— Ты чувствуешь жар, когда я прикасаюсь к тебе? Тебя словно пронзает молнией?

— Да.

Он снял с нее трусики и поднялся на ноги. Жадно взглянув на ее обнаженное тело, он обнял Гвен и притянул к себе.

И оба вскрикнули от прикосновения, от той силы и жара, что вспыхнул, когда между ними не осталось преград. Друстан снова поцеловал ее, и его поцелуй был глубоким и жадным. Гвен ответила ему и выгнулась, скользя грудью по его коже. Друстан накрыл ладонями ее груди, потер пальцами соски, а потом подхватил ее на руки. Гвен обняла его за шею, обхватила ногами его талию и вздрогнула, когда его член прижался к самой чувствительной части ее тела. Она хотела ощутить его внутри, причем немедленно, но этого не произошло. То ли Друстан не хотел ей помочь, то ли позиция была неподходящей, а может, все дело было в неопытности Гвен. «Но ведь он действительно совсем мне не помогает», — подумала она, прервав поцелуй, чтобы взглянуть на Друстана. Его серебристые глаза светились страстью... и озорством.

— Ты издеваешься!

— Теперь моя очередь. Это ведь ты так долго откладывала. Мы могли заняться этим еще вчера утром, когда ты засунула меня в эти жуткие штаны. И позже, днем. И вечером. И ночью, и этим утром, и...

Когда она попыталась ответить, он поцеловал ее так крепко, что Гвен забыла о том, как произносятся слова. Друстан двигал бедрами, имитируя секс, Гвен прижималась к его паху. Миллионы нервных окончаний умоляли о большем. «Ну, если не он, то я это сделаю!» Гвен лучше многих знала, что силы природы нельзя ограничивать или усмирять. Она чуть отстранилась, чтобы опустить между ними руку, и начала гладить себя, приближая оргазм.

Когда ее дыхание стало прерывистым, Друстан прервал поцелуй и посмотрел на нее. Щеки Гвен залил румянец, блестящие глаза стали шальными, губы припухли от поцелуев.

— Вот так, моя девочка, получай удовольствие. — То, как она его хотела, просто сводило с ума.

С каждым движением ее бедер Друстан понимал, что скоро не удержится и все может

закончиться даже прежде, чем он войдет в нее. Еще ни одна женщина не заводила его так, как эта маленькая англичанка.

Гвен всхлипнула, доведя себя до пика ощущений, замурлыкала, потерлась о его тело, как жадный котенок.

— Да, — выдохнул горец с чисто мужской жадностью.

Ноги Гвен расслабились. Друстан положил ее на расстеленный на земле плед и опустился рядом, жадно рассматривая свою добычу. Он смотрел так долго, что Гвен выгнулась и потянулась за его прикосновением. Друстан как зачарованный смотрел на ее тяжелые груди, на темные ягодки сосков, которые так и просились в рот.

— Потрогай меня, — прошептала Гвен.

— Конечно, милая.

Раздвинув ей ноги, он замер на миг, наслаждаясь видом своей девушки, лежащей под ним, ждущей его. Он жадно смотрел на ее тяжелую грудь, на стройные бедра и на то, что ждало его между ними.

Пальцы Друстана скользнули по бедру, коснулись ее влаги, начали ласкать ее, и Гвен инстинктивно вскинула бедра, умоляя о большем.

— Я собираюсь взять тебя так, что ты забудешь всех, кто был до меня.

В этом Гвен не сомневалась, несмотря на то что забывать ей было некого.

— Слова, МакКелтар, и ничего, кроме слов. Женщина может состариться и умереть, так и не дождавшись, пока ты перейдешь к делу.

Его глаза удивленно расширились, а потом он расхохотался и склонился к ней.

«Наконец-то!» — подумала она, когда тяжелое тело прижалось к ней.

— Ты соображаешь, что делаешь, провоцируя меня? Я вдвое больше тебя, девушка, — прошептал горец ей в ухо.

— Это очевидно, так что удивить меня не удастся. — Гвен вскрикнула, когда он прикусил ее ухо.

— А так? — Друстан вклинился между ее бедрами. — А так? — Он потерялся возбужденным членом, не входя, а только дразня ее.

И хрипло зашептал что-то на неизвестном ей языке. Гвен растаяла. Наверное, это было какое-то заклинание, потому что с каждым словом, с каждым выдохом она возбуждалась все больше и больше. Девушка не понимала ни слова, но возбуждение и жажда в хриплом голосе сводили с ума, пока сухие губы Друстана обдавали дыханием ее разгоряченную кожу. Его руки и губы, шепчущие странные слова с незнакомым акцентом, скользили по телу Гвен, словно изучая и запоминая ее. Особое внимание он уделил грудям: сжимал их, целовал, посасывал, проводил языком по ложбинке между ними и снова сосал и покусывал соски. Гвен почти кричала: она раньше не думала, что ощущения могут оказаться такими сильными и яркими.

Друстан опустился ниже, покрывая поцелуями ее бедра и живот, поиграл с пупком, а потом его язык внезапно оказался между ее бедрами, и Гвен закричала.

— Да, моя милая, — проговорил он, продолжая сладкую пытку.

«У него просто волшебный язык», — подумала Гвен, извиваясь в его руках. Друстан подхватил ее под ягодицы, приподнимая и открывая, и Гвен застонала, ощущая лишь горячий язык, лижущий и поглаживающий ее. Когда этот язык добрался до мест, которых раньше не касался никто и ничто, ее тело отозвалось сладкой судорогой. Друстан держал Гвен, пока все не закончилось, а потом, хотя девушка была уверена, что это невозможно, несколькими движениями снова довел ее до оргазма.

«Резонанс... Я кристалл и разлетаюсь на осколки», — мелькнуло на границе ее сознания.

Гвен закричала и приподняла бедра, Друстан ответил низким рычанием и заставил себя

лежать смиренно. Он хотел продлить ее удовольствие настолько, насколько это вообще возможно. Хотел показать ей, что с ним не сравнится никто другой. Прижав бедра к пледу, он замер, пытаясь уговорить себя еще немного подождать. Его девушка заслуживала полноты ощущений.

Полноты ощущений. Не только секса, но и вот таких моментов. Гвен всхлипнула, приходя к себе, и он снова погладил ее, намекая на то, что сегодня ее ждет еще не один оргазм.

Эта девушка так красива и так открыта ему. Он никогда прежде не встречал столь чувственных женщин. Каждый дюйм ее тела с готовностью отзывался на его ласки, и хотя у горца было множество любовниц, ни одна из них не вызывала в нем такого бешеного желания. У Друстана свело живот, возбуждение стало почти болезненным. Хриплое дыхание обжигало горло, сердце грохотало в ушах, а реальность сжалась в одну точку, в одно желание — обладать ею. Прямо сейчас.

Прямо сейчас.

Он не мог больше ждать.

Друстан осыпал поцелуями живот Гвен, целовал груди, слегка покусывая соски. Он старался не торопиться, хотя желание овладеть этой женщиной сводило его с ума. Всю свою страсть, все вожделение он вложил в долгий страстный поцелуй.

— Чего ты хочешь? — спросил горец.

Эта девушка не ведала, что такое смущение или жеманная скромность, и ему это нравилось. На ее лице читался голод, в штормовых глазах не было ни капли неискренности. Но сможет ли она озвучить свое желание? Сможет ли прошептать ему нужные слова, выразить все, чего она ждет от этой ночи, рассказать о своих потаенных желаниях?

— Скажи мне, — требовательно повторил Друстан.

И его маленькая Гвендолин сказала ему слова, которых он раньше не слышал ни от одной женщины, ни от высокородной дамы, ни от шлюхи, и ее искренность подействовала на него, как двойная доза цыганского любовного напитка.

Никогда еще женщина не говорила ему это. Обычно они использовали более мягкие выражения, но Гвен попросила именно того и именно так, как он этого хотел. Их страсть была первобытной и не знала никаких ограничений.

Если Гвен может делать такие смелые заявления, то хватит ли ей храбрости принять его таким, какой он есть? Принять и не испугаться? Хватит ли ее на это?

Она лежала под ним и дрожала от желания. Влажные от поцелуев губы блестели при свете луны, и Друстан понял, что любовь к ней ударила в него, словно молния, раскалывающая надвое древние дубы.

Он подался вперед, вошел в нее...

И остановился.

Не по своей воле — нэй, точно не по своей воле, — а потому, что наткнулся на внезапную преграду.

— Ох, ну давай же! — чуть не заплакала Гвен. — Я знаю, что сначала может быть больно. Просто сделай это! Не останавливайся.

Он был потрясен. В голове роились обрывки мыслей. «Ее еще не коснулся ни один мужчина; как такая женщина смогла так долго оставаться девственницей? Или в ее времени все мужчины — полные ослы?» А потом: «Но она не выбрала кого-то из них, она выбрала меня!»

Что за подарок судьбы!

Благородный муж должен был отступить от нее, благородный муж, знающий, что есть вероятность навсегда исчезнуть из мира в эту ночь, наверняка отказался бы от нее, но было что-то в Гвен Кэссиди, что перечеркивало все его благородство. Друстан хотел ее. Если сегодня случится самое худшее, ночь любви поможет Гвен справиться с бедой. Возможно, это поможет

ей справиться с тем, чего он ждет от нее, и, возможно, — горец не мог не думать об этом, — возможно, он убедит ее остаться с ним и построить счастливое будущее в его прошлом. Так или иначе, но единственное будущее, которое ее ждет, находится в его прошлом.

«Я все для нее сделаю, — поклялся про себя Друстан. — Ее счастье станет для меня главным в мире. Я дам ей все, чего она пожелает, осыплю горой подарков, окружу вниманием, заботой, любовью, буду обращаться с ней, как с королевой. И буду служить ей не за страх, а за совесть и ждать ее решения». Ведь есть надежда на то, что любовь справится с недостатками его плана и сможет сделать больше, чем все осторожные приготовления и расчеты.

— Ну и пусть я маленькая, — хрипло сказала Гвен ему в плечо. — Но я сильнее, чем ты думаешь.

И она повторила свое требование, те самые слова, от которых кровь отхлынула от его мозга и устремилась к иной части тела. Друстан вошел в Гвен, присвоил ее, и она закричала.

А он сцеловывал ее крики, не прекращая глубоких толчков. Гвен приноровилась к его ритму, и, хотя поначалу его движения причиняли боль, неприятные ощущения скоро смыло волной желания.

Горец двигался быстро и резко, как никогда раньше не позволял себе, входил почти до упора и медленно подавался назад лишь для того, чтобы снова войти в нее. Весь его мир, каждый вздох, каждый удар сердца сосредоточились на женщине в его объятиях.

Друстан забросил ее ноги себе на плечи, чтобы войти под другим углом. Теперь он старался двигаться медленнее, напоминая себе, насколько эта девушка миниатюрна и что в первый раз он может навредить ей, и все равно не мог остановиться, входя так глубоко, что невозможно было понять, где начинается он и заканчивается она. Он заставил себя замедлить движения, наслаждаясь каждой секундой сладкой пытки.

— Друстан! — закричала Гвен, мотая головой так, что ее светлые волосы разлетелись, образуя ореол.

С каждым новым толчком Друстан наклонялся вперед, чтобы втянуть в себя ее сосок, и, когда он почувствовал ее сокращения, он слегка прикусил и потянул сосок зубами, вонзаясь в нее так сильно, быстро и глубоко, что безумие захлестнуло их обоих.

— Ох, милая, — хрипло выдохнул он. — Я не могу больше сдерживаться.

Он подался вперед почти до боли, хриплое дыхание смешалось с ее стоном. Ритм стал единым, и они достигли пика вместе.

Друстан замурлыкал на древнем языке, который, как он знал, Гвен просто не поймет. Он говорил глупости, делал искренние признания, идущие от самого сердца, и знал, что, если бы она была способна понимать этот язык, он не решился бы откровенничать. Он называл ее своей богиней луны, восхищался ее храбростью и страстью. Просил родить ему наследников. Господи, он болтал, как идиот.

Гвен вздрогнула под ним, и ей показалось, что она понимает каждое произнесенное слово. Когда Друстан замер, она погладила его по спине и плечам, изумленная, радостная, ликующая и удовлетворенная, как никогда раньше.

— Ты прекрасна, — прошептал он, нежно касаясь губами ее губ.

Она вскрикнула, когда он снова двинулся в ней, завершая любовную игру.

— Я сделал тебе больно, Гвен? — В его глазах и голосе читалось искреннее беспокойство.

— Немного, — призналась она. — Но не больнее, чем я ожидала после того, как увидела твой... «носок».

Друстан улыбнулся, в глазах заплясали чертики.

— Я говорил тебе, что этим наделила меня природа, но ты не верила. — Он лизнул ее нижнюю губу. — Я не хотел причинить тебе боль. Но, боюсь, просто потерял контроль над

собой.

— Я тоже. К тому же я обычно не использую таких слов, — призналась Гвен, прикусив губу.

— Это невероятно завело меня! — зарычал он. — Женщины никогда не говорили мне ничего подобного, и от твоих слов я стал твердым как камень.

— Это твое обычное состояние, МакКелтар, — ехидно произнесла она. — Не думай, что я не заметила, как постоянно топорщится твой плед.

— Я знаю, — довольно ответил он. — Твой взгляд часто блуждал по этому месту. Теперь я понимаю, почему ты не сказала мне раньше, — вздохнул он. — Гвен, почему ты не сказала, что до меня не знала мужчин?

Она закрыла глаза и выдохнула. Признаваться очень не хотелось.

— Я боялась, что ты мне откажешь. Я была уверена, что ты не станешь заниматься любовью с девственницей.

Заниматься любовью. Она хранила себя так долго и выбрала его. «Я не безразличен тебе», — подумал Друстан, надеясь, что услышит от нее это признание. И был разочарован тем, что Гвен промолчала, но в ее прикосновениях — а ладони девушки гладили его по груди — была нежность, которая о многом ему сказала.

Она отдала ему свою девственность.

Он почувствовал, что снова возбуждается, и еще раз двинулся внутри нее. Он еще не доказал ей, что не врал, и все же она решила отдаться ему. Она решила, что он достоин дара, которого недостойны все остальные. Друстан был уверен, что он не безразличен ей и что Гвен Кэссиди не из тех женщин, что легко отдаются мужчине.

Она оказала ему честь.

Друстан несколько не сомневался: она была предназначена для него. Он всю жизнь мечтал о такой женщине — и для того, чтобы найти ее, ему пришлось отправиться на пятьсот лет в будущее. Он скажет ей нужные слова и начнет друидский ритуал, и через несколько часов, если все пойдет как надо, она сможет ответить ему тем же.

А если все пойдет не так?

Он мысленно пожал плечами. Если все пойдет не так и он не переживет эту ночь, его версия из шестнадцатого века найдет эту девушку столь же невероятно привлекательной еще до того, как Гвен произнесет заклинание, объединяющее память. Вреда от этого не будет, и сомневаться здесь не в чем. Она преподнесла ему бесценный дар, и он хотел ответить тем же: подарить ей вечную любовь.

Друстан прижал правую ладонь к ее груди, над сердцем, левую ладонь приложил к своему сердцу и посмотрел Гвен в глаза. Когда он заговорил, его голос был низким и мягким:

— Потеряешь ли ты что-то, сохранится мое почтение к тебе. Останешься ли одна, моя душа будет с тобой. Придет ли вскоре смерть, моя жизнь станет твоей. — Он глубоко вздохнул и закончил заклинание, которое навек приковывало его к этой девушке: — Я дарован тебе.

Друстан вздрогнул, ощутив, как вырастает в его душу связь, которую ничто не сможет разорвать. Тонкая, но прочная паутина опутала его душу, связав с Гвен. Теперь даже в густой толпе он будет знать, где она находится. Въезжая в селение, он почувствует свою девушку среди сотен других. Шквал невероятных эмоций захлестнул его, и Друстан попытался взять себя в руки, но не смог — никогда раньше чувства не были столь яркими и сильными.

А Гвен была прекрасна. Теперь, когда возникла связь между ними, он распахнул ей свою душу и понял, что нет никого прекраснее ее.

— Что ты только что сказал? — с изумленным смешком переспросила она.

Друстан снова говорил тем странным тоном, который отдавался эхом тысячи голосов. Ей даже почудился отдаленный раскат грома в его голосе. А сами слова звучали жутко

романтично... и в то же время — серьезно и слегка пугающе. Фразы казались живыми существами, которые гладили ее теплыми лапками. Из глубины души поднялось желание ответить ему, и ответить единственно верными словами, но Гвен не могла придумать, что и как надо говорить.

Горец загадочно улыбнулся.

— Ага, понятно, — протянула она. — Это очередная вещь, которая...

— Прояснится со временем, — закончил он. — Айе. Я сказал, что защищу тебя, что бы ни случилось.

«А точнее, я сказал, что ты моя навсегда, если решишь ответить мне теми же словами. А я — навеки твой, даже если не дождусь твоего ответа». То, что он сделал, было рискованно, потому что, если Гвен не ответит, Друстану МакКелтару придется всю жизнь страдать без нее. Его сердце сковано закланием вечной верности, и он всегда будет ощущать Гвен как часть своей души, всегда будет любить ее. Но если она однажды решится ответить ему такой же клятвой, связь окрепнет в тысячи раз. Ради такой надежды стоило жить.

Он двинул бедрами, и глаза девушки удивленно расширились.

— Еще?

— А ты уже насытилась? — тихо спросил он.

Гвен приподняла бровь и показала ему кончик языка.

— Я же сказала, что гораздо сильнее, чем ты думаешь.

Он застонал, поцеловал ее и начал двигаться.

— Тогда айе, еще, еще и еще. Мы, МакКелтары, созданы невероятно выносливыми.

Друстан знал, что Гвен привыкла во всем сомневаться и ничего не примет без доказательств, но эти свои слова он подтвердит делом и телом.

23 сентября

Три минуты до полуночи

Гвен томно потянулась, погладила Друстана по спине. Она была сонной, довольной, сексуальной, нежной... и куда более сложной и собранной, чем раньше. Она чувствовала, что изменилась.

Гвен Кэссиди наконец-то стала целостной личностью. Где-то в животе угнездилось чувство завершенности и правильности происходящего, разум был спокоен, сердце — полно.

Но дышать под тяжелым телом горца было практически нечем. Какой бы цельной и сильной ни ощущала себя Гвен, мириться с таким положением она не желала и осторожно столкнула с себя расслабленного МакКелтара. Он перекатился на спину, и Гвен оседлала его бедра, в точности повторив позу, в которой они встретились в пещере. Вот только на этот раз оба были голыми, и ситуация стала куда более эротичной. Девушка поймала себя на том, что хочет опробовать с ним множество вещей. Заняться любовью в этой позе. И в другой... и в третьей...

— Друстан, — пробормотала Гвен, вглядываясь в его лицо. При свете луны он казался еще красивее. В серебристых глазах притаился ленивый соблазн. — Спасибо, — мягко сказала она.

Он сделал ее первый опыт прекрасным, страстным, незабываемым, и, даже если по какой-то неведомой причине они больше никогда не займутся любовью, Гвен до конца своей жизни будет сравнивать с Друстаном других мужчин. Она с головой бросилась в омут любви. И это ощущение было прекрасным.

Друстан взял ее лицо в ладони и жадно поцеловал.

— Не благодари меня, милая. Только проси повторить. Это лучшая благодарность, которую может получить мужчина от женщины. Это и... — он запустил руки между ее ног, — доказательство того, что женщина тебя хочет.

Он улыбнулся и в тот же миг заметил положение луны на небе. Улыбка внезапно поблекла, все тело напряглось. Страсть, сиявшая в его глазах, сменилась паникой.

— Черт, — выругался Друстан, — чуть не опоздали!

Он ссадил с себя Гвен, вскочил на ноги, натянул плед и бегом помчался к центральной плите.

— За мной, — скомандовал он.

Гвен, все еще расслабленная после секса, ленивая и довольная, только заморгала от такой внезапной перемены.

— Уже почти полночь. Скорее, — настойчиво поторапливал он.

Гвен потянулась за одеждой, но горец остановил ее.

— Нет времени одеваться. Мне нужен твой рюкзак, Гвен.

Совершенно сбита с толку, чувствуя себя неуютно без одежды, Гвен схватила рюкзак и подошла к Друстану. Живущий в ней ученый, несмотря ни на что, очень хотел узнать, как горец собирается доказывать ей свою правоту. К тому же, подумала Гвен, любовью можно будет заняться и позже.

Друстан, то и дело бросая быстрые взгляды на ночное небо, окунал пальцы в раствор рисовального камня и выводил последние символы на каменной плите.

— Возьми меня за руку.

Гвен схватилась за его руку. Он внимательно осмотрел вязь символов, потом покачал головой и громко выдохнул.

— Молю Амергина лишь о том, чтобы я не ошибся. Стой рядом со мной, Гвен. Здесь.

Гвен встала на указанное место и попыталась рассмотреть через его плечо последние символы, но Друстан нарочно загородил их.

— И что, по-твоему, должно произойти, Друстан? — спросила она, посмотрев на часы.

Удивительно, но в ее теле не осталось ни капли довольной расслабленности, в которой она купалась после секса. Она чуть не рассмеялась, осознав, что на ней надеты только часы и лямки рюкзака.

— Гвен, я... — Он осекся и посмотрел на нее.

Их взгляды встретились. Интересно, что он чувствовал, когда они занимались любовью? Гвен помнила о своей неопытности, и ей было очень интересно: эмоции, которые она испытывает, глядя на него, — это просто временный побочный эффект физической близости или?.. Она подозревала, что это чувство — начало чего-то большего, но сейчас было не время копаться в себе и строить предположения. Однако если Друстан испытывает те же эмоции, Гвен могла поверить в то, что связь между ними является реальной и четкой, как математическое уравнение. Взгляд Друстана скользил по ее телу, и под этим взглядом Гвен не чувствовала себя коротышкой. Она знала, что прекрасна и... вполне аппетитна. Ей всегда было немного неуютно в мире, где истощенные длинноногие модели заполнили все, от экранов телевизоров до журналов и газет.

Но с Друстаном это ощущение исчезло. Она видела свое отражение в его глазах и чувствовала себя идеальной.

— Как жаль, что у нас нет в запасе вечности. — Он действительно сожалел.

Гвен сжала его пальцы, надеясь на продолжение. И в тот же миг часы на ее руке отозвались тонким металлическим звоном, отсчитывая полночь. Гвен вздрогнула. Раз. Два. Три...

— Ты прекрасна, милая, — сказал Друстан, проводя пальцем по ее щеке. — И у тебя храброе сердце.

Пять. Шесть. Семь.

— Я нравлюсь тебе, Гвен? Хоть немного?

Она кивнула. Горло сжал спазм, и девушка не могла произнести ни слова. Друстан был серьезным и грустным, и она боялась ляпнуть что-то глупое и сентиментальное, выставив себя полной дурой. Она и так уже сказала то, чего не ожидала от себя, и теперь боялась, что очередная глупость отпугнет Друстана. Девять.

— Этого и моей веры в тебя должно хватить. Ты pomoжешь мне, если я окажусь в опасности?

— Конечно, — тут же ответила Гвен. А затем, уже более взвешенно, добавила: — А что со мной будет?

— Моя жизнь принадлежит тебе, — просто ответил он. — Не бойся меня, Гвен. Что бы ни случилось, пообещай, что не станешь меня бояться. Я хороший человек, клянусь тебе.

В его голосе звучала такая боль, что Гвен неосознанно потянулась к нему, погладила по щеке.

— Я знаю это, Друстан МакКелтар. Я не боюсь тебя...

— Но все может измениться.

— Это не изменится. Ничто не заставит меня бояться тебя.

— Надеюсь, что так. — Его глаза потемнели.

Двенадцать.

Тринадцать?

Он закричал, притянул ее к себе, жадно поцеловал — и в тот же миг мир Гвен Кэссиди затрепал, расходясь по швам. Она кружилась, вращалась в руках Друстана, ее бросало из

стороны в сторону, вверх и вниз... а затем в направлениях, которые вовсе непривычны для людей.

Время и пространство менялись, само существование сдвигалось, и в какой-то момент это движение вырвало Гвен из объятий Друстана. Рюкзак соскользнул с ее плеча и утонул в водовороте света.

Гвен увидела руки Друстана, которые тянулись к ней издалека, но они показались ей странными. Мир словно обрел дополнительные измерения, которые ее сознание не готово было воспринять. Гвен пошевелила пальцами, стараясь привыкнуть к новому состоянию. Ее ладони, запястья, руки стали... другими.

Ей показалось, что она увидела Друстана, кружащегося в водовороте новых пространств, а затем услышала удар. Это было невероятно: она двигалась на сверхзвуковой скорости и чувствовала себя беспомощной, как бабочка, попавшая в торнадо. Ощущение урагана, отрывающего слабые крылышки, было почти физическим.

Ерунда, подумала Гвен. Тот, кто преодолел звуковой барьер, не слышит звукового удара.

Последовала вспышка света, резанувшая по всем чувствам сразу. Гвен потеряла ощущение времени, пространства, она не чувствовала даже своего тела. Белый свет наполнил ее изнутри: она глотала его, дышала им, чувствовала, как свет движется под кожей, заполняя каждую клеточку ее естества, перестраивая ее по какому-то иному принципу. «Предельная скорость, которую набирает парашютист, — холодно напомнил внутренний голос, — в среднем составляет сто сорок восемь — двести километров в час. Звук распространяется со скоростью около трехсот тридцати метров в секунду при высокой влажности воздуха. Вторая космическая скорость, необходимая для преодоления притяжения планеты, равна одиннадцати километрам в секунду. Скорость света — триста тысяч километров в секунду». Мысли спутались. «А вот кошка всегда приземляется на лапы. Сводит кинетический момент к нулю».

Она по-прежнему не ощущала движения, только голова шла кругом. Не было звуков, тишина давила на уши. Гвен не чувствовала своего тела, но и ощущения пустоты не было. Вторая космическая достигнута и превышена, белый свет стал белым холодом, а Гвен оказалась на длинном мосту или в туннеле. У нее не было даже тела, которое инстинкт подстегнул бы страхом.

Белизна исчезла так же внезапно, как и появилась, возникла темнота, плотная и твердая, как кирпичная стена. К счастью, вернулись звуки и образы.

«Или к несчастью», — подумала Гвен. На языке и в горле осел кислотный металлический привкус, было жутко ощущать собственный вес после невесомости.

Гвен подавила тошноту и подняла голову, которая, как теперь казалось, напоминала раздавленный помидор и весила пару тонн.

Вокруг взрывом проступала ночь. Град сыпался на землю, дождь рассеивал плети тумана. Ветер хлестал и выл, срывал с деревьев листья и ломал ветви. Крошки льда больно хлестали по голой коже.

— Друстан! — закричала Гвен.

— Я здесь. — Он шагнул к ней из тумана, поскользнулся на градинах, которые засыпали траву, и упал на колени.

— Друстан, что происходит?

Когда он с трудом поднялся на ноги, Гвен заметила, что его лицо побледнело и осунулось. Проступили морщинки у рта, которых она раньше не замечала. Друстан с ужасом глядел на свои руки. Гвен попыталась рассмотреть, что его так напугало, но ничего не смогла различить из-за тумана.

— Я ошибся в последних символах! — хрипло крикнул он. По его щеке чиркнула огромная

градина, оставив кровавую полосу. — Нас занесло слишком далеко. Я думал, что пойду с тобой, но теперь не получится. Прости меня, все должно было быть совсем не так!

— Что? — Вой ветра оглушал, и Гвен со страхом смотрела на МакКелтара.

Ветер разметал ее волосы, пряди лезли в лицо, в глаза, обвивались вокруг шеи. Буря была такой сильной, что от ветра болела кожа. Градины оказались крупными и острыми, голова у Гвен заболела от десятков ударов. Девушка подалась вперед и схватила Друстана за руку. Она чувствовала, как напряглись его мышцы, но при этом рука казалась почти нематериальной. Дело было не в тумане — силуэт Друстана сам стал нечетким, туманным, тающим.

— Что с тобой происходит? — Ей приходилось перекрикивать вой ветра.

— Спаси меня! Спаси мой клан! — закричал он в ответ. — Сохрани мой род!

Его буквально разрывало пополам. Друстан пытался отвечать Гвен и как-то договориться со своим вторым «я», живущим в прошлом, но ничего не получалось. Все силы уходили на то, чтобы шевелить губами и языком. Он разрывался между двумя местами в одном и том же времени, растягивался по измерениям, словно пленка, которую с двух сторон тянут к себе катушки. Но он должен сказать Гвен, что ей делать! Должен объяснить, как действует заклятие, которому он ее научил!

— О чем ты говоришь? Ой! — Огромная градина ударила ее по лбу.

Друстан не ответил. Его тело мерцало, и это пугало Гвен. Ей казалось, что он исчезает и изо всех сил борется с этим. Почти в истерике она бросилась к нему, но ее руки прошли сквозь его тело. Серебристые глаза светились, и горец казался теперь темным колдуном из древних сказок. Он бросил ей свой плед, жестом показав, что она должна сохранить его.

Гвен вцепилась в ткань дрожащими пальцами.

— Слушай! — прокричал Друстан.

Его взгляд стал диким и рассеянным. Он склонил голову, словно прислушиваясь к чему-то, чего Гвен не могла слышать, и уставился куда-то сквозь нее, на то, чего она не могла видеть. Его губы шевельнулись в последний раз:

— Когда ты увидишь его, ты должна сказать... показать ему...

— Что? — закричала она. — Что сказать и кому?

На них посыпались сломанные ветки и оборванные листья. Друстан отшатнулся, прикрывая голову от особо крупного обломка, и Гвен не расслышала его ответа. Что и кому нужно сказать и показать?

А потом он исчез. Внезапно и бесследно, как символы на его груди, когда она прикоснулась к ним в пещере. С его исчезновением утихла буря, и тут же прекратился град. Ночная тишина окружила Гвен со всех сторон, последний порыв ветра рассеял остатки тумана.

Девушка замерла на месте, потрясенная, покрытая синяками и исхлестанная ветром.

После того как ее ноги перестали быть ногами, ей было страшно сделать шаг. Тело снова принадлежало ей, но что-то в нем изменилось, и ее альтер-эго все расхаживало по своей лаборатории, пытаясь придумать этому объяснение и понять, что произошло. Сейчас Гвен ни в чем не была уверена, даже в том, что ее тело подчинится простым приказам, а мозг сможет правильно воспринять ситуацию.

— Друстан, — слабо позвала она. Потом громче: — Друстан!

Ответом была лишь жуткая тишина. Гвен задрожала, с опозданием вспомнив, что на ней нет одежды. Непослушными руками девушка завернулась в плед и пошла по скользкой от града траве к костру.

Вот только костра на месте не оказалось. Наверное, град и ветер погасили огонь.

Гвен опустила на колени, плотнее заворачиваясь в плед, еще хранящий тепло Друстана. И с удивлением заметила, что льда на земле так много, словно небеса разверзлись и сбросили на

траву заснеженные верхушки гор. Несмотря на теплую ночь, пройдет не один час, прежде чем все эти градины растают. Девушка замерла, вспоминая странную бурю и все, что произошло до нее. И только теперь до Гвен дошло.

Он сказал, что собирается доказать ей свою правоту, но сможет сделать это только в круге камней. И что если она не поверит ему, их пути разойдутся. Только теперь Гвен поняла, что Друстан всегда тщательно подбирал слова, вкладывая в них двойное значение.

Теперь стало ясно, что он имел в виду.

— Ты оставил меня, — прошептала Гвен. — И ты действительно доказал мне, верно?

Она фыркнула и внезапно расплакалась.

— Неоспоримое доказательство. Ага. И даже с моей недоверчивостью с этим не поспоришь.

Друстан заставил ее помочь ему в новом времени, привел к нужным камням, занялся с ней любовью, доказал, что говорил правду, и вернулся в свое время — оставив ее в двадцать первом веке. Одну.

Он не был сумасшедшим. Он был гением. Она обнимала воина из шестнадцатого века, который умел управлять временем, и смеялась над ним на каждом шагу. Дразнила, оскорбляла неверием, смотрела на него свысока.

Да, Гвен, изгадить собственную жизнь ты умеешь как никто. Надо же было так влюбиться... с космической скоростью. За три дня привязаться к человеку так, как ни к кому не привязывалась за всю жизнь. Она старалась логично спланировать свое будущее с Друстаном в своем рациональном мире.

А он оставил ее. Даже не предложил отправиться с ним!

«А ты бы пошла? Ты бы сказала «да»? — сухо поинтересовался внутренний голос. — Отправилась бы в столетие, о котором ничего не знаешь? Оставила бы свое время?»

«Да, черт возьми, я сказала бы «да»! Что мне тут делать? Я влюбилась и пошла бы куда угодно, сделала бы что угодно ради своей любви!»

В этот раз, видимо для разнообразия, язвительного комментария не последовало. Внутренний голос затих. Гвен плакала. Она внезапно почувствовала себя старухой, которая потеряла то, чего не ценила, и вдруг поняла, что это было чудо.

Девушка не знала, сколько пролежала на поляне, размышляя, плача, вспоминая, как занималась любовью. Теперь, когда она узнала правду, все казалось ей совсем другим.

Гвен заставила себя подняться и сесть. Она дрожала, колени замерзли, пальцы покалывало от прикосновения льдинок. *«Я чувствую, МакКелтар. Ты научил меня чувствовать. Надеюсь, ты доволен собой — показал мне, что у меня есть сердце и что оно умеет болеть».*

Рывком поднявшись с земли, девушка зашагала к центру каменного круга. Где-то там, в темноте, осталась ее одежда. Гвен все еще трясло, и она очень старалась не всхлипывать. Куда подевались ее ботинки? И где, черт возьми, рюкзак и фонарик? Недостаток никотина снова напомнил о себе. В стрессовых ситуациях ей всегда дико хотелось курить.

Ну и как ей теперь справляться со всем этим? Что делать с любовью к человеку, который умер пятьсот лет назад?

Гвен кружила по площадке, чувствуя, что ее охватывает паника. Ее вещей нигде не было. Они просто исчезли. Ну не могла же буря подхватить их и унести? Девушка растерянно оглянулась по сторонам, посмотрела на небо и внезапно моргнула. Впервые после исчезновения Друстана она обратила внимание на то, что ее окружает, и замерла. Там, где раньше ничего не было, возвышалась каменная громада.

Гвен изумленно охнула, глядя на зубчатую крепостную стену, высокие башни и орудийные башенки. Такие укрепления она видела в других замках Шотландии. Гвен заморгала и завертела

головой, осматриваясь.

Она просто не могла поверить в то, что стало бы ответом на все вопросы. Не могла смириться с этим. Гвен почувствовала, что дышит слишком часто и поверхностно, перед глазами заплясали точки.

За каменным кругом возвышался замок. Огромный, темный, невероятно красивый. В центре замка была большая прямоугольная башня, по бокам были круглые башенки поменьше. На восток и запад от башен замок расходился двумя крыльями, которые тоже заканчивались башнями. Молочно-белый туман окутывал зубцы стен.

Гвен поняла, что стоит, открыв рот от изумления. Она застыла, словно еще один камень в кругу камней. Возможно, она не потеряла Друстана?

От внезапного прилива адреналина сердце пустилось вскачь. Гвен выскочила из круга на мощеную дорогу к замку. Кроме этой дороги в стороны от круга вело множество тропинок, разбежавшихся во всех направлениях, но главная вела прямо к центральному входу.

Гвен несколько раз поскользнулась и отметила про себя, что градом усыпан только каменный круг. Земля вне круга была сухой и теплой.

Друстан сказал, что в его веке камни Бан Дрохада находились под защитой стен замка, но тот Бан Дрохад, который она запомнила, был открыт всем ветрам. А теперь его действительно защищали стены, мощные сооружения неприступного замка.

Гвен посмотрела в ночное небо. Оно было глубокого темного цвета, что было невозможно в ее времени. Еще вчера, сидя в салоне машины, она видела огни окрестных деревень, расположенных прямо под Алборатом. Электрический свет мешал как следует рассмотреть звезды, потому-то Гвен и запомнила это.

Она снова взглянула на замок, до которого можно было дойти за пять минут, и вцепилась в плед. Слова, которые Друстан прокричал на прощанье, внезапно обрели смысл. «Нас занесло слишком далеко. Я думал, что пойду с тобой, но теперь не получится. Спаси мой клан».

«Боже, Друстан, — подумала она, — ты не вернулся в прошлое. Ты отправил в прошлое меня, чтобы я помогла тебе!»

Когда я думал о том, что короткая жизнь моя — всего лишь капля в океане времени, а та малая часть пространства, которого я могу коснуться и которое могу увидеть, поглощена невероятным количеством пространств, мне неведомых и не ведающих обо мне, — я изумляюсь и ужасаюсь тому, что нахожусь здесь, а не там... сейчас, а не тогда.

Блез Паскаль.

Для тех из нас, кто верит в физику, разница между прошлым, настоящим и будущим — всего лишь иллюзия, хотя и упрямая.

Альберт Эйнштейн.

18 июля 1518 год

Этот кошмар не шел ни в какое сравнение с тем, что раньше выдавало подсознание МакКелтара. Кошмар был реальным, у него был едкий вкус, который ни с чем нельзя было перепутать, — вкус смерти.

Размытые образы скользили на краю сознания, а потом, словно гигантская пиявка, вцепились в него, слились с ним, и Друстан ощутил, что в его теле находятся две похожие, но в то же время разные сущности.

«Я одержим демоном, — подумал Друстан сквозь сон и попытался бороться с кошмаром. — Я не позволю этого». Он собрал все силы и ударил чужака, собираясь уничтожить его, не разбираясь, кто или что это. Демон был чужим и равным ему по силе, этого было достаточно. Он сфокусировал сознание, изолируя пришельца, заковал его в кокон собственной воли и с силой вышвырнул прочь из своего тела.

И в кошмаре внезапно появился второй Друстан. Двойник был старше и казался уставшим. Смертельно уставшим.

«Изыди, демон!» — закричал Друстан.

«Послушай меня, дурак».

Друстан закрыл уши ладонями. «Я не куплюсь на твою ложь, демон». Где-то в отдалении — в ткани кошмара, которую его разум не мог воспринять, — Друстан ощутил присутствие женщины. Силуэт был нечетким, но горец ощущал даже жар ее кожи. Вспышка желания чуть не разбила его решимость удерживать этот кошмар подальше от себя.

Словно почувствовав его слабость, двойник прыгнул к нему, но Друстан снова взял себя в руки и отшвырнул демона прочь.

Они уставились друг на друга, и Друстан удивился тем чувствам, которые отражались на лице его двойника. Страх. Печаль, настолько глубокая, что двойник словно разрывался на части. Друстан смотрел на двойника и буквально видел, как тот теряет целостность.

«Ты будешь сражаться со мной до смерти, — беззвучно зашевелились губы пришельца. — Я вижу. И понимаю теперь, почему остается только один. Это не природа, силу которой невозможно преодолеть, это наш собственный страх заставляет нас уничтожать друг друга. Прощу тебя, прими меня. Позволь быть нам обоим».

«Я никогда не приму тебя!» — зарычал Друстан.

Двойник поблек, потом стал более плотным, и вновь его контуры начали расплываться. «Тебе грозит опасность...»

«Заткнись! Я не поверю ни единому твоему слову!» — Друстан злобно уставился на своего призрачного гостя.

Двойник, превратившийся в слабую тень, обернулся через плечо и прокричал кому-то, кого Друстан не мог увидеть: «Когда ты увидишь его, ты должна сказать те слова, которым я научил тебя в машине, помнишь? Ты должна повторить ему эти стихи и показать свой рюкзак, и все будет хорошо».

«Убирайся, демон!» — Друстан собрал всю свою волю, чтобы изгнать чужака.

Двойник посмотрел ему в глаза, прошептал «люби ее» и — исчез.

Друстан рухнул на кровать, пытаясь снова вдохнуть. Он вцепился в горло, несколько раз ударил себя по груди и наконец смог сделать первый болезненный вдох. Он был весь в поту и дрожал одновременно от жара и болезненного озноба. Друстан попытался завернуться в

простыню — шкуры, которыми он укрывался, раньше мягкие и теплые, теперь свалялись и пропитались потом.

С третьей попытки он смог ухватить кубок с вином, стоявший на столике у кровати. Друстан жадными глотками осушил его, умудрившись не пролить, и вытер губы тыльной стороной ладони.

Сердце грохотало в ушах. Никогда раньше он не испытывал такого бешеного страха. Он даже не представлял, что в его тело может вселиться нечто и заявить свои права на его жизнь.

Друстан взъерошил волосы, поднялся и зашагал по комнате, стараясь успокоиться. При взгляде на кровать его передергивало, словно среди одеял притаился суккуб, который только и ждет его возвращения.

Во имя Амергина! Что могло спровоцировать такой странный сон? Он не помнил событий, которые ему снились, осталось лишь ощущение насилия над душой и чувство опустошенности после победы.

Его отвлекла яркая вспышка за окном. Глухо зарокотал гром, и Друстан отдернул занавеску, чтобы посмотреть в ночь. И долго стоял у окна, глубоко дыша и успокаиваясь. Ему редко снились кошмары, и он был рад, что не помнит своего сна, потому что странное чувство сводило его с ума. Друстан постарался загнать воспоминание о кошмаре в самый дальний угол сознания и похоронить там, в темноте, перекрыв двойнику доступ в свои мысли.

Буря прекратилась так же внезапно, как и началась, горы снова укутались в тишину и спокойствие.

«Думай, думай, думай, — подгоняла себя Гвен. — Ты же у нас теоретически подкована, вот и давай, пользуйся». Но мозг отказывался работать. Для вчерашнего дня не подходило даже определение «насыщенный». Невероятная страсть, странная гроза, отсутствие никотина, из-за чего хотелось лезть на стену, — это совсем не те обстоятельства, в которых можно блеснуть умом. Гвен с трудом справлялась с обычными вещами.

Осторожно ступая по подтаявшим градинам, она решила для начала разобраться с понятными явлениями, поскольку от непонятных у нее голова шла кругом. Ей отчаянно хотелось найти какое-то простое, логичное и приемлемое объяснение всему происходящему, однако это было невозможно.

Гвен вздрогнула и посмотрела на замок. Он был таким огромным, что внушал одновременно благоговение и страх.

Но для начала ей нужно кое-что проверить. Кто это всегда и во всем сомневается? Она? Да ни в коем случае. Но доказательства своей правоты лучше увидеть собственными глазами.

Решительно вздохнув, Гвен развернулась и поспешила прочь от замка, к внешней стене его укреплений. Забравшись наверх по груде каких-то бочек, девушка выглянула в узкую бойницу. Под ней, в долине среди гор, должен быть Алборат. Но его там не было. Что и требовалось доказать.

Плечи Гвен поникли. Она подозревала, что города там нет, но реальность все равно оказалась шокирующей.

Нас занесло слишком далеко.

Иными словами, подумала она, пытаясь рассортировать все известные ей теории о путешествиях во времени, Друстан попытался вернуться в прошлое сразу после своего исчезновения, но перепутал символы. Их занесло слишком далеко в прошлое, в то время, когда Друстан находился в замке. Общая теория о путешествиях во времени гласила, что ткань мироздания не выдержит двух идентичных личностей в одном и том же временном отрезке. Друстан из будущего каким-то образом исчез из реальности.

«Путешествие во времени! — завопил ее внутренний голос. — Анализируй!»

«Мы должны его спасти. Анализируй это. Точки ветвления временных вероятностей мы рассмотрим позже».

Если его будущая версия исчезла, значит, того Друстана, в которого она влюбилась, больше нет. Но в замке ее ждет Друстан, которого не заклинали и который ничего не знает о ждущей его опасности.

От этой мысли сердце Гвен болезненно сжалось. Увидеть снова серебристые глаза, которые когда-то смотрели на нее с такой любовью, а теперь не узнают, — это будет нелегко. Пообещай, что не будешь меня бояться.

Бояться его? Чем он может ее напугать? Способностью перемещаться во времени? Ха, да этим можно разве что восхищаться!

Спаси мой клан.

Она не подведет его.

Расправив плечи, Гвен побежала через каменный круг к замку и взлетела по ступеням. Замок был таким громадным, что она чувствовала себя уменьшившейся Алисой в Стране Чудес. Гвен заколотила кулаком по двери. Удар, удар, еще удар.

— Эй, открывайте! — закричала она и толкнула дверь плечом.

Никто не ответил. Колокольчика или кнопки звонка тут не было. Еще одно доказательство того, что она больше не в двадцать первом веке. Ладно, средневековые двери можно будет оценить и позже. С другой их стороны. А пока Гвен понимала, что в любой момент может лишиться чувств. Все происходящее было настолько странным, что не будь она физиком, способным к отстраненной оценке ситуации, она бы просто сошла с ума.

— Ох, ну пожалуйста! — крикнула Гвен, поворачиваясь к двери спиной и начиная колотить в нее ногами.

Бум-бум, бум-бум-бум. Звук получался не громче удара рукой по подушке, а пятки уже начали болеть. Стоило отправляться в прошлое, чтобы попытка спасти Друстана окончилась у первой же закрытой двери.

Гвен отошла от двери и посмотрела на окна. Может, бросить в них чем-нибудь, разбить стекло и заявить о себе? Не особо умный способ познакомиться с хозяевами замка. В ответ на брошенный камешек может прилететь стрела или что-то еще более древнее. В этом веке на непрошенных гостей вполне могли вылить кипящее масло.

Недалеко от крыльца Гвен заметила поленницу. Схватив увесистое полено, девушка заколотила им в дверь.

— Откройте, пожалуйста!

— Иду, иду, — отозвался сонный голос. — Я слышала тебя с первого раза. Неужто невтерпех? — Раздался скрежет металла по дереву, и дверь распахнулась.

У Гвен подогнулись колени от облегчения. За дверью оказалась немолодая женщина, одетая в полотняную сорочку и чепец. Сонные глаза широко распахнулись, когда она рассмотрела гостью. Гвен только сейчас вспомнила, что на ней нет ничего, кроме пледа.

Женщина схватила ее за руку и рывком втащила внутрь.

— Ах ты бедненькая, — проворковала она, обнимая Гвен. — Нелл о тебе позаботится. Колумбы ради, что ж ты бродишь-то по ночам в таком виде? Английская девчонка, не иначе. Как ты сюда попала? Мужик притащил? Он тебя хоть не обидел?

Женщина прижала ее к своей пышной груди, и Гвен успела только подумать: «Это Нелл, о которой говорил Друстан», — а потом просто расслабилась в ее материнских объятиях. Нелл оказалась именно такой, какой Гвен ее себе представляла, — свежая красота юности давно покинула ее, но эта женщина была красива той красотой, что неподвластна времени.

От внезапного тепла и уюта Гвен на миг потеряла контроль над собой и вдруг поняла, что

разум ее отключается. Мысли, планы, само сознание гасли, словно кто-то повернул главный рубильник и теперь все системы отключались одна за другой.

Но ей нельзя сейчас отключаться! Нужно хотя бы узнать, какой сегодня день. Однако у тела, вымотанного путешествием сквозь века, были свои планы на этот счет.

— Нелл, что там за шум? — прозвучал мужской голос, но Гвен не смогла даже увидеть, кому он принадлежит.

— Помоги мне с девчушкой, Сильван, — пробормотала Нелл. — Не знаю, как так вышло, но бедняжка замерзла и чуть не отморозила ноги.

Гвен отчаянно пыталась спросить: «Какое сегодня число?» и «С ним все в порядке?», но, черт возьми, она теряла сознание.

В теплой обморочной темноте ей привиделся Альберт Эйнштейн, самый великий физик всех времен и народов. Он склонился над ней, и Гвен отчетливо увидела седые волосы и морщинки на его лице, озорной взгляд умных глаз. Что ж, если она умирает, у нее будет прекрасная компания. Ученый склонился к ней, и Гвен прошептала:

— Друстан...

— Удивительно, — прозвучал голос на краю сознания. — Давай согреем ее и уложим в Серебряной Комнате.

— Так это же комната рядом со спальней Друстана, — запротестовала Нелл. — Это непристойно.

— К черту пристойность. Там ей будет удобно. Гвен не стала слушать дальше.

Друстан жив, и ее несут к нему. Зная это, можно немного отдохнуть.

Следующее утро

— И почему тебя вечно тянет наверх, Сильван? — Нелл бедром толкнула дверь в его комнату в башне, которая возвышалась над замком ровно на сто три ступеньки. — Вот уж лысый орел! Чем выше утес, тем удобней сидеть.

Сильван МакКелтар оторвался от книги и удивленно посмотрел на нее. Копна седых волос обрамляла его лицо, и Нелл в который раз подумала о том, как красив этот похожий на сказочного мудреца мужчина. Впрочем, вслух она об этом ни за что не скажет.

— Я не лысый. У меня много волос. — Он снова опустил голову и углубился в чтение, водя пальцем по странице.

Большую часть времени Сильван проводит в своем мире, подумала Нелл. Она не раз удивлялась тому, что у него вообще появились дети. Наверное, жене пришлось захлопнуть книгу, ударить его по пальцам и утащить в постель за ухо.

А что, хорошая идея. Нелл знала, что не выдаст себя взглядом, — как не выдала ни разу за двенадцать лет, что провела в замке.

— Пей. — Она осторожно поставила чашку с питьем на стол рядом с его драгоценной книгой.

— Опять твои дикие эксперименты с напитками, Нелл?

— Нэй, — с каменным лицом отозвалась она. — Это вполне нормальное питье. И оно тебе необходимо. Я не уйду, пока чашка не опустеет.

— Ты добавила туда какао?

— Ты же знаешь, что какао у нас почти закончилось.

— Нелл. — Он подавил вздох и перевернул страницу. — Иди к себе. Я выпью позже.

— Кстати, твой сын уже проснулся. — Нелл уперла руки в бедра и топнула ногой, указывая глазами на чашку. Сильван не ответил, но она не собиралась отступать. — И что прикажешь делать с девушкой, которая пришла вчера вечером?

Сильван закрыл книгу, стараясь не глядеть в сторону Нелл. Ему слишком нравилось на нее смотреть, и он боялся выдать себя. Вот когда она направится к двери, можно будет позволить себе тайком ею полюбоваться.

— Ты отсюда не выйдешь, да?

— Нет, пока ты не выпьешь.

— Как она там?

— Спит, — ответила Нелл, глядя на его профиль. За долгие годы она привыкла общаться с его профилем, слишком редко Сильван смотрел ей прямо в глаза. — С ней ничего серьезного.

«И слава святым», — подумала Нелл. Она испытывала нежность и яростное желание защищать крошечную девушку, которая появилась у них на пороге с пледом на тощих плечах и следами девичьей крови на бедрах. Нелл и Сильван прекрасно поняли, что это означает, и обменялись тяжелыми взглядами. Сильван провел пальцами по пледу девушки — пледу, который принадлежал его сыну.

— Она рассказала о том, что с ней произошло? — спросил Сильван, поглаживая кожаный корешок книги.

— Нэй. Бормотала что-то во сне, но я ничего не поняла.

Сильван удивленно приподнял брови.

— Неужели... как по-твоему, мог ли ее разум пострадать от того, что...

— Я думаю, — осторожно ответила Нелл, — что чем меньше вопросов мы будем ей задавать, тем лучше. Ей явно нужен приют, у нее нет ни одежды, ни прочих вещей. Я прошу тебя об одном: позволь ей остаться здесь, как когда-то ты позволил мне. А ее историю мы узнаем, когда она сама готова будет рассказать.

— Это при условии, что она не похожа на тебя, иначе мы вообще ничего не узнаем. — Взгляд Сильвана вдруг стал очень внимательным.

Нелл задержала дыхание. Прошло двенадцать лет с той ночи, когда она обрела приют в замке МакКелтаров, но впервые Сильван так прямо упомянул об этом. Он чуть не задал ей личный вопрос, и Нелл опешила: услышать такое от МакКелтара — все равно что увидеть редчайшую красную куницу. МакКелтары не просто ценили чужие тайны, любопытство вообще не было им свойственно. Нелл не знала, благословение это или проклятие, но иногда ей очень хотелось, чтобы один из МакКелтаров все же изменил своим привычкам.

Когда много лет назад Сильван нашел ее на дороге, избитую и брошенную на верную смерть, ей не хотелось вспоминать и говорить о том, что произошло. А когда она пришла в себя — после долгой лихорадки, во время которой Сильван сидел у ее постели и держал за руку, — когда она была готова обо всем рассказать, МакКелтар отдалился от нее и никогда больше не заводил разговора об этом. Ну и что ей было делать? Выболтать все, словно выпрашивая его жалость?

Между лэрдом и экономкой возникла вежливая отстраненность. Так и должно быть, напомнила себе Нелл. И опустила голову, запрещая себе строить предположения по поводу его последней фразы.

Сильван, так и не дождавшись ответа, вздохнул и велел подобрать для девушки подходящее платье, когда та проснется.

— Я уже достала старые вещи твоей жены. А теперь, может, ты все-таки выпьешь? И не думай даже, будто я не заметила, что ты в последнее время не в себе. Мое снадобье тебе поможет, если ты не будешь тайком выливать его в туалет.

Он покраснел.

— Сильван, ты почти не ешь, почти не спишь, а твоему телу нужно откуда-то черпать силы. Хуже от снадобья не будет, почему бы тебе просто не попробовать?

Он весело посмотрел на нее, вздернув седую бровь.

— Вот ведь настойчивая баба.

— Вредный старый лис!

Он улыбнулся, поднял кружку, демонстративно зажал нос и мелкими глотками выпил зелье. Нелл смотрела, как он глотает, морщится и ставит обратно опустевшую кружку. На краткий миг их взгляды встретились.

Нелл развернулась и пошла к двери.

— Не забудь о девушке, — сухо сказала она. — Тебе нужно пойти к ней и сказать, что в этом замке она обрела приют и может оставаться, сколько хочет.

— Не забуду.

Нелл кивнула и шагнула через порог.

— Нелли?

Она замерла, не поворачиваясь. Уже много лет она не слышала от него такого обращения. Сильван прочистил горло.

— Ты что-то с собой сделала? — Нелл промолчала, и он снова кашлянул. — Ты выглядишь... э... точнее, теперь ты выглядишь очень...

Он замолчал, явно жалея, что вообще коснулся этой темы. Нелл повернулась к нему лицом, сжав губы и нахмурившись. Сильван несколько раз открыл и закрыл рот, не сводя с нее глаз.

Неужели он действительно заметил ее небольшую уловку? Нелл думала, что он ни за что и никогда не заметит изменений. Но он заметил. Что теперь: он подумает, что она свихнулась на старости лет?

— Что «очень»? — рыкнула она.

— Э... ну, я думаю... верным словом будет... привлекательной.

Более... мягкой, подумал он, рассматривая Нелл. Боже, эта женщина впервые выглядела не так, словно вот-вот приласкает его сковородкой.

— С ума сошел, старый пень? — растерянно хмыкнула она. Когда Нелл чувствовала себя растерянно, она всегда защищалась язвительными комментариями. — Да я выгляжу так же, как раньше, — соврала она.

И, расправив плечи, гордо вышла за дверь. И только убедившись, что он не сможет ее увидеть, Нелл подобрала юбки и бегом помчалась по ступеням, схватившись за горло и не замечая, что прическа рассыпалась.

Рано утром она подстригла волосы — точно так же, как они были подстрижены у ночной гостьи. Такая мелочь, такое крошечное изменение, и, Боже, она услышала комплимент — комплимент! — от Сильвана МакКелтара. Пора сшить себе новое платье из голубого льна, хватит уже откладывать это на потом.

Привлекательная, надо же!

Гвен медленно приходила в себя после кошмара, в котором ей пришлось гольшом гоняться за Друстаном МакКелтаром (она казалась себе тяжелой и неповоротливой, как в худшие дни, после которых села на диету). Друстан ускользнул от нее, а дверь за ним захлопнулась и исчезла прежде, чем Гвен до нее добежала.

Девушка глубоко вздохнула, собираясь с мыслями. Она уехала из Штатов, поскольку ненавидела свою жизнь там. Она отправилась в тур по Шотландии, чтобы потерять девственность, удостовериться, что у нее есть сердце, и кардинально сменить обстановку.

Что ж, план выполнен и перевыполнен.

«Я не просто нашла черрипикера, — подумала Гвен. — Я встретила гения, который умеет управлять временем. Он нажил себе кучу проблем в своем веке и отправил меня сюда, чтобы я с ними разобралась».

И она была не против.

Словосочетания «родная душа» и «Друстан МакКелтар» стали для нее синонимами. Гвен наконец нашла того, кто вызывал в ней невероятную бурю искренних чувств, и это было прекрасно. Все было идеально, как ограненный алмаз, но в этой идеальности не было ничего столь же острого и твердого. Друстан дразнил ее, но делал это тепло и страстно. Он считал ее красивой, он был великолепным любовником. Гвен хмыкнула: всего за три дня она умудрилась найти и потерять идеального мужчину. За эти три дня она испытала больше эмоций, чем за всю предыдущую жизнь.

Гвен медленно открыла глаза. Вокруг царил полумрак, золотистый свет очага разгонял темноту. Она моргнула от обилия пурпура вокруг и вспомнила, с каким восторгом Друстан рассматривал пурпурные штаны в магазине «Барретс». Он хотел купить штаны и футболку такого оттенка, но она не позволила.

Здесь пурпурным было почти все. Еще одно доказательство того, что она попала в мир Друстана.

Гвен лежала, укрытая до подбородка пурпурным одеялом. По краям кровати обнаружили резные столбики, поддерживающие лавандовый балдахин. В ногах оказалась овечья шкура сиреневого цвета. «Я знаю, что сиреневых овец не бывает», — усмехнулась про себя Гвен. Пурпурные подушки с серебряной вышивкой были разбросаны в изголовье.

В комнате оказалось несколько старинных столиков, покрытых шелком сливового и фиолетового цветов. Того же цвета шторы с богатой вышивкой обрамляли высокие окна, а между окнами Гвен заметила огромное зеркало в серебряной чеканной раме. Возле окон стояли изящные стулья, столики были сервированы серебряной посудой.

Пурпурный, подумала она, внезапно понимая. Друстан был мощным, энергичным, живым, и неудивительно, что он выбрал для своего интерьера насыщенные цвета. Пурпур был олицетворением силы, энергии и чувственности. Как и сам Друстан.

Гвен уткнулась носом в подушку в надежде различить его запах, но если Друстан и спал на этой кровати, это было давно и белье с тех пор успели сменить. Она приподнялась, чтобы изучить орнамент на столбиках кровати. В изголовье обнаружили какие-то ящички и ниши. Изящная деревянная конструкция была покрыта кельтской резьбой, которую Гвен уже где-то видела. В музее.

Вот только эта кровать казалась новенькой, словно ее только что доставили из мебельного магазина. Поправив челку, Гвен еще раз осмотрела комнату. Оказалось, знать, что находишься в шестнадцатом веке, и смотреть на подтверждение этого факта — совсем не одно и то же. Стены были сложены из серого камня, потолок оказался высоким, и на нем не было никаких рельефов, которыми так любят украшать отреставрированные замки для туристов. Никаких вентиляционных отверстий, никаких ламп или люстр, только десяток стеклянных сосудов с маслом, из которых свисали обгоревшие фитили. На гладком медового цвета деревянном полу оказалось множество ковров. У кровати стоял сундук, на котором лежали покрывала. У камина стояли мягкие стулья с богатой обивкой, а сам массивный камин был сложен из гладких розовых камней, от которых по комнате расходилось тепло. Все здесь было теплым, уютным и свидетельствовало о богатстве и вкусе владельцев.

Гвен взглянула на запястье, чтобы узнать, который час, но, похоже, ее часы исчезли в том же вихре, который поглотил рюкзак и одежду.

Вспомнив про одежду, Гвен оглядела себя. На ней была длинная белая сорочка с вышивкой. Сорочка была одновременно старомодной и слегка фривольной.

Гвен помотала головой, свесила ноги с края кровати и впервые почувствовала, как болят пальцы. Она спрыгнула с высокого ложа и подбежала к окну. Тяжелая занавеска легко поддалась и отъехала в сторону, а за стеклом Гвен ждало солнечное теплое утро. Она распахнула окно и глубоко вдохнула свежий воздух.

Она в Шотландии, в шестнадцатом веке. Ух ты!

Прямо под окном располагался дворик с террасами, обрамленный с четырех сторон стенами. На камнях двора две женщины выбивали ковры, болтали и то и дело поглядывали на стайку детей, играющих с мячом. Гвен покосилась на детей и фыркнула. Берт рассказывал ей, что в средние века детские мячи делали из кишок животных и тому подобной дряни.

Она помотала головой. Нужно узнать, какое сегодня число. Пока она тут пялится в окошко, опасность все ближе подбирается к ее горцу.

Гвен уже собиралась вернуться в покрывало, но вовремя заметила платье, висящее на кресле у камина. Лавандовое платье, какое же еще. А рядом с ним оказалась и другая одежда. Она торопливо подошла к креслу и принялась рассматривать то, что ей оставили, пытаюсь решить, в каком порядке это надевается.

И недоверчиво пересмотрела одежду еще раз. Трусиков не было. А бегать тут в платье и без трусов она не станет. Гвен злобно уставилась на стопку одежды, словно от злости трусики могли соткаться прямо из воздуха. А потом медленно и задумчиво обвела глазами комнату, задержала взгляд на шелковой скатерти, но затем отказалась от мысли использовать ее на манер подгузника.

Сняв ночную рубашку, Гвен натянула через голову нечто мягкое и белое. Это оказалась очень простая сорочка, которая доходила ей до лодыжек. Поверх нее Гвен надела платье и длинную пурпурную тунику без рукавов, покрытую богатой серебряной вышивкой. Девушка удивилась тому, что одежда не была слишком длинной, но тут же заметила, что платье аккуратно подрезали и подшили. От хозяев замка не укрылось, что она невысокого роста. Гвен затянула завязки туники под грудью.

Обувь оказалась смешной и на три размера больше, чем надо. Гвен сдернула со стола скатерть, разорвала ее и засунула в носки туфель. Для этого девушке пришлось наклониться, и желудок недовольно заурчал, напоминая, что она со вчерашнего дня ничего не ела.

Но выходить в коридор без продуманного плана было глупо. Итак, распорядок на сегодня: ванна, кофе, потом при первой же возможности нужно найти Друстана и рассказать ему обо всем, что произошло.

Рассказать ему... что он в опасности, — это, наверное, он и пытался ей сказать, когда начал таять в каменном кругу. И показать... наверное, рюкзак. Гвен вздохнула, вспомнив, что рюкзак исчез. Но Друстан был умным мужчиной с потрясающей способностью к логике. Он наверняка поймет, что она говорит ему правду.

Теперь, конечно, стало ясно, что он сказал не все. Однако, решила Гвен, шансы все же неплохие, пусть даже она сама после его рассказа решила соглашаться с ним только до тех пор, пока не привезет в ближайшую психбольницу. Да, она бы никогда не поверила в его возможность управлять временем. Так кем же или чем был на самом деле мужчина, которому она отдала свою девственность?

Что ж, у нее есть только один способ это выяснить: найти Друстана и поговорить с ним.

«Привет, Друстан. Ты меня не знаешь, но в будущем тебя заколдуют и ты проснешься в двадцать первом веке, чтобы отправить меня в прошлое с наказом спасти тебя и твой клан от уничтожения».

Гвен нахмурилась. Она бы точно не поверила ни единому слову, если бы в ее времени появился мужчина с таким заявлением, но Друстан ведь должен понять, о чем она говорит. Он сам велел сообщить себе прошлому о том, что ему грозит опасность. Ничего больше он не сказал.

Ей хотелось есть и хотелось увидеть Друстана. И выяснить наконец, в какое время она попала.

Сунув ноги в слишком большие для нее туфли, Гвен вышла в коридор.

Друстан проспал рассвет, а это с ним случалось очень редко. Ночной кошмар так вымотал его, что сегодня он непозволительно разоспался.

Он заставил себя забыть о кошмаре и сосредоточиться на приятных мыслях о предстоящей свадьбе. Сильван хотел, чтобы замок снова ожил и наполнился голосами. Нелл будет счастлива о ком-то заботиться, а Друстан МакКелтар мечтал обзавестись наследниками. Он будет удить с сыновьями рыбу и играть с ними, учить их математике и вычислению хода небесных светил. Впрочем, дочерей он будет учить тому же, он поклялся.

Друстан хотел стать отцом, и, во имя Амергина, в этот раз ему удастся подвести невесту к алтарю! Не важно, что он ничего о ней не знает. Она молода, в расцвете сил, и он будет обращаться с ней со всем уважением и вежливостью. Он приложит для этого максимум усилий.

И, может, когда-нибудь в ней проснутся чувства к нему. Она достаточно молода, чтобы ее можно было... обучить, как необъезженную лошадь. Если она не умеет читать и писать, она сможет этому научиться. Или же окажется достаточно глупой и не заметит эксцентрисности обитателей замка.

И столь же вероятно, что его волкодавы погрузятся в лодки в костюмах викингов и переплывут озеро, размахивая белым флагом. Ха.

Аня была его последним шансом, Друстан прекрасно это понимал. Горцы привыкли слишком многое держать в себе, поскольку слухи об их способностях привели к целому ряду разорванных помолвок, а высокородные отцы не горели желанием отдавать своих дочерей колдунам. Девушкам искали респектабельных женихов, с которыми можно будет прожить спокойную жизнь и за которыми не тянется волчий хвост дурной славы.

И все же Эллиот, лэрд древнего клана с благородными корнями, решил пересмотреть свое отношение к МакКелтарам (в обмен на два замка и немалое количество золота), и свадьба была назначена. Друстану осталось только скрывать свои способности до тех пор, пока Аня Эллиот не полюбит его. Или хотя бы до тех пор, пока она не родит ему наследников. Он не обольщался насчет любви, потому что всегда учился на собственных ошибках.

Любовь, подумал он. Каково это — увидеть нежность и восхищение в глазах женщины? Признание того, кто он? Каждый раз, как только Друстан начинал верить, что не безразличен женщине, она видела или слышала нечто такое, что пугало ее до смерти. Его слишком часто бросали, плача от ужаса. Язычник! Колдун!

Ха! Он был христианином. Просто вышло так, что он одновременно был и друидом, но это не приводило к конфликтам. Бог был во всем. Он подарил красоту могучим дубам и кристальным озерам. Подарил цвет камням и звездам. Сила волшебства тоже шла от Бога, и вера Друстана только крепла. Недавно он снова стал регулярно посещать мессы, заинтересовавшись новым священником. Невин Александр был молод, отличался прекрасными манерами, живым умом и способностью воспринимать непонятное, не пугаясь его (что было редкостью для служителя Церкви). Впрочем, последнему способствовал тот факт, что мать Невина, пожилая неуравновешенная женщина, сама увлекалась языческими ритуалами. Как бы то ни было, Невин не осуждал МакКелтаров за их чуждость. Он не собирал слухи, предпочитая самому судить о благородном клане.

Друстан был рад, что свадебную церемонию проведет именно Невин. Он даже приказал ускорить реставрацию и украшение замковой церкви, чтобы к свадьбе все было в лучшем виде.

Друстан с нетерпением ожидал приезда невесты и основательно к нему готовился. Он не только предупредил Сильвана и Дуга о том, чтобы не смели демонстрировать свои особые

таланты и не заводили заумных разговоров. Он убрал из библиотеки все «еретические» книги и запер их в башне, рассудив, что в покоях Сильвана книги будут в безопасности. Господь свидетель, Друстан славно потрудился, чтобы компаньонки и служанки его невесты не заметили ничего странного и необычного ни в замке, ни в его обитателях. С Аней Эллиот он не повторит ошибок, которые отпугнули первых трех невест. Может же его семья хоть раз предстать перед гостями в выгодном свете! В этот раз провала не будет, оптимистично пообещал он себе. К сожалению, другие обитатели замка его оптимизма не разделяли.

Друстан проголодался, но не смог найти ни одной из прислуживавших на кухне девушек и решил сам отправиться в царство Нелл. Он звал ее, но Нелл не откликнулась и, только когда он оказался у нее за спиной, отвлеклась от маслобойки и спросила, что ему нужно.

— Ну чего может хотеть мужчина рано поутру, кроме шалуни на своих простынях? Есть, конечно же.

Нелл не улыбнулась и не приняла шутки. Бросая на него странные косые взгляды, она вытолкала его в Грейтхолл и плюхнула на стол зачерствевший хлеб, выдохшийся эль и пирог со свининой (Друстан пытался не думать о том, какую именно начинку сунула туда непонятно с чего озверевшая Нелл).

А что случилось с его любимой копченой рыбой и хрустящими пирожками? С каких пор он попал к Нелл в немилость и должен довольствоваться обедками? Обычно подобное отношение доставалось Дугу — особенно когда он вытворял что-то такое, чего Нелл не терпела. Но Друстану такая опала была в новинку.

Он не привык завтракать в одиночестве и очень жалел, что никто, даже молодой Тристан, которого они взялись обучать основам друидских ритуалов, не появился с улыбкой и пожеланием доброго утра. У Друстана редко бывало плохое настроение, но в это утро весь мир, казалось, пошатнулся, сбивая привычный ход вещей. К тому же его не покидало ощущение, что дальше все будет еще хуже.

В дверь заглянул Сильван и окинул сына странным пристальным взглядом.

— Ну, и где ты был сегодня ночью?

Он неторопливо зашел в Грейтхолл, и Друстан поприветствовал его слабой улыбкой. Не хватит и сотни лет, чтобы привыкнуть к походке Сильвана: его голова всегда опережала тело, словно волоча его за собой.

Друстан отхлебнул кислого эля и сухо ответил:

— И тебе доброго утра, отец.

Да что сегодня со всеми случилось? Сильван даже не поздоровался. Сразу начал с вопроса, причем тон его не сулил ничего хорошего. Последний раз Друстан слышал такой тон, когда еще парнишкой выскальзывал из комнаты сговорчивой служанки и был застукан отцом на месте преступления.

Старший МакКелтар остановился в дверях, прислонился спиной к каменной колонне и скрестил руки на груди. Они с сыном были почти одного роста, но Сильван казался ниже из-за привычки сутулиться. Слишком давно он променял занятия с мечом на возню с фолиантами. Сильван пытался разгадать устройство мира и вел подробные дневники.

Друстан откусил кусок пирога и обнаружил в нем щетинистый поросячий хвост. Хрум-хрум. Во имя Амергина, что еще Нелл туда напихала? Стараясь не смотреть на начинку, Друстан страдальчески скривился и начал жевать. Интересно, все обедки с кухни уходят тем, кому не повезло рассердить Нелл, или хоть что-то выбрасывают?

— Я спросил, где ты провел эту ночь, — повторил Сильван.

Друстан нахмурился. Да, отец явно был не в настроении.

— В постели. А ты?

Подцепив с тарелки нечто не поддающееся определению, Друстан предложил кусочек одной из гончих, крутившихся под столом. Собака зарычала и попятилась. Друстан с сомнением посмотрел на тарелку, нахмурился и поднял глаза на Сильвана. В это утро отец выглядел на свои годы, это расстроило и разозлило Друстана.

Расстроило, потому что Сильван действительно был немолод, ему стукнуло шестьдесят два. Разозлило, потому что отец редко позволял себе носить волосы распущенными, а сейчас эта спутанная седая грива как никогда напоминала Друстану о том, что отец смертен. Сердце неприятно сжалось: Друстан хотел, чтобы его дети как можно дольше общались с дедушкой. Волосы Сильвана, когда-то такие же длинные и черные, как у него, теперь были обрезаны по плечи и сияли снежно-белым светом. Эта прическа и синяя мантия, в которую отец любил кутаться, придавали Сильвану вид сумасшедшего мудреца из сказок.

Стянув с волос кожаную ленту, Друстан бросил ее отцу и с облегчением заметил, что тот еще способен поймать ленту в полете.

— Что? — раздраженно спросил Сильван, глядя на ленту. — Зачем она мне?

— Завяжи волосы. Меня твои лохмы с ума сводят.

Седая бровь поползла вверх.

— А мне нравится. К твоему сведению, на прошлой неделе мать нашего священника сказала, что она в восторге от моих волос.

— Пап, держись подальше от матери Невина. — Друстан постарался не выказать откровенного отвращения. — Всякий раз, когда она меня видит, коршуном бросается читать мою судьбу по руке. И всегда пророчит беды и горести. Эта женщина сумасшедшая. Даже Невин так считает.

Он покачал головой и откусил кусочек хлеба, который пришлось размачивать элем, чтобы не поломать зубы. На пирог с остатками свинины у него не хватило духу. Друстан отодвинул тарелку, стараясь на нее не смотреть.

— Кстати о женщинах, сын. Не хочешь рассказать мне о той малютке, что появилась здесь вчера вечером?

Друстан со стуком опустил кружку на стол. У него не было настроения выслушивать непонятные намеки. Он послал через стол тарелку со свиным пирогом.

— Хочешь пирожка, отец? — Сильван, наверное, даже не заметит, что с пирогом что-то не так. Для него еда была просто едой, топливом для организма. — Я понятия не имею, о какой малютке ты говоришь.

— О той, что упала без чувств на пороге нашего замка. О той, чью наготу прикрывал только твой плед. Плед главы клана, с серебряными нитями.

Друстан перестал рассматривать остатки завтрака и вскинулся, внезапно заинтересовавшись разговором.

— Упала без чувств? Точно?

— Точно. Маленькая англичанка.

— Я не видел утром никаких англичанок. И вчера тоже не видел.

Возможно, именно из-за этой англичанки он и получил сегодня на завтрак останки престарелой свиньи. У Нелл было доброе сердце, и Друстан готов был поспорить на свой лучший кинжал из дамасской стали, что именно вчерашней бедняжке достались на завтрак рыба и пирожки, яйца-пашот и клецки, а может даже и мармелад. Женщины из других кланов часто приходили в их замок в надежде найти приют и забыть о прошлом. Сама Нелл появилась здесь точно так же.

— И что эта девушка рассказала о себе? — спросил Друстан.

— Вчера она была не в состоянии отвечать на вопросы, а сегодня, по словам Нелл, еще не

проснулась.

Друстан посмотрел на отца и нахмурился.

— И ты считаешь, что я стал причиной ее появления?

Сильван не ответил, и Друстан раздраженно фыркнул.

— Ох, пап, да она где угодно могла найти мой старый плед. Ты же знаешь, что наши обноски валяются на заднем дворе, их используют как попоны и подстилки для новорожденных ягнят.

Сильван вздохнул.

— Я помогал нести ее в комнату, сын. На ее бедрах была кровь. Эта девушка только-только рассталась с невинностью, а из одежды на ней был лишь твой плед. Новый, а не изношенный. Что я, по-твоему, должен был подумать?

— Так вот почему Нелл подала мне на завтрак объедки! — Друстан раздраженно отшвырнул стул и поднялся. — Мне ты, конечно, не поверишь, если я скажу, что не имею к этому ни малейшего отношения?

Сильван потер подбородок.

— Я просто пытаюсь понять, сын. Прежде чем упасть, девушка назвала твое имя. А на прошлой неделе Бессета сказала...

— Даже не думай приплетать сюда бредни старой ведьмы...

— Сказала, что вокруг тебя сгущается тьма, которая пугает ее.

— Какое прекрасное слово. Тьма. Которой, естественно, можно объяснить что угодно. Запор от этого пирога или царапину от меча в битве. Ты что, не видишь, насколько это глупо? Старший МакКелтар, мудрый человек, тебе не стыдно верить в эту ерунду?

Они устали друг на друга.

— Упрямый и неблагодарный сопляк! — рыкнул Сильван.

— Легковерный, настырный растрепанный старик, — не остался в долгу Друстан.

— Невоспитанный импотент!

— Неправда! Я в прекрасной форме...

— Ну, этого ты не сможешь доказать, а пока что посеянное тобой — если оно и было посеяно — не дало всходов.

— До сих пор я принимал меры, чтобы этого не произошло! — загремел Друстан.

— Так прекрати их принимать. Тебе скоро тридцать, мне дважды по столько. Ты что, думаешь, я буду жить вечно? Да я готов принять и ублюдка. И если эта девушка понесла, я назову ее ребенка наследником клана МакКелтаров!

Дуэль взглядов прекратилась совершенно внезапно: Сильван покраснел и усталился куда-то через плечо сына.

Друстан замер. Он буквально ощутил чужое присутствие. Волосы на затылке встали дыбом. Он медленно обернулся, и время остановилось в тот миг, когда он увидел ее. Воздух застыл в легких, а сердце пропустило удар под ее взглядом.

«Господи, — подумал Друстан, глядя в глаза цвета штормового моря, — она совсем крошечная, невероятно чувственная и действительно красивая. Неудивительно, что папа и Нелл сразу же были очарованы».

Девушка была ожившей песней сирен и дышала той же страстью. Одну руку она положила на изящные мраморные перила, вторую прижала к животу, словно и в самом деле носила в себе его наследника.

Друстан был бы счастлив, достанься ему ее девственность, но это было не так — за всю свою жизнь он ни разу не сошелся с нетронутой девушкой. К тому же если бы незнакомка провела с ним ночь, он никогда бы не позволил ей бродить в ночи в одиночестве.

Нэй, подумал Друстан, глядя на девушку, достанься она ему, он бы отнес ее на руках на ложе и никуда не отпустил бы от себя. Он подарил бы ей тепло и безопасность... И любовь. От одного ее вида кровь кипела в его жилах.

Серебристо-светлые волосы девушки свободно спадали на плечи. На затылке они были длиннее, а на висках и на лбу она что-то такое с ними сделала, и теперь ей приходилось сдвигать с глаз непослушные пряди. Незнакомка была миниатюрна, но, несмотря на малый рост, ее фигурка обладала всеми нужными выпуклостями и изгибами, чтобы у любого взрослого мужчины подогнулись колени от одного взгляда на нее. У Друстана перехватило дыхание. Девушка была одета в длинное платье его любимого оттенка. Вырез открывал ложбинку между высоких груди, приковывал взгляд к пышным формам. У девушки были высокие скулы, прямой нос, чудесной формы брови, а глаза...

Господи, она смотрела на него так, что у Друстана мурашки поползли по коже. Она смотрела так, словно они давно и более чем близко знакомы. Такого неприкрытого желания в глазах женщины Друстан еще не встречал. Неудивительно, что это не ускользнуло от его отца.

— А теперь скажи-ка мне еще раз, что ты не знаешь эту девушку, — сухо произнес Сильван. — Потому что она тебя определенно узнала.

Друстан смущенно покачал головой. Он замер как дурак, чувствуя только одно — он просто не может отвести от нее взгляд. В глазах девушки застыла странная мольба: она словно чего-то ждала от него или пыталась мысленно передать какое-то предостережение. Откуда здесь взялась эта красавица? Почему у него колени подгибаются от одного ее вида? Да, она хороша собой, но он видел множество красивых женщин. Его невесты слыли первыми красавицами шотландских гор.

И все же ни одна из них не пробуждала в Друстане такого накала страсти и желания завладеть, присвоить и никогда никому не отдавать свое сокровище. Накануне тщательно подготовленной свадьбы эти чувства определенно грозили усложнить его жизнь.

После долгой паузы Друстан неуверенно развел руками.

— Отец, клянусь, что никогда раньше я не видел эту девушку.

Сильван скрестил руки на груди и нахмурился.

— Тогда почему она на тебя так смотрит? И если ты не спал с ней вчера, как ты объяснишь состояние, в котором она тут появилась?

— О Боже! — воскликнула девушка, вновь привлекая к себе внимание. — Вы решили, что он... ох. Об этом я не подумала.

«Самое время очистить мое имя от наговора», — подумал Друстан.

— Ну? — подстегнул Сильван. — Это он был с тобой вчера ночью?

Девушка помолчала, переводя взгляд с одного на другого, потом неуверенно покачала головой. Друстан оценил этот жест как твердое «нет».

— Видишь? Я говорил тебе, отец! — выпалил он, радуясь, что девушка наконец отвернулась. Его переполняло праведное негодование. — Мне нет нужды соблазнять девственниц, слишком много умелых красоток вьется вокруг, надеясь попасть в мою постель.

Женщины не хотели выходить за него замуж, но пользовались любой возможностью провести с ним ночь. Друстан подозревал, что те же слухи, что мешали ему дойти до алтаря, сыграли свою роль, сделав его популярным. Женщин привлекала опасность, но только на ночь или две. Связывать с опасностью свою жизнь они не хотели.

Миниатюрная знакомка злобно уставилась на него, и Друстан ответил удивленным взглядом. Кажется, его последние слова ей не понравились, но почему?

— Прости меня за не деликатный вопрос, но... — Сильван прокашлялся. — Кто лишил тебя девственности? Это был кто-то из наших людей?

Неудивительно, что его отец не мог оставить это дело без последствий. Но Друстан услышал, что это был не он, а остальное его не интересовало. В обычных обстоятельствах он сам не преминул бы наказать того, кто использовал эту девушку, а потом бросил ее на произвол судьбы. Он бы проследил, чтобы кара была достойной, а сама девушка получила любую компенсацию, которую пожелала. Но отец посчитал виновным самого Друстана, и он, естественно, разозлился.

Запретив себе, насколько это возможно, думать о девушке, Друстан шагнул в сторону кухни. Пора найти Нелл, объяснить ей, что случилось, и потребовать наконец нормальный завтрак.

Но незнакомка снова заговорила, и Друстан замер.

— Это сделал он. — В ее голосе звучали уверенность и злость.

Друстан медленно повернулся. Девушка выглядела так, словно признание вырвалось у нее помимо воли. Под взглядом Друстана ее плечи поникли, и она пробормотала:

— Но я сама этого хотела.

Друстан был в ярости. Да как она смеет так открыто лгать? А что, если об этом услышит его невеста? Если отец Ани узнает, что Друстан лишил эту пигалицу девственности, а потом бросил ее, он может отменить свадьбу! Кем бы ни была эта девушка, она не мешает ему обзавестись наследниками.

Зарывав, Друстан в три шага преодолел разделяющее их расстояние, подхватил девчонку одной рукой и перебросил через плечо, придерживая за талию. Ну, не совсем за талию, и ощущение ему понравилось, но это разозлило его еще сильнее. Игнорируя протесты Сильвана, он подошел к двери, распахнул ее и вышвырнул лживую девчонку в густые кусты.

Чувствуя себя самым мрачным и неоправданно обиженным обитателем Альбы, Друстан захлопнул дверь, задвинул засов и прислонился к двери спиной, скрестив руки на груди. Всем своим видом он дал понять, что не пропустит в эту дверь не только маленькую лгунью, но и кого-нибудь посерьезнее. Впрочем, милашка в лавандовом платье сейчас беспокоила его куда больше всех сил Хаоса, вместе взятых.

— На этом все, — сухо сказал Друстан отцу.

Впрочем, его голос звучал и вполнину не так уверенно, как он на то надеялся. На последнем слове Друстан дал петуха, и утверждение превратилось в вопрос. Он нахмурился и вскинул плечи, встретив изумленный взгляд отца.

Сильван, казалось, лишился дара речи, а такого с ним не случалось уже очень давно. А Друстан чувствовал, что коротким полетом в кусты история с девушкой не закончится. Эта история только начиналась, и, будь Друстан более суеверным, он различил бы скрежет колес Судьбы, поворачивающей на новую дорогу.

Гвен отчаянно отплевывалась, выбираясь из кустов и стараясь вытряхнуть застрявшие в волосах листики и ветки. Не прошло и двенадцати часов, а она опять на карачках перед этим проклятым крыльцом.

Вскинув голову, девушка заорала:

— Впустите меня!

Но дверь осталась закрытой. Гвен присела и загрохотала кулаком по двери. Впрочем, ссора внутри была такой громкой, что ее наверняка не услышали.

Девушка глубоко вздохнула и подумала о том, что только что натворила. Да, утренняя сигарета определенно помогла бы ей прочистить мозги, а чашка крепкого кофе вернула бы способность думать перед тем, как говорить.

«Ладно, — признала она, — я сделала глупость. Из всех возможных вариантов ответа я выбрала именно тот, который взбесил Друстана».

Но последние сутки были слишком уж насыщены событиями. А когда Друстан повернулся к ней спиной, Гвен почувствовала, как ее мир, до сих пор вращавшийся на орбите планеты Логикки, уходит из-под ног. Планета Эмоций, огромная и неисследованная, перетянула к себе ее мир, и сопротивляться ее притяжению было невозможно. У Гвен было слишком мало практики. Господи, этот человек просто сводил ее с ума!

Впервые увидев Друстана, девушка замерла на несколько минут, вцепившись в перила лестницы. Она видела только его и чувствовала лишь, как дико колотится сердце. Кровь шумела в ушах, и Гвен почти не слышала, о чем беседуют внизу.

Друстан в любом веке был ошеломителен. Даже считая его сумасшедшим, она не могла отрицать, что привлекательность этого мужчины заставляет забыть о его недостатках. Теперь Гвен знала, что он действительно средневековый лэрд, и удивлялась тому, что не поверила ему раньше. Друстан буквально излучал надежность и властность. Он был настоящим мужчиной, сознавал свою мужественность и носил ее так же непринужденно, как килт с цветами своего клана.

Она так обрадовалась, что он жив, здоров и у нее есть шанс вовремя помочь ему, что не чуя ног помчалась вниз по лестнице. Именно тогда отец Друстана Сильван, которого она вчера перепутала с Эйнштейном, сказал, что она может быть беременна, и Гвен споткнулась. Упоминание о беременности подействовало на нее не хуже глотка крепчайшего кофе, и она застыла на месте.

«Недостаточно просто купить презервативы, Кэссиди, ими нужно еще и пользоваться!»

Друстан отбросил вороную гриву и посмотрел на Гвен. Его глаза вспыхнули: он определенно оценил ее привлекательность, но не узнал ее. Как она и ожидала. Умом она понимала, что он ее не узнает. А вот сердце все равно болезненно сжалось, когда знакомый серебряный взгляд скользнул по ней как по симпатичной, но все же — незнакомке.

В этом не было ни логики, ни резона, но Гвен стало больно от его слов о других женщинах, деливших с ним постель. Ее нервы были натянуты как струны, и, когда Друстан равнодушно повернулся к ней спиной, прозвучал последний аккорд.

Она не думала, ее реакция была слепой и инстинктивной. Гвен выпалила единственную фразу, которая могла заставить его обернуться и снова посмотреть на нее. Она глупо пожертвовала долгосрочными целями во имя мимолетной победы.

И сама ужаснулась тому, что сделала. Неудивительно, что мама постоянно предупреждала ее о вреде эмоций. Даже гений, поддавшись эмоциям, превращается в дурака.

Гвен нужно было, чтобы Друстан ее выслушал, а теперь он явно не станет этого делать. Она сказала ему, что они были любовниками, до того как он узнал всю историю. Сама спровоцировала его на грубость и недоверчивость.

— Впустите меня! — Девушка снова застучала по двери. — Мне нужно рассказать все до конца!

Но ссора внутри была такой, что ее крик прозвучал не громче шепота.

Стряхнув с платья прилипшие листья, Гвен поднялась на ноги и посмотрела на дверь. Раз уж обитателям замка пока не до нее, можно хотя бы осмотреть замок... Но он был таким огромным, а Гвен стояла так близко, что ей почти ничего не было видно. С тем же успехом блоха, усевшаяся на голову слона, могла пытаться рассмотреть гиганта целиком. Ладно, пока внутри ссорятся, можно немного погулять.

Убрав волосы с глаз, Гвен развернулась. И замерла, чувствуя, что сердце подскочило вверх и застыло в горле.

«Невозможно!» — кричал ее разум.

А невозможность прекрасно себя чувствовала в ярком свете дня. Невозможность в виде невероятно сексуального Друстана. Который неторопливым шагом направлялся в ее сторону. На этом Друстане были кожаные штаны и свободная рубаша с распушенным воротом, открывавшим мускулистую грудь. Друстан улыбался, а утреннее солнце нимбом окутывало его фигуру.

И в это же время Друстан-в-замке продолжал орать. Гвен его слышала.

Согласно законам физики, двух идентичных личностей в одном времени ткань реальности не перенесла бы. И все же перед ней стоял второй Друстан. Что случится, если они встретятся? Один из них просто исчезнет?

Друстан-за-дверью не узнал ее, а Друстан-во-дворе смотрел на нее с такой радостной улыбкой, что просто не мог быть никем иным, кроме ее Друстана.

Ну и что ей делать теперь, когда их двое?

Подсознание намекнуло на нечто крайне неприличное... но очень интригующее. Ну правда, ведь оба они — один и тот же человек, так что она никого ни с кем не обманет. Покраснев, Гвен велела подсознанию заткнуться. Ее Друстан не стал хмуриться и не смотрел с недоверием. Он приподнял бровь, состроил до боли знакомую гримасу и улыбнулся, распахнув объятия.

Она не стала медлить. С воплем облегчения Гвен бросилась к нему. Он поймал ее в воздухе и забросил ее ноги себе на талию точно так же, как делал это в ее времени.

И рассмеялся, когда она осыпала его лицо поцелуями. Гвен понятия не имела, что ей делать с двумя горцами или как это вообще возможно, знала только, что за минувшие двенадцать часов соскучилась по нему больше, чем по всем остальным за всю свою жизнь.

— Поцелуй меня, — сказала она.

— Ох, англичанка, мой поцелуй будет смелее твоих.

Гвен растаяла в его руках. Этот мужчина определенно умел целоваться. Его поцелуй был требовательным, агрессивным, шелковым, жарким, голодным... и вот-вот ее захлестнет волна жара.

«Вот-вот!» — подумала она, жадно целуя его в ответ.

У его губ был вкус вина и корицы, он целовался просто удивительно, и все же... и все же никакого отклика этот поцелуй не вызывал.

— М-м-м-ф. — Она попыталась сказать: «Подожди, что-то не так», но Друстан, даже если и услышал, не обратил внимания на ее слова и продолжал целовать ее.

У Гвен закружилась голова. Что-то в этом Друстане было не так, и его поцелуй не оказывал своего обычного пьянящего действия. Где-то за спиной хлопнула дверь, и Гвен попыталась отстраниться, но он ей не позволил.

А потом она услышала знакомый рев, и второй Друстан оторвал ее от первого. Железная рука прижала ее к нему, и Гвен задохнулась.

Она смотрела то на одного, то на другого, моргала и надеялась, что через пару секунд видение исчезнет. Двойники смотрели друг другу в глаза. Подерутся? Если бы Гвен застала свою копию в такой ситуации, она бы наверняка пнула ее пару раз. Особенно сегодня. Особенно за глупость.

— Да что с тобой не так? — В глазах Друстана-в-кожаных-штанах светились страсть и недовольство.

— Что со мной не так? — зарычал Друстан-в-килте. — Со мной не так вот эта девица, которая целуется с тобой и утверждает, что я лишил ее девственности!

Друстан-в-килте опустил Гвен на землю.

— И я пытаюсь уберечь хотя бы тебя от ее лживых сетей!

— А мне нравятся ее лживые сети. В них тепло и сладко, как в сетях любой девушки, — хмыкнул Друстан-в-штанах.

Друстан-в-килте прорычал нечто странное с таким диким акцентом, что Гвен не разобрала ни слова. Друстан-в-штанах зарычал в ответ, и только тогда в дверях показался нос Сильвана, решившего проверить, что происходит во дворе.

«Я сошла с ума», — подумала Гвен, глядя на двойников широко раскрытыми глазами. Они стояли лицом к лицу, спорили, а она, подобрав платье, осторожно пятилась от них и напряженно вслушивалась в непонятные слова, надеясь уловить хоть что-то знакомое.

«Думай. Всему этому должно быть логическое объяснение».

— Друстан. Дуг. — Сильван строго посмотрел на спорщиков. — Немедленно прекратите.

Дуг! Понимание было, как луч света в мешанине спутанных чувств.

Гвен нахмурилась и часто задышала. Вот еще одно, о чем Друстан не удосужился ей сказать, — о том, что они с Дугом близнецы. И это не последний сюрприз, который ждет ее, по той простой причине, что Друстан явно не стремился облегчить ей задачу. Но именно эта недомолвка чуть не довела Гвен до инфаркта.

Она пнула настоящего Друстана по ноге.

— Ты не сказал мне, что вы с братом близнецы!

Но он продолжал спорить с Дугом, словно не почувствовал удара. Впрочем, это неудивительно, ведь на ней такие мягкие туфли. Гвен внезапно заскучала по своим туристическим ботинкам на тяжелой подошве.

«И теперь у меня две проблемы», — подумала она. Дуг все еще жив, а это значит, что она должна спасти и его. Сама возможность ее радовала, но задача определенно усложнялась. Для начала нужно в конце концов выяснить, какое сегодня число, потом узнать ближайшие планы Дуга и определить, какая поездка может представлять для него опасность. Его нельзя подпускать к поместью Эллиотов.

Гвен смотрела на братьев и старалась подметить и запомнить разницу между ними, чтобы не ошибиться снова. Они были близнецами: общей ДНК было не менее семидесяти пяти процентов. Если бы солнце не светило Дугу в спину, Гвен бы не ошиблась. Он был очень высок, но все же на несколько сантиметров ниже Друстана. Его волосы — которые она не успела рассмотреть, когда он шел к ней, — были завязаны в длинный хвост. Иссиня-черные, они были длиннее, чем у Друстана. Гвен подошла поближе, чтобы рассмотреть детали, и с трудом увернулась — братья слишком бурно жестикулировали. Ох, ничего себе! Глаза Друстана были невозможного серебряного цвета, а глаза Дуга оказались густо-золотыми.

Ух ты! Двое идеальных, самых красивых мужчин из всех, кого она видела, стояли перед ней пока что живые и здоровые.

Друстан перестал ругаться и уставился на нее.

— Кто ты такая?

— Я пыталась тебе рассказать. Но давай, если что-то будет неясно или просто тебе не понравится, ты будешь сначала уточнять, а потом уже швыряться рассказчиками. — Гвен уперла руки в бока и уставилась на него в ответ. — Нет уж. Ты ведешь себя как варвар. А я считала, что ты умнее.

Она тоже вела себя не очень умно, но лучшая защита — это нападение, верно? Друстан открыл рот... и снова закрыл. Ха, ехидно подумала Гвен, трюк сработал. Дуг удивленно поднял брови и расхохотался.

— Должен сказать, что такая мелкая...

— Я не ньяффка! — вспыхнула Гвен.

— ...что для такой миниатюрной девушки в тебе на удивление много огня.

— Не тяни к этому огню свои лапы, — отрезал Друстан и явно удивился своей реакции, потому что быстро добавил: — Я не хочу, чтобы ты попался на ее уловки. Совершенно ясно, что она хочет найти себе мужа.

— Я не хочу найти себе мужа, — спокойно поправила его Гвен. — Я хочу найти хоть кого-нибудь с зачатками интеллекта.

— Кхм. Тогда тебе нужен я, милая, — мягко сказал Сильван, помахав ей рукой в пятнышках чернил.

Друстан нахмурился.

— Но ведь это действительно так. — Сильван скрестил руки на груди и прислонился спиной к косяку. — Потому что я не ору уже полчаса как бешеный, вместо того чтобы задать нужные вопросы и получить ответы.

— Вот именно, — сказала Гвен, беря его под руку.

С Друстаном сейчас говорить бесполезно, пусть он немного остынет. Она шагнула в замок, волоча Сильвана за собой, и пинком захлопнула дверь.

— Я не могу вам сказать, — в третий раз повторила Гвен, начиная жалеть о том, что согласилась поговорить с Сильваном.

Как только за ними закрылась дверь, он приступил к допросу, а Гвен не решалась рассказывать ему всю правду, пока не поговорит с Друстаном. Этим утром она уже допустила ошибку и не собиралась совершать вторую. Она будет говорить с Друстаном, и только с Друстаном. А уж он пусть сам решает, кому доверить информацию.

— Но ведь есть что-то, что ты можешь мне рассказать? Хоть что-нибудь?

Гвен вздохнула. Ей нравился Сильван МакКелтар — на непонятном, инстинктивном уровне она чувствовала его как «своего» — с того самого момента, как она увидела его в Грейтхолле. Сильван спорил с сыном, но в его глазах светились такие забота и любовь, что в сердце Гвен шевельнулось нечто вроде зависти. Ее родители никогда так на нее не смотрели. Сильван напоминал Эйнштейна не только гривой растрепанных седых волос, лучистыми глазами и морщинками на оливковой коже. Он обладал таким же пытливым умом.

Гвен мерила шагами Грейтхолл, то и дело поглядывая на дверь. Хоть Друстан и злился на нее, она хотела его увидеть. Увидеть и поговорить начистоту.

— Я могу назвать свое имя, — предложила Гвен.

— Ерунда. Оно не скажет мне ничего нового, я и так вижу, что ты англичанка с ирландскими корнями и чертовски странным акцентом. Откуда ты знаешь Друстана?

Гвен ответила мрачным взглядом.

— Как же я смогу помочь тебе, милая, если ты ничего мне не говоришь? Если мой сын лишил тебя девичьей чести, я заставлю его жениться на тебе. Но я не смогу сделать этого, если

ты не расскажешь о том, что случилось.

— Мистер МакКелтар...

— Сильван.

— Сильван, — повторила она. — Я не хочу, чтобы вы заставили Друстана жениться на мне.

— Тогда чего же ты хочешь?

— Больше всего и прямо сейчас?

— Айе.

— Я хочу узнать, какое сегодня число. — Гвен ненавидела этот вопрос, но ей нужно было все выяснить.

От того, что Дуг все еще жив, у нее стало легче на душе — это значило, что они не опоздали. Но она не успокоится, пока не узнает, сколько времени у нее осталось на спасение клана МакКелтаров.

Сильван замер, склонил голову набок и посмотрел на нее, нахмурившись. У Гвен возникло странное чувство: казалось, он смотрит на нее не только глазами и слышит то, что она не готова произнести вслух.

И Гвен поняла, что не ошибается, когда он тихо пробормотал:

— Милая, а ведь ты прибыла к нам издалека, верно? Нэй, можешь не отвечать. Я не понимаю, что чувствую, но знаю, что ты чужая на этой земле.

— Вы читаете мои мысли?

Неужели они и на это способны? Его сын умеет управлять временем, так чего же ей ждать от отца?

— Нэй. Я просто прислушиваюсь к тебе способом, который давно забыт. Мои сыновья не унаследовали этого умения, хоть я и пытался их обучить. Итак, тебе нужно узнать сегодняшнюю дату, — медленно повторил Сильван. — Предлагаю тебе обмен информацией, Гвен Кэссиди.

— По-другому я ответа не получу?

Он покачал головой и слабо улыбнулся.

— Я отвечу на ваши вопросы, и отвечу честно, — пообещала она. — Но есть темы, которые я пока не могу с вами обсуждать.

— Достаточно искренне. И пока ты не начнешь врать мне, милая, у нас все будет хорошо. Насколько я понял, ты не можешь сказать, что произошло вчера вечером. Попробуй объяснить, почему не можешь.

Вопрос был достаточно безопасным.

— Потому что сначала я должна поговорить с Друстаном. После нашего с ним разговора он сам решит, с кем ему делиться информацией.

Сильван пристально смотрел ей в глаза, оценивая искренность ответа.

— Сегодня девятнадцатый день июля, — сказал он после паузы.

Около месяца, с облегчением поняла Гвен. Когда Друстан увидел, что попал в будущее, он воскликнул: «Господи! Я спал не месяц. Я спал столетия». Что в переводе означало: он думал, что провел в пещере около месяца, а значит, его заколдовали приблизительно в середине августа. А еще Друстан сказал, что Дуг погиб «недавно». Гвен не знала, насколько «недавно», и решила, что он имел в виду несколько месяцев или даже год. Но получилось так, что его «недавно» означало ближайшие несколько недель. Нужно выяснить, когда именно Дуг собирается отправляться к Эллиотам, и приложить все силы, чтобы отговорить его от этой поездки.

— Тысяча пятьсот восемнадцатый год? — Этому вопроса Гвен тоже предпочла бы не задавать.

Но раз уж Друстан промахнулся мимо нужного месяца и дня, он мог перепутать и годы.

Глаза Сильвана засияли восхищением и любопытством. Он даже подался вперед, оперся

ладонями на колени и пристально уставился на нее.

— Откуда ты?

Гвен вздохнула и отвела взгляд, опасаясь, что глаза ее выдадут. И удивленно моргнула, впервые как следует рассмотрев Грейтхолл. Спускаясь по лестнице, она не замечала ничего, кроме Друстана. Главный зал замка оказался таким же изысканным и роскошным, как и спальня, в которой она проснулась. Пол был выложен бледно-серыми гранитными плитами, стены украшены тонкими гобеленами. Под огромным инкрустированным столом мирно сопели две гончие. Высокие застекленные окна с бархатными портьерами, лестница из розового мрамора, сияющая в утреннем свете... Только сейчас Гвен заметила витраж над массивной дверью и коллекцию оружия на стенах.

— Из страны, о которой вы не слышали, — пробормотала девушка, решив не говорить о Соединенных Штатах Америки.

Стоит только начать объяснения, и весь разговор превратится в бесконечный урок истории.

— Если ты не ответишь мне, я не стану отвечать на твой вопрос. Сказать мне, откуда ты родом, — это ведь не означает открыть мне страшную тайну?

Она раздраженно выдохнула.

— Америка. Это далеко за океаном.

И снова Сильван окинул ее долгим испытующим взглядом.

— Тысяча пятьсот восемнадцатый год, — подтвердил он. — А об Америке я слышал. Мы не говорим об этом, но шотландцы открыли Америку много веков назад.

— Ничего подобного, — фыркнула Гвен. — Христофор Колумб...

— Всего лишь повторил путь Синклера,^[5] воспользовавшись старыми картами тамплиеров.

— О-ох. Вы, шотландцы, такие спесивые...

— Неужели твоя тайна в том, что...

— Вы всегда перебиваете?

Сильван коротко хохотнул.

— Да и ты от меня не отстаешь. — Он с улыбкой погладил ее по руке. — Ты мне определенно нравишься, девушка. Когда ты собираешься поговорить с Друстаном, чтобы и я смог услышать твою историю?

— Как только он сюда войдет. Спасибо за легкий вопрос.

— Так нечестно, это не было вопросом...

— Было-было. Поздно отказываться. Вы задали вопрос, а я ответила, теперь моя очередь.

— Но это не было настоящим вопросом, и ты это знаешь, — проворчал Сильван. И восхищенно покрутил носом. — Оказывается, ты у нас умница и хитрюга. Так какой твой следующий вопрос?

— Дуг собирается куда-то уезжать в ближайшее время?

— Какой странный вопрос. — Сильван задумчиво потер подбородок. — Должен сказать, теперь ты заинтриговала меня еще больше. Айе, он скоро поедет к Эллиотам. Это Друстан лишил тебя девственности?

Гвен медленно выдохнула и решила уклониться от прямого ответа.

— Это очень запутанная история. Мне нужно как можно скорее поговорить с Друстаном. Ваш сын в опасности. Думаю, он полностью вам доверяет, и все же он может не пожелать делиться с вами подробностями этой истории. Я не знаю, что именно могу рассказать вам, поэтому сначала должна поговорить с ним. Пожалуйста, отнеситесь к этому с уважением.

Сильван приподнял бровь, но кивнул. А потом взял ее руку в ладони и погладил. Гвен прислушалась к себе с непонятным щемящим чувством. Ее родители никогда так не поступали. Сильван некоторое время смотрел ей в глаза, словно стараясь прочитать, что у нее на душе.

Возможно, он и вправду читал чужие мысли, подумала Гвен.

— Ладно, девушка. Ты выиграла. Больше никаких вопросов до тех пор, пока ты не поговоришь с Друстаном. Однако, насколько я знаю своего сына, он не настроен сотрудничать.

— Но ему придется, Сильван, — решительно ответила Гвен. — У нас осталось не так уж много времени.

— Ему действительно грозит опасность?

Гвен прикрыла глаза и вздохнула.

— Не только ему. Вам всем.

— Тогда мы заставим его выслушать тебя.

Она нахмурилась.

— Ну и как вы собираетесь его заставлять? Загоните в одну комнату со мной и запрете дверь?

Сильван улыбнулся, от края губ разбежались лукавые морщинки. В этом немолодом уже мужчине было столько обаяния, что Гвен в который раз задалась вопросом: почему он не женился после смерти супруги? Уж точно не потому, что не нравился женщинам.

— Неплохая идея, милая. Сделаешь, как я скажу?

Гвен поразмыслила пару секунд и кивнула. Сильван наклонился к ее уху и зашептал.

Несколько часов спустя Гвен нетерпеливо шагала туда и обратно у камина в Серебряной Комнате. Друстан уехал с утра и до сих пор не вернулся. Как только он войдет в эту комнату, Гвен не отпустит его, пока не расскажет обо всем и не заставит придумать, как оградить их всех от опасности.

После великолепного завтрака — вареные яйца, картофель и невероятно вкусная соленая рыба — Нелл устроила Гвен небольшую экскурсию по замку. Экскурсия закончилась подбором одежды, которая понравилась Гвен. Несколько часов девушка провела в библиотеке и вот наконец отправилась в свою комнату, чтобы подготовиться к встрече с Друстаном.

Пару часов назад с прогулки вернулся Дуг, один, без брата. Они с Друстаном расстались у таверны. Сильван посвятил младшего сына (который был младше всего на три минуты, как уточнил потом Дуг) в их план. Дуг согласился им помочь, улыбаясь и бросая на девушку лукавые взгляды. Черт, ну почему они с Друстаном так похожи?

Сейчас Дуг сторожил дверь в коридор, ожидая появления брата. Пятнадцать минут назад Друстан вернулся с прогулки и сейчас был где-то на конюшне.

— Просто не верится, что ты поместил ее в комнату по соседству со спальней Друстана, — бросил Дуг через плечо.

Сильван пожал плечами.

— Вчера она назвала его имя. К тому же это лучшая наша спальня, если не считать ваших с Друстаном покоев.

— Не уверен, что им стоит ночевать так близко.

— Ну а куда мне ее поселить? Поближе к тебе? — Сильван фыркнул. — Друстан говорит, что не знаком с ней. А ты ее целовал. Так кто представляет для девушки большую опасность?

Гвен покраснела, радуясь хотя бы тому, что Дуг не стал уточнять: она сама потребовала поцелуя. Брат Друстана стрельнул в нее глазами и соблазнительно улыбнулся. Господи, какой красавец, подумала Гвен, глядя на шелковый водопад волос, который заблестел в свете камина, когда Дуг повернулся к Сильвану. Двое великолепных мужчин — слишком много для одного замка. Нет, Дуг не привлекал ее, но она не могла не замечать его красоты и истинно мужского шарма.

— Почему вы помогаете мне? — спросила она у Сильвана, стараясь увести разговор от скользкой темы.

— Лучше не вдаваться в его мотивы, девушка, — сухо предупредил Дуг. — Если наш отец за что-то берется, это наверняка служит высшему благу, зато мотивов там тридцать три слоя и сверху вишенка. К тому же он никогда не рассказывает о них до конца.

— Правда? — Гвен уставилась на искреннего и очаровательного старикана.

— Я невинен, как ягненок, что пасется на склоне холма, — заверил ее Сильван.

Дуг покачал головой.

— Не верь ни единому слову. Но и не пытайся вытянуть из него подробности. Свои секреты старый лис унесет с собой в могилу.

— Я не единственный здесь, кто хранит свои тайны, — покосился на него Сильван.

Пару минут отец и сын играли в гляделки, потом Дуг отвел глаза и снова уставился в коридор. В комнате повисла напряженная тишина. Гвен задумалась о том, какие тайны могут быть у Дуга. В этой семейной почти-что-ссоре она почувствовала себя третьей лишней, а потому решила снова сменить тему.

— Вы уверены, что Друстан не станет меня слушать? Нам на самом деле нужны крайние

меры?

У распахнутой двери лежало несколько досок и засовов, и чем дальше Гвен смотрела на них, тем неуютнее ей становилось.

— Дорогая, ты же заявила, что Друстан обесчестил тебя. Нэй, он не станет с тобой говорить, если у него будет хоть малейший шанс избежать этого.

Дуг кивнул и отпрянул от двери:

— Он идет.

— Прячься, — приказал Сильван Гвен. — Когда услышишь, что он зашел в комнату, сосчитай до десяти и выходи к нему. Я заблокирую эту дверь, а Дуг подопрет вторую. Мы не позволим Друстану выйти, пока ты не скажешь ему все, что собиралась.

Расправив плечи, Гвен глубоко вздохнула и отправилась в указанную комнату. Девушка напряженно вслушивалась, чтобы не упустить звука открывающейся двери, и не сразу поняла, что дрожит.

Дверь открылась. Гвен моргнула и медленно досчитала до десяти, чтобы Дуг успел выскользнуть из комнаты и заблокировать дверь в коридор.

Сильван хихикал, объясняя ей, что, если Друстан не захочет ее слушать, они с Дугом заколотят дверь досками. Гвен искренне надеялась, что до этого не дойдет.

Время истекло. Она повернула ручку и тихо открыла дверь. Друстан стоял к ней спиной, глядя на огонь камина. Он переоделся, и вместо пледа на нем были кожаные штаны, льняная сорочка и сапоги. Блестящие темные волосы свободно спадали на плечи и спину. Он выглядел так, словно только что сошел с обложки женского романа, одного из тех, что Гвен часто заказывала по почте, потому что стеснялась покупать такие книги в магазинах.

«Ха, — подумала она. — Вернусь в свое время и преспокойно буду покупать женские романы, ни перед кем не извиняясь. Мужчины ведь не краснеют, покупая «Плейбой»?»

Но для начала нужно выжить при выяснении отношений с Друстаном МакКелтаром.

Пробормотав тихую молитву, Гвен прикрыла за собой дверь. Замок щелкнул, и Друстан обернулся. При виде девушки в его серебряных глазах зажегся недобрый огонек. Горец погрозил ей пальцем и шагнул вперед, а Гвен отскочила от двери, опасаясь повторения утреннего полета. Друстан следовал за ней, словно его тянуло магнитом.

— Даже не думай, англичанка, что я стану мириться с твоей ложью, — бархатным голосом произнес он. — И лучше тебе выйти из этой комнаты, потому что я сегодня выпил достаточно виски, чтобы совершить преступление, в котором меня несправедливо обвинили.

Он многозначительно взглянул на массивную кровать, шелковые простыни и россыпь бархатных подушек. У Гвен перехватило дыхание. Друстан смотрел на нее с гремучей смесью ярости и дикого желания. Последнее ей нравилось, а вот без первого компонента Гвен с удовольствием бы обошлась.

На этот раз ей нужно вести себя холодно и рационально. Никаких глупых комментариев, никаких вспышек. Она расскажет ему, что произошло, и он поймет, что она не лжет. Гвен поспешно заверила горца:

— Я не пытаюсь заставить тебя жениться на мне...

— И хорошо, потому что я не стал бы этого делать, — тихо прорычал Друстан, сокращая дистанцию между ними.

Гвен не отступила. Учítывая, что ее нос находился где-то на уровне его солнечного сплетения, это было не так легко, как она старалась показать.

— Что такое? — мурлыкнул Друстан. — Ты меня не боишься? А должна бы, англичанка.

Он прижал ее к стене, и Гвен оказалась в капкане его вытянутых рук.

Сильван и Дуг наверняка стояли под дверью, ожидая, когда Друстан начнет орать на нее. Но

они явно недооценили его. Он был не из тех, кто кричит, когда злится. Друстан становился очень тихим и опасным.

— Отвечай. — Он встряхнул девушку за плечи. — Ты настолько глупа, что не боишься меня?

Гвен десятки раз повторяла в уме то, что собиралась сказать ему, но когда Друстан оказался так близко, не могла вспомнить, с чего надо начинать. Ей удалось только вымолвить:

— Пожалуйста...

— Что «пожалуйста»? — Он нагнулся к ней. — Пожалуйста, поцелуй? Или, пожалуйста, сделай со мной то, в чем я тебя незаслуженно обвинила? Я много думал сегодня, англичанка, и должен признаться, что ты привлекаешь меня. Я несколько часов гнал коня, пока не остановился у таверны. И долго пил, но всего виски в Альбе не хватило бы, чтобы прогнать тебя из моих мыслей. Ты заколдовала меня, ведьма?

— Нет. Я не ведьма, и я тебя не заколдовала, и, пожалуйста, не надо меня целовать.

Господи, она так хотела его! Узнавал он ее или нет, но это был ее Друстан, и какая, к черту, разница, что он на пять веков старше нее?

— О, это редко можно услышать от женщины, — насмешливо протянул горец. — Особенно от женщины, которая утверждает, будто уже испытала мою страсть. Или ты меня недооцениваешь? — В ледяных серебристых глазах застыл вызов. — Неужели я не заслужил твоего расположения? Ты сказала, что мы были любовниками. Стоит ли мне повторить этот опыт? Посмотрим, смогу ли я исправить ситуацию. — Он схватил Гвен за руку и потянул в сторону кровати. — Пойдем.

Она изо всех сил упиралась ногами в пол, но мягкие туфельки скользили. Гвен хотела запротестовать, но смогла только вскрикнуть, когда Друстан подхватил ее на руки и бросил на кровать. Девушка упала на спину, утонув в мягкой перине, а когда смогла выкарабкаться из плена шелковых простыней, Друстан навис над ней и припечатал к кровати своим тяжелым телом.

Гвен закрыла глаза, чтобы не видеть злости на этом прекрасном лице. Вести разумную беседу в такой позиции просто невозможно.

— Друстан, пожалуйста, выслушай меня. Я не пытаюсь затащить тебя под венец, а тому, что я сказала утром, есть объяснение, но ты меня не слушал. — Она по-прежнему не решалась открыть глаза.

— У тебя может быть причина, чтобы лгать, но объяснений у лжи никогда не бывает.

— Это значит, что ты никогда не врешь? — поинтересовалась она, глядя на него из-под ресниц.

Гвен все еще злилась, что он не рассказал ей всей правды перед тем, как отправил в прошлое.

— Нэй, я никогда не лгу.

— Дерьмо. Не говорить всей правды и лгать — это одно и то же.

— Что за выражения из уст леди? Впрочем, ты ведь не леди?

— Так и ты уж точно не джентльмен. Между прочим, леди не просила тебя бросать ее на кровать.

— Но тебе ведь нравится быть подо мной, — язвительно протянул горец. — Твое тело честнее твоих слов.

Гвен замерла, с ужасом понимая, что непонятно когда обхватила его талию ногами и трется о его мускулистое бедро. Она оттолкнула Друстана.

— Слезь с меня. Я не могу говорить с тобой, когда ты на мне лежишь.

— Забудь о разговорах, — хрипло ответил он, наклоняясь к ее губам.

Гвен попыталась зарыться глубже в подушки, прекрасно понимая, что, как только он ее поцелует, она утратит способность связно мыслить. Но когда она ощутила теплое прикосновение

его губ, дверь распахнулась и в комнату вошел Сильван.

— Кхм.

Друстан замер.

— Выйди из моей комнаты, отец. Я сам со всем разберусь.

— Значит, у вас не было ничего вчера вечером? — Сильван внимательно рассматривал их. — Как-то странно вы себя ведете для абсолютно незнакомых людей. Ты ничего не забыл, сын? Точнее никого? Эта девушка сказала мне, что ты в опасности, но единственную опасность, которую я вижу, представляешь ты сам. Хочешь снова испортить хорошее...

— Да замолчи! — взревел Друстан. Гвен почувствовала, как окаменело его тело, когда он отстранился от нее и сел на край кровати. — Отец, ты здесь больше не главный, помнишь? Я глава клана. Ты отдал мне власть. Поэтому уходи. — Он указал на дверь. — Немедленно.

— Я лишь пришел узнать, не нужна ли ей помощь, — спокойно ответил Сильван.

— Не нужна ей твоя помощь. Эта девушка сама сплела лживые сети, и, если она же в них и попалась, моей вины в том нет.

— Гвен? — Сильван вопросительно посмотрел на нее.

— Все в порядке, Сильван. Можете идти. И Дуг тоже.

Сильван постоял еще мгновение, пристально глядя ей в глаза, затем склонил голову и вышел из комнаты. Когда дверь за ним закрылась, Друстан поднялся с кровати и отошел на несколько шагов.

— Что твой отец имел в виду, когда сказал, что ты о чем-то забыл? — спросила Гвен. — И что хорошее ты собрался испортить?

Друстан молча смотрел на нее холодным взглядом. Гвен выбралась из перины и опасливо покосилась на него. Было ясно, что Друстан все еще хотел ее, но страстный блеск в его глазах немного померк, потому что теперь он рассуждал о чем-то отвлеченном. Это одновременно обрадовало и разочаровало ее.

Горец повернулся к ней.

— Говори: зачем ты пришла сюда и по какой причине?

Они уселись у огня. Друстан налил себе стакан виски и прислонился к камину, повернувшись лицом к девушке. Сделав большой глоток, он уставился на нее поверх стакана. В присутствии этой англичанки ему не удавалось связно думать, отчасти потому, что девушка была так чертовски привлекательна, отчасти потому, что с первой же встречи она разозлила его своими необоснованными нападками. Но сила, с которой его тянуло к ней, злила Друстана больше, чем откровенная ложь. Меньше всего ему хотелось получить такую проблему прямо перед свадьбой. При виде маленькой англичанки он готов был наплевать на все и изменить свои планы.

Бросив девушку на кровать, он хотел всего лишь напугать ее, но ощущение, которое он испытал, когда она обхватила ногами его талию и потерлась бедрами, заставило его забыть обо всем. Если бы не вошел отец, Друстан ни за что не отпустил бы ее. Еще у входа в замок он всем своим нутром почувствовал, что маленькая англичанка ждет его. Девушка вызывала в нем неконтролируемый накал чувств, которые он не мог ни понять, ни обуздать. От одного взгляда на нее Друстан просто сходил с ума.

Он не лгал, когда говорил, что не может не думать о ней. Ему не удавалось забыть о ней ни на миг. Он запомнил ее запах, и даже в застоявшемся зловонном воздухе таверны ему чудилась эта странная смесь — весеннего дождя, ванили и загадки. Там же, в таверне, он понял, что знает — когда эта девушка улыбается, на щеке у нее появляется ямочка. Откуда он мог знать это, он ведь ни разу не видел ее улыбки?

— Улыбнись, — потребовал Друстан.

— Что? — Девушка посмотрела на него, как на сумасшедшего.

— Я сказал, улыбнись! — зарычал он.

Она слабо улыбнулась. Айе. Так и есть — ямочка на левой щеке. Он тяжело вздохнул. И продолжил рассматривать ее. Ведьмин знак на скуле. Где еще у нее родинки? Он хотел бы выяснить это, исследовать ее тело губами и языком. Взгляд непроизвольно задержался на вырезе ее платья.

Горец тряхнул головой, прогоняя наваждение.

— Ладно, не важно. Важно другое, англичанка, а именно: почему ты утром солгала? Чтобы привлечь мое внимание?

— Я Гвен, — бесстрастно поправила она, прижав нижнюю губу большим и указательным пальцами.

От этого жеста Друстану стало чертовски неудобно. «Богиня Луны», — перевел он про себя. И выглядит как богиня.

— Мое имя ты уже знаешь, раз тебе хватило наглости меня обвинять. Я не стану настаивать на церемониях, поэтому считай, что я позволил тебе не называть меня «милорд».

Она тут же оскалилась, и Друстан с трудом сдержал улыбку. Но девушка не ответила. Его злило ее самообладание: Друстану больше нравилось, когда она реагировала не думая. Это позволяло ему почувствовать себя главным.

Гвен настороженно посмотрела на него.

— Я не знаю, с чего начать. И очень прошу тебя выслушать все до конца, прежде чем ты опять начнешь на меня злиться. Узнав мою историю, ты все поймешь.

— Ты собираешься опять меня разозлить? Чем еще? Ты и так заявила, будто я лишил тебя девичьей чести, а теперь говоришь, что не хочешь пойти со мной к алтарю. Так чего же ты хочешь?

— А ты обещаешь выслушать меня? И не будешь перебивать, пока я не расскажу все до конца?

Горец поразмыслил над ее просьбой и решился. Сильван сказал, что эта девушка предупреждала об опасности. Что он потеряет, выслушав ее? Если он выйдет из комнаты, не узнав ее истории, с Сильвана станется запереть его в шкафу и проорать новости через дверцу.

К тому же пока это дело не прояснится, ему не видать ни пирожков, ни рыбы, ни прочих фирменных блюд Нелл. И не будет больше крепкого ароматного черного кофе по утрам. Нэй, нужно все расставить по местам. Друстан любил комфорт и не собирался его лишаться. И чем скорее он разберется с этой нелепой ситуацией, тем быстрее можно будет убрать девчонку подальше и больше о ней не думать. Он пожал плечами и пообещал.

Гвен прикусила губу, помолчала, а потом решилась:

— Друстан, ты в опасности...

— Айе, и я никогда об этом не забываю, но не думаю, что мы говорим об одном и том же, — мрачно пробормотал он.

— Я серьезно. Твоя жизнь в опасности.

Он широко улыбнулся, оглядывая ее с головы до ног.

— Ну да, малышка. И сейчас ты скажешь мне, что собираешься меня защищать. А я поинтересуюсь, как ты будешь это делать. Кусать моих врагов под коленки с высоты своего роста?

— О-о-о-ох. Ну очень вежливо. Но если ты такой дурак, что не выслушаешь меня, могу и укусить.

— Я обдумаю это предложение, — заверил Друстан. — Если это все, что ты хотела мне сказать, то позволь откланяться. Скажи Сильвану, что я тебя выслушал и он может выпустить

меня из этой комнаты. У меня есть дела.

При первой же возможности он велит Нелл подыскать этой девушке приют в деревне, и чем дальше от замка, тем лучше. Нэй, лучше попросить Дуга отвезти ее в Эдинбург и найти ей там работу. Так или иначе, нужно убрать малышку с глаз долой, пока он не совершил какой-нибудь непоправимой глупости.

Например, бросив ее на кровать и не выпуская до тех пор, пока они оба будут не в состоянии двигаться. Пока мышцы не заболят от любви. Интересно, она царапается? Выгибает спину, мурлыкая и плача от удовольствия? Друстан замер, представив себе эту картину. И повернулся к девушке спиной, надеясь развеять чары, которые она на него напустила.

— Ты даже не хочешь узнать, какая опасность тебе угрожает? — удивленно спросила она.

Горец вздохнул и обернулся через плечо, иронически приподняв бровь. Что заставит эту девчонку остановиться? Меч у горла?

— Ты обещал, что выслушаешь всю историю. Неужели соврал? Ты же якобы никогда не врешь?

— Ладно. — Друстан нетерпеливо обернулся. — Рассказывай, и покончим с этим.

— Может, тебе лучше присесть? — Ей явно было не по себе.

— Нэй, я буду стоять, а ты — рассказывать.

Друстан скрестил руки на груди.

— Ты явно не в настроении мне помогать.

— Не в настроении. Говори или уходи. Не трать понапрасну мое время.

Гвен тяжело вздохнула.

— Ладно, но я тебя предупреждаю, поначалу это будет казаться нелепостью.

Он зашипел.

— Я из будущего...

Друстан подавил стон. Девчонка оказалась сумасшедшей. Бродила нагишом вокруг замка, утверждала, что ее изнасиловали, и верит в то, что она из будущего.

— Из двадцать первого века, если быть точной. Я взобралась на холм неподалеку от озера Лох-Несс и упала в пещеру, в которой ты спал...

Он покачал головой.

— Прекрати нести чушь.

— Ты сказал, что не будешь перебивать. — Гвен вскочила на ноги и оказалась слишком близко к нему. — Мне и так нелегко все это рассказывать.

Друстан нахмурился и поспешно отступил, чтобы девчонка не коснулась его и не превратила снова в похотливое чудовище. Гвен смотрела ему в лицо, запрокинув голову. Ее щеки покраснели, синие глаза сияли. Казалось, она готова наброситься на него с кулаками, несмотря на свой малый рост и вес. Храбрости ей не занимать, Друстан не мог не признать этого.

— Продолжай! — рыкнул он.

— Я нашла тебя в пещере. Ты спал, а у тебя на груди были нарисованы забавные символы. Мое падение как-то разбудило тебя. Ты был совершенно сбит с толку, не знал, где находишься, но помог мне выбраться из пещеры. И рассказал странную историю. Ты говорил, что родом из шестнадцатого века, что кто-то похитил и заколдовал тебя и ты проспал почти пять веков. Последним, что ты помнил, была записка, которой тебя выманили на поляну у озера. Там говорилось о том, что тебе помогут узнать, кто убийца брата. Ты сказал, что поехал туда, но перед этим тебя чем-то опоили и ты чувствовал себя невероятно уставшим.

— Колдовство? — Друстан удивленно покачал головой.

Воображение этой девчушки сделало бы честь любому барду. Но первую ошибку она уже совершила: никто не убивал его брата. Дуг был жив и здоров, чего и всем желал.

Гвен перевела дыхание и продолжила, не обращая внимания на его откровенный скептицизм:

— Я тоже тебе не поверила, Друстан, и теперь жалею об этом. Ты сказал, что, если я провожу тебя к Бан Дрохаду, ты докажешь мне правдивость своих слов. Мы отправились к камням, и оказалось, что твой замок... этот замок полностью разрушен. Ты отвел меня в круг камней. — Гвен решила умолчать о том, как они занимались любовью, чтобы не провоцировать его. — И отправил сюда, в свое столетие.

Друстан разочарованно вздохнул. Да, она определенно была сумасшедшей и к тому же наслушалась рассказней о нем. Он знал, что в деревнях любят повторять старые сказки о том, как во времена его предков два войска тамплиеров вошли в замок МакКелтаров, чтобы не выйти обратно. Девушка наслушалась о «колдунах-язычниках», которые могут открывать врата в иное время.

— Но прежде чем отправить тебя в прошлое при помощи языческого ритуала, — Друстан фыркнул, отрицая саму вероятность такого события, — я, надо полагать, лишил тебя девственности? Должен признать, ты выбрала необычный способ затащить меня к алтарю. Пересказала самый странный из существующих слухов, заявила, что я обесчестил тебя в будущем... Я ведь даже возразить ничего не могу.

Горец покачал головой.

— Я восхищен твоим воображением и твоей храбростью, девушка.

Гвен уставилась на него.

— В последний раз повторяю: я не собираюсь выходить за тебя замуж, самовлюбленный нахальный троглодит!

— Нахальный... — Он помотал головой и моргнул. — Ну вот и хорошо, потому что я не могу на тебе жениться. Я помолвлен.

Вот и все. Он сказал это и положил конец ее глупым попыткам и несуразным претензиям.

— Помолвлен? — изумленно повторила Гвен.

Друстан нахмурился.

— И тебе это явно не нравится. Будь осторожна, если не хочешь ненароком сказать правду.

— Но этого не может быть. Ты сказал мне, что не был... — Она замолчала, и ее глаза широко распахнулись.

Вот еще одна дыра в ее плане, мрачно подумал Друстан. Он был помолвлен уже полгода. Почти вся Альба знала о грядущей свадьбе, и многие, затаив дыхание, ждали, повезет ли ему на этот раз. А ему повезет.

— Я помолвлен, — повторил Друстан. — О браке мы условились еще на прошлое Рождество. Через две недели Аня Эллиот приедет сюда, и нас обвенчают.

— Эллиот?

— Аие. Дуг собирается встретить ее и сопроводить в замок.

Гвен повернулась к нему спиной, чтобы скрыть изумление и боль, которые наверняка отразились у нее на лице. Помолвлен? Ее мужчина собирается жениться на другой? Он рассказывал, что Дуга убили во время возвращения от Эллиотов. Сказал, что был помолвлен, но невеста умерла. Но не удосужился сообщить, что эти смерти произошли одновременно!

Почему? Он очень любил свою невесту? И ему было слишком больно о ней вспоминать?

Сердце Гвен провалилось куда-то вниз. «Так нечестно!» — закричала она про себя. Если она спасет Дуга, она спасет и будущую жену Друстана. Женщину, на которой он собирается жениться.

Гвен судорожно выдохнула. Она ненавидела выбирать меньшее из зол. Все должно быть совсем не так! Она должна была рассказать ему историю, потом они победили бы злодеев и

жили долго и счастливо. Весь день она планировала это «долго и счастливо», вплоть до мельчайших деталей средневековой свадьбы и фасона платья. Она не имела ничего против жизни в шестнадцатом веке и готова была пожертвовать вкусным кофе с «Старбаксе», тампонами в аптеках и горячим душем по утрам. Ну и что, что здесь невозможно найти бритву? Можно ведь попросить у Друстана его кинжал. Жизнь тут будет простой и незамысловатой, но, с другой стороны, к кому ей возвращаться?

Не к кому. Ее совершенно никто не ждет. Только пустая, одинокая жизнь. Слезы выступили на глазах. Гвен опустила голову, пряча лицо за прядями челки, и напонила себе, что не плакала с девяти лет, потому что точно знала: слезами горю не поможешь.

— Этого не должно произойти, — тихонько пробормотала она.

«Тебе нельзя допустить уничтожения его клана, и не важно, какую цену придется за это заплатить», — тихо напонило ее сердце.

Через минуту Гвен нашла в себе силы сглотнуть застывший в горле ком и повернуться к Друстану, признав, что не может допустить смерти его семьи. Ну и что, что в процессе ее собственная жизнь разлетится на кусочки?

«Высокая цена за то, чтобы научиться любить», — подумала она.

Гвен заговорила самым спокойным тоном, на который была способна, хотя все внутри рвалось и болело:

— Друстан, когда мы были в будущем, последним, что ты сказал мне, был совет рассказать тебе прошлому обо всем, что произошло, и показать кое-что. Думаю, под вещью, которую я должна была показать, ты подразумевал мой рюкзак, потому что в нем лежали вещи из моего века и они могли убедить тебя...

— Покажи мне их, — потребовал Друстан.

— Не могу, — беспомощно отозвалась Гвен. — Рюкзак исчез.

— И почему меня это не удивляет?

Она прикусила губу, чтобы не закричать от ярости.

— В будущем ты явно считал, что тебе хватит ума поверить мне, но я начинаю понимать, что ты переоценил себя.

— Прекрати свои нападки, девушка. Ты провоцируешь лэрда, у которого просишь защиты.

О Боже, а ведь он прав. Она действительно зависела от его расположения. Гвен была умна, она была талантливым физиком, но ее интеллект не мог так скоро приспособиться к реалиям шестнадцатого века. А что, если Друстан ей вообще не поверит?

— Я знаю, что ты мне не веришь, но не могу тебя не предупредить. Нельзя отправлять Дуга за твоей невестой. Пожалуйста, умоляю тебя, отложи свадьбу!

— А продолжением будет, конечно, «женись на мне». Так, девушка? А если я откажусь, тебе придется вернуться туда, откуда ты прибыла.

— Я прошу отложить свадьбу не для того, чтобы ты женился на мне. Я прошу потому, что они погибнут, если ты ничего не сделаешь. В моем веке ты сказал, что Дуга убили во время стычки между Монтгомери и Кемпбеллами, когда твой брат возвращался из замка Эллиотов. Еще ты сказал мне, что был помолвлен, но твоя невеста умерла. Ее наверняка убили там же, где и Дуга. По твоим словам, он пытался помочь Монтгомери, которые оказались в меньшинстве. Так вот, если Дуг вмешается в эту битву, погибнут и он, и твоя невеста. Тогда ты мне поверишь? После того как они умрут? Ты согласен заплатить такую цену за недоверие? Я видела, как ты горевал...

Гвен осеклась, потому что горло снова перехватило. Слишком странная смесь эмоций, слишком сильные чувства: отчаяние от того, что Друстан ей не верит, боль из-за того, что он помолвлен, пустота, шок от всего, что на нее навалилось.

Девушка в последний раз посмотрела на него и выскочила из спальни. Меньше всего ей хотелось, чтобы Друстан увидел, как она рассыпается на куски.

Горец еще несколько минут отрешенно смотрел на захлопнувшуюся дверь. Ее просьба прозвучала так искренне, что у него по коже пробежал мороз: было в этой ситуации что-то странно знакомое.

Ее история не может быть правдой, уверял себя Друстан. По миру бродит множество сказок о таинственных камнях, с помощью которых открывается дверь в иные миры. Эти легенды прошли сквозь века, не стерлись и не забылись. Должно быть, девушка наслушалась таинственных историй, ее больной ум перепутал их с правдой и теперь она искренне верит в то, что говорит. А кровь на бедрах она могла и подделать. Возможно, она уже беременна и теперь отчаянно ищет себе мужа, чтобы скрыть позор...

Айе, при помощи камней можно путешествовать во времени. Но все остальное в ее истории было полным безумием. Если бы Друстан попал в будущее, он ни за что не стал бы вести себя подобным образом. Он не отправил бы в прошлое беспомощную девушку. И не мог даже представить себе ситуацию, в которой лишил ее девичьей чести, — он поклялся, что никогда не возляжет с нетронутой девушкой, если эта девушка не будет его женой. И Друстан никогда бы не отправил посланницу к самому себе с историей, в которую наверняка не поверит.

От мыслей о себе-прошлом и себе-будущем у горца разболелась голова. Он поморщился и потер виски. Нэй, окажись Друстан в подобной ситуации, он отправился бы в прошлое сам и со всеми проблемами тоже разбирался бы самостоятельно. Эта девушка явно недооценивала его способности.

И не стоило забивать себе голову ее проблемами. Для начала нужно взять себя в руки, потому что, безумна эта девчонка или нет, его сводило с ума само ее присутствие. И все же не помешает отправить с Дугом отряд стражи. В стране может быть не так спокойно и мирно, как кажется с вершины горы МакКелтаров.

Друстан покачал головой, подошел к двери и задвинул засов, запирая лживую девчонку. Потом взял из ящичка в изголовье ключ от комнаты, вышел и запер дверь на второй замок.

Ничто не помешает его свадьбе. И уж точно это не удастся маленькой англичанке, которая несет чепуху, заявляя, что он стал ее первым мужчиной. Ее вообще нельзя выпускать из замка без сопровождения. Нужно сказать отцу, что она либо выйдет с кем-то из них, либо не выйдет вообще. К тому же не следует забывать про Дуга, который явно неровно дышит к этой малышке.

Друстан резко развернулся и зашагал прочь.

Гвен свернулась клубочком на кровати и расплакалась. Разревелась, как девчонка, всхлипывая, размазывая горячие слезы по щекам, хлюпая носом и понимая, что от такого плача непременно разболится голова.

Неудивительно. Она не плакала с тех пор, как ей исполнилось девять. Не плакала даже тогда, когда отец пригрозил, что, если она не вернется к научным исследованиям, он больше никогда не будет с ней разговаривать. Все непролитые когда-то слезы решили вырваться сейчас.

Разговор с Друстаном оказался куда ужаснее, чем Гвен думала. Он был помолвлен. И если она спасет Дуга, она спасет и будущую жену Друстана. Мозг тут же выдал веер картинок, на которых Друстан и Аня Эллиот развлекались в постели. Не важно, что Гвен понятия не имеет, как выглядит эта Аня Эллиот. Она явно будет полной противоположностью Гвен — высокая, стройная, длинноногая. И Друстан будет касаться и целовать длинноногую миссис МакКелтар точно так же, как целовал Гвен в кругу камней.

Она зажмурилась и застонала, но проклятые видения не оставляли ее. Девушка помотала головой и открыла глаза. «Сосредоточься. Мучая себя, ты ничего не добьешься, а у тебя сейчас полно проблем, гораздо более серьезных, чем ревность».

Друстан ей не поверил. Не поверил ни единому слову. Как такое может быть? Ведь она сделала именно то, о чем он сам ее попросил. Она рассказала ему все, потому что полная версия событий была вполне логичной. Вот только Друстан из шестнадцатого века оказался совсем не таким, каким считал себя Друстан из двадцать первого. Интересно, рюкзак заставил бы его поверить?

Да. Гвен могла бы показать ему мобильный со сложными электронными схемками. Она показала бы ему журнал с датой и новыми для него словами. Он увидел бы одежду, которой не было в его веке, потрогал водонепроницаемую ткань рюкзака. В рюкзаке были вещи из резины и пластика, материалов, которых даже средневековый — кто он там? гений? — не смог бы принять за подделку. Это заставило бы его задуматься. Но в последний раз Гвен видела этот проклятый рюкзак в водовороте времени.

«И куда он мог приземлиться?» — поинтересовался ее внутренний голос с детским любопытством.

— Ох, замолчи, сейчас важно совсем не это, — вслух пристыдила себя Гвен.

Она была не в настроении размышлять о квантовых теориях. У нее были проблемы куда более важные, чем эта.

Попытка распознать врага без помощи Друстана была обречена на провал. Сильван сказал, что в этом замке, считая охрану, проживает семьсот пятьдесят человек. И это только те мужчины, женщины и дети, которые живут непосредственно в замке, а ведь под его стенами обосновалось более тысячи простых крестьян. В распоряжении Гвен почти месяц, но с такими темпами — Друстан ведь даже не признался, что с помощью круга камней можно управлять временем! — она вряд ли уговорит горца поделиться с ней нужной информацией.

Непослушными руками Гвен стянула платье и забралась под одеяло. Завтра будет новый день. Завтра она снова попытается достучаться до Друстана, а если ей это не удастся, то постарается спасти его клан своими силами.

«А что потом? — поинтересовался внутренний голос. — Поймаешь букет на его проклятой свадьбе? Будешь нянькой для его детей? Бр-р-р...»

— Ну? — Сильван неторопливо шагал по Грейтхоллу. — Она все еще утверждает, что ты лишил ее чести?

Друстан откинулся на спинку стула. Виски закончился, и теперь он просто перекачивал стакан в ладонях. Горец глядел на огонь в камине, думал о будущей жене и старался не вспоминать о глупом разговоре с англичанкой. Виски помог — тревога немного притупилась, и теперь Друстану даже удалось оценить черный юмор сложившейся ситуации.

— О, айе. Она даже придумала объяснение тому, что я про этот свой поступок не ведаю ни сном ни духом. Как оказалось, я поимел ее в будущем.

Сильван моргнул.

— Что-что?

— Мы переспали через пятьсот лет после сегодняшнего дня, — объяснил Друстан — А потом я отправил ее в прошлое, чтобы она спасла меня.

Он больше не мог сдерживаться, откинул голову и расхохотался. Сильван странно на него посмотрел.

— А как она объяснила твое появление в будущем?

— Меня заколдовали. — Плечи Друстана все еще дрожали от смеха.

Сейчас, когда девчонки не было перед глазами и он не боялся потерять контроль над собой, горец понимал, что на самом деле сложилась довольно забавная ситуация.

Сильван потер подбородок. Его глаза оставались серьезными.

— Так, значит, она тебя расколдовала и ты отправил ее в прошлое?

— Айте. Чтобы она спасла меня от колдовства. К тому же она несла какой-то бред про тебя и Дуга и угрожающую всем нам опасность.

— Друстан, ты ведь всегда умел думать. — Сильван потер переносицу, что случилось с ним только в минуты задумчивости. — То, что рассказала англичанка, вполне возможно.

Друстан хрюкнул.

— Нэй, если подумать, то невозможно. Но если ты ее послушаешь, ты поймешь, что она просто сумасшедшая с навязчивыми идеями.

— Да, история действительно неправдоподобная, но...

— Отец, я не собираюсь повторять чепуху, которую она несла, но поверь: в ее истории столько дыр, что, будь она кораблем, затонула бы, не выходя из порта.

Сильван нахмурился.

— И все же некоторые предосторожности нам не помешают. Присмотрись к ней получше, проведи с ней некоторое время. Возможно, когда мы узнаем о ней больше, ситуация прояснится.

— Айте, — согласился с ним Друстан. — Завтра я отвезу ее в Баланох, посмотрю, не опознают ли ее там. Вдруг кто-то сможет вспомнить англичанку или ее семью.

Сильван кивнул.

— Я тоже присмотрюсь к этой девушке. Быть может, ее безумие излечимо.

Его взгляд стал пронзительным.

— Я видел, как ты глядишь на нее, и знаю, что, несмотря на все свои протесты, ты желаешь ее, сын. Но даже если она сумасшедшая, как ты утверждаешь, я не позволю тебе воспользоваться ее состоянием. Держись подальше от ее постели, сосредоточься на своей будущей жене.

— Я знаю, — огрызнулся Друстан, чувствуя, как исчезают остатки веселья.

— Наш род не должен прерваться, Друстан.

— Знаю.

— Я просто напоминаю тебе о твоём долге, — тихо, но твердо сказал Сильван. — Ты не можешь позволить себе быть легкомысленным.

— Знаю! — зарычал Друстан.

— С другой стороны, не будь эта девушка больной... — начал Сильван, но тут Друстан стрелой вылетел из комнаты.

Сильван опустил в кресло. В историю, рассказанную девушкой, невозможно было поверить. Но как бы вел себя кто-то из будущего, попав под незнакомую дверь и пытаясь помочь людям из прошлого?

В общем и целом разум отказывался это принять — слишком надуманной казалась история с колдовством, слишком странной даже для друида. И все же Сильван, мысленно просчитав вероятности, понял, что полностью отрицать полученную информацию не стоит. Вероятность того, что Гвен говорила правду, была крайне мала — однако ни один друид, если он, конечно, хороший друид, не стал бы отмахиваться от опасности, которая все же была вероятна.

Если девушка не врет, она была настолько небезразлична его сыну, что он лишил ее девственности. Если англичанка не врет, она знала, что Друстан обладает силами и знаниями, недоступными простым смертным, и ради него пожертвовала не только девичьей честью, но и жизнью в свое время.

Интересно, что именно Гвен Кэссиди знает о его сыне? Нужно поговорить с Нелл: пусть в разговоре намекнет на пару вещей и оценит реакцию девушки. Нелл прекрасно разбирается в людях. И сам он тоже попытается разобраться в их госте. Нет, расспрашивать ее он не будет. Ему не так уж важно, что она может утаить и о чем может соврать. Нет, он оценит ее ум, как оценивал бы своего ученика. И лишь собрав как можно больше информации, Сильван решит, что с ней делать. Друстан явно не расположен думать, когда дело касается Гвен.

Иногда его старший сын был упрямее осла. После трех сорвавшихся помолвок он начал сомневаться в себе. Друстан так стремился дойти до алтаря, что просто сметал с пути все, что могло помешать. Его целью была свадьба, а дальше он не загадывал.

Сильван прекрасно знал, как важно продолжить род МакКелтаров, но подозревал, что свадьба Друстана и девушки из рода Эллиотов не принесет им счастья.

А маленькая Гвен Кэссиди? Сильван не был уверен в том, что она сумасшедшая.

Бессета Александр перебирала свои тисовые палочки и чувствовала, как в животе ядовитой гадюкой ворочается страх. Для нее, невероятно суеверной женщины, гадание было необходимо как воздух. В последнее время она каждый день бросала руны и каждый раз с ужасом видела, что неведомая опасность все ближе подбирается к ее сыну.

Когда они с Невинном в первый раз вошли в замок МакКелтаров, Бессета не боялась ничего, кроме возвращения в горы. Нет, она не была человеком равнин и много лет мечтала снова увидеть вершины гор в пелене тумана, серебристые озера и вересковые пустоши, в которых прошла ее молодость. Горы были ближе к небесам, даже луна и звезды, казалось, сами тянулись к гордым вершинам.

Невина уважали — он стал священником древнего и богатого клана. Здесь он мог прожить свою жизнь в безопасности и довольстве. Тут не было риска случайно оказаться в гуще войны между кланами — именно так погибли остальные ее дети. Количеством воинов и качеством укреплений клан МакКелтаров уступал только королю.

Айе, поначалу она радовалась. Но вскоре после их приезда Бессета раскинула гадательные палочки и увидела темную тучу на горизонте, которая подбиралась к ней все ближе. Как она ни старалась, ни палочки, ни руны, ни кофейная гуща не говорили ей ничего конкретного.

Только тьма. Тьма, которая угрожала ее единственному сыну.

Лишь во время прошлого гадания Бессета поняла, что тьма исходит от одного из сыновей Сильвана, но не смогла определить, от которого.

Иногда Бессета чувствовала, что неведомая опасность тянется к ней, пытается засосать в свою жадную темную гущу. В таких случаях женщина часами перебирала древние руны, перекатывая их по столу, пока паника не отступала. Дикий страх был ее постоянным спутником. Она не может потерять Невина, пусть даже неведомые тени обретут плоть и вцепятся в нее своими ядовитыми клыками.

Бессета вздохнула, приладила волосы дрожащими пальцами и бросила палочки на стол. Если бы Невин был дома, ее ждала бы очередная нудная лекция о Боге и неисповедимости путей Его.

«Спасибо, сынок, но я доверяю своим палочкам, а не твоему невидимому Богу, который отказывается отвечать, когда я спрашиваю, почему он забрал четверых моих сыновей, оставив мне только тебя».

Она взгляделась в получившийся узор и почувствовала, как затягивается узел страха в животе. Узор был точно таким же, как на прошлой неделе. Опасность — но ни малейшей подсказки, какая и откуда. Как же можно противостоять тому, чего не видишь и о чем не знаешь? Она ни за что не потеряет последнего, пятого сына. И пусть голодная тьма затянет ее в пучину ада, Бессета все равно не позволит ему умереть.

— Расскажите больше, — прошептала она. — Я ничего не смогу сделать, пока не узнаю, что именно представляет опасность для моего сына.

В отчаянии она посмотрела на палочки, а потом передумала и сделала то, чего опасались все предсказатели: слишком уж велика была вероятность привлечь злые силы, показав свой страх и горечь. Бессета разложила палочки на коленях в нужном порядке. И снова бросила на стол, быстро, чтобы не передумать и не перепутать.

К счастью, судьба порой бывает щедра. Как только палочки коснулись стола, Бессету посетил видение — во второй раз за всю ее долгую жизнь. Ее внутренний глаз четко различил старшего сына МакКелтара — Друстана. Тот хмурился, в отдалении кричала какая-то женщина,

но ее заслоняло лицо Невина, побледневшее, с кровью на губах. Где-то на краю видения маячила еще одна фигура, но Бессета не могла различить, кто это.

Миг спустя она решила, что этот неизвестный четвертый — или четвертая — не представляет для Невина опасности, иначе видение показало бы его четче. Возможно, это просто невинный наблюдатель.

А плачущая женщина, которую палочки обозначили как виновницу смерти ее сына, — это наверняка та леди, на которой собирается жениться Друстан МакКелтар. Как Бессета ни всматривалась, она увидела лишь, что женщина была маленькой и светловолосой. И совершенно незнакомой.

Видение поблекло, оставив после себя дрожь и усталость. Придется поспешить. Судьбу можно изменить, если Друстан не женится.

Бессета слышала, что лэрд помолвлен, — вся Альба знала, что это уже четвертая его помолвка. Но Невин никогда не рассказывал ей подробностей из жизни МакКелтаров, и Бессета понятия не имела, на какой день назначена свадьба и когда прибудет невеста лэрда.

В последнее время чем больше Бессета старалась выпросить у сына, тем более замкнутым и молчаливым он становился. То, что Невин с ней не разговаривает, пугало Бессету. Поначалу он взхлеб рассказывал ей о замке и его обитателях, но потом все разговоры свелись лишь к его работе на постройке и реставрации замковых церквей.

Хижина Александров стояла на окраине Баланоха, от нее до замка было четыре километра. Невин, наблюдавший за реставрацией двух церквей, каждый день отправлялся в замок пешком, но для больных суставов и слабых ног Бессеты такой путь был невозможен. Двести метров она еще могла преодолеть, а в ясные дни, когда артрит не так мучил ее, ей удавалось пройти и километр... Но четыре туда и четыре обратно — это за пределом ее возможностей. Похоже, ей не удастся получить информацию у сына. Тогда, если погода не испортится, придется отправиться в селение и расспросить людей.

У Бессеты не осталось никого, кроме Невина, и никто — ни МакКелтар, ни Церковь, ни сам Господь Бог — не отнимет у нее сына.

— Лошадка, лошадка, хорошая лошадка, — ворковала Гвен.

Упомянутое животное вздернуло губу, оскалило до жути большие зубы, и Гвен поспешно отдернула руку. Зверь прижал уши, хлестнул хвостом и злобно на нее покосился.

Десять минут назад грум вывел из конюшни двух лошадей и поставил их у крыльца. Друстан взял огромного коня за уздечку и, даже не обернувшись, отошел, оставив Гвен наедине со второй... тварью. Гвен понадобилось все ее самообладание, чтобы подойти к лошади, но с тех пор она не продвинулась ни на шаг: застряла в двери конюшни, пытаясь уговорить это порождение ада идти за ней.

Гвен растерянно обернулась через плечо. Друстан был занят разговором с конюхом, стоя в нескольких метрах от нее. Ладно, не хватало еще, чтобы он увидел ее растерянность. Гвен родилась и выросла в городе. Боже, ну откуда ей знать, что делать с тонной мышц, зубов и жесткой шерсти?

Она снова попыталась договориться с жуткой скотиной, сменив уговоры на тихое ласковое бормотание. Скотина нахально задрала хвост и оросила землю горячей струей.

Гвен поспешно убрала ногу с «линии огня», нахмурилась и фыркнула. А ведь была, была надежда, что сегодняшней день будет лучше вчерашней ночи.

Утро было многообещающим. Пять служанок сопроводили Гвен в горячую купальню, и девушка счастливо отмокала в ванной, расслабляя все еще не отошедшее от первого сексуального опыта тело. Потом Нелл принесла ей завтрак и кофе. Завтрак оказался вкусным, крепкая черная

жидкость подняла настроение, и Гвен, быстро одевшись, решила найти Друстана и снова попытаться убедить его, что он в опасности. Но Друстан сам ее нашел и сразу же поставил перед фактом: они отправляются в деревню. Верхом.

Гвен с сомнением посмотрела на животное. Она впервые видела живую лошадь и слабо представляла, как можно доверить маленькую себя этой огромной, сильной и вредной твари. Поведение лошади очень напоминало поведение Друстана, и доверяла Гвен ей приблизительно так же.

Животное было удивительно красивым, девушка не могла не обратить внимания на бархатный нос и выразительные глаза, но в комплекте прилагались еще и жесткие копыта, огромные зубы и — ой! — длинный хвост, который больно хлестал Гвен всякий раз, когда она подходила слишком близко.

— Лошадка, лошадка, лошадка, иди сюда, моя хорошая, — бормотала Гвен, опасливо протягивая руку к уздечке.

Хорошая лошадка издала свистящий звук и потянулась мордой к ее руке. Храбрости хватило ровно до тех пор, пока крепкие белые зубы не приблизились к ее пальцам. Гвен сжала кулак и отдернула руку. Лошадь опять прижала уши и отвернулась.

Хлоп! Опять чертов хвост.

Друстан изумленно наблюдал за представлением.

— Ты что, никогда раньше не видела коней? Они не откликаются на «лошадку», они даже не знают, что они лошади. А ты ведешь себя, как глупый охотник в лесу: «Мишка-мишка, выходи, я хочу тебя зажарить».

Гвен раздосадовано обернулась и развела руками.

— Конечно же, я видела лошадей. — Она нахмурилась и тихо уточнила: — В книге. И не смей надо мной смеяться, вспомни себя во время первой встречи с машиной.

— Машиной?

— В моем времени есть... повозки, которым не нужны лошади, чтобы двигаться.

Друстан фыркнул, явно не веря ни единому ее слову.

— Значит, ты никогда не ездила верхом, — сухо отметил он, взлетая в седло.

Гвен невольно залюбовалась этим движением: гибким, сильным, уверенным, мужественным в w-ной степени.

Она внезапно разозлилась.

— Позер.

Друстан лениво улыбнулся.

— Не слышал раньше этого слова, но что-то мне подсказывает, что это был не комплимент.

— Оно означает надменного и самодовольного типа, который хвастается своими умениями.

— Чем могу, тем и хвастаюсь. — Он посмотрел на ее губы, погладил взглядом грудь и отвернулся.

— Я все видела. Не смей на меня так смотреть. Ты помолвлен, — глухо напомнила Гвен, понимая, что ненавидит Аню Эллиот всеми фибрами души.

— Да, но пока я не женат, — буркнул горец себе под нос, разглядывая девушку из-под нахмуренных бровей.

— А вот это жалкая отговорка.

Он пожал плечами.

— Зато типично мужская.

Друстан не собирался обсуждать с ней свои чувства. Именно чувства, а не простое желание так беспокоили его. Он решил хранить целомудрие в оставшиеся до свадьбы недели и не допускал мысли о том, чтобы отменить свадьбу. И все же эта девчонка не шла у него из головы.

Но он силен. Он сможет противостоять ей... и себе. Осталось это доказать. Друстан улыбнулся.

«Что он задумал?» — размышляла Гвен. Она понимала, что Друстан ей не поверил, и слышала его разговор с Дугом до того, как он заметил ее в Грейтхолле. Друстан говорил, что отвезет ее в деревню и посмотрит, не опознают ли ее там.

— Я могу идти пешком, — предложила Гвен.

— Весь день? — Он пожал плечами. — Ну, если тебе не терпится пройти двадцать фарлонгов...

Горец не стал продолжать, развернул коня и пустил его шагом. Гвен последовала за ним, что-то бормоча.

«Ха! — ехидно подумала она. — Он явно решил, будто я не знаю, что такое фарлонг». Но она знала все единицы измерений. Фарлонгом называли расстояние примерно в двести метров, а значит, до деревни около четырех километров пути и вряд ли на прогулку уйдет целый день. Особенно если учитывать инерцию.

Друстан остановил коня и посмотрел ей в глаза. Его взгляд расшифровывался просто: последний шанс. Гвен заслонила ладонью от солнца и поморщилась в ответ. На нем были кожаные штаны, плотно обтягивающие мощные бедра, полотняная рубашка, перевязь с оружием и кожаные сапоги. Есть что-то невыразимо притягательное в мускулистых мужчинах, затянутых в кожу. Темные волосы Друстана свободно спадали на плечи, а взгляд был ей слишком хорошо знаком — взгляд хищника, подобравшегося перед прыжком на добычу. Гормоны Гвен отвечали на этот взгляд вполне определенным образом. Она запретила себе думать о том, что скрывалось под кожаными штанами. Хватит, она прекрасно все знает. Из личного опыта. Потому что касалась его. Потому что ее невероятно тянуло прикоснуться к нему снова...

Гвен вздохнула и убрала челку с лица. Друстан подъехал ближе, и девушка попятилась. Уголок его рта дернулся в издевательской улыбке.

— Значит, ты все-таки чего-то боишься, Гвен Кэссиди.

Она нахмурилась.

— Есть разница между страхом и недостатком знаний. Любой новый опыт вызывает у людей опасение. Я никогда раньше не имела дела с лошадьми, поэтому не умею правильно с ними обращаться. Заметь, пока не умею.

— Тогда вперед, о храбрая моя. — Горец протянул ей руку. — Совершенно ясно, что сама ты в седло не сядешь. Если ты не поедешь со мной, тебе придется идти пешком. И любоваться хвостом моего коня, — добавил он, чтобы позлить ее.

Гвен протянула руку. Друстан удивленно хмыкнул, но обхватил ее запястье и усадил девушку в седло перед собой.

— Спокойнее, — пробормотал он коню.

Или это было адресовано ей? Гвен не знала, кому из них неудобнее.

Друстан поправил ее легкий плащ и обнял за талию. Гвен закрыла глаза, чтобы не показать, как ее тянет к нему. Друстан касался ее. Везде. Его грудь была прижата к ее спине, руки обнимали и поддерживали ее. Их бедра были тесно прижаты. Для полного счастья не хватало одного: чтобы Друстан узнал, вспомнил ее и посмотрел тем взглядом, который она запомнила навсегда.

Может быть, память об этом скрыта в нем и Гвен просто не знает верных слов для того, чтобы эти воспоминания поднялись на поверхность? Такое знание должно быть заложено на клеточном уровне. Возможно, оно забыто, похоронено и кажется туманным сном, но неужели его нельзя разбудить?

Гвен молча наслаждалась контактом с горцем, и до нее не сразу дошло, что ни Друстан, ни

его лошадь не двигаются. Его теплое дыхание щекотало ей шею. Повернуться и поцеловать его казалось так просто, так правильно, что Гвен пришлось собрать всю свою волю в кулак, чтобы не сделать этого.

— Ну? Мы едем или нет? — спросила она.

Если они постоят так еще немного, она за себя не отвечает. Его шелковистые волосы упали ей на плечо, и Гвен впиалась ногтями в ладони, чтобы не погладить их. Да что она делает? Ни к чему хорошему такие фантазии не приведут. Этот Друстан на месяц младше ее Друстана и на целую жизнь беспечнее. Он ведь собрался отвезти ее в Баланох и проверить, не узнают ли ее там. Болван!

— Айе, — хрипло выдохнул он.

Его бедра напряглись, заставляя коня двигаться.

Гвен забыла, как дышать, когда громадный зверь тронулся с места. Ощущение пугало. И захватывало. Конь размеренно дышал и издавал мягкие звуки. Они летели галопом по изумрудно-зеленому лугу, и у Гвен кружилась голова от ощущения полета.

Новый опыт оказался невероятным. Гвен представила, как будет носиться верхом по этим широким лугам, по ковру из вереска. Ей всегда хотелось научиться ездить верхом, но благодаря родителям ее расписание было настолько плотным, что времени на прогулки и обучение верховой езде просто не оставалось. Учеба, исследования, доклады. Кэссиди были из тех, кто занимается умственным, а не физическим трудом.

«Вот еще одна черта, которая отличает меня от них», — подумала Гвен. Она собиралась действовать, а не рассуждать.

— Я хотела бы научиться ездить верхом, — сообщила она через плечо.

Ей придется провести немало времени в этом столетии, и совсем не помешает приобрести кое-какие навыки. Без средства передвижения очень неудобно. Даже дома Гвен чувствовала себя как в ловушке, если у нее вдруг ломалась машина. Девушка привыкла не зависеть от чьей-либо милости. А что, если Друстан никогда ей не поверит? Женится на своей глупой красотке и откажется вернуть Гвен в ее время? От этой мысли ее охватывала паника. Ей нужно многому научиться, и чем скорее, тем лучше.

— Возможно, наш конюший не откажется заняться твоим обучением, — сказал ей на ухо Друстан. — Но я слышал, что ученикам он раздает лопаты и заставляет чистить конюшни.

Губы горца прикоснулись к ее уху, и Гвен вздрогнула. Интересно, он сделал это намеренно или просто конь сбился с шага?

— Дуг точно не откажется меня научить, — огрызнулась Гвен.

— Не думаю, что Дуг научит тебя чему-то хорошему, — ответил Друстан многозначительно, и на этот раз его губы не касались ее уха. — И советую тебе держаться подальше от моего брата, если ты не хочешь, чтобы я запер тебя в комнате на все замки.

В какую игру он играет? Гвен не могла понять, что было в его тоне: искренняя ревность или просто похотливые мысли на ее счет?

— К тому же до тех пор, пока ты боишься лошадей, ты не сможешь понять их и научиться правильно себя вести. Коня нужно уважать, а не бояться. Лошади — чувствительные и умные создания с сильным характером.

— Похожи на меня, верно? — самоуверенно поинтересовалась Гвен.

Горец подавил смешок.

— Нэй. Лошади делают то, что им говорят. Сомневаюсь, что ты на это способна. А ты высокого мнения о себе, девочка.

— Так же как и ты.

— Ты демонстрируешь свой характер при каждом удобном случае, но больше ничем не

выдаешь себя. До тех пор пока ты лжешь мне, не надейся на уважение. Почему бы тебе просто не рассказать правду?

— Потому что я уже это сделала. А если ты мне не веришь, почему бы тебе просто не отправить меня назад сквозь тот же круг камней? — Гвен сама удивилась тому, что эта мысль только сейчас пришла ей в голову.

Если бы он хоть на день отправился с ней в будущее, она показала бы ему свой мир, машины, место, где она его нашла. Почему она еще вчера не предложила это?

— Нэй, — твердо ответил Друстан. — Камни нельзя использовать для личных целей. Это запрещено.

— Ха! Ты только что признал, что их все-таки можно использовать.

Он зарычал ей в ухо.

— К тому же, если их нельзя использовать, когда они тебе нужны, какое же у них предназначение? Тайная миссия? — фыркнула Гвен. — Сейчас ты мог бы использовать их не для личной выгоды, а для того, чтобы спасти свой клан. Думаю, это достаточно веская причина.

— Замолчи, девушка. Я не собираюсь продолжать этот разговор.

— Но...

— Хватит. Никаких больше «но». И перестань ерзать.

Остаток пути они проехали в молчании.

Баланох, который здесь привыкли называть просто «деревня», на самом деле оказался небольшим городком. Друстан был уверен, что более мирного и благополучного места в мире не существует. Жители Баланоха прекрасно знали, кому они обязаны своим благоденствием, и привыкли не рассказывать соседям о том, как им живется, чтобы не испортить столь ценного мира завистью и распрями.

Друиды МакКелтары пристально следили за жизнью городка и проводили древние ритуалы, чтобы сохранить клан и его земли от войн. На всю округу были наложены защитные заклинания, которые не пускали чересчур любопытных путешественников к замку, за склоны гор. Это был их городок, и они всегда оберегали и защищали его.

Айе, подумал Друстан, глядя на соломенные крыши, это доброе место. Много веков назад сюда пришли сотни людей, искавших защиты у МакКелтаров. Теперь сотни превратились в тысячи. Баланох располагался слишком далеко от других селений, чтобы в него попадали чужаки, и достаточно близко к морю, чтобы можно было вести успешную торговлю. Здесь было четыре церкви, две мельницы, свечные заводы, гончарни, кузницы, ткацкие, кожевенные, оружейные и множество прочих мастерских.

Для начала Друстан собирался посетить ювелира, чтобы проверить, как продвигается работа над тончайшими золотыми листьями, которыми он собирался украсить один из любимых томов Сильвана.

На окраине Баланоха Друстан взглянул на Гвен так бесстрастно, как только мог. Получилось плохо, потому что девушка устроилась как раз между его бедрами. Он с самого начала не хотел усаживать ее на свою лошадь, но другого выхода не было. Совершенно очевидно, что девушка никогда не ездила верхом.

Стараясь сдерживать страсть, горец внимательно рассматривал Гвен. Она же вертела головой из стороны в сторону, с жадным любопытством разглядывая Баланох.

Они проехали мимо дубильщиков и мясников, жилища которых располагались на самой окраине Баланоха, чтобы жителям не мешала вонь выделанных шкур и свежих потрохов. Дальше по улице были кузни, которые тоже строили на окраине. Оттуда доносились звон металла о металл и шипение мехов.

Лавки находились рядом с домами — навесы крепились непосредственно к крышам и

выходили на улицу. Вдоль самой оживленной улицы были расположены свечные лавки, мастерские швей, валяльщиков, сапожников и прочих, более «тихих» мастеров. Их навесы были оборудованы ставнями с множеством отверстий, так, чтобы можно было без труда рассмотреть предлагаемый товар, а вот унести его с собой — довольно сложно. В селении был свой совет, который строго придерживался кодекса, установленного МакКелтарами. Законы регулировали правила торговли, предписывали санитарные нормы.

Гвен была в восторге. Похоже, она ни разу не была в городе, подумал Друстан, глядя, как она пытается рассмотреть все вокруг одновременно. Как только они въехали в Баланох, девушка осыпала его градом вопросов. Кузнецы, окутанные веером искр, привели ее в полный восторг. Она как зачарованная смотрела на подмастерье, скручивающего щипцами проволоку из раскаленных полос металла.

Возле мясников ее затошнило, и она отказалась пробовать соленую оленину. Проезжая мимо кожевенной мастерской, Гвен увидела несколько дымящихся цистерн и попросила Друстана остановить коня. Она с восхищением наблюдала за тем, как мастер бреет шкуру огромным двуручным ножом.

Друстан нахмурился. Он никак не ожидал, что эта девушка окажется такой хорошей актрисой. Ее безумие проявлялось далеко не всегда. Пока девушка не начинала говорить о будущем и не обвиняла его в бессовестной лжи, она выглядела вполне нормальной.

Гвен откинулась назад и оперлась рукой о его бедро, и Друстан напрягся всем телом и замер, боясь вздохнуть. Он закрыл глаза и начал убеждать себя, что это просто рука, просто прикосновение, девушка просто потеряла равновесие и абсолютно незачем сходить с ума... Но кровь шумела в ушах, а по жилам струилась чистая похоть. Он был возбужден с того самого момента, как усадил ее в седло перед собой, а долгая поездка только ухудшила ситуацию. Когда Гвен была так близко, все мысли вылетали из головы, тело замирало, и Друстан мог думать только об одном. Как затащить ее в постель.

Ему невероятно хотелось схватиться за ткань ее платья и одним движением разорвать корсаж, обнажив нежную грудь. В присутствии Гвен горец чувствовал себя диким, как его предки-варвары, которые брали женщин с ходу и без размышлений, точно так же как брали города. Был момент, когда Друстан не мог отделаться от ощущения: у него есть право обладать этой женщиной.

И не похоже, чтобы она протестовала, мрачно подумал он.

— Это он сделал твои... штаны? — Гвен показала на кожевника.

— Айе, — прохрипел Друстан, отталкивая ее руку.

— Уж прости, что дотронулась до твоей великолепной персоны, — резко сказала она. — Я просто хотела проверить, насколько они мягкие.

Горец прикусил губу, чтобы не улыбнуться. «Великолепной персоны». Где она набралась таких слов? «Штаны-то, может быть, и мягкие, — подумал он. — А вот то, что в штанах, — определенно нет». И положи Гвен руку чуть повыше, она сама бы в этом убедилась.

— А можно мне такие же?

— Кожаные штаны? — удивился он.

Гвен развернулась, чтобы посмотреть ему в лицо, и Друстан вздрогнул, ощутив губами ее дыхание. Горец замер с бешено колотящимся сердцем. Он боялся пошевелиться, чтобы не сделать какой-то глупости. Например, не податься вперед и не поцеловать ее.

— Они кажутся мне удобными, Друстан. И я не привыкла носить платья.

Он смотрел, как шевелятся ее губы, но почти не слышал ответа. Такие губы — полные и влажные, чувственные губы, за которыми скрывались белые зубки и розовый язычок, — заставляли думать о поцелуях и больше ни о чем. Друстан потряс головой, прогоняя наваждение.

— Мне всегда хотелось такие штаны, но у меня дома... Ха! Мои родители убили бы меня, если б я хоть раз надела черные кожаные штаны.

— И правильно бы сделали, если бы их дочь надела такую вещь.

Если бы он увидел ее зад, обтянутый мягкой черной кожей, он забыл бы обо всем, в том числе и о предстоящей свадьбе.

— Ну пожалуйста! Всего одни штаны. Ну какой от них вред?

Он моргнул. Впервые с момента их встречи она повела себя как нормальная женщина: попросила купить ей наряд. Вот только наряд этот был не платьем, а типично мужской одеждой.

— Разве ты не любишь пробовать что-то новое?

«Еще как люблю, — подумал горец, глядя на ее губы. — И очень хочу».

Воображение тут же выдало картинку: Гвен, на которой нет ничего, кроме черных штанов, золотистые волосы рассыпаны по голой груди...

— Ни за что! — зарычал он, посылая коня вперед, мимо проклятого кожевника. — И отвернись, не смотри на меня!

— Ох, теперь мне нельзя даже посмотреть на тебя?

Гвен фыркнула, надулась и молчала всю дорогу до лавки ювелира. Она даже перестала обращать внимание на то, что происходит вокруг. Нэй, она выпятила нижнюю губу, и при взгляде на эту гримаску Друстану стало очень неудобно в седле.

Когда они наконец добрались до лавки ювелира, горец поспешно спрыгнул с седла, стараясь как можно быстрее увеличить дистанцию между собой и этой девушкой. В два шага он оказался у двери и только собрался постучать, как Гвен за его спиной откашлялась.

Он настороженно оглянулся.

— Ты не собираешься снять меня отсюда? — ласково поинтересовалась она.

Слишком уж ласково. Она явно что-то задумала. Гвен казалась Друстану чудесным видением. Розовато-лиловый плащ его матери удивительно шел ей, рассыпанные по плечам волосы буквально светились на солнце, глаза сияли.

— Прыгай, — сухо ответил горец.

Гвен нахмурилась.

— У тебя было мало подружек, как я погляжу. Иди сюда и помоги мне слезть. Эта скотина выше меня. Если я с нее спрыгну, я могу сломать себе ногу. И тебе придется целый день носить меня на руках.

Подружек? Судя по всему, она имела в виду любовниц. Друстан в который раз удивился странным словам, которыми пользовалась эта девушка, пожалел, что она не дает ему спокойно поразмыслить, и вспомнил, что сам взял ее с собой в Баланох. Он все еще хотел выяснить, не узнают ли ее местные жители. Она наверняка останавливалась здесь перед тем, как пойти в замок. И как только ее кто-то опознает, Гвен можно будет поручить кому-то из городка и избавиться от соблазна.

А пока что нужно снять ее с лошади, поскольку девушка действительно настолько миниатюрна, что, прыгнув, может покалечиться. И тогда Сильван устроит ему настоящий ад.

«Ты заставил ее спрыгнуть с лошади?» Без этого вопроса не обойдется. «Мне пришлось это сделать. Я боялся, что если прикоснусь к ней, то могу не сдержаться». Айе, отцу понравится такое объяснение. Он расскажет об этом Дугу, и все дружно посмеются над столь уважительной причиной. Друстан МакКелтар боится прикоснуться к девушке, которая ростом ему по пояс. Он молился лишь о том, чтобы будущая жена вызывала в нем хоть немного похожие чувства.

— Давай. — Он нерешительно поднял руки.

Гвен улыбнулась, оттолкнулась от седла и прыгнула в его объятия.

От неожиданности горец выдохнул и непроизвольно схватил ее за бедра, чтобы не дать ей

упасть. Волосы девушки хлестнули его по лицу. Они пахли вересковым мылом, которое Нелл сама варила на кухне. Гвен прижалась к горцу грудью, а ее ноги — он не будет об этом думать — обвили его талию. Неудивительно, что Дуг перед ней не устоял. Странно только, что брат не овладел ею сразу же.

Друстан хотел отпустить девушку, но мышцы отказывались повиноваться приказам разума. Руки помимо его воли прижали ее крепче.

— Друстан?

Нежный голос и свежее дыхание, теплое тело в объятиях...

«Все это ни к чему», — мрачно подумал он. Горец подхватил ее поудобнее, и их губы встретились в поцелуе, о котором он мечтал с того момента, как увидел Гвен. В жадном поцелуе. На краю сознания мелькнула мысль, что сейчас он сотрет с ее губ прикосновение Дуга: для этой девушки должен существовать он и только он.

В миг, когда их губы встретились, поток странной энергии окутал Друстана с головы до ног. Воздуха не хватало. Он никогда в жизни не испытывал таких чувств.

А девушка отвечала на его поцелуй. Маленькие руки запутались в его волосах, ногти слегка царапали кожу. Ноги бесстыдно обвивались вокруг его талии. Гвен прижималась к нему бедрами, целовала его жарко, дико, безоглядно, как не решалась еще ни одна женщина.

А он отвечал ей, как только может мужчина, изголодавшийся по женской ласке. Друстан подхватил ее под бедра, сдвигая мешающую юбку. Он целовал, целовал и целовал Гвен, покусывал и посасывал лживые губы, удивляясь тому, какими сладкими они кажутся. Разве у лжецов не острый раздвоенный язык? И на вкус язык лжеца не может напоминать корицу и мед.

Странное, невероятно четкое видение возникло на внутренней стороне его век. Эта же девушка, но в необычной одежде — в коротенькой сорочке и остатках штанов — целует его точно так же в крошечной комнате с огромным зеркалом. А сам он одет в непонятные синие брюки. Он никогда не носил таких узких брюк.

Видение не оставляло сомнений в том, что Друстан и там хотел эту девушку. Он сморгнул, сосредоточившись на Гвен, обнимая ее, плотно прижимаясь бедрами.

— Милорд? — раздался за его спиной неуверенный голос.

Горец чуть не зарычал от злости из-за того, что их прервали. Во имя Амергина, он глупец, раз выбрал улицу, а не замок. Девушка рвалась к нему в объятия. И он еще не был женат!

Сзади кто-то прочистил горло и тихо хохотнул.

Друстан закрыл глаза, вызывая к самообладанию тренированного друида, и попытался отстранить девушку, но маленькая ведьма именно в этот момент прикусила и засосала его нижнюю губу, отчего желание взметнулось лесным пожаром. Ее щеки покраснели, губы припухли от поцелуев.

Друстан был возбужден до боли. Испытывая отвращение к себе, он нацепил на лицо фальшивую улыбку, сдвинул сумку вперед и повернулся, чтобы поздороваться с человеком, спасшим его от огромной глупости, которую сложно было бы объяснить невесте.

— Томас. — Горец слегка поклонился пожилому ювелиру.

И подтащил Гвен поближе, внимательно всматриваясь в глаза Томаса, чтобы понять, не знает ли ее старый мастер. Ювелир немного покраснел и уставился в пространство между ними.

— Сильван будет счастлив, просто счастлив! — воскликнул он. — Ваш отец так долго ждал появления внуков, и вот наконец скоро ваша свадьба. Я увидел вас из окна и просто не мог не подойти поближе. Добро пожаловать, миледи!

Томас восторженно уставился на Гвен, а Друстан понял, что ювелир решил, будто она его невеста. Горец стиснул зубы и хотел было исправить ошибку, но потом передумал. Меньше всего ему нужны слухи, которые наверняка пойдут по деревне и рано или поздно дойдут до Ани.

Возможно, Томас просто забудет о том, что видел, или, встретив настоящую невесту, поймет, что лучше держать язык за зубами. Чем меньше сейчас будет сказано, тем лучше.

— Клянусь, что никогда раньше не видел Друстана МакКелтара гуляющим по городу с девушкой. И уж тем более не видел, чтобы он целовался с кем-то у всех на виду. Ох, да как же я не сообразил? Я просто не видел своего лэрда влюбленным. — Томас поклонился им. — Прошу вас, входите.

Гвен бросила на Друстана взгляд, от которого он вздрогнул, и шагнула вслед за Томасом в магазин. Горец не спеша привязал коня и помедлил у порога, глубоко вдыхая холодный воздух и стараясь успокоиться.

«Влюблен, черт побери, — мрачно подумал он. — Да меня просто заколдовали».

Гвен была на седьмом небе от счастья. Он поцеловал ее! Поцеловал так же, как не раз целовал в ее времени, и на мгновение в его глазах мелькнул ее Друстан. И этот ювелир подумал, что они влюблены.

Всегда есть надежда. В ее веке Друстан уверял, что никогда не поцеловал бы женщину, с которой не помолвлен и на которой не женат. Что ж, удовлетворенно подумала Гвен, это правило он только что нарушил. И если копнуть глубже, если напомнить ему, чем они занимались в двадцать первом веке, он может вспомнить и все остальное. Нужно только время. Она спасет Друстана, он разорвет помолвку и женится на ней, мечтала Гвен.

подавив желание и дальше предаваться мечтам, Гвен осмотрелась в хижине Томаса. Друстан все еще был снаружи, делал вид, что возится с лошадью, но девушка прекрасно знала, что это не единственная причина, по которой он не готов сюда войти. Он реагировал на ее тело точно так же, как в двадцать первом веке, и Гвен понимала, что Друстан не из тех мужчин, которые могут остановиться на полпути. Что ж, поделом. Пусть ему будет неуютно в чудесных кожаных штанах, раз он пожадничал купить такие же для нее.

Возможно, всему причиной ее приподнятое настроение, но крошечный коттедж шестнадцатого века показался Гвен прекрасным.

Внутри было уютно и тепло, пахло какими-то цветами. Скорее всего, этот аромат доносился от связок сушеных трав, висевших у окна. На столах и многочисленных полках стояли золотые и серебряные тарелки и кубки, окантованные золотом молитвенники и иконы. На длинном узком столе лежал ярко освещенный том — на безопасном расстоянии от него были расставлены восковые свечи. Да и вся хижина освещалась свечами, Гвен не заметила ни одного масляного светильника и поинтересовалась у Томаса, почему это так. Ювелир объяснил, что сгорающее масло коптит и для работы с книгами и украшениями он пользуется только свечами из чистейшего воска. И камин он топил исключительно дровами специальных пород, которые практически не коптели. Его работа была настолько кропотливой, что лэрд Сильван МакКелтар распорядился вставить в его окна дорогое тонкое стекло, чтобы Томас мог мастерить днем, при ясном солнечном свете.

— Это для Сильвана, — объяснил ювелир, указывая на переплетенный том и дрожа от нетерпения похвастаться своей работой.

— Чудесно! — воскликнула Гвен, взяв в руки книгу с золотым тиснением с той благоговейной осторожностью, которая свойственна только истинным «книжным червям».

Пожелтевшие от древности страницы были покрыты вязью непонятных символов. Края листов были окантованы тонкими золотыми пластинками с замысловатыми кельтскими узорами.

Гвен оглянулась на Томаса.

— А о чем эта книга?

Ювелир пожал плечами.

— По правде говоря, не имею ни малейшего понятия. Сильван часто пишет книги на непонятных языках.

Теплый воздух с запахом трав колыхнулся, когда в хижину ворвался Друстан и грохнул за собой дверь.

— Ты закончил работу? — выпалил он.

Хватит здесь прохлаждаться, ему нужно поскорее выяснить, не узнают ли Гвен в деревне. Томас покачал головой.

— Нэй. Мне нужно еще несколько дней. Но есть другая книга, которую хотел получить Сильван. И я могу сказать, что ждал бы и год, лишь бы заполучить ее копию.

Когда он протянул Друстану небольшой тонкий томик, Гвен мимовольно выхватила книгу из рук ювелира.

— О Господи! — восхищенно вздохнула она, глядя на название.

В ее руках была работа Клавдия Птолемея, в которой он излагал свой взгляд на строение Вселенной. По его мнению, Солнце и планеты вращались вокруг неподвижной Земли. Такая модель была оспорена только в 1543 году, когда Коперник опубликовал свой революционный трактат о гелиоцентрическом расположении небесных сфер. Глаза Гвен расширились, рот открылся. Она с трудом удержалась, чтобы не погладить восхищенно обложку чудесной книги.

— Я заберу. — Друстан выхватил книгу у нее из рук.

Девушка только моргнула. Она была не в состоянии даже возражать. В ее руках только что побывала работа Птолемея, дожившая до шестнадцатого века.

— Послезавтра я приеду за второй книгой, — сказал Друстан Томасу. И бросил в сторону Гвен: — Пойдем.

Помахав Томасу на прощание, девушка задумалась. Друстан МакКелтар изучает космологию? «Да что же это такое?! — раздраженно подумала она. — Стоило полжизни стараться оградить себя от физиков, чтобы вспомнившее о любви сердце прикипело к математике, изучающему движение планет».

Друстану придется научиться ей доверять. Им о многом следует поговорить, не только о ее истории.

Они вернулись в замок, и Гвен вздохнула. Весь день она была полна оптимизма, но их поездка не дала результата. Ситуация с Друстаном застыла на той же мертвой точке, что и вчера вечером: он вежливо выслушал Гвен, признал случившееся странным и ничего более. Три раза он произнес «расстройство ума». Гвен с грустью подумала о том, что теперь он считает ее сумасшедшей. И чем больше она будет говорить о будущем, тем тверже будет его уверенность в ее ненормальности.

Друстан без устали таскал ее от хижинки к хижине, не пропуская ни одного деревенского жителя, который мог бы ее узнать. К концу дня Гвен затошнило от средневековой экзотики. И Друстан ни разу больше к ней не прикоснулся, даже не смотрел в ее сторону.

Это была прекрасная прогулка по прошлому, новая информация и ощущения переполняли Гвен, звуков, запахов, красот было так много, что она только ахала. Но ей ни разу не удалось завести разговор о самом важном: о том, что Друстан скоро подвергнется нападению, а весь его клан будет уничтожен, если в течение месяца они ничего не предпримут. Каждый раз, стоило ей вспомнить об этом, Друстан подтягивал ее к очередной торговой палатке и знакомил с кем-то из Баланоха.

По дороге назад, в замок, горец был так напряжен и молчалив, что Гвен оставила попытки заговорить с ним, отодвинулась, насколько это было возможно, и вцепилась в черную гриву коня. Девушка любовалась закатом, окрасившим поля во все оттенки лилового. На вересковую полянку выскочила красная куница, пробежала немного и встала столбиком, провожая всадников любопытным взглядом. Огромная белая сова спланировала мимо них и затерялась в ближайшем леске. Слышался хор лягушек и цикад. Вечер был волшебным.

К замку Друстан и Гвен подъехали уже ночью.

— Вы что, вообще не запираете ворота? — нахмурившись, спросила Гвен.

Башня с навесной решеткой ворот выглядела так, словно решетку не опускали уже лет сто. Сами ворота из толстых бревен, обшитых листами стали, были широко распахнуты. Ни в башне, ни у ворот не было ни одного стражника.

Друстан рассмеялся типично мужским самодовольным смехом.

— В этих горах никто не осмелится напасть на МакКелтаров, потому что только у короля гарнизон лучше нашего. Много лет здесь царит мир.

— А стоило бы запирать ворота, — обеспокоенно сказала Гвен. — Кто угодно может пробраться внутрь.

— Кто угодно и пробрался, — многозначительно покосился на нее Друстан. — Единственный неприятель на многие мили окрест сейчас мешает мне сидеть на лошади.

— Но я тебе не угрожаю. — Гвен решила направить разговор в нужное русло. — Почему бы тебе просто не поразмыслить о том, что я тебе сказала? Ты сам убедился, что в Баланохе меня не знают. Ради Бога, если тварь выглядит, как скунс, и пахнет, как скунс, то она и есть скунс!

Друстан снял меч, поставил его у двери и повернулся к девушке с недоуменным выражением лица.

— Скунс?

— Млекопитающее из семейства куньих, очень вонючее... ладно, признаю, это была неудачная метафора. — Гвен пожалала плечами. — Я хотела сказать, что нужно мыслить логически. Если ты просто слушаешь и задашь нужные вопросы, ты сам убедишься, что моя история правдива.

Горец не ответил, и она опять подавила тяжелый вздох.

— Сдаюсь. Мне все равно, веришь ты мне или нет, но пообещай мне две вещи.

— Я уже дал клятву и не стану отменять свадьбу.

Гвен прикрыла глаза и вздохнула.

— Не отпускай Дуга к Эллиотам.

— Поздно. Он уехал сегодня утром, вскоре после нас.

Гвен вскрикнула и уставилась на него.

— Ты должен поехать за ним!

— Не волнуйся, я отправил с ним отряд стражи...

— А что, если этого окажется недостаточно? Я ведь не знаю, какой была та битва.

— С ним отправились две сотни лучших воинов Альбиона. Ни в одной стычке между кланами не наберется столько воинов с обеих сторон. Обычно клановые распри ограничиваются дракой пары-тройки обиженных братьев и подоспевших к ним родственников.

Гвен не сводила с горца глаз.

— Ты уверен, что они не встретят серьезного сопротивления?

Он знал свое столетие. Сама Гвен представляла средневековые битвы только по фильму «Храброе сердце». И считала их такими же масштабными, как в кино.

— Кемпбеллы и Монтгомери враждуют уже давно и ни разу не выставляли друг против друга многочисленных армий. А даже если бы и выставили, две сотни моих воинов на стороне Монтгомери обеспечат им победу. Мои люди прекрасные воины.

Гвен нервно прикусила губу. Возможно, этого будет достаточно, чтобы спасти Дуга. Ход вещей и так уже изменился, потому что, по словам Друстана из ее времени, в прошлый раз с Дугом отправился всего десяток человек.

— К тому же я предупредил капитана, что ни при каких обстоятельствах он не должен позволять Дугу лично вмешиваться в битву. Роберт привяжет его к лошади и вывезет с поля боя прежде, чем брат нарушит мой приказ. — Друстан вздохнул и добавил: — Перед отъездом я поговорил с Дугом о том, что ты рассказала. Он будет настороже.

Гвен с надеждой заглянула ему в глаза, но он разочаровал ее.

— Нэй, я сделал это не потому, что поверил тебе, а потому, что не стану рисковать жизнью брата, какой бы мизерной ни была вероятность угрозы. Посмотрим, случится ли на самом деле

битва, о которой ты говорила.

— Почему я об этом не подумала? А после битвы ты мневеришь? Если она случится?

Его лицо тут же стало угрюмым.

— Иди в свою комнату, девушка. Я скажу Нелл, чтобы она приготовила тебе ванну и ужин.

— Друстан, ну перестань. Ты ведь не считаешь, что я могу спровоцировать войну двух кланов только для того, чтобы доказать свою правоту? Это смешно.

Он оглядел ее с головы до ног.

— Глядя на тебя, я не знаю, чему верить в данный момент, и я чертовски устал на тебя смотреть.

— Это должно означать, что поцелуя на ночь я не дождусь, да? — хмыкнула Гвен, стараясь не показать, насколько ее это задело.

Горец застыл, глядя на ее губы. Потом встряхнулся и нахмурился.

— Я помолвлен, девушка.

— Когда ты поцелуешь меня так же, как сегодня, напомни мне, чтобы я повторила тебе эти слова, — язвительно протянула Гвен. — Нельзя целовать меня, а потом бежать и прятаться за юбку невесты. Как ты и сказал, ты еще не женат.

— Насколько я помню, тебе это утверждение не понравилось.

— Я передумала.

— И я поцеловал тебя только потому, что ты сама на меня прыгнула...

— Ничего подобного. Ты поцеловал меня потому, что сам этого хотел. — Голос Гвен стал ледяным. — Может, я не слишком хорошо разбираюсь в эмоциях, может, я новенькая в делах секса, но я точно знаю, что ты сам хотел поцеловать меня.

Она развернулась, взбежала по лестнице и направилась в свои покои.

Друстан почувствовал, что у него пересыхает во рту от одного ее вида. Он закрыл глаза и глубоко вздохнул. Она права: он хотел ее поцеловать. И хотел бы делать это снова и снова, пока она не растает в его объятиях и не начнет умолять овладеть ею. Новенькая в делах секса? Он с радостью научит ее всему.

Мало того, он не представлял себе, что когда-нибудь устанет смотреть на Гвен Кэссиди.

Ей нужно соблазнить его. Вот оно, решение проблемы. Вчера он ее поцеловал, и в его глазах мелькнул прежний, знакомый Друстан. Придется целовать его до тех пор, пока он не придет в сознание. Не исключено, что с каждым новым поцелуем у горца будет восстанавливаться небольшой фрагмент памяти.

Гвен очень нравилась эта идея.

«А его невеста?» — прошептала совесть.

«В любви и на войне все средства хороши!» — зарычало сердце. «Прости, Аня, — виновато добавила про себя Гвен. — Я не из тех, кто уводит чужих женихов, но я первая в него влюбилась и не сдамся без боя».

Гвен подошла к зеркалу, разгладила шелковое платье и придирчиво осмотрела себя. Платье цвета индиго выгодно оттеняло ее синие глаза. Косметичка затерялась Бог весть в каком измерении (и приземлится где-то в Плоском мире, к огромной радости его обитателей). Гвен поблагодарила природу за хорошую кожу и густые ресницы. Но она немало бы отдала за помаду, зубную щетку или трусики.

Не так уж плохо, решила она, разглядывая себя под разными углами. Взъерошила челку пальцами, распушила волосы. Она чувствовала себя... мягкой, гибкой и привлекательной. Гвен даже не представляла себе, что шелковое платье может так изменить внешность женщины. В нем она казалась себе настолько женственной, что привычные модные вещи и уж тем более лабораторный халат не шли ни в какое сравнение. Платье подчеркивало каждый изгиб ее тела, талия казалась тоньше, а грудь — пышнее.

Друстану определенно нравилась ее грудь, так что сегодня Гвен собиралась не раз ее продемонстрировать. Что бы он ни испытывал к своей невесте, это нисколько не уменьшало его притяжения к Гвен.

Она нагнулась и поправила груди, сначала одну, потом вторую, приподнимая и укладывая их в глубоком вырезе декольте. Взглянув в зеркало на результат, Гвен покраснела.

«Чем могу, тем и хвастаюсь», — вспомнила она его слова. Друстан вчера сам подсказал ей, что делать.

— Доброе утро, Сильван. А где Друстан? — весело спросила Гвен, усаживаясь за стол напротив старшего МакКелтара.

Сильван, уткнувшийся носом в книгу, даже не поднял взгляда. Торопливо проглотив ложку каши, он пробормотал:

— Скоро присоединится к тебе, милая.

Гвен терпеливо ждала. Она сама терпеть не могла, когда ее отрывают от чтения. В ожидании Друстана, который наверняка вот-вот будет тут, она взглянула на элегантную балюстраду, ограждавшую второй этаж Грейтхолла, а потом принялась рассматривать богатые gobelены.

Замок был прекрасен. Он ничем не отличался от ухоженных отреставрированных зданий, которые она посещала во время экскурсий. Даже мебель здесь — от обеденного стола и стоек для оружия до комодов и ящичков — была из полированной вишни, украшенной замысловатой резьбой. В комнате стояли стулья с изогнутыми ручками, высокими спинками и мягкими бархатными сиденьями с набивкой из овечьей шерсти. Пол был устлан коврами из шерсти и овечьих шкур. Длинные шторы с вышитыми цветочными узорами, украшенные тесьмой и лентами, обрамляли высокие чистые окна. Когда Гвен спускалась по лестнице, на ее пути то и дело попадались девушки, которые подметали коридоры, проветривали перины и вытряхивали

ковры. Замок МакКелтаров содержался в идеальной чистоте и был невероятно уютным и приветливым. Единственное отличие от двадцать первого века заключалось в том, что здесь не было электричества. А зимой отсутствие центрального отопления наверняка даст о себе знать.

Но при таком количестве каминов — в большинстве из них Гвен могла бы выпрямиться в полный рост — и с бравым горцем под одеялом все эти неудобства не так уж и важны...

Мечтательная улыбка сошла с ее лица, когда Нелл поставила перед ней тарелку с яйцами-пашот и сочными жареными ребрышками. За ними последовала тарелка с ягодами, персиками и орехами в озере сладкого соуса, а завершающим штрихом был поднос с теплыми овсяными лепешками и медом.

Желудок Гвен довольно заурчал при виде такого изобилия. Похоже, в средневековой Шотландии вкусности осядут на ее бедрах и талии неподъемным грузом. Ее обычный завтрак — жареные отруби или мюсли — никогда не пробуждал аппетита и, следовательно, не грозил фигуре.

— Положи книжку, Сильван, — грозно нахмурилась Нелл. — У нас за столом гостя.

Гвен прикусила губу, чтобы не улыбнуться. Все, что Друстан рассказывал ей об отце и экономке, оказалось правдой. У них были уникальные отношения: Нелл не бросала слов на ветер, никому не врала и не льстила. Когда их взгляды встретились, Гвен улыбнулась и с надеждой спросила:

— А кофе сегодня будет?

Сильван отложил книгу и с отсутствующим видом повернулся к Гвен. Серые брови взметнулись вверх, когда он увидел ее декольте, и он несколько раз растерянно моргнул, не сводя с нее взгляда.

— Конечно, будет, — ответила Нелл, обходя стол.

Оказавшись за спиной Гвен, она взмахнула полотенцем и повязала его девушке на шею на манер детского нагрудника.

— Отврати морду от ее груди, — вкрадчивым голосом сказала она Сильвану.

Гвен залилась краской, сунула руку под полотенце и попыталась придать груди менее вызывающий вид. И с ужасом посмотрела на стол, где лежало множество средневековых орудий воспитания — массивные тарелки и кубки из серебра, толстые ложки и широкий столовый нож.

— Она сама их распушила, — запротестовал Сильван. — Я не хотел на них глазеть, просто повернулся, а там... грудь. Я же не могу смотреть на небо и не видеть солнца.

Нелл изогнула бровь и снова обошла стол.

— Не думаю, что девочка рассчитывала на твое внимание, старый пень. Правда, Гвен?

Гвен опасливо посмотрела на нее и несколько раз кивнула.

Нелл нагнулась, чтобы наполнить опустевшую кружку Сильвана. Когда он зачарованно уставился на то, что открылось его взгляду, Гвен чуть не засмеялась, но заметила выражение его лица и прикусила губу.

«О Боже!» — подумала она, замерев. Сильван смотрел и на ее грудь, но это был взгляд человека, который заметил красивый цветок или породистую лошадь. А теперь, когда он смотрел на корсаж Нелл, в его глазах были откровенный голод, нежность и жадность.

Улыбка Гвен поблекла. Она поняла: мужчинам нравится грудь, и разница в накале этого «нравится» зависит не от формы и не от возраста. Разница зависит от того, кому эта грудь принадлежит и как мужчина относится к ее обладательнице.

Сильван МакКелтар был глубоко и искренне влюблен в свою экономку.

Гвен украдкой взглянула на Нелл, которая явно ничего не замечала, собирая пустые тарелки и чашки и унося их на кухню. Сильван почувствовал, что взгляд Гвен сместился в его сторону, потому что слегка вздрогнул, словно выходя из транса, и посмотрел на нее.

— Я не тарасился на ее грудь... — снова начал он, защищаясь.

— Это расскажете тому, кто не видел вашего лица. И если вы не будете отпускать шуточек по поводу того, что я что-то распушила, я не стану комментировать то, что вы чувствуете к Нелл.

— Что я чувствую... что я... — Он замолчал и кивнул. — Договорились.

Гвен продолжила завтрак, размышляя о том, почему самые простые вещи кажутся вкуснее в шестнадцатом веке. Из-за отсутствия консервантов? Из-за того, что мясо пахнет настоящим дымом, а не химическим заменителем? А масло и сливки свежие и натуральные? Она осторожно подцепила ножом яйцо-пашот и положила его себе на тарелку.

— А почему ты... э-э-э... — Сильван кивнул на ее «нагрудник».

Гвен вздохнула.

— Потому что я рассчитывала увидеть за завтраком Друстана и хотела, чтобы он заметил меня.

— Заметил или затащил в спальню?

— Меня устроили бы оба варианта, — мрачно ответила она, расправляясь со вторым яйцом.

Сильван удивленно хмыкнул.

— Ты всегда такая честная?

— Пытаюсь. Ложь ведет к беспорядку, который увеличивается в геометрической прогрессии. А ведь, даже говоря правду, не всегда удается достигнуть взаимопонимания.

Сильван замер, перестав жевать. Он осторожно вынул вилку изо рта и мягко переспросил:

— Что ты только что сказала?

— Ложь... — повторила Гвен, пытаясь справиться с незнакомой вилкой и наколоть на нее кусочек жареного мяса. Мясо упорно соскальзывало с зубцов. — ...ведет к беспорядку. Сложно просчитать все переменные, когда их количество постоянно увеличивается. Вы так не думаете?

Она чувствовала странное родство с этим ученым человеком, поэтому решила говорить начистоту.

— В геометрической прогрессии? — Сильван так нахмурился, что седые брови почти сошлись над переносицей.

— Ряд натуральных чисел, значение которых пропорционально возрастает. — Гвен подогнала аппетитный кусочек к ободку миски и прицелилась вилкой. — Это математическая функция, которой выражают большие числа. К примеру, число Авогадро, $6,022 \times 10^{23}$, обозначает количество атомов в моле любого вещества...

— Атомов?

— Наименьших частиц любого из простых химических веществ, которые являются хранителями свойств этого вещества. Атомы состоят из ядра, протонов и нейтронов и одного или нескольких электронов... — Эй, а ведь мне нельзя этого тут рассказывать!

Сильван фыркнул.

— Я знаю, о чем ты говоришь. Это мельчайшая частица материи, которая гипотетически считается неделимой...

Нет, нет, нет, нет, никакой физики за завтраком!

— Да какая разница? Посмотрите, сколько здесь вкусовостей.

Голос Сильвана дрогнул, когда он спросил:

— Ты играешь в шахматы, милая?

Гвен просветлела — неуловимый кусочек наконец-то попался — и улыбнулась:

— Конечно. А вы хотели бы сыграть?

— На террасе. Через два часа, если ты не против.

Девушка просияла. Отец Друстана хотел сыграть с ней в шахматы и был согласен потратить на нее несколько часов. Ее отец никогда так не делал. В их семье все и всегда были

сосредоточены на работе, и даже игру в пятнашки отец сводил к тому, что нужно просчитать все варианты заранее...

Гвен помотала головой, отгоняя воспоминание, и внимательно посмотрела на Сильвана. Возможно, если Друстан рассказал отцу ее историю, ей удастся с ним договориться. Сильван был более спокойным и рассудительным, к тому же он настроен ее выслушать. Добившись его поддержки, она наверняка справится со своей задачей. А добиваться поддержки, сидя на солнечной террасе и играя в шахматы... это просто чудесно.

Гвен заглянула на кухню и извиняющимся тоном обратилась к спине экономки:

— Нелл, я обычно не демонстрирую свою грудь так открыто...

У нее оставалось некоторое время до партии в шахматы с Сильваном, и Гвен хотела прояснить ситуацию с Нелл. Она подозревала, что экономка, которая знает в этом замке буквально все и про всех, меньше всего на свете желает причинить вред МакКелтарам и наверняка захочет ей помочь. К тому же Гвен просто не хотела, чтобы Нелл о ней плохо подумала. В следующий раз, решив оголить какую-нибудь часть тела, следует убедиться, что это увидит Друстан и только Друстан. Сейчас грудь Гвен была надежно скрыта платьем.

Нелл обернулась через плечо. Ее щека и бровь были испачканы в муке, в руках она держала огромный кусок теста.

— Я и не думала о тебе такого, девочка, — сказала она с ласковой улыбкой. — Несмотря на то что ты явилась сюда голой, как младенец. Я знаю, девушки порой думают, что у них не осталось выбора. Ты не из тех, кто меняет свое тело на защиту и еду. И у тебя наверняка есть выбор.

— Какой выбор? — спросила Гвен, входя на кухню.

— Ты умеешь печь пирожки, Гвен? — Нелл отложила тесто и отряхнула руки.

Девушка неуверенно прикусила губу.

— Вообще-то нет, но с удовольствием попробую.

Это Нелл и имела в виду, говоря о выборе? Ей предложат остаться здесь и работать на кухне? Гвен поморщилась, представив, что готовит еду для Друстана и его жены.

— У тебя неплохие руки, и, если ты не против, я займусь ягненком. А ты меси тесто, пока оно не начнет тянуться. Только сначала помой руки.

Гвен вымыла и вытерла руки, а потом осторожно опустила их в квашню. Дотронувшись до теста, она подумала, что это будет даже весело. Как игра с пластилином, которого ей не покупали в детстве: никаких глупых и бесполезных игрушек. В детстве даже ее воскресные комиксы (то, что приходило с газетами, выбрасывалось еще до того, как Гвен могла взять журнальчик в руки) состояли в основном из карикатур отца: черные дыры засасывали демократов, которые спонсировали защиту окружающей среды, урезая бюджет проектов министерства обороны.

— Правильно, умница, — подбодрила ее Нелл, глядя, как Гвен управляет с тестом. Сама Нелл возилась с огромным вертелом и куском мяса. — Может, хочешь поговорить с мной об этом?

— О чем? — неуверенно поинтересовалась Гвен.

— О том, что случилось в ночь, когда ты к нам пришла. Если не хочешь, я не буду настаивать, но если тебе нужно чуткое ухо и плечо, на котором можно поплакать, то это я.

Гвен запустила руки глубоко в тесто и немного помолчала, собираясь с мыслями.

— Как давно ты тут живешь, Нелл?

— Почти двенадцать лет. — Ответ прозвучал гордо.

— И ты никогда не замечала ничего... странного в Друстане? Или в других МакКелтарах? — спросила Гвен, размышляя, что именно знает Нелл.

Часть души Гвен хотела во всем признаться этой женщине, потому что в верности экономки клану она не сомневалась. И все же безопаснее было выведать как можно больше и лишь потом делиться информацией.

Нелл закончила возиться с вертелом и присела у очага. Вытирая руки полотенцем, она пристально посмотрела на Гвен.

— Ты имеешь в виду их волшебные силы? — прямо спросила она.

Волшебство. Ну конечно, необычная образованность Друстана и увлечение космологией женщине из шестнадцатого века кажутся волшебством. Господи, да ей самой так казалось. Пусть действие круга камней и могло быть основано на вполне реальных законах физики, но Гвен не могла ни понять, ни вычислить этих законов, и действия Друстана показались ей волшебством.

— Да, это я и имела в виду. Например, голос, которым Друстан иногда говорит...

— Ты его слышала? — Нелл явно удивилась и сделала мысленную пометку: поговорить с Сильваном о воспитании его сыновей. — Голос, который звучит, как сто голосов сразу?

— Да.

— Он же не использовал его на тебе? — Нелл нахмурилась.

— Нет. То есть один раз да, когда попросил оставить его на время. — И во второй раз, подумала она.

Во второй раз, после того как они занимались любовью, но об этом она предпочла не рассказывать.

— Удивительно. Обычно они очень осторожны с этим заклятием. В основном МакКелтары пользуются исцеляющими и защитными чарами.

У Гвен отвисла челюсть.

— Если бы ты слышала, как Друстан пользуется гласом, ты бы не удивлялась.

— У друидов много странных умений.

Друиды! Загадочные алхимики и астрономы, которые изучали геометрию по утерянным трудам предков! Они и вправду существуют?

— Я думала, что друидов давно не осталось.

Нелл покачала головой.

— Это друиды хотят, чтобы люди так думали, но нэй. МакКелтары происходят из древнего рода друидов, их предки служили самим Туата де Данаан.

— Фейям?! — воскликнула Гвен, вспоминая, как Друстан говорил ей, что фейри называются и так.

— Айе, фейри. Но фейри давно ушли в иные места, оставив друидов на страже нашего мира. Друиды говорят с землей и приветствуют смену сезонов своей магией. Они чтят старые правила. Лечат нашу землю после бурь, помогают тем, кто пострадал от гроз. Они защищают селения, а в легендах говорится, что если над нашей страной нависнет смертельная угроза, друиды воспользуются силами, о которых не говорят даже шепотом.

— О Боже, — пробормотала Гвен, когда кусочки мозаики начали становиться на свои места. Друид. Владеющий алхимией, забытой математикой и магией.

«Магии не существует», — возразил внутренний голос.

«Путешествий во времени тоже не существует», — язвительно огрызнулась Гвен. Кем бы он ни был, Друстан обладал знаниями, которые находились за гранью ее понимания. Друиды существовали, и тот, кто лишил ее девственности, был одним из них. Это нужно воспринять как данность.

— Скажи мне, девочка... Теперь, когда ты знаешь, что Друстан МакКелтар — друид, твое отношение к нему изменилось?

Гвен не задумываясь покачала головой. Нелл вытерла руки фартуком и уперла их в бока.

— Он трижды был помолвлен, и трижды женщины бросали его, не дойдя до алтаря. Ты знала это?

Гвен забыла закрыть рот.

— Так это его четвертая помолвка?

— Айе. Но не потому, что он нехороший человек. А потому, что девушки боятся его. И хотя ему кажется, что с Аней Эллиот все выйдет по-другому, я так не думаю. Эту девчонку с самого детства прятали от тягот мира. — Губы Нелл презрительно дернулись. — Но на этот раз Друстан настроен очень серьезно. Прежде он приглашал девушек в замок МакКелтаров и старался показать и рассказать им все, что их тут ждет. Но девушки пугались и бросали его. А учти еще богатый выкуп, который он может предложить за невесту, и ты поймешь, как сильно он стал сомневаться в своей привлекательности. Только представь!

— Это невозможно представить, — ответила Гвен, широко раскрыв глаза.

Внезапно некоторые вещи обрели смысл. Она удивлялась тому, что Друстан не рассказал ей правды о себе, когда они были в ее времени. Теперь она все поняла. Ее прекрасный могучий воин просто боялся, что она его бросит. Он не знал, что Гвен — одна из немногих, кто может принять его таким, какой он есть, потому что она тоже скрывала от него свою образованность. В последние годы это вошло у нее в привычку. В страховой компании не с кем поболтать о кварках и нейтронах.

Три разорванные помолвки объясняли также и то, почему Друстан был столь агрессивно настроен и ни за что не хотел отложить или отменить свадьбу. Друстан, которого она знала, был не из тех, кто спокойно принимает поражение. Он ясно дал понять, что хочет жениться и завести детей.

— На этот раз свадьба будет проведена по христианскому обряду, Аня приедет сюда всего за день до церемонии. Боюсь, что Друстану удастся скрыть свою сущность до тех пор, пока не будут произнесены свадебные клятвы. А после этого она не сможет его оставить. Но... — Нелл вздохнула. — Это не помешает ей возненавидеть его после свадьбы.

— А разве он не понимает, что нехорошо обманывать женщину? — Гвен ухватила за брошенную соломинку.

А вдруг она сможет убедить горца в том, что обман не лучшая тактика, и он отменит помолвку? Опять же, можно попытаться заставить его продемонстрировать Ане магию, и невеста смоемся туда же, куда и первые три. Грязная игра, но ведь во имя любви можно пожертвовать парой моральных установок?

— Думаю, Друстан старается внушить себе, что это не обман, а надежда на то, что в один прекрасный день Аня сможет принять его таким, какой он есть. Или он думает, что сможет скрывать это вечно.

Некоторое время Гвен сосредоточенно месила тесто.

— Как давно он ее знает? — спросила она наконец.

«Любит ли он ее?» — вот что вертелось на кончике ее языка.

— Они никогда не встречались, — сухо ответила Нелл. — О свадьбе договаривались Друстан и глава клана Эллиотов, который прислал гонцов с предложением.

— Он никогда ее не видел?! — воскликнула Гвен.

У сердца выросли крылья; ощущение вины от того, что она пытается расстроить чужую свадьбу, исчезло с легким хлопком. Друстан не говорит об Ане не потому, что любит ее всем сердцем, он не говорит о ней потому, что даже не знаком с ней! И то, что Гвен пытается разрушить, — это вообще не отношения.

Нелл слегка улыбнулась.

— Ох, ты и вправду его любишь. Это ясно как день.

Гвен, все еще в эйфории, выпалила:

— Кстати о чувствах, которые ясны как день. Что насчет вас с Сильваном?

Улыбка Нелл немедленно погасла, выражение лица стало замкнутым.

— Ничего со мной и этим старым барсуком быть не может.

— С тобой, может, и нет, — улыбнулась Гвен. — А вот с ним определенно что-то не так.

— И с чего это ты взяла? — фыркнула Нелл и начала носиться по кухне ураганом, сдвигая тарелки и проверяя котлы. — Дай мне спокойно закончить с этим хлебом, ты это тесто и до завтра не вымесишь.

Но Гвен было не так-то просто сбить с толку. Реакция Нелл говорила о многом.

— Он тарашился на твой лиф, когда ты наклонялась над его чашкой.

— Не может быть!

— Но это так. И поверь, моя грудь ему понравилась гораздо меньше. Нелл, ты точно небезразлична Сильвану.

Экономка остановилась и прикусила губу. Гвен вздрогнула, снова встретившись с ней взглядом: в глазах Нелл читалась боль.

— Не говори таких вещей, — тихо попросила она.

— За двенадцать лет вы с Сильваном ни разу...

— Нэй.

— Но он тебе нравится, верно?

Нелл медленно выдохнула.

— Я уже однажды любила лэрда. Это закончилось тем, что я потеряла детей и едва не лишилась жизни.

— Что случилось? Я не стану допытываться, но если... — Гвен неуверенно замолчала.

— Что случилось? Ты действительно хочешь знать, что случилось? — Нелл повысила голос.

Она несколько раз пнула квашню и принялась яростно месить тесто.

— Э-э... да, — осторожно ответила Гвен.

— Я была дурой, вот что случилось. Я любила лэрда, который был женат. Он не любил свою жену, она не любила его. Это был брак по расчету, раздел земель и все такое. Я долго противилась чувству, но когда умерла моя мать, ослабела от горя. Я не оправдываюсь, просто я действительно любила этого человека. — Она глубоко вздохнула и прикрыла глаза. — Думаю, что смерть мамы заставила меня понять, что все мы не вечны.

Это правда, подумала Гвен. Все мы не вечны. Она всегда думала, что они с родителями помирятся и найдут общий язык. И верила, что у них в запасе есть еще двадцать, тридцать, а то и сорок лет.

— Мы были осторожны, но его леди все равно узнала о наших отношениях. Она рвала и метала. Но она не смогла родить ему наследников, а у меня к тому времени было двое сыновей. — На лицо Нелл набежала тень. — А потом лэрд погиб на охоте. И в тот же вечер леди послала стражу, чтобы забрать моих детей и избавиться от меня. Они оставили меня умирать на окраине Баланоха.

— О Нелл! — Гвен почувствовала, что к глазам подступают слезы.

— Наш нерожденный третий ребенок остался в пыли на дороге. Меня нашел Сильван. Я никогда не забуду, как смотрела на солнце и ждала смерти, хотела умереть и вдруг увидела его. — Нелл горько улыбнулась. — Сильван был похож на ангела с карающим мечом. Он привез меня сюда, стоял у моей постели и требовал, чтобы я жила. Он говорил таким голосом, что я боялась умереть и огорчить его. — Она улыбнулась. — Он выхаживал меня несколько недель.

— А что случилось с твоими детьми? — отважилась Гвен.

Нелл покачала головой.

— У леди не было детей, и она объявила их своими. Раз уж она оказалась бесплодной, мои сыновья однажды станут лэрдами как единственные прямые наследники отца.

— Ты никогда больше их не видела?

— Нэй, но собирала слухи. Джеми обучается в Эдинбурге. Может, когда леди не станет, я смогу снова увидеть сыновей, но они меня не узнают. Одному из них был годик, а другому два, когда их у меня отняли. Они считают леди своей настоящей матерью.

— А Сильван не пытался вернуть их тебе?

— А что я могу им дать? — отмахнулась Нелл. Потом вздохнула и пробормотала: — Я никогда не рассказывала Сильвану о том, что случилось. А этот старый чудак ни разу не спросил. Ни разу за двенадцать лет! Только подумай!

— Возможно, он просто боялся растравить старую рану, — предположила Гвен. — Не хотел будить болезненные воспоминания. Или ждал, пока ты первая заговоришь об этом.

— А возможно, — Нелл сдула волосы с лица, — ты видишь в розовом цвете то, на чем розы растут. Хватит. Для некоторых вещей уже слишком поздно. И не сверкай на меня глазами. Я провела здесь много хороших дней. И если ты хочешь, чтобы мои дни и дальше были счастливыми, выбери себе парня и дай мне возможность снова посидеть у колыбели.

— Хм. А что, если я выбрала Друстана? — нервно спросила Гвен. — Ты станешь думать обо мне хуже, если я попытаюсь расстроить его свадьбу и выйти за него?

Нелл склонила голову набок и внимательно посмотрела на Гвен.

— Я думаю, что у меня найдется пара платьев, которые очень тебе подойдут. Он ведь обожает пурпурный цвет, ты заметила?

Гвен просияла.

— А теперь кыш отсюда! — шикнула на нее Нелл, махнув фартуком.

Гвен шагнула к двери, но затем вернулась, обняла Нелл за плечи и расцеловала в испачканные мукой щеки. И выскочила прочь, сама испугавшись внезапного порыва.

Нелл моргнула и улыбнулась, глядя на опустевший коридор. Айе, эта девушка нравится ей все больше и больше. Они с Сильваном несколько месяцев волновались из-за свадьбы Друстана с девушкой из рода Эллиотов. И никто особо не надеялся на то, что из этого выйдет толк. Оба чувствовали тихое отчаяние Друстана, который слепо тянулся хоть к чему-то надежному и нерушимому. Долг давил на него, он знал, что должен оставить наследников. Ане Эллиот было пятнадцать, Друстан МакКелтар наверняка напугает девчушку. Да, она может родить двух или трех детей, но Друстан заплатит за это своим счастьем. И ничего не подозревающая Аня тоже. Друстану нужна образованная девушка, с огоньком, с характером, с желанием учиться новому.

Вчера вечером Сильван попросил Нелл об одолжении (старательно отводя взгляд, словно совершил непростительный грех, заметив ее прическу), и экономка выполнила его просьбу. Теперь Гвен Кэссиди знала, что Друстан — друид.

Нелл не могла дождаться момента, когда можно будет рассказать Сильвану о реакции девушки — простой и искренней, как и предсказывал Сильван. Экономка не заметила у нее признаков безумия. Да, Гвен была странной, но если всех странных людей считать безумными, то первым сумасшедшим окажется Сильван.

При мысли о Сильване улыбка Нелл погасла. Женщина снова подумала о том, что говорила ей Гвен. Неужели она небезразлична Сильвану? Может ли такое быть? Они с Сильваном почти не разговаривали, обходясь парой замечаний о хозяйстве, погоде и его сыновьях. Однажды Нелл показалось, что он выказал к ней интерес, но Сильван тут же пошел на попятный, и женщина предпочла забыть об этом.

Она задумчиво нахмурилась и посмотрела на лиф своего платья. Да, тут еще есть на что посмотреть и есть что показать.

Он и вправду смотрел на ее грудь? В присутствии Сильвана Нелл всегда чувствовала себя немного не в своей тарелке и старалась не глядеть в его сторону. Он мог тарашиться куда угодно, она бы не заметила. Все равно придется подшивать платья для Гвен, подумала она. Можно будет заодно увеличить декольте у того нового платья, которое она шила для себя.

Сильван ждал на террасе за резным столиком, поставленным в круге солнечного света. Совсем рядом с террасой тихо шелестели листья могучих дубов.

Гвен села напротив и восхищенно огляделась по сторонам.

— Здесь так красиво. — Она не сдержала вдоха.

Ярко-желтая бабочка вспорхнула с шахматной доски, затрепетала крыльями и снова опустилась на доску.

— Айе. Эта гора — одна из самых красивых на Альбионе, — гордо ответил Сильван, расставляя фигуры.

Когда он закончил, Гвен развернула тяжелую доску, поменяв фигуры местами. Он удивленно покосился на нее.

— Я буду играть черными. Не люблю делать первый ход, — объяснила она, поглаживая пальцем гладкую фигурку.

Великолепный шахматный набор в стиле Средневековья. В ее времени он стоил бы уйму денег. Фигурки были выточены из эбонита и слоновой кости. Пешки — маленькие священники, слоны — длиннородые мудрецы с умными маленькими лицами. Конями были фигурки всадников на вставших на дыбы лошадях, а крошечные король и королева в длинных мантиях возвышались над остальными фигурками на несколько дюймов. Сама доска была сделана из черного дерева и слоновой кости. По периметру шел квадрат черного дерева, украшенный сложным кельтским узором, который повторялся до бесконечности. Почему в двадцать первом веке вообще решили, что жители Средневековья были дикарями? Гвен начала подозревать, что здешние обитатели — более тонкие и мудрые натуры, чем ее современники.

Сильван пожевал губами и нахмурился.

— И почему мне кажется, что я основательно влип?

— И почему мне кажется, что вы будете достойным противником?

— Как давно ты играешь?

— Всю жизнь. А вы?

— Всю жизнь. Что дает мне определенное преимущество, потому что я гораздо старше, — сухо сказал он и двинул пешку вперед.

Две партии спустя — одну выиграл Сильван, одну Гвен — они перешли к более сложным вариантам. Обычная игра в шахматы была для них слишком простой. Гвен предложила играть в «продвинутые» шахматы, когда пешка не превращается в ферзя, дойдя до края доски. Вместо этого с каждой новой клеткой ее значимость возрастает на один уровень. Дошедшая до пятой клетки пешка превращается в коня, затем в слона, ладью и, наконец, на восьмой клетке — в ферзя.

Когда Гвен объявила Сильвану шах и мат, разыграв комбинацию с двумя королевами, слоном и тремя конями, он заплодировал.

— А Друстан думает, что ты не в своем уме, — с улыбкой фыркнул он.

— Он так сказал? — Гвен сама не ожидала, что это так ее заденет. Она тут же добавила: — Не надо отвечать. Лучше скажите: кто может желать зла вашему клану, Сильван?

— Никто. Это мирная земля, и у МакКелтаров нет врагов.

— И ни один клан не хочет с вами соперничать?

— Ха! — Сильван скривился. — Никто просто не осмеливается.

— А как насчет... ну... короля? — предположила Гвен.

Сильван закатил глаза.

— Нэй. Джеймс меня любит. Я показывал ему магические фокусы, когда он был еще ребенком. В то время я как раз приезжал в Эдинбург. Да и совет не позволит королю начать войну в горах.

— А может, Друстан разозлил чьего-то мужа? — не без задней мысли поинтересовалась она.

— Друстан не путается с замужними дамами, девочка.

Она улыбнулась этому кусочку новой информации.

— И с девственницами, — многозначительно добавил он.

Гвен скривилась.

— А могу я вам рассказать, как все было?

— Нэй. — И, увидев ее удивление, он объяснил: — Слова ничего не стоят и никому не нужны. А вот поведение всегда выдает правду. Ты легко превзошла меня в прогрессивных шахматах. Из этого можно заключить, что ты не сумасшедшая, но можешь оказаться одной из друидов. Возможно, тебя послали следить за нами...

— Один друид считает меня сумасшедшей, — мрачно перебила Гвен, — а второй обзывает шпионкой.

— Или ты действительно из будущего, где девушки получают прекрасное образование. Если ты позволишь мне закончить, милая, ты поймешь, что я просто просчитываю возможные варианты. А их бесконечное множество. Время покажет. Но меня интересует твое сердце, а не слова.

— Вы понятия не имеете, насколько мне приятно это слышать.

Он приподнял седую бровь.

— Пока я не повстречалась с вашим сыном, Сильван, я была не уверена, что у меня вообще есть сердце. А теперь я знаю, что оно есть, а болван, разбудивший его, собирается жениться на девушке, которую ни разу в жизни не видел. Она не подходит ему.

— Болван, — повторил Сильван с улыбкой. Теперь и вторая седая бровь изогнулась. — И кто мне говорил, что не хочет, чтобы я заставлял Друстана жениться на тебе?

— Я не хочу, чтобы вы его заставляли. Я хочу, чтобы он сам этого захотел. Честное слово, мы прекрасно подходим друг другу. Просто он этого не помнит. Если моя история правдива, — добавила Гвен, — то я вполне могу быть беременна вашим внуком. Вы об этом не думали, о мудрейший?

Сильван расхохотался. И смеялся так долго и громко, что на террасу выглянула Нелл и тоже улыбнулась, увидев, что происходит. Когда Сильван наконец успокоился, он погладил Гвен по руке.

— Никто, кроме Друстана, так меня не называл. И никто, кроме него, не говорил со мной подобным тоном. Удивительная ты девушка, храбрая и умная. Айе, Гвен Кэссиди, я пару раз пну его в твоём направлении. Все равно я собирался это сделать.

Гвен убрала челку с лица и улыбнулась.

— Еще партию?

Они начали расставлять фигуры заново. Нелл принесла им две кружки с теплым элем.

— Присоединяйся к нам, Нелл, — предложил Сильван.

Экономка с сомнением посмотрела на него. Гвен хлопнула по стулу, который стоял рядом с ней.

Следующие несколько часов Гвен наблюдала за ними обоими и понимала, что смотрит на привычный ритуал. Если поворачивалась голова Сильвана, Нелл отводила взгляд. Когда поворачивалась ее голова, Сильван смотрел в сторону. Они как-то умудрялись смотреть друг на

друга именно в тот момент, когда один из них отворачивался. Ни разу за все время они не встретились глазами. Они словно чувствовали друг друга. Сильван смотрел на Нелл только тогда, когда ее взгляд блуждал по залитой солнцем дубовой роще. А Нелл словно чувствовала, когда Сильван сосредоточен на игре и точно не заметит ее взгляда.

Это просто удивительно, подумала Гвен. Они любят друг друга, но ни один из них не признается в этом даже себе. Может, в ее жизни и не будет любви, но помочь этим двоим стало для нее святой обязанностью.

Они закончили играть, когда солнце почти завершило свой неторопливый путь по небосклону и окрасило розовым и золотым линию горизонта. Нелл заставила себя подняться и ушла готовить ужин. На полпути она обернулась и сделала вид, что поправляет лиф, приподнимая грудь.

— Не забудь переодеться к ужину, — подмигнула Нелл. — Друстан никогда не пропускает ужин, а сегодня я приготовила его любимую еду — молочного поросенка и брюкву с картофелем.

«О да, — подумала Гвен, — я приоденусь к ужину».

Но в тот вечер Друстан решил не ужинать.

В общем и целом этому упрямцу удалось избегать ее общества почти неделю.

В его замке воцарился хаос — хаос в шелковых туфельках, в платьях с низким вырезом, в лентах на светлых волосах, размышлял Друстан, собирая волосы в хвост и перетягивая их кожаным ремешком. Против этого хаоса не помогла бы никакая крепость. Друстан не хотел объявлять Гвен открытую войну, собирать стражу и сметать пыль с катапульта.

Нет, он мог бы это сделать, но отец и Нелл подняли бы его на смех.

Друстан старался избегать Гвен с того самого дня, который они провели в Баланохе. Потому что, коснувшись ее еще раз, он точно не сможет сдержаться. Он знал это. Сжав кулаки, Друстан перевел дыхание и заставил себя успокоиться.

Ему оставалось лишь избегать встречи с ней до тех пор, пока не вернутся Дуг и Аня. Как только Дуг подтвердит, что никакой битвы не было, девчонку можно будет с чистой совестью убрать из замка куда подальше.

«А куда подальше? И будет ли это достаточно далеко?» — поинтересовался ненавистный голос. Друстан прекрасно знал этот голос — ту часть самого себя, которая убеждала его, что у лэрда есть все права на эту девушку и что он каждую ночь мог бы проводить с ней в постели. И больше всего Друстану не нравилась пугающая убедительность этого голоса.

Горец застонал и закрыл глаза. Он наслаждался тишиной и покоем ровно до того момента, когда легкий теплый ветер принес в открытое окно его спальни отголосок ее смеха. Друстан нахмурился и выглянул из окна, стараясь не думать о том, что ему действительно интересно: какого цвета ее сегодняшнее платье? Пурпурное, фиолетовое, синее, лавандовое? Казалось, что Гвен знает наперечет его любимые цвета. И все эти цвета невероятно шли ей, оттеняя золотистые волосы.

В то утро на ней было розовато-лиловое платье с золотой вышивкой. Никакой накидки или вуали от солнца. Низкий вырез открывал высокую шею и пышную грудь. Волосы Гвен уложила с помощью лент на затылке, пушистая челка разметалась, обрамляя лицо. Девушка разгуливала по лужайке с таким видом, словно этот замок и его окрестности полностью принадлежали ей.

Последнюю неделю она буквально преследовала его. Каким-то образом она всегда оказывалась там, куда Друстан собирался пойти, и ему приходилось отступать. В процессе бесконечных прятков и догонялок Друстан обнаружил, что в замке есть коридоры и комнаты, о существовании которых он давно позабыл.

Девчонке явно не свойственны стыдливость и учтивость. Стоило ей увидеть Друстана, и она начинала гоняться за ним, хищно скалясь, размахивая руками и тараторя о «вещах, которые должна с ним обсудить».

В последние дни ее тактика стала еще более коварной и изощренной. Прошлой ночью эта наглая ведьма попыталась подобрать ключи к дверям его комнаты! Друстан предусмотрительно забаррикадировал дверь тяжелой мебелью, но девчонка не сдалась и начала ковырять замок второй двери, ведущей в коридор. Горцу пришлось спасаться бегством через окно. На полпути он сорвался, пролетел около пяти метров и приземлился в колючие кусты. То, что перед побегом у него не было времени надеть штаны, а колючки оказались длинными и острыми, ничуть не улучшило его настроения. Похоже, эта ведьма решила перед свадьбой лишить его возможности завести детей.

Каждый жест, каждая мысль, каждое решение Друстана так или иначе касались Гвен, и он буквально сходил с ума от этого.

Он решил обедать со стражниками, как можно дальше от общего зала и кухни, где можно было столкнуться с ней. Но даже еда теперь носила на себе ее отпечаток. Нелл начала

экспериментировать с новыми рецептами, которыми охотно делилась Гвен. Ну какого дьявола, чем плохи были старые привычные блюда?

А еще девчонка начала учиться верховой езде, каким-то образом уговорив старшего конюха преподать ей пару уроков (наверняка хватило одной улыбки, демонстрирующей чудесную ямочку на щеке, потому что Друстан ни разу не видел, чтобы Гвен чистила конюшни). После обеда лэрд наблюдал, как она учится держаться в седле, наматывая круги по внутреннему двору замка и на лугу. Конюх подобрал для девушки смирную ласковую кобылку, и с каждым днем посадка Гвен становилась все увереннее. Пройдет немного времени, и он, Друстан МакКелтар, не сможет удрать от этой ведьмы и на лошади — она последует за ним.

А ведь до ее появления его жизнь была размеренной и спокойной. Теперь порядок дня был подчинен ее расписанию: Друстан изо всех сил старался не пересечься с Гвен. До ее появления, буквально в тот же вечер, он мечтал о том, что уже через год будет держать на руках своего первенца, если Господь будет милостив и Аня понесет так быстро. Друстан добился определенного успеха на пути к исполнению своего долга.

Но теперь он мечтал только о ней. Этим утром, тихонько пробравшись к себе, чтобы переодеться, он услышал плеск воды в ее ванной. Горец шагал от окна к камину и обратно и думал о том, что Гвен подозрительно долго плещется, наверное, специально для того, чтобы он заглянул и уже не смог отвести взгляда от ее груди, от золотистых волос, от шелковистой кожи, по которой сбегают струйки воды.

Друстан скривился, опираясь на подоконник. Она сводила его с ума. Как этой ведьме удалось завладеть его чувствами?

Прошлой ночью после падения из окна он попытался немного поспать в холле. И буквально через несколько минут туда спустилась Гвен. Горец сидел, раздвинув ноги, и сонно смотрел на огонь в камине, в котором ему то и дело мерещились золотистые локоны. Ее запах он тоже сначала принял за галлюцинацию, но когда Друстан все же оглянулся, Гвен стояла у подножия лестницы.

Одетая только в прозрачную ночную сорочку. «Друстан, ты не можешь без конца от меня прятаться», — сказала девушка. Он молча вскочил на ноги и вылетел из замка. Ночевать пришлось на конюшне. Он, лэрд этого замка, ночует на конюшне! Во имя Амергина, что за глупости?! Но если бы он не сбежал, то от ее прозрачной сорочки остались бы только клочья, а про сон можно было бы забыть.

А предатели — отец и Нелл — и пальцем не шевельнули, чтобы облегчить ему жизнь. Они сразу же приняли Гвен в свою жизнь и относились к ней, как родители к долгожданной дочери. Нелл вилась вокруг девушки, одевала ее в лучшие платья, Сильван играл с ней в шахматы на террасе, и Друстан не сомневался, что, как только вернется Дуг, он не откажется от попытки соблазнить эту красивую ведьмочку. И Друстан не сможет возразить.

Он женится. И если его брат захочет приударить за Гвен, помешать этому не удастся.

Друстан ударил кулаком по каменному подоконнику. Неделя. Ему нужно продержаться всего неделю. А как только вернется Дуг и скажет, что битвы не было, он отправит девчонку в Эдинбург, айте, а то и в Англию. Отправит с отрядом стражи, а брата запрет дома под каким-нибудь благовидным предлогом.

Нервная энергия забурлила в крови. Друстан вышел из комнаты и решил снова проехаться по окрестностям. Долгие прогулки помогали ему коротать бесконечные дни, отделявшие его от спасения. Друстан зачеркивал даты в воображаемом календаре: еще немного, и он будет свободен.

Только дошагав до середины лестницы, он понял, что делает, и развернулся. Лэрд МакКелтар не будет пробираться по черному ходу! Довольно. Если у Гвен хватит глупости

пристать к нему в таком состоянии, она за это поплатится.

Друстан завернул за угол и врезался в Невина, который спешил ему навстречу.

— Милорд! — задохнулся сублильный священник, отлетая назад.

— Прости. — Друстан подхватил его под локти и помог удержаться на ногах.

Невин поправил рясу, ошеломленно моргая.

— Нэй, это была моя вина. Боюсь, что я задумался и просто не услышал вашего приближения. Но я рад нашей встрече. Я как раз собирался вас искать и, если вы уделите мне пару минут, хотел бы кое-что с вами обсудить.

Друстан нетерпеливо притопнул ногой, а потом разозлился на себя за эту нетерпеливость. Это все ее вина. Раньше он часами вел с Невиним неторопливые беседы и никогда не стремился прервать разговор. Ему нравился молодой священник. Друстан вздохнул, попытался успокоиться и улыбнуться.

— Что-то по поводу часовни? — спросил он, изображая интерес.

— Нэй. С часовней все в порядке, милорд. Нам пришлось заменить камни алтаря и настилы. Все будет готово к сроку. — Невин помолчал. — Я хотел поговорить совсем о другом.

— Так говори, я готов тебя выслушать, — подбодрил его Друстан.

Невину явно нелегко было начать разговор о том, что его тревожило. Неужели он увидел ведьмочку, которая гналась за лэрдом? Или беспокоится о предстоящей церемонии? «Господи, я тоже беспокоюсь», — мрачно подумал Друстан.

— Это снова моя мать... — Невин осекся и вздохнул.

Друстан облегченно перевел дыхание и расслабился. Значит, речь всего лишь о Бессете.

— Она в последнее время без умолку твердит о том, что я в опасности.

— Снова ее гадания и предсказания? — сухо спросил Друстан.

В этом замке скоро будет тесно от странных женщин, предрекающих грядущие беды.

— Айе, — мрачно ответил Невин.

— Ну что ж, она просто беспокоится о тебе. В прошлый раз Бессета заявила Сильвану, что мы с братом окутаны тьмой или что-то в этом роде. Чего она боится теперь?

— А вот это и есть самое странное. Она считает, что ваша невеста как-то может мне повредить.

— Аня? — Друстан расхохотался. — Да ей же всего пятнадцать. И я слышал, что она очень послушная девочка.

Невин покачал головой и печально улыбнулся.

— Милорд, в этих предсказаниях не нужно искать смысл. Моя мать не в себе. Порой она ведет себя как сумасшедшая, но так бывает только в плохие дни. Думаю, что она просто не сможет дойти до замка, однако, если ей все-таки это удастся, я хотел бы попросить вас обойтись с ней помягче. Она больна, очень больна.

— Я предупрежу отца и Дуга. Не беспокойся, если она здесь появится, мы просто отвезем ее обратно домой. — Друстан сделал мысленную пометку: со старушкой нужно быть повежливее.

Он просто не знал, что Бессета настолько больна.

— Благодарю, милорд.

Друстан кивнул и зашагал дальше, потом остановился и обернулся. Ему нравился философский склад ума молодого священника, и его интересовало, как тот совмещает истинную веру и гадания своей матери. Вполне возможно, что эта информация прольет свет на его отношение к МакКелтарам. Невин уже давно жил здесь, и наверняка ни один из странных слухов об их клане не прошел мимо его ушей. Обычно церковники были нетерпимы к любым проявлениям язычества, но Невин излучал какое-то внутреннее, глубинное понимание веры и

мира. Друстан так и не изучил его до конца.

— Хоть одно из ее предсказаний сбылось?

Невин спокойно улыбнулся.

— Если ее гадательные палочки и говорят правду, то лишь потому, что Господь решил поговорить с ней на их языке.

— Ты не думаешь, что между язычниками и христианами пролегает непреодолимая пропасть?

Невин поразмыслил над ответом.

— Я знаю, что многие так считают, но нет. Меня беспокоит не то, что моя мать гадает на палочках и рунах. Меня огорчает то, что она слепо верит увиденному. А ведь на все Его воля.

— Так ее предсказания сбывались? — Друстан не дал себя отвлечь.

Невин всегда отвечал уклончиво, его сложно было вызвать на откровенность. Но Друстан чувствовал, что дело не в хитрости, просто священник привык сомневаться.

— Если кто-то причинит мне вред, на то будет воля Отца Небесного. Я не смею Ему перечить.

— Другими словами, ты мне не скажешь.

Глаза Невина удивленно блеснули.

— Милорд, Господь не желает зла творениям Своим. Он лишь предоставляет нам право выбора. И только так нужно воспринимать все испытания. Моя мать очень суеверная женщина, поэтому во всем видит угрозу. Но, милорд, вам следует смотреть на вещи непредвзято, и лишь тогда вы не упустите шанса, который предлагает вам Господь. Верьте своему сердцу, принимайте дары Божий с любовью и благодарностью, и Его благоволение пребудет с вами вечно.

— О каких дарах ты говоришь?

И снова спокойная улыбка и странная настороженность в голубых глазах. Друстан усмехнулся и зашагал в сторону Грейтхолла.

Едва Гвен успела войти и опуститься на стул, как дверь распахнулась и на пороге возник Друстан. Девушка чуть не упала от неожиданности: он шел прямо к ней, а не тайком пробирался к черному ходу. Первым ее побуждением было вскочить, вцепиться в его ногу подобно ребенку, соскучившемуся по родителям, и висеть на нем, не позволяя снова ускользнуть. Но Гвен передумала, потому что он запросто мог стряхнуть ее и пнуть. В его глазах застыло желание сделать именно это. Да и с возможностью отшвырнуть ее, как котенка, у Друстана проблем не возникнет.

Гвен решила зайти с другой стороны.

— Твое появление означает, что ты наконец решился меня выслушать, упрямый неандерталец?

Он прошел мимо нее, даже не повернув головы.

— Друстан!

— Что? — рявкнул горец, оборачиваясь. — Ты можешь оставить меня в покое? Я так хорошо жил до твоего появления! Красуешься передо мной, — Друстан махнул рукой, указывая на пышный лиф ее платья, — преследуешь, пытаешься заставить отменить свадьбу...

— Заставить тебя? Преследую? А ты не мог бы снова показаться без штанов? Или чаще не надевать рубашку? Ох, какая же я дура, ты ведь любишь разгуливать голышом.

Друстан моргнул, и Гвен снова заметила проблеск своего, знакомого Друстана в его улыбке, но горец прикусил губу и вздернул подбородок. И поправил сумку на поясе, немного задирая плед. А потом перебросил гриву волос через плечо и выжидающе уставился на нее.

Ее гормоны заиграли свадебный марш. Гвен наклонилась вперед, скрестив руки на груди. И почувствовала, как кромка лифа щекочет сосок. В эту игру можно играть и вдвоем, Друстан.

Взгляд серебристых глаз тут же изменился. Ледяное любопытство сменилось пылающей жаждой. Долгий, невероятно долгий миг Гвен казалось, что горец вот-вот бросится к ней, подхватит на руки и унесет наверх, в спальню.

Девушка задержала дыхание, боясь его спугнуть. Если он сделает это, ей удастся заставить его выслушать — после того, конечно, как они займутся любовью девять миллионов раз и ее гормоны заткнутся и позволят думать.

Она уставилась на Друстана исподлобья, в ее глазах застыл вызов. Тот самый подойди-ко-мне-если-осмелишься. Гвен сама не знала, что способна на такие чувства. Впрочем, до встречи с Друстаном МакКелтаром она вообще не знала, что способна на чувства.

— Ты не знаешь, на что напрашиваешься! — прорычал он.

— О нет, как раз знаю! — воскликнула она. — Трус. Ты боишься меня только потому, что я могу спутать твои планы. Пошатнуть убеждения.

Блеск в его глазах стал лесным пожаром. Друстан посмотрел на лиф ее платья, и Гвен чуть не вскрикнула от выражения его лица: на нем были написаны ярость и желание, его буквально трясло от... страсти?

— Ты этого хочешь? Просто хочешь, чтобы я тебя трахнул? — хрипло поинтересовался он.

— Если это единственный способ заставить тебя выслушать меня.

— Ты собралась говорить в процессе, моя дорогая? Тебе это не удастся, потому что рот будет занят совсем другими вещами, да и я определенно буду не в настроении слушать. Так что прекрати, если не хочешь мять спиной вереск с человеком, который жалеет, что вообще увидел тебя.

Горец развернулся и вышел.

Когда дверь за ним захлопнулась, Гвен прерывисто вздохнула. Она знала, что почти достучалась до него, почти спровоцировала на новый поцелуй, но сила воли этого человека просто потрясла ее. Гвен чувствовала, что его тянет к ней, напряжение так и звенело в воздухе. Она утешала себя тем, что он избегает ее лишь по одной причине: боится не справиться с собой в ее присутствии.

Но как бы то ни было, слишком много дней прошло без видимого результата, приезд его невесты неумолимо приближался, и так же неумолимо приближалось похищение самого Друстана. Гвен дважды чуть не загнала его в угол, и оба раза он ускользал, а потом уносился прочь верхом на лошади. Гвен пока не могла сравниться с ним в искусстве верховой езды, так что приходилось скрипеть зубами и ждать.

Она чувствовала себя полной дурой, пытаясь успеть всюду, не упустить ни единой возможности увидеть его. Она даже взломала замок его комнаты, но он выскочил в окно и полез по чертовой замковой стене, только чтобы не встретиться с ней.

Когда Друстан сорвался со стены и рухнул в кусты, Гвен могла только смотреть на него широко раскрытыми глазами. Она даже не рассмеялась — у нее перехватило дыхание при виде его обнаженного тела. Она поймала себя на желании выпрыгнуть из окна туда, к нему. Видеть Друстана каждый день было почти больно.

Любая мысль о нем отзывалась ноющим чувством внизу живота. Особенно когда Гвен видела его в килте — она по опыту знала, что под клетчатой тканью ничего не было. От таких мыслей пересыхало во рту, наверное, потому что вся влага тела устремлялась в другое место.

Ее глупое поведение не осталось незамеченным, некоторые стражники и служанки даже заключали пари, наблюдая за Гвен с восхищенным удивлением.

У любви нет гордости... Ну, а у Гвен Кэссиди гордость была, и девушке очень не нравилось выставлять себя на посмешище. Она подозревала, что к тому времени, как Друстан — проклятый упрямец — наконец-то сдастся ей, она сама будет в ярости.

Неужели он не знает, как опасно злить женщину?

У Гвен был план. Безупречный, как ей казалось. У нее было достаточно времени, чтобы учесть все предыдущие ошибки. Список был длинный и включал практически каждый шаг с момента ее появления в шестнадцатом веке. Она все еще удивлялась тому, как эмоции могут влиять на поведение человека. Никогда в жизни она не делала столько глупостей за такой короткий период времени.

Но сейчас все было под контролем, и вскоре под контролем будет и Друстан. Гвен снова попытается рассказать ему свою историю, и на этот раз ему придется выслушать все до мелочей. Она начнет рассказ с момента его пробуждения в пещере и закончит моментом, когда он исчез. Перечислит все, что он надевал, говорил, ел. Перечислит все, что она надевала, говорила, ела. Где-то в ворохе этих фактов наверняка скрыт катализатор, который заставит его вспомнить. Всю ночь Гвен восстанавливала в памяти подробности и детали, пытаясь учесть даже термодинамику, психологию и космологию. Она была уверена, что память прячется в глубинах его ДНК, и, хотя время течет вперед, а не назад и вспомнить будущее практически невозможно, в случае с друидом все может быть.

Ей придется потрудиться, чтобы доказать, что теория времени неверна. В конце концов, квантование времени вполне предсказуемо. Даже физик Ричард Фейнман, удостоенный Нобелевской премии за работу по квантовой электродинамике, утверждал, что на самом деле квантовую теорию никто не понимает до конца. В зависимости от условий менялись даже математические теории.

Гвен пришла к выводу, что двух разных Друстанов никогда не существовало. Были лишь два физических проявления одного и того же набора клеток. Точно так, как солнечный луч преломляется, проходя через призму, ее Друстан был «лучом», который прошел через другое измерение. Луч, проходя через призму, расходится в разных направлениях и все равно остается лучом. А если представить на месте луча человека, то клетки его организма при проходе через время вполне могли распределиться подобным образом. И вполне вероятно, что память о другом измерении была настолько чужда его сознанию, что мозг постарался избавиться от воспоминаний. Возможно, происшедшее казалось теперь Друстану мечтами или снами, если они вообще его посещали, поскольку он был слишком занят приготовлениями к предстоящей свадьбе. Друстану придется выслушать каждое слово, даже если она будет вынуждена повторять одно и то же до хрипоты.

И Гвен знала, что у него нет другого выхода. Девушка хмыкнула, подхватывая копье. Пусть она маленькая, но она не беззащитная. Хватит ходить вокруг да около и чувствовать себя брошенной и беспомощной. Пришло время драться.

— Зайди туда и попробуй, — велела она стражнику.

Тот с сомнением посмотрел на нее.

— Ну давай, просто проверь, — подтолкнула его Гвен. — Я не сделаю тебе ничего плохого.

Стражник посмотрел на Сильвана, который улыбался, прислонившись к стене и скрестив руки на груди. Тот кивнул, и стражник со вздохом сделал то, что ему приказали.

— Можешь выбраться? — спросила Гвен через пару минут.

Раздался звук приглушенных пинков и глухих ударов, а потом стражник произнес:

— Нет, миледи, не могу.

— Старайся получше, — посоветовала Гвен.

Еще удары. Тихое ругательство. «Отлично, — подумала Гвен. — Идеально». Они с Сильваном обменялись довольными улыбками.

Друстан крался по лестнице, бесшумно ступая босыми ногами по отполированным камням. Четыре часа утра, Гвен еще наверняка спит, но мимо ее покоев нужно идти на цыпочках. Он слышал, как она вошла к себе прошлым вечером, попробовала открыть дверь в его комнату и вздохнула: дверь по-прежнему была забаррикадирована. Потом кровать Гвен несколько раз скрипнула, и наступила тишина.

Друстан вытянулся на постели, скрестил руки за головой и постарался не думать о том, что в нескольких метрах от него, за стеной, спит обнаженная Гвен. Но проблема в том, что, стараясь о чем-то не думать, ты все равно думаешь именно об этом, чтобы напомнить себе, о чем именно думать нельзя.

А Друстан знал, что Гвен спит обнаженной. Она была чувственной маленькой ведьмой, которой нравилось ощущать прикосновение шелка к коже, касаться бархатных подушек, разметавшись на постели и отбросив покрывало. Ее грудь мерно вздымается во сне, соски затвердели от нечаянного сквозняка, а бедра раздвинуты и чуть приподняты, чтобы...

Друстан яростно затряс головой. Господи, он сойдет с ума. Возможно, это от того, что за ним постоянно следили. Гвен думала, что он не замечает ее перемещений по замку, но он знал все. Она была живой волной жара, которая проносилась по комнатам, словно комета из страсти и соблазна.

И прятаться от нее ему было неловко. Он мужчина, хозяин этого замка, во имя Амергина! Почему он должен убегать от девчонки? Но ее присутствие убивало способность логически мыслить.

Друстан завернул за угол, ударился и выругался на пяти языках. Как оказалось, он споткнулся о копьё. Нужно будет завтра велеть слугам передвинуть стойку с оружием. И почему это копьё лежит поперек прохода? Покачав головой, Друстан пробормотал еще одно проклятие, прошел по коридору и направился в туалет.

«Ага! — возликовала про себя Гвен. — Наконец-то!» Она прыгнула с каменной арки в коридор. Люди редко смотрят вверх, а темнота помогала ей прятаться. Девушка мягко приземлилась на пятки, пробежала по коридору и схватила несколько железных копий, которые были прислонены к стене у лестницы.

Тихонько пробравшись к двери туалета, Гвен очень осторожно подперла ее копьём. Остальные подпорки тоже заняли подходящие места.

Две, три, пять — если хватило всего двух, чтобы не выпустить стражника, то пять наверняка удержат Друстана внутри. Он был крупным мужчиной, и Гвен решила, что лучше перестраховаться, иначе она рисковала быть разнесенной в клочья вместе с дверью.

Гвен щекотали веселые пузырьки смеха. Идея запереть лэрда в туалете была презабавной. И опять же, Гвен не спала три ночи, выжидая и выслеживая его, так что проснувшийся черный юмор оказался очень кстати.

Она отошла от двери и вернулась в Грейтхолл. Пусть проведет несколько минут в тишине и спокойствии, пока не обнаружит, что заперт, и не выпустит первый пар. Вскоре ей пришлось узнать, что она недооценила количество «первого пара».

Друстан пригладил волосы и толкнул дверь. И почти не удивился тому, что дверь не открылась. Какая-то часть его даже радовалась этому обстоятельству. Гвен хочет битвы? Она ее получит. Он с удовольствием разберется с этой девчонкой. Она за все заплатит своим телом, и никаких больше «я к тебе не прикоснусь, я помолвлен». Нэй, он к ней прикоснется. И сделает все, чего так долго хочет. И столько раз, сколько понадобится, чтобы она начала умолять о пощаде.

Девчонка пыталась свести его с ума? Что ж, пусть считает его сумасшедшим. Он будет вести себя как животное, в которое она так старалась его превратить. И черт с ней, с Аней, с

долгом и честью, с самообладанием и правилами. Он трахнет эту ведьму. Здесь. И сейчас.

Друстан налетел на закрытую дверь. Она даже не дрогнула. Он с рычанием ударил снова. И снова, и снова. Дверь не поддавалась. Горец в ярости колотил кулаками в дверь, но не добился ничего, кроме грохота.

Друстан подался назад, ощупывая преграду и убеждая себя, что не чувствует невольного уважения к изобретательности девчонки. Маленькая ведьма догадалась заклинить дверь сверху донизу? Если так, то ему не выбраться! Он знал, какие прочные двери в этом замке, и сам заказывал именно эту дверь из особо толстых досок, чтобы обеспечить уединение.

— Открывай! — закричал Друстан и снова загрохотал кулаками по двери.

Тишина.

— Девчонка, если ты откроешь сейчас, у тебя есть шанс остаться целой и невредимой, но клянусь, если ты продержишь меня здесь еще минуту, я разорву тебя на клочки!

Тишина.

— Девчонка! Ведьма! Гвен-до-ли-и-и-и-и-и-и-и-и-и-ин!

Стоящая за дверью Гвен смотрела на копья, под разными углами упирающиеся в стену. Нет уж, ни за что. Он оттуда не выйдет. До тех пор пока она не подготовится и не сделает то, что хотела. Однако то, как дрожала дверь под его ударами, действительно впечатляло.

— Он будет орать, пока не охрипнет, милая, — предупредил Сильван, перегнувшись через балюстраду.

Гвен задрала голову.

— Простите, Сильван. Я не хотела вас будить.

Он улыбнулся, и Гвен поняла, от кого Друстан унаследовал свою обаятельно-лукавую улыбку.

— Я бы ни за что не пропустил этого представления. Моего сына пленила и заперла крошечная девушка. Удачи тебе, Гвен. — Он улыбнулся еще раз и исчез.

Гвен посмотрела на трясущуюся дверь, зажала уши и опустилась на пол. Ждать.

— Я принесла тебе кофе, милая! — крикнула ей Нелл.

— Спасибо, Нелл! — Гвен пришлось крикнуть в ответ.

Обе подпрыгнули от неожиданности, когда из-за двери раздался дикий рев.

— Это ты, Нелл? — От слов Друстана звенело в ушах.

Экономка пожалала плечами.

— Айе, это я. Принесла девушке кофе.

— Ты уволена! Все. Убирайся из моего замка. Немедленно.

Нелл закатила глаза и улыбнулась Гвен.

— Принести тебе завтрак, девочка? — сказала она достаточно громко, чтобы Друстан ее услышал.

...И снова рев.

К десяти утра Гвен решила, что скоро можно будет начать разговор. Друстан угрожал, бушевал, даже пытался просить. Потом начал торговаться. Он оставит ее в живых, если она немедленно его выпустит. Подарит ей трех лошадей, двух овец и корову. Даст мешок золота, трех лошадей, двух овец и не просто корову, а дойную корову и отправит в любой уголок Англии, если только она оставит его в покое и согласится убраться из замка до конца его дней. Впрочем, Гвен заинтересовало только одно предложение/угроза: трахать ее до тех пор, пока у нее ноги не отнимутся.

А было бы неплохо.

Но вот уже пятнадцать минут Друстан молчал. Гвен посмотрела на дверь, прекрасно понимая, что не стоит первой начинать разговор. Пока что она контролировала ситуацию и

ослаблять свои позиции не желала. Нет уж, пусть он первым заговорит с ней, но приемлемым тоном. И довольно скоро горец заговорил.

— Тут не очень удобно, девушка, — недовольно сообщил он.

Гвен подавила смешок.

— Тут тоже не очень удобно. — Она постаралась сымитировать его акцент. — Мне пришлось три ночи сидеть в засаде, чтобы не пропустить твой визит в туалет. Я уж начала думать, что ты вообще сюда не ходишь.

Рычание.

Она вздохнула и прижала ладонь к двери, словно это могло успокоить его. Или позволить ей быть к нему ближе. Впервые за несколько дней они были так близко друг от друга, их разделяла только дверь.

— Я знаю, что это не очень приятно, но я не могла придумать другого способа заставить тебя выслушать меня. Из комнаты ты сбежал, что еще я могла придумать?

— Выпусти меня, и я выслушаю все, что ты захочешь мне рассказать, — быстро ответил горец.

Слишком быстро.

— Я на это не куплюсь, Друстан. — Гвен опустилась на каменный пол.

В мужских штанах можно было удобно скрестить ноги и привалиться спиной к стене. В последнее время она предпочитала надевать штаны и сорочку, потому что карабкаться в платье на выступ арки было крайне неудобно.

— Со сливками, как ты любишь, Гвен, — сказала Нелл, опуская рядом с ней поднос с кашей, сливками и персиками.

Из-за двери зарычали:

— Ты варишь ей овсянку?!

— Не твое дело, — спокойно ответила экономка.

— Прости, Друстан, — тихо добавила Гвен. — Но ты сам виноват. Если бы ты хоть раз согласился попить со мной кофе или позавтракать вместе и поговорить, мне бы не пришлось запирать тебя. Но время уходит, а мы еще ничего не прояснили. Сейчас Нелл уйдет, и здесь останемся только ты и я.

Тишина. Напряженная, долгая тишина.

— Чего ты от меня хочешь? — настороженно спросил Друстан.

— Хочу, чтобы ты меня выслушал. Я расскажу тебе все, что смогу вспомнить о том, что с нами происходило в будущем. Я много об этом думала и поняла, что ты наверняка дал мне понять, как заставить тебя вспомнить. Просто я, наверное, пропустила эту деталь.

Гвен услышала за дверью громкий вздох.

— Хорошо. На этот раз я тебя выслушаю.

Друстан сидел на полу, вытянув ноги, скрестив руки на груди и привалившись спиной к двери. Он прикрыл глаза и ждал, когда Гвен начнет рассказывать. И заставлял себя не злиться. Пришлось стиснуть зубы и признать, что настойчивости и решительности этой девчонке не занимать. Он привык к тому, что способен напугать любую девушку. Но пока Друстан бесновался и грохотал по двери, он словно видел, как Гвен стоит снаружи, скрестив руки на груди, притопывает ногой и спокойно ждет, пока он утомится. Ждет несколько часов — горец знал, что на улице уже день.

Это внушало уважение. И, во имя Амергина, это было слишком умно для сумасшедшей девчонки.

Ты знаешь, что она не сумасшедшая, почему бы тебе просто этого не признать? Потому что если она не сумасшедшая, то говорит правду. И почему тебя это пугает?

Он не знал ответа. И не понимал, почему от одного ее присутствия превращается в идиота.

— Мне двадцать пять лет, — услышал Друстан из-за двери.

— Такая старая? — поддразнил он. — Моей невесте всего пятнадцать.

Гвен зарычала, и Друстан улыбнулся.

— В моей стране растление малолетних является уголовно наказуемым преступлением, — опасным тоном сообщила она.

Уголовно наказуемым? Еще одно не вполне понятное выражение.

— Это означает, что тебя посадили бы в тюрьму, — пояснила Гвен.

Он фыркнул.

— Зачем мне знать твой возраст? Это имеет какое-то значение?

— Когда ты услышишь полную версию событий, все станет ясно. А теперь молчи и слушай.

Друстан замолчал и поймал себя на том, что ему действительно интересно ее послушать.

— Я отправилась в поездку по Шотландии, не зная, что мне придется ехать вместе со стариками...

Со временем Друстан расслабился и перестал ее перебивать. По звуку ее голоса он догадался, что Гвен сидит в той же позе, что и он, спиной к двери, и говорит с ним, оборачиваясь через плечо. А это значило, что они сидят буквально спина к спине. От осознания того, что они сидят вот так, в темноте, почти касаясь друг друга, возникло странное чувство близости.

Друстану нравился звук ее голоса. Горец только сейчас понял, какой у Гвен низкий, мелодичный и нежный голос. Почему он раньше этого не замечал? Потому что в ее голосе звучала самоуверенность, которой он не переносил? Или потому, что, когда бы она с ним ни заговорила, он забывал обо всем, кроме своего желания, а сейчас, поскольку он ее не видел, обострились иные чувства?

Айе, у нее прекрасный голос, и Друстан не отказался бы услышать, как она поет старинную балладу. Или колыбельную его детям...

Он помотал головой и заставил себя сосредоточиться на ее словах, а не на собственных глупых мыслях.

Нелл молча поставила перед Гвен еще одну чашку кофе и беззвучно удалилась.

— И мы поехали вверх, к камням, но твоего замка там не оказалось. Были только фундамент и остатки внешних стен.

— В какой день я отправил тебя через камни?

— Двадцать третьего сентября, в день осеннего равноденствия. Ты называл его Мабон.

Друстан закашлялся. Это не было основано на слухах и легендах, мало кто знал, что камни можно использовать только во время солнцестояний и равноденствий.

— И что я делал с камнями? — спросил он.

— Ты забегаешь вперед, — предупредила Гвен.

— Просто ответь мне, а дальше рассказывай по порядку. Как я использовал камни?

Над ними, за балюстрадой, Сильван и Нелл устроились на полу, внимательно прислушиваясь к разговору. Нелл, которая приносила для девушки еду из кухни, взлетала по лестнице для слуг и снова усаживалась рядом с Сильваном, тихая как мышка.

— Я не думаю, что тебе нужно слушать... — прошептал Сильван и осекся, когда Нелл прижала губы к его уху.

— Если ты считаешь, что я прожила здесь двенадцать лет и до сих пор не знаю, кто ты на самом деле, то твоя глупость куда больше, чем та, которую Друстан приписывает Гвен.

Глаза Сильвана удивленно расширились.

— Я тоже умею читать, старый пень, — прошептала Нелл.

Его глаза стали напоминать блюда.

— Умеешь!

— Ш-ш-ш. Иначе многое пропустим.

— Ты собрал рисовальные камни, разломал их в круге и написал на внутренней стороне тринадцати вертикальных камней тринадцать формул.

По спине Друстана пробежала дрожь.

— А потом еще три формулы на центральной плите. И мы стали ждать полуночи.

— О Господи, — пробормотал Друстан.

Откуда она может знать такие вещи? В легендах говорилось, что камни можно использовать для перемещений, но никто — кроме него, Дуга и Сильвана — не знал, каким именно образом. Теперь это знала Гвен Кэссиди.

— Ты помнишь эти символы? — хрипло спросил он.

Она описала некоторые из них, и даже это неполное описание выбило его из колеи. Похоже, она не врала. Разум отказывался в это верить. Ощущение было странным: словно горец столкнулся с проблемой, которую разум не мог охватить целиком, поэтому подсознательно переключался на мелочи и другие темы. Друстан улыбнулся, придумав вопрос, на который Гвен наверняка не захочет ответить.

— Ты говорила, что я лишил тебя невинности. Где и когда я занимался с тобой любовью? — язвительно спросил он, повернувшись к двери.

Гвен тоже повернулась, прикоснулась губами к двери и тут же почувствовала себя полной дурой. Но ведь он сидел там, и именно в этом месте, судя по звуку его голоса, должны были находиться губы Друстана. Раньше его слова звучали глуше, он явно сидел к ней спиной, а на этот раз повернулся.

— В кругу камней, незадолго до того, как мы прошли через них.

— Я знал, что ты девственница?

— Нет, — прошептала она.

— Что?

— Нет, — повторила Гвен уже громче.

— Ты обманула меня?

— Нет, просто не думала, что это важно.

— Чепуха. Иногда не сказать всей правды — это все равно что соврать.

Гвен моргнула. Это были ее собственные слова, только адресованные уже ей.

— Я боялась, что ты не станешь заниматься со мной любовью, если я об этом скажу, — призналась она.

«А ты боялся, что я брошу тебя, если пойму, кто ты на самом деле. Шикарная из нас получилась парочка».

— Как вышло, что в двадцать пять лет ты все еще была нетронутой?

— Я... Я просто не нашла подходящего мужчины.

— И какой бы мужчина подошел тебе, Гвен Кэссиди?

— Какое отношение это имеет к моему...

— Учитывая, где ты меня заперла, ты могла бы и ответить на вопрос несчастного узника.

— Ну хорошо, — неохотно согласилась она. — Подходящий мужчина... он должен быть умным и веселым. У него должно быть доброе сердце, и он должен быть верным...

— Верность так важна для тебя?

— Очень. Я не делюсь. Если это мой мужчина, то он только мой.

— Продолжай. — Судя по голосу, Друстан улыбался.

— Ему должны нравиться простые вещи. Например, хороший кофе и вкусная еда. Семья...

— Ты хочешь детей?

— Десяток, — ответила Гвен.

— Ты стала бы учить их чтению и тому подобным вещам?

Гвен глубоко вздохнула, ее ресницы стали мокрыми. Все в жизни должно быть уравновешенно. А в ее жизни баланса не наблюдалось. Она прекрасно знала, чему будет учить своих детей.

— Я буду учить их читать и мечтать, смотреть на звезды и верить в чудеса. Я научу их тому, что играть и работать нужно с радостью.

Она хмыкнула и мягко добавила:

— А еще я научу их тому, что вся мудрость мира не заменит любви.

Она услышала резкий выдох. Друстан долго молчал, словно задумавшись над ее словами.

— Ты вправду думаешь, что любовь настолько важна?

— Я не думаю, я знаю.

Жизнь в Шотландии преподнесла ей хороший урок. Карьера, успех, признание критиков — без любви все это оказывалось мусором. Гвен наконец нашла элемент, без которого ее жизнь казалась пустой и ненужной.

— Как я любил тебя, Гвендолин Кэссиди?

Она тихонько застонала. При одном упоминании об этом по ее телу прокатилась теплая волна. Он заговорил тем же тоном, каким говорил ее Друстан, — спокойным, ласковым и уверенным, и она растаяла. Похоже, его защита тоже растворялась в этом разговоре.

— Как, Гвен? Расскажи, как я занимался с тобой любовью. Поведай мне все детали.

Она облизнула губы и начала, понизив голос почти до шепота. Сильван схватил Нелл за руку.

— Нэй, — беззвучно прошептала она.

— Мы не можем это слушать, — прошептал он в ответ. — Это неприлично.

— К дьяволу приличия, старый пень. Я не уйду.

Ее губы сжались, взгляд стал упрямым. Сильван открыл рот, но передумал и снова сел.

А когда Гвен заговорила, он понял, что не вслушивается в ее слова, а представляет себе Нелл, которая вот так же подробно рассказывает, как он любил ее. Сначала Сильван упрямо смотрел в пол, но потом отважился бросить взгляд на Нелл.

И она не отвернулась. Карие глаза встретились с голубыми и выдержали их взгляд. Его сердце заколотилось.

— А потом ты кое-что сказал мне. Я никогда не забуду тех слов, которые ты произнес на прощание. Ты говорил очень нежно, и слова получались как живые, потому что ты произнес их странным голосом.

— Что я сказал? — Друстан убрал руку от паха.

Его килт был отброшен, ноги раздвинуты, а рука уже устала. Горец был так возбужден, что боялся взорваться. Гвен подробно рассказывала, чем они занимались, и это было самым эротичным приключением в его жизни. Сидеть в темноте, видеть на внутренней стороне век все то, о чем она говорит, чувствовать, что почти вспоминает это. Он вспоминал детали, о которых Гвен не упоминала, и не мог понять, что это: игра воображения или реальность. Он не знал.

И ему было наплевать.

Наплевать, врет эта девушка или говорит ему правду. Он хотел Гвен Кэссиди, и в этом желании не было ни логики, ни вопросов, ни уточнений. Он восхищался ее настойчивостью, хотел ее каждой клеточкой своего тела, смеялся вместе с ней, злился на нее. Гвен приняла решение. Она знала, что он друид, и все равно хотела быть с ним.

Во имя Амергина, он — трижды отвергнутый Друстан МакКелтар — пытался сбежать от

женщины, которая принимала его таким, какой он есть!

Он больше не мог вспомнить, почему так боялся выслушать ее. Горец боролся с желанием достичь пика, получить наконец освобождение — но не хотел делать этого здесь, в одиночку. Он возжелал Гвен с той минуты, как увидел ее, и сделает это с ней. Внутри нее.

— Ты сказал что-то очень романтичное. — Гвен вздохнула.

— Угу, — промычал он.

И только через пару минут понял, что она говорит. А когда понял, то вскочил на ноги и закричал, но она продолжила:

— Потеряешь ли ты что-то, сохранится мое почтение к тебе. Останешься ли одна, моя душа будет с тобой. Придет ли вскоре смерть, моя жизнь станет твоей. — Друстан глубоко вздохнул, слушая заклинание, которое навек приковывало его к этой девушке. — Я дарован тебе. Вот что ты сказал.

Она замолчала, а Друстана согнуло пополам. Вспышка света и жара возникла где-то внутри и вырвалась наружу, окутав его тело. Он не мог заговорить, не мог вдохнуть, волны эмоций одна за другой накатывали на него...

Гвен согнулась пополам, когда ее захлестнул шквал ощущений. Это было странно, забавно, непонятно, словно она только что произнесла слова, которые уже нельзя взять назад...

— О Господи, Нелли, — прошептал Сильван, застыв от слов Гвен и внезапного осознания: он до сих пор держит Нелл за руку, а она ему это позволяет. — Она только что вышла за него замуж.

— Замуж? — Нелл сжала его пальцы.

— Айе, это клятва друидов. Я не рискнул произнести ее, когда женился.

Нелл хотела спросить «Почему?», но мотнула головой, и они оба перегнулись через балюстраду, чтобы не пропустить ни слова.

— Кхм, — после долгой паузы сказал Друстан. — Ты понимаешь, что только что вышла за меня замуж?

— Что?! — вскрикнула Гвен.

— Может, ты наконец выпустишь своего мужа из туалета?

Гвен застыла. Она вышла за него замуж, когда произнесла эти слова?

— То, что ты только что произнесла, — брачная клятва друидов, заклинание, навсегда связывающее души. Не знаю, откуда ты их взяла, но...

Господи, он все еще не помнит, с отчаянием подумала Гвен. После того как она все ему рассказала, все, до мельчайших деталей.

— Я взяла их, дубина, из твоих же собственных слов! Но я не знала, что выхожу за тебя замуж...

— Даже не думай, что теперь сможешь отвертеться, — довольно сказал Друстан.

— Я и не пытаюсь отвертеться...

— Не пытаешься? — удивленно переспросил он.

— Ты хочешь на мне жениться? Даже не вспомнив?

— Поздно. Мы уже женаты. Этого не отменишь, так что привыкай. — Он ударил по двери, словно ставя точку в предложении.

— А что будет с твоей невестой?

Он пробормотал по этому поводу несколько слов, которые очень понравились Гвен.

— И все же я не понимаю одной вещи. Если все, что ты рассказала, случилось на самом деле, то почему я не научил тебя заклинанию, которое вернуло бы мне память? Я бы знал, что есть возможность не вернуться самому. И наверняка научил бы тебя заклинанию памяти.

— 3-3-заклинанию памяти? — пролепетала Гвен.

Неужели все было так просто? У нее был ключ к его воспоминаниям, но он не сказал ей, как им пользоваться? Чего еще она ему не рассказала? Гвен отчаянно копалась в памяти. Должно же быть что-то, должен найтись недостающий кусочек мозаики, нужно только отыскать его и проверить. Гвен закрыла глаза, вспоминая прошлое буквально по минутам. Вот оно!

«У тебя хорошая память, Гвен Кэссиди?» — спросил он ее по дороге к Бан Дрохаду.

— О Господи! — воскликнула она. — Это что-то вроде стихов?

— Возможно.

— Если бы ты сказал мне это заклинание, ты научил бы меня им пользоваться? — недовольно спросила она.

После долгой паузы Друстан ответил:

— Скорее всего, я тянул бы с объяснением до последнего момента.

— А если бы в последний момент ты просто растаял?

Резкий прерывистый вздох, и снова долгая тишина. А потом:

— Если ты вспомнила стихи, просто повтори их!

Гвен повернулась лицом к двери, прижалась к ней щекой и ладонями. И тихо, но четко произнесла нужные слова.

Друстан стоял у двери, прижавшись к ней ладонями и щекой. Он шептал свадебную клятву одновременно с Гвен. Теперь она никуда от него не денется. Помолвка ничего не значила. Он был женат. Связь, порожденную друидским заклинанием, ничто не могло разорвать. У друидов не существовало такого понятия, как развод. Друстан напрягся, ожидая ее следующих слов, его переполняли надежда... и страх.

Чистый мелодичный голос был прекрасно слышен через дверь. Гвен говорила. Ее слова звенели в воздухе, проникали в душу, смешивая прошлое и будущее, словно компоненты в гигантской ступе.

— Куда ни иди, я пойду по следам, мы два огонька одного уголька, и время, летящее дальше и вспять, не в силах теперь наши судьбы разнять, помни.

Горец упал на пол, сжался в комок, обхватил голову руками.

«О Боже! — подумал он. — Моя голова сейчас расколется». Он чувствовал себя так, словно его разрывало надвое — или он был разорван надвое, а теперь неведомая сила пыталась слепить обе части в единое целое. Инстинкт подсказывал: бороться, сопротивляться до последнего.

Как будто издалека раздались слова: «Ты не доверяешь мне».

«Я доверяю тебе, малышка. Доверяю больше, чем ты думаешь». Но он действительно не доверял. Он слишком боялся потерять ее.

А потом пришли видения.

Он в странных голубых штанах, обнаженная Гвен под ним, на нем. Красная лента в его зубах. Белый мост.

«Ты будешь сражаться со мной до смерти, — беззвучно зашевелились губы пришельца. — Я вижу. И понимаю теперь, почему остается только один. Это не природа, силу которой невозможно преодолеть, это наш собственный страх заставляет нас уничтожать друг друга. Прощу тебя, прими меня. Позволь быть нам обоим».

«Я никогда не приму тебя!» — зарычал Друстан.

Он сражался, сражался и побеждал.

«Позволь быть нам обоим».

Друстан призвал всю силу воли, все знания друидов, заставляя себя убрать внутреннюю защиту, расслабиться и принять, подчиниться.

«Люби ее», — прошептал двойник.

— Ох, Гвен, — выдохнул Друстан. — Гвен, любимая.

Гвен с опаской покосилась на дверь. С того момента, как она закончила читать стихи, оттуда не доносилось ни звука. Она нервно поскреблась в дверь.

— Друстан?

Долгая тишина.

— Друстан, ты в порядке?

— Гвен, милая, немедленно открой дверь, — приказал он.

Голос звучал неровно, словно после долгого бега.

— Сначала ответь мне на пару вопросов.

Ей нужно точно знать, кого она выпускает из туалета.

— Как назывался магазин...

— «Барретс!» — выпалил горец, не дослушав.

— Что ты хотел, чтобы я тебе там купила?

— Пурпурные штаны и футболку, но ты купила черные и принесла мне неудобную белую обувь. Я не влез в твои синие штаны, и ты пригрозила взять оружие и помочь мне в них поместиться. — Его голос стал глубже, чувственнее. — Но все твои угрозы я отменил при помощи поцелуя, на который ты с жаром ответила.

Гвен покраснела, вспомнив, как именно отвечала на этот поцелуй. Ее трясло от волнения: это снова был ее Друстан.

— А как звали ту продавщицу в «Барретсе»? Старую, вредную и некрасивую? — сморщив нос, спросила Гвен.

— По правде говоря, не знаю. Я смотрел только на тебя.

Господи, как ей нравился такой ответ!

— Открой эту проклятую дверь!

Слезы лились у нее из глаз, когда Гвен подпрыгнула и выбила первое копьё. За ним последовало второе, звонко ударившись о каменный пол.

— А что было на мне надето, когда мы первый раз занимались любовью? — спросила Гвен, выбивая третье и четвертое копьё.

Она все еще не верила, что смогла вернуть Друстану память.

— Когда я занимался с тобой любовью? — промурлыкал он через дверь. — Ничего. А до того на тебе были короткие штанишки, обрезанная под грудь рубашка, обувь по имени Тимберленд, носки по имени Polo Sport и красная ленточка, которую я...

Гвен рывком распахнула дверь и закончила:

— Стянул с меня зубами и языком!

— Гвендолин! — Он схватил ее в объятия и поцеловал.

Ее накрыло привычной волной жара, которая прокатилась по телу до самых пяток. Гвен обняла его за шею, Друстан подхватил ее под бедра и поднял, забрасывая ее ноги себе на талию. Она тут же скрестила лодыжки за его спиной. Он больше никогда от нее не сбежит.

— Ты хочешь меня. Меня. Зная, кто я такой! — с удивлением и восторгом повторил он.

— И всегда буду хотеть, — прошептала она в его губы.

Горец расхохотался.

Их воссоединение не было нежным. Гвен вцепилась в его килт, он сорвал с нее штаны, одежда полетела в разные стороны, и вот наконец они, обнаженные, переводили дыхание между поцелуями у лестницы замка. Гвен смотрела на Друстана снизу вверх, тяжело дыша и смутно понимая, где они находятся. Но как только ее взгляд скользнул по его великолепному телу, она тут же забыла не только про коридор, но и про шестнадцатый век. Гвен видела только горца, все другое перестало существовать.

Серебряные глаза замерцали, Друстан схватил ее за руку и потащил по коридору в кладовую, пинком захлопнул дверь и прижал девушку к стене. Их одежда была разбросана по коридору.

Гвен положила ладони на его мускулистую грудь и вздохнула. Она никак не могла оторваться от него, ей все было мало. Время, когда Друстан не узнавал ее, было худшей из пыток. Она видела его каждый день и не могла подойти и коснуться, поцеловать. Теперь можно наверстать упущенное, и она начала с того, что провела ладонями по его плечам, по спине, по мускулистым бедрам. Его кожа казалась шелком, под которым таится сталь. Его запах был смесью мускуса и специй — запахом темных женских фантазий.

— Господи, как же я по тебе соскучился!

Друстан впился губами в ее губы, обхватил лицо ладонями и целовал, пока у обоих не перехватило дыхание.

— Я тоже по тебе соскучилась, — всхлипнула Гвен.

— Прости меня. За то, что я тебе не верил...

— Потом будешь извиняться! А сейчас целуй!

Его смех раскатился эхом по темной кладовой. Друстан толкнул Гвен спиной на мешки с зерном, опустил ее сверху, удерживая свой вес на согнутых руках. И поцеловал. Медленные нежные поцелуи сменялись быстрыми и жадными. Гвен отвечала ему, его поцелуи были для нее как воздух, без которого невозможно жить.

Она застонала, выгибаясь на мешках, когда ощутила его между бедер. Друстан осыпал горячими влажными поцелуями ее шею, ключицы, плечи. Она обнимала его ногами, прижимая ближе, терлась об него, наслаждаясь ощущениями.

Друстан смотрел на нее, как на чудо. Она была невероятно красива: щеки залил румянец,

глаза сияли от страсти, губы раздвинулись в тихом стоне. Это была его женщина, родная, умная, красивая, живая. Он будет любить ее до последнего вздоха и после, если это возможно для друида и его подруги. Его тело покажет ей все, что он так долго хотел с ней сделать, и, возможно, Гвен скажет ему те слова, которые он так хотел услышать от нее в кругу камней в тот «первый раз».

Друстан потерялся об нее подбородком, провел щетиной по соскам. Гвен всхлипнула и выгнулась ему навстречу, умоляя о большем. Он подался вперед, медленно двигая бедрами, намекая на то, что ждет ее совсем скоро. А потом отстранился, прерывая контакт, и стал осыпать ее поцелуями снизу доверху. Начиная с пальцев ног.

Гвен замотала головой. Долгие ласковые прикосновения языка к щиколоткам, лодыжкам сводили ее с ума. Друстан раздвинул ее ноги, лизнул впадинку под коленкой, поднялся выше, к бедрам. Покрыл их сотнями влажных жадных поцелуев, вылизал чувствительные местечки у основания бедер.

А потом поцелуи сместились туда, где она больше всего ждала их. Друстан целовал, лизал, посасывал, его руки гладили ее тело, дразнили соски, а Гвен дрожала от прикосновений и выгибалась ему навстречу, вскидывая бедра. Резонанс все нарастал и нарастал, и Гвен кончила, выкрикивая его имя.

Она все еще вздрагивала от пережитого удовольствия, когда Друстан перевернул ее на живот и провел языком по спине от шеи до ложбинки между ягодицами. Он целовал и покусывал каждый дюйм ее великолепной попки. Сжимал, гладил, похлопывал в опасной близости от самого жаркого местечка, и все же рядом, а не там, где Гвен больше всего хотела его ощутить. Она чувствовала, что умрет, если сейчас же, немедленно, не почувствует его в себе. Девушка стиснула зубы. Она горела от желания, ей было почти больно от того, что они с Друстаном еще не соединились.

Он просунул руку под ее живот, приподнимая бедра Гвен, прижался к ее ягодицам, скользя возбужденным членом по ложбинке между ними и ниже. Легкими движениями пальцев он ласкал и поглаживал чувствительный бугорок между ее бедрами.

И наслаждался звуками, которые она издавала: всхлипами, вздохами и стонами. Друстан внимательно слушал, какой именно звук вызывает каждая ласка, и повторял игру снова и снова, подводя Гвен к самому краю наслаждения...

И останавливаясь, чтобы услышать, как ее крики становятся громче, и увидеть, как прижимаются к нему ее бедра, как она без стыда показывает ему свое желание. Гвен знала, кто он такой, и все равно невероятно хотела его. Друстан даже не мечтал о том, что когда-нибудь ему так повезет. Если бы только она догадалась сказать ему три простых слова, которые он так хотел услышать... Айе, он был воином, он был сильным и мужественным, но, во имя Амергина, он хотел услышать эти слова. Он всю жизнь думал, что ни одна женщина никогда их ему не скажет.

— Друстан! — вскрикнула Гвен. — Пожалуйста!

«Я люблю тебя», — подумал горец. Именно эти слова он хотел от нее услышать. Хотел, чтобы она сама их сказала. Друстан снова провел пальцем по нужному местечку и вошел в нее. И застонал от невероятных ощущений, когда почувствовал, как она сокращается вокруг него. Гвен с силой подалась назад, и остатки самоконтроля смыло волной желания. Он сошел с ума от страсти, схватил ее за бедра и забыл обо всем, кроме движений.

Гвен всхлипывала от удовольствия, умоляла его не останавливаться, а потом пробормотала что-то так тихо, что он почти не разобрал слов. Но нэй, этих слов он ни за что бы не пропустил!

Горец задрожал и, остановившись, хрипло прошептал:

— Что ты только что сказала?

— Я сказала «не останавливайся», — всхлипнула Гвен, прижимаясь к нему.

— Нет, что ты сказала до этого?

Гвен замерла. Она бессознательно выдала свою потаенную мысль — искреннее признание своих чувств. Господи, она любит его! Она, Гвен Кэссиди, влюбилась безумно и безоглядно. Она тихо повторила, вложив в эти слова все свое сердце, всю свою душу:

— Я люблю тебя, Друстан.

Горец приподнялся на руках и покачнулся, словно эти слова ударили его.

— Повтори, — выдохнул он.

— Я люблю тебя, — мягко произнесла она.

Он втянул в себя воздух и хрипло выдохнул, затихнув на пару секунд, словно впитывая ее слова всем телом.

— Гвен, моя милая маленькая Гвен, я думал, что никогда не услышу этих слов. — Он убрал волосы с ее лица и нежно поцеловал в висок. — Я люблю тебя. Обожаю. И буду любить до конца дней своих. Еще в твоем веке я понял, что ты создана для меня, что ты та, кого я искал всю жизнь.

Гвен закрыла глаза. Этот миг и его слова она запомнит навсегда.

Друстан снова стал двигаться, и Гвен выгнулась ему навстречу. Он заставил ее повернуть голову и начал целовать в одном ритме с медленными глубокими движениями бедер. Потом ускорил толчки, не прерывая поцелуя... Их секс был диким, животным единением, первобытной жаждой стать единым целым и никогда не разделяться. Горец толкнулся вперед, она вскрикнула. Она двинула бедрами, он зарычал.

Друстан подхватил ее, заставляя сесть, сжал ее груди и притянул Гвен для очередного поцелуя, не прекращая двигать бедрами. Кладовую заполнили звуки и запахи страсти.

Гвен первой достигла пика, и Друстан позволил себе взорваться, выкрикивая ее имя.

Он продержал ее в кладовой почти столько же, сколько она заставила его просидеть в туалете. Он просто не мог остановиться, не мог перестать касаться ее, любить ее. Друстан не мог поверить, что все сработало, что она еще в своем времени влюбилась в него, ответила на его свадебные клятвы и справилась со своей задачей, несмотря на то что он не оставил ей плана действий. Ему до сих пор не верилось, что Гвен любит его таким, какой он есть. Он снова и снова перекачивал эту мысль в сознании, как перекачивают на языке лучший бренди.

Друстан заставлял ее снова и снова повторять эти слова, пока он наслаждался каждым дюймоном ее прекрасного тела. Только к ночи он осторожно высунул голову из кладовой, собрал их одежду и на руках отнес свою женщину в спальню.

На этой кровати она будет спать каждую ночь, поклялся горец, каждую ночь предстоящей вечности.

Бессета Александр неподвижно сидела в своем кресле, одной рукой сжимая Библию, второй — свои гадательные палочки. Она скривилась от собственной глупости. Ведь совершенно ясно, что именно больше помогало ей в жизни, и это определенно был не пухлый томик.

У нее снова было видение. Невин, кровь на его губах, кричащая девушка, Друстан МакКелтар с искаженным лицом и присутствие неведомого четвертого человека, которое тоже связано со смертью ее сына.

Что может сделать бедная женщина, чтобы помешать судьбе? Как ей, старой, больной, с ломкими костями и жидкой кровью, остановить приближающуюся трагедию?

Невин не прислушается к ее мольбам. Она не раз просила его оставить службу и вернуться в Эдинбург, но он отказался. Бессета притворялась смертельно больной, но он разгадал ее ложь. Иногда она удивлялась тому, что ее родной сын может быть настолько ослеплен верой в своего Бога и противиться ее «зрению».

Невин заставил ее пообещать, что она не причинит вреда Друстану МакКелтару. По правде говоря, она никому не хотела причинять вред. Она просто хотела, чтобы ее сын жил. Но вскоре ей стало ясно, что ради его безопасности можно и нужно причинить вред.

Долгое время Бессета сидела, застыв, словно каменное изваяние. Утро успело смениться ясным днем, и солнечные лучи немного развеяли тьму в ее сознании. А потом пришел вечер и горы ожили. Воздух наполнился уханьем сов, лягушачий хор на болоте приветствовал сумерки, и вдруг в привычный вечерний шум вплелось звяканье бубенчиков, веселые крики, топот копыт и скрип колес.

Бессета заставила себя подняться, подошла к двери и приоткрыла ее, чтобы выглянуть в щелку. Мимо ее жилища ехал цыганский табор, и при виде его Бессета потянула дверь на себя. Она боялась кочевых цыган. Подглядывая через тонкую, не толще волоска, щель, она насчитала семнадцать богато украшенных повозок, которые тянули красивые лошади под шелковыми попонами. Табор направлялся в центр Баланоха.

Невин когда-то говорил ей, что каждое лето цыгане приезжают к замку МакКелтаров, устраивают ярмарку в Баланохе, предсказывают судьбу и общаются с деревенскими жителями. После ярмарки — дикие танцы и фейерверки, а на следующий год в Баланохе рождаются черноглазые и темноволосые дети.

Бессета вздрогнула, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

Но в ее мозгу уже начала формироваться мысль, которая отеснила все старые страхи. При помощи темных искусств, которыми наверняка владеют цыгане, она может спасти сына от смерти, не повредив никому... Ну, фактически не повредив. Кроме обычных товаров цыгане торговали могущественными заклинаниями и зельями. Стоило это недешево, но Бессета знала, где лежит оплетенная в золото Библия, которой будет более чем достаточно за все их услуги. Чем дольше она об этом думала, тем более удачным виделось ей решение проблемы. Она заплатит цыганам, они заколдуют лэрда, и выйдет так, что она не причинила ему вреда. Он будет просто... спать. Вечно. А Невин проживет свою жизнь в покое и безопасности.

Это означало, что придется договариваться с этими опасными дикарями, отважиться пойти в их жуткий лагерь, но ради своего любимого Невина она способна и не на такое.

Сильван и Нелл сбежали с балюстрады, как только Гвен выпустила Друстана из туалета. Нелл не нужно было смотреть на то, что произойдет после, она и так это знала. Странно еще, что дверь не загорелась, когда девушка тихо рассказывала Друстану о том, что они творили раньше.

Сильван мчался в свою башню, волоча за собой Нелл. Оба свалились на кровать, тяжело дыша и пытаясь успокоиться после быстрого бега по сотне ступеней. Когда сердце перестало грохотать в ушах, Нелл наконец поняла, в каком положении и где она очутилась. Она лежит на кровати Сильвана! Рядом с ним! Женщина напряглась и попыталась сползти с постели.

Сильные руки обняли ее за талию, не позволяя сбежать. Сильван повернул ее лицом к себе, приподнял ладонью ее подбородок, заставил посмотреть на себя. В его глазах сияли чувства, и он уже не прятал взгляд. В карей радужной оболочке поблескивали веселые золотистые искры. Нелл не могла отвернуться, просто не могла. Она молча смотрела на своего господина.

Потом медленно, так медленно, чтобы дать ей время отстраниться, если она того захочет, Сильван наклонился и поцеловал ее в губы.

Нелл задохнулась. Двенадцать лет она ни с кем не целовалась. Она хоть помнит, как это делается?

— Я очень давно никого не целовал, Нелли, — хрипло сказал Сильван, словно ощутив ее страхи. — Я прошу тебя проявить терпение. Возможно, тебе придется напомнить мне, как это делается.

Она вздохнула, и вздох превратился в легкий стон. Его нежность развеяла все ее тревоги. Все эти годы в замке МакКелтаров Нелл ни разу не видела Сильвана с женщиной. Она думала, что он просто скрывает свои слабости от домашних, а сам ездит к кому-нибудь из деревенских, но и мысли не допускала, что все это время он был так же одинок, как она. Ей так хотелось спросить, как долго он ни с кем не целовался, но она не могла выговорить этого вслух. Впрочем, он прочитал вопрос в ее глазах.

— С тех пор как умерла моя жена, Нелли.

Она охнула.

— Ты поцелуешь такого неумелого мужчину? — мягко спросил Сильван.

Не доверяя своему голосу, Нелл только кивнула.

Их первый поцелуй был мягким и нежным, неуверенным и деликатным, как только что возникшая между ними близость. Сильван не пытался углубить поцелуй, он прикасался к ней так, словно Нелл была сделана из фарфора. Нежно целовал ее губы, нос, подбородок, потом снова коснулся губами уголков рта. А потом отстранился и серьезно посмотрел на нее.

Нелл неуверенно улыбнулась.

Второй поцелуй был теплым и обнадеживающим. Когда Сильван в третий раз коснулся ее губ, Нелл ощутила, как просыпается та ее часть, которую она давно привыкла считать мертвой. Проснулась и сплясала шотландский рил, напомнив, как это — целоваться не останавливаясь, даже не думая о том, что можно остановиться. Потому что он точно не забыл, как это делается!

Пятый поцелуй был глубоким и страстным. Когда Сильван прервал поцелуй — Нелл ни за что не смогла бы сделать это первой, — он отстранился и мягко сказал:

— Нелли, есть кое-что, о чем я давно хочу спросить тебя. Может, я лезу не в свое дело, но мы с тобой очень давно не говорили по душам. Ты не расскажешь мне, дорогая, что случилось с тобой в ту ночь, когда я нашел тебя?

Слезы потекли у нее из глаз, и Сильван обнял ее, притянул к себе.

— Тише, милая, — прошептал он. — Я слишком долго был дураком. Я так много хотел сказать тебе, но... боялся.

— Боялся? — удивленно прошептала Нелл. — Чего может бояться Сильван МакКелтар?

— О, множества вещей и множества возможных событий. Я мог обидеть тебя, и ты бы ушла, а мои сыновья уже полюбили тебя. Ты могла бы подумать, что я странный...

— А ты и есть странный, Сильван, — серьезно сказала Нелл.

Он вздохнул.

— Я боялся, что ты не полюбишь меня, Нелли.

Слова, которые она не могла произнести, дрожали у нее на губах. Слова, которые пугали ее, слова, от которых сердце снова становилось уязвимым. Сдержать эти слова можно было единственным способом. Нелл прижалась губами к его губам, надеясь, что произнесенное признание перейдет от нее с поцелуем в самое его сердце.

Десятки свечей заливали спальню лэрда мерцающим светом.

Друстан занимался с ней любовью снова, снова и снова, пока Гвен не сбилась со счета. Все ее тело налилось приятной усталостью и тихонько ныло от поцелуев, которыми он осыпал ее с ног до головы. Бронзовая кожа и темные волосы горца светились в золотистом свете канделябров. Гвен посмотрела на него, наслаждаясь моментом. Она вернула своего Друстана. И все еще не до конца в это поверила.

— Ты не врал, когда обещал трахать меня, пока ноги не отнимутся, верно? — поддразнила она, думая о том, сможет ли утром встать.

— Во имя Амергина, Гвен, я чуть не умер, наблюдая, как ты расхаживаешь по замку! Я был одержим тобой. Ты следила за мной, а я не мог отвести от тебя взгляд. И если бы ты вдруг прекратила слезку, я бы сам начал преследовать тебя.

— Жаль, что я не прекратила. Я чуть не умерла от унижения.

Он моргнул и потянулся над ней, опускаясь на согнутые руки. Осторожно убрав прядь волос с ее лба, горец прошептал:

— Прости меня, милая.

— За что? За то, что ты упрямый средневековый мужлан, который отказался мне поверить?

— Айе, и за многое другое, — грустно добавил он. — За то, что не подготовил тебя к этому путешествию. За то, что боялся довериться...

— Я понимаю, почему ты боялся, — мягко прервала его Гвен. — Нелл рассказала мне о трех твоих помолвках. Она сказала, что невесты испугались тебя и ты не открылся мне, потому что думал, будто я тоже испугаюсь.

— Я должен был поверить тебе.

— О Господи! Ты только проснулся и понял, что находишься в будущем, через пятьсот лет после того, как заснул. К тому же, — призналась она, — я тоже тебе не доверяла. И пыталась скрыть свою образованность. Если бы я была честна с тобой, ты бы тоже мне доверился.

— Не нужно скрывать от меня свою образованность. За это я обожаю тебя еще больше. Но, Гвен, я должен попросить прощения еще за одну вещь.

— За то, что женился на мне, не спросив у меня? — легкомысленно отмахнулась она. — Ты хоть знаешь, как я рада этому? Мы правда женаты? А можно будет повторить свадьбу в церкви? Формально, с платьем и всем, что должно быть?

— О, мы женаты, и ни один церковный брак никогда не был таким крепким, но — айе, я тоже хочу обвенчаться в церкви. У тебя будет платье, которому позавидуют королевы, а я надену все регалии МакКелтаров. Мы будем праздновать несколько дней, пригласим всю деревню. Это будет главный праздник столетия. Но... — Он замолчал, и его серебряные глаза странно блеснули в полумраке, — но я все же хотел бы попросить у тебя прощения. За то, что похитил тебя и заставил отправиться в мое время.

Она провела ладонью по его подбородку, потом запустила пальцы в его темные волосы, осторожно поглаживая затылок. Они лежали лицом к лицу, и Гвен, прищурившись, смотрела на свечи через завесу его волос. А потом поцеловала своего горца. Снова. И снова.

— Знаешь, — пробормотала она несколько минут спустя, — когда ты провел среди камней свой ритуал, я поначалу думала, что ты вернулся в свое время, оставив меня в моем. Я была в бешенстве, не могла поверить, что ты меня бросил. Я ведь думала, что была тебе

небезразлична...

— Так и было! — воскликнул он. — Так и есть!

— Если бы тогда, среди камней, ты мне все рассказал и попросил отправиться в шестнадцатый век, я бы отправилась. Я сама так решила и хотела бы быть с тобой где угодно и когда угодно.

— Ты не ненавидишь меня за то, что я не могу вернуть тебя обратно? — Друстан сделал паузу и веско добавил: — Не могу и никогда не смогу.

— А я не хочу возвращаться. Мы принадлежим друг другу. Я ощутила это в первый же миг нашей встречи, и это испугало меня. Я пыталась придумать причину и уйти, но не могла себя заставить. Это ощущение... словно сама судьба свела нас вместе, потому что мы должны быть вместе.

Он улыбнулся и просветлел.

— Я чувствую то же самое. Я влюбился в тебя с первого взгляда, и чем больше узнавал о тебе, тем сильнее становились мои чувства. В ту ночь среди камней, когда ты отдала мне свою девственность, когда я произнес друидскую клятву, я понял, что одна ночь с тобой, пусть даже я всю жизнь буду прикован к тебе, всю жизнь буду страдать без тебя, важнее, чем долгий век без любви. Я поклялся, что, если судьба позволит мне быть с тобой, ты станешь моей королевой. Я все для тебя сделаю, не остановлюсь ни перед чем, лишь бы ты была счастлива. И я не шутил, Гвен. Стоит тебе только сказать, и я выполню любое твоё желание.

— Люби меня, Друстан, просто люби меня, я больше ничего не хочу.

Чуть позже она сказала:

— Почему тебе нельзя пользоваться камнями? Ты сказал, что их силу нельзя будить ради личных нужд. Для чего же они предназначены?

И он рассказал, ничего не скрывая. Всю историю, от времен своих предков-друидов, которые служили Туата де Данаан, до войны, после которой МакКелтары были избраны хранителями и защитниками всех живущих на земле.

— В последний раз мы пользовались камнями, чтобы переправить флот тамплиеров на двадцать лет вперед. Они перепрятали Святой Грааль.

— Святой Грааль?! — воскликнула Гвен.

— Айе. Мы поклялись защищать мир, а ему грозили бы неисчислимыя беды, если бы Филипп Красивый получил доступ к Граалю.

— О Боже! — выдохнула Гвен.

— Силу камней можно будить только ради блага человечества. И никогда нельзя использовать ради личной выгоды.

— Я поняла. — Она помолчала, потом заставила себя признаться: — Однажды я оказалась в такой же ситуации.

Он поцеловал ее в кончик носа.

— Расскажи мне. Я хочу знать о тебе все.

Гвен перекадилась на бок и посмотрела ему в глаза. Их головы лежали на одной подушке, светлые волосы Гвен спутались с темным шелком его волос. Она взяла горца за руку и рассказала ему о том, что не решалась поведать ни одной живой душе. Рассказала о своем Великом Восстании Против Судьбы.

Было время, когда она, как и ее родители, обожала свою работу и исследования. Груз родительских ожиданий, которые нужно было во что бы то ни стало оправдать, еще не так давил на ее сознание. В то время они еще не прекратили общение, и мать с отцом ясно дали понять: они ждут от нее новых открытий, гениальных открытий, которые превзойдут их работы и вознесут репутацию семьи на недостижимую высоту.

А Гвен было всего двадцать три, и она была довольна путем, который выбрали для нее мама и папа. Она любила учиться, любила снова и снова испытывать границы своих возможностей, и такая жизнь казалась ей вполне нормальной, потому что точно так же прошло ее детство. Гвен искренне радовалась всякий раз, когда ей удавалось найти что-то новое в привычном порядке вещей. Вся ее юность была подчинена родительским взглядам на науку, и она была рада, когда появилась возможность работать в лаборатории Лос-Аламос под их чутким руководством.

Но потом Гвен повзрослела, многому научилась и поняла, что некоторые знания могут быть опасны. Однажды ночью, как всегда засидевшись в лаборатории, она вдруг с ужасом поняла, к чему может привести ее открытие. Уже несколько лет она так и эдак вертела несколько общеизвестных теорий, и вот ее гипотеза о свойствах водорода обрела под собой почву и грозила изменить существование всего мира.

Родители радовались ее достижениям, требовали сообщать им о каждой мелочи, заставляли работать, работать и работать, не отвлекаясь ни на что.

Гвен настолько увлеклась работой и так привыкла к постоянному давлению родителей, что слепо радовалась каждому успешному шагу и не задумывалась о том, к чему это может привести. Не задумывалась, пока едва не стало слишком поздно. И вот в момент, когда ее предположения стали реальностью, она вдруг четко увидела, чем обернется в итоге ее великое открытие.

Вероятнее всего, оно превратится в оружие, равных которому не было и не будет. Оружие безграничной мощи, которое сможет не только уничтожить Землю, но и повлиять на строение Вселенной. Слишком могучая сила могла попасть в человеческие руки.

Той же ночью лаборатория «Тритона» запылала. Пожар уничтожил все.

Долгие недели начальник пожарной безопасности и группа специалистов исследовали остатки лаборатории и в конце концов списали возгорание на несчастный случай, хотя оснований для какого-либо вывода не осталось: жар взрыва уничтожил даже невероятно прочный несгораемый фундамент.

Слишком много химикатов хранилось в лаборатории, слишком случайными казались места возгораний и взрывов. Подлинный шедевр случайной выборки, сухо констатировал отец Гвен, когда она заявила, что результаты ее исследований погибли при пожаре, а она не успела отправить в банковскую ячейку свои архивы, как советовали поступить родители.

Пять дней спустя Гвен бросила учебу и переехала в крошечную съемную квартиру. Отец запретил ей брать с собой даже домашнюю мебель.

Она не оглядывалась назад.

— Я подожгла лабораторию, в которой работала. Я сожгла все... оставила мир, в котором привыкли существовать мои родители, и стала работать, э-э-э... решая чужие споры.

К концу ее рассказа глаза Друстана сияли. Он был ошеломлен тем, что судьба подарила ему женщину, которая могла понять его душу. Они подходили друг другу во всем: Гвен была умной, страстной, гордой, ей хватило мужества бросить вызов миру и отстоять свою правоту.

Какие дети у них появятся, какую жизнь они проживут вместе!

— Я горжусь тобой, Гвен, — тихо сказал он.

Она улыбнулась.

— Спасибо. Я знала, что ты поймешь. Именно поэтому мне открылось истинное назначение твоих древних камней.

Они медленно и страстно целовались: у них впереди была целая вечность. Потом Друстан мягко сказал:

— Есть легенда, согласно которой МакКелтар, решивший использовать камни в собственных эгоистичных целях, попадет в лапы темных душ. Друиды, павшие в битве или

предавшиеся злу, завладеют этим дураком. Они затянут его на грань между живыми и мертвыми. Я не знаю, правда ли это, и не хочу проверять. Снова будить древнюю ярость, жестокость и безумие... — Он осекся. — В том, что касается друидов, даже мы не все понимаем. Когда Дуг погиб в иной реальности, я не смог нарушить клятву.

Друстан замер, потом сел на постели.

— Дуг...

Гвен села рядом с ним.

— Он жив, помнишь? Ты отправил с ним две сотни стражников.

Друстан потер лоб.

— Ох, это чертовски странно, когда в одной памяти смешиваются два мира. Теперь понятно, почему разум инстинктивно сопротивляется двойникам. Я знаю, что мой брат не погиб, и в то же время скорбь от его потери никуда не делась... — Друстан нахмурился.

Гвен пытливо заглянула ему в глаза.

— Ты волнуешься за него.

— Нэй, — сухо ответил горец. — Со мной моя любимая жена и...

— И ты волнуешься за него.

Он взъерошил волосы.

— Битва уже произошла? Ты не говорил мне, когда именно она случилась.

— До битвы осталось два дня. Дуг погиб во второй день августа.

— Ты успеешь его догнать? — не отставала Гвен.

Горец кивнул, явно задумавшись.

— Да, если буду ехать без остановок.

— Тогда вперед. Привези его домой целым и невредимым, Друстан. Я никуда не денусь. Но я с ума сойду, если буду думать, что без тебя Дуг может погибнуть. Давай, иди.

— Ты так скоро выгоняешь меня из постели?! — с притворной яростью зарычал он, но Гвен заметила нерешительность в его взгляде.

Ее умный, красивый, страстный, сексуальный мужчина боялся ее потерять.

— Нет. Если бы все зависело только от меня, я никогда бы тебя не отпустила, но если Дуг не вернется домой, я никогда себе этого не прощу. А у нас еще будет время. У нас целая жизнь впереди.

— Айе, целая жизнь. — Друстан наклонился к ней и поцеловал, нежно, едва касаясь губами.

Долго, медленно и ласково, чуть дразня языком. Когда он отстранился и сел, Гвен заметила, что он улыбается.

— Что?

— Аня. Я могу одной стрелой убить двух зайцев, позаботиться о брате и решить проблему с помолвкой. Ни одна пятнадцатилетняя девочка не воспримет магию друидов спокойно. Я заставлю ее первой разорвать нашу помолвку, привезу брата домой и буду любить тебя до потери сознания. Через неделю, нет, раньше...

— Ты вернешься, любимый, и мы займемся теми, кто планирует похитить тебя, потому что с этой проблемой мы еще не разобрались, — поправила его Гвен и вздрогнула.

Она так радовалась возвращению своего Друстана, настолько растворилась в их любви, что все мысли об опасности вылетели из головы. Она натянула одеяло на грудь и села, скрестив ноги.

— Кто похитил тебя, Друстан? Ты помнишь хоть что-нибудь?

Серебристые глаза потемнели.

— Я уже рассказал тебе все, что смог вспомнить про свое похищение. Мне не удалось даже

увидеть тех, кто ко мне подходил. К тому времени как я добрался до поляны, я был практически без сознания. Я не мог открыть глаза. Я слышал голоса, но не смог узнать их.

— Значит, я предлагаю обсудить первый пункт нашего плана. Всю твою еду и питье в течение месяца буду готовить только я, — предложила Гвен.

Он приподнял бровь.

— Как будто я выпущу тебя из постели на столь долгое время.

— Я не позволю тебе пить или есть то, что не готовила я, или то, что не попробовал до тебя кто-то другой.

— А вот это идея. В конце концов, меня не отравили, а только опоили. Наши стражи знают, что в случае опасности они должны первыми пробовать мою еду.

— Я спросила Сильвана о тех, кто может желать тебе зла. Он сказал, что у тебя нет врагов. А ты кого-то подозреваешь?

Друстан поразмыслил над вопросом.

— Нэй. Единственное объяснение, которое приходит мне в голову: некто решил завладеть знаниями друидов. И все равно неясно, почему этот кто-то заколдовал меня. Почему меня просто не убили? Зачем понадобилось меня усыплять? — Он покачал головой. — Я думал, что, когда вернусь, смогу найти какую-нибудь подсказку. Но до сих пор не понимаю, кто и зачем это сделал.

— Ладно, но в любом случае, когда пришлют записку, ты туда не поедешь. Отправим на поляну отряд стражи. Когда именно тебя похитили?

— В семнадцатый день августа. Через две недели после того, как Дуга... — Друстан замолчал, и по его лицу пробежала тень боли.

— Иди, — подтолкнула его Гвен. Ей было больно смотреть на то, как он мучается. — Поговорим об этом после твоего возвращения. Иди и привези домой своего брата. Мы с Сильваном составим список подозреваемых, а когда вы с Дугом вернетесь, тщательно все проверим.

— Я не хочу оставлять тебя.

Гвен вздохнула. Ей тоже не хотелось расставаться с ним, ведь он совсем недавно снова стал собой. Но она знала, что, если бы у нее был брат и если бы этот брат погиб в другой реальности, она бы изо всех сил постаралась не позволить ему умереть снова. Да и теперь она просто не перенесет, если с Дугом что-нибудь случится. Друстану нужно ехать, и необходимо его убедить.

— Ты должен отправляться в путь, — настойчиво повторила Гвен. — Я еще плохо езжу верхом и только задержу тебя. Если я поеду с тобой, мы оба опоздаем.

Горец снова взъерошил волосы, встал с постели и обернулся. Гвен никогда еще не видела его в таком смятении. Он посмотрел на нее, на ее припухшие от поцелуев губы, на тело, которое он только что обнимал. В пурпурном покрывале на шелковых простынях она казалась ему просто неземной.

— Ты самое прекрасное видение из всех, что дарила мне жизнь, — хрипло сказал Друстан.

Гвен просияла и улыбнулась своему чудесному горцу.

— Я вернусь, Гвен. Хотел бы я застать тебя в том же виде и на том же месте, но, боюсь, поездка займет четыре или пять дней.

— У меня уйдет примерно столько же времени, чтобы снова научиться нормально ходить, — пробормотала она, покраснев.

Он улыбнулся — чисто мужской, удовлетворенной улыбкой, — быстро оделся, поцеловал ее и вышел из комнаты... И тут же засунул голову обратно.

— Я люблю тебя, Гвен.

Гвен упала спиной на кровать и мечтательно вздохнула. Любовь. У Гвен Кэссиди есть

сердце, и ее любят.

— Ну скажи, — поторопил он.

Она рассмеялась.

— Я тоже люблю тебя, Друстан.

Его тяга к этим словам так нравилась ей. Ее горец, такой сильный и уверенный, зависел от ее слов. Он широко улыбнулся и исчез.

В отсутствие Друстана Гвен, Сильван и Нелл составили список потенциальных подозреваемых: всех обитателей замка, некоторых жителей Баланоха, бывших невест Друстана, представителей нескольких соседних кланов. После долгих обсуждений список был отвергнут по причине отсутствия мотивов.

— А возможно, тут приложили руку сами Кемпбеллы? — предположила Гвен. — Они же убили Дуга в другой реальности.

Сильван покачал головой.

— Я не вижу связи между двумя этими событиями, милая. Колин Кемпбелл никогда не выступал против нас. Его владения даже не граничат с нашими, и у Кемпбелла порой не хватает людей, чтобы защитить собственные земли. К тому же они не стали бы пользоваться чарами. Скорей всего, нам нужно искать другого друида или кого-то в этом роде. Кемпбеллы не владеют магией.

Гвен вздохнула.

— И что же нам теперь делать?

— Единственное, что мы можем сделать, — это принять меры предосторожности. Мы увеличим стражу в три раза, я прикажу разослать разъезды по округе. И будем ждать. Сейчас, когда мы знаем, что Друстану угрожает опасность, будет проще. Он никуда не будет ходить без сопровождения, а Роберт, наш капитан, будет первым пробовать его еду.

— А мы тем временем, — добавила Нелл, взяв Гвен под руку, — займемся женскими делами. Например, подберем комнату, которую вы потом переделаете в детскую.

Сильван одарил их счастливым взглядом. Гвен заметила, что теперь он не отворачивается от Нелл, да и ее взгляд говорил о многом.

«Хм-м-м, — подумала Гвен. — Кажется, они наконец-то нашли друг друга. Не без моей помощи».

Если бы она знала, как далеко они зашли, она была бы изумлена.

— Айе, теперь у нас есть предварительный план, — сказал Сильван. — Все просто. Мы справимся с этой угрозой.

Несколько дней промелькнули для Гвен незаметно. Она строила планы и мечтала о будущем. Друстан сильный и умный, а его замок прекрасно укреплен. Они знают об угрозе, осталось только вычислить врага — и жизнь станет настоящим воплощением мечты.

Глаза Бессеты потемнели от ужаса при виде стражи МакКелтара, проезжающей мимо ее жилища. Значит, новости, чуть раньше услышанные в Баланохе, оказались правдой! Стражники возвращались с невестой Друстана! А Бессета даже не знала, что они выехали за ней, — поскольку Невин отказался разговаривать о том, что происходит в замке.

А теперь приехала она — женщина, которая убьет ее сына! Бессета задрожала и попятилась от окна к очагу. Потерла руки, пытаясь избавиться от ледяной дрожи, не имевшей ничего общего с погодой. Замерзло ее сердце, и оно не отгадет до тех пор, пока она не придумает, как защитить сына.

Несколько дней назад Бессета кое о чем договорилась с цыганами, но она не думала, что нареченная лэрда приедет так быстро, — в чем виноват Невин, который все от нее скрывает, — и не назначила точной даты похищения лэрда. Раньше Бессета надеялась опоить его настоем из трав, выманить на поляну у озера, и там, когда зелье подействует в полную силу и лэрд окажется совершенно беспомощным, на него можно будет наложить заклятье. Но теперь у нее появилась идея получше. Она сейчас же отправится в цыганский табор и прикажет им действовать немедленно — выкрасть невесту, использовать ее как приманку и затем заколдовать их обоих.

Надвинув дрожащими пальцами капюшон, Бессета заторопилась к двери. Невин был в замке и, если его планы не изменились, еще несколько часов пробудет там — совершенно не думая о смертельной опасности, которая окружает его со всех сторон.

Бессета схватилась за дверную ручку и крепко зажмурилась, собирая волю в кулак. Скоро это закончится. Еще день, еще одно усилие над собой, чтобы набраться храбрости и отправиться в цыганский табор, — и ее сын будет в безопасности. И, возможно — только возможно, — это жуткое предчувствие того, что подступает голодная тьма, наконец-то оставит ее в покое.

Стража Друстана предупредила о его возвращении, и Гвен вместе с Сильваном и Нелл вышла встречать лэрда на ступенях замка.

Гвен чувствовала, что ее сердце колотится от счастья. Она смотрела на двух прекрасных мужчин, которые разговаривали, хлопали друг друга по плечам и бурно жестикулировали, пока конюх отводил их лошадей в конюшню. «Я справилась», — с улыбкой подумала Гвен. Первая цель достигнута: брат Друстана остался жив.

Друстан подошел к основанию лестницы, и Гвен бросилась в его объятия. Он подхватил ее, обнял и жадно поцеловал. Поцелуй был долгим, и, когда они наконец отстранились друг от друга, Гвен со смехом принялась глотать воздух.

— Моя очередь? — поддразнил Дуг.

— Не думаю, — зарычал Друстан. А потом притворно-хищный оскал сменился улыбкой. — Во имя Амергина, это как сон. Я все еще помню, как оказался в ее времени и горевал по тебе, братец. Береги себя. Я не хочу снова испытать такую боль. Надеюсь, ты проживешь до ста лет, а то и больше.

— Я тоже на это надеюсь, — заверил его Дуг.

А потом улыбнулся Гвен, и у нее перехватило дыхание. В этот миг он показался ей почти таким же прекрасным, как Друстан. И эти золотистые львиные глаза... Она посмотрела на Друстана, который выжидающе приподнял бровь.

— Ой, перестань, — беспечно отозвалась Гвен. — Я же не могу не видеть, насколько он красив, потому что он невероятно похож на тебя.

Друстан тихонько зарычал.

— Но замуж я вышла за тебя. — Тон Гвен стал ехидным.

— Айе, ты вышла за меня. Слышишь, Дуг? — многозначительно добавил он.

— Не думай ничего плохого, — весело отозвался Дуг. — Совершенно ясно, что ее сердце принадлежит тебе и только тебе. Если помнишь, она даже не отреагировала на мой поцелуй.

Друстан снова зарычал, а Дуг рассмеялся.

— Благодарю тебя, Гвен Кэссиди. Друстан рассказал мне, как ты восстановила его память заклинанием. Битва произошла, как ты и предсказывала, и теперь я в долгу перед тобой за спасение моей жизни.

— Нет, — возразила Гвен. — Я рада, что смогла помочь, и рада, что с тобой все в порядке.

— Это просто старинное выражение. Я всегда буду защищать тебя и твоих людей, — сказал Дуг, сверкнув золотистыми глазами. — Я дважды твой должник, поскольку мой брат счастлив с тобой, как никогда и ни с кем не был счастлив прежде. Добро пожаловать в нашу семью.

Глаза Гвен затуманились. Теперь у нее была семья... В сильных руках Друстана ей было удобно, как в колыбели. Гвен подняла голову, и они снова поцеловались. Дуг улыбнулся, покачал головой и отвернулся от них, чтобы поприветствовать отца. И замер, заметив руку Сильвана на талии Нелл. Друстан тоже это заметил. Его глаза удивленно расширились, и он вопросительно посмотрел на Гвен.

Она пожалала плечами и улыбнулась.

— Я не знаю, что произошло, но после вашего отъезда они ведут себя по-другому. Кажется, они наконец поняли, какие чувства испытывают друг к другу.

Дуг запрокинул голову и испустил ликующий вопль, а потом подхватил Нелл на руки и звонко чмокнул в губы. Нелл вспыхнула, и на ее лице отразилось такое облегчение, что Гвен только сейчас поняла: женщина волновалась о том, как Друстан и Дуг воспримут ее новые отношения с их отцом.

— Прекрати! — заревел Сильван. — Можешь целовать ее в щеку, но губы отныне только мои!

Нелл счастливо рассмеялась, и они с Гвен обменялись чисто женскими улыбками. Властность в малых дозах очень приятна. Дуг широко улыбался.

— Итак, у нашего глупого отца наконец-то открылись глаза.

Сильван потупился. Дуг закружил Нелл в шутливом танце.

— Я рад, что ты наконец-то займешь место за нашим столом, Нелл.

— Насколько я понял, вы согласны, — проскрипел Сильван.

— О, айе, мы согласны! — хором отозвались Дуг и Друстан.

Когда Дуг опустил Нелл на землю рядом с Сильваном, только Гвен увидела проблеск печали в его искрящихся золотых глазах. Она могла бы ничего не заметить, но это состояние было ей слишком хорошо знакомо. Одиночество. Кто согласится быть с Дугом МакКелтаром, братом человека, которому четырежды отказали...

Гвен нахмурилась и повернулась к Друстану.

— Ты действительно разорвал помолвку?

— Айе. Похоже, Аня охладела ко мне после того, как я вызвал грозу во время битвы, — с улыбкой ответил он.

Сильнейший маг, невероятно красивый мужчина. И он не мог найти себе жену во всем Альбионе? Похоже, сам Друстан не понимал этого, зато прекрасно понимал Дуг.

— У него глаза светились и всякое такое? — задумчиво поинтересовалась Гвен у Дуга.

— Это была самая впечатляющая часть представления, — с готовностью сообщил тот. — Тебе стоит как-нибудь посмотреть, как он поднимает руки к небу, рисуется перед всеми и делает вид, что это все невероятно сложно, хотя послать стрелу нужных элементов к определенному скоплению туч проще простого.

— Ты мне все расскажешь, — выдохнула Гвен.

Братья рассмеялись, встряхнув одинаковыми гривами темных волос.

— Я не вызывал грозу. Просто сказал Ане, что если она разорвет помолвку, то сможет оставить себе свадебный выкуп и добавить его к своему приданому. — Он скривился. — Кажется, она не хотела выходить за меня, потому что влюбилась в другого. Просто раньше у нее не было выбора — ее отцу нужны были деньги.

Ох, Друстан, подумала Гвен. Судьба распорядилась так, что в своем столетии ты не нашел бы себе пары. А Дуг! Что ж, решила девушка, в самом скором времени предстоит провести еще парочку серьезных своднических мероприятий. Но где, черт побери, искать ему жену?

А потом все мысли вылетели у нее из головы, потому что Друстан развернулся, плотнее прижал ее к себе и взбежал по ступеням в замок. Чтобы заняться с ней любовью — Гвен не сомневалась в этом, и все ее тело напряглось от сладостного ожидания.

— Подождите! — крикнул Сильван им вслед. — Я думал, мы вместе пообедаем, как одна семья!

— Перестань, пап. Сомневаюсь, что они выйдут из спальни до завтра, — сухо ответил Дуг.

Сильван вздохнул, потом посмотрел на Нелл, и его глаза вспыхнули. Дуг покачал головой и только улыбнулся, глядя, как отец хватается Нелл за руку и тащит в сторону спальни, мимоходом пожелав сыну спокойной ночи. Дуг вытащил флягу с виски из своей сумки.

Он еще долго сидел на ступеньках, пытаясь справиться с беспокойством, от которого не спасало даже виски, и смотрел на звездное небо. К одиночеству он привык с детства, поэтому сейчас оно его не волновало.

Гвен приветствовала вернувшегося мужа так, как это было принято в его времени. Они провели вечер в своей комнате, где она сначала смыла с его тела дорожную пыль и усталость, а потом присоединилась к нему в свежей ванне и показала, как сильно она по нему соскучилась.

Они зажгли свечи и задвинули бархатный полог. Они занимались любовью и отдыхали, кормили друг друга ужином, который Дуг принес им лично. Подбор блюд оказался таким, что Гвен стало ясно: у Дуга точно такой же чувственный склад ума, как и у его брата. Он принес им еду, которая идеально подходила для романтического вечера: сочные кусочки персиков и слив, пирожки с мясом, жареную свинину, сыр и свежий хрустящий хлеб. А еще он принес мед, который не сочетался с другими продуктами, но Друстан быстро объяснил Гвен, как с ним поступить. Он опрокинул ее на спину, наклонил горшочек с медом над самой чувствительной частью ее тела и показал, как медленно и тщательно можно слизывать мед с ее кожи. Во время этого урока Гвен дважды достигла пика.

А потом были вишни из сада, которые она ела из горсти, другой рукой пробуя возможности, подаренные медом. После этого Друстан две минуты лежал навзничь, не в силах пошевелиться, а затем подмял Гвен под себя и они поменялись ролями. Гвен определенно лишала его воли. Дисциплинированный и властный воин в постели становился совсем другим: страстным, непредсказуемым и совершенно ненасытным.

Она кормила его кусочками жареной свинины, потом пила вином с собственных губ, и, когда он прошептал ей те самые примитивные и грубые слова, которые она произнесла во время их первой ночи в кругу камней, страсть затопила ее с головой.

Они перекатились по кровати и рухнули на пол, опрокинув стол со свечами и подпалив ковер из овечьих шкур. Друстан со смехом потушил огонь водой из остывшей ванны.

Гвен засыпала, свернувшись клубочком и прижавшись к Друстану спиной, его сильные руки обнимали ее. В голове у девушки осталась только одна мысль: «Я в раю». Она нашла рай в горах Шотландии.

— М-м-м-м, — довольно вздохнула Гвен.

Ей снился прекрасный сон, в котором Друстан решил разбудить ее, занявшись любовью. В тот миг, когда он вошел в нее, до ее разомлевшего сознания дошло, что это вовсе не сон.

Гвен задохнулась, все еще не в силах пошевелиться, когда он вошел в нее сзади.

— О Боже! — выдохнула она, и он ускорил темп.

Глубже, сильнее, быстрее. Он прижимал ее к кровати, нежно покусывая кожу на шее. Когда пальцы Друстана сжались на ее сосках, Гвен выгнула спину, прижимаясь плотнее, всем телом подчиняясь заданному ритму.

— Гвен, любимая, — прошептал он.

Чуть позже, когда он ушел, заявив, что сам принесет любимой завтрак в постель, Гвен легла на спину и улыбнулась, глядя в никуда. Жизнь была прекрасна.

Насвистывая веселую мелодию, Друстан пытался открыть дверь, балансируя подносом с рыбой, колбасками, лепешками, пышками, персиками, зеленью и прочими утренними деликатесами. Все блюда готовила лично Нелл, а Роберт снял с них пробу.

Несмотря на то что опасность, кажется, отступила, Друстан не хотел рисковать любимой женой.

— Кушать подано, а подкрепиться тебе не помешает, — заявил он, распахивая наконец дверь.

Бархатный полог был раздвинут, но кровать, если не считать сбитых простыней, была пуста. Горец удивленно оглядел комнату. Поход за завтраком не занял и полчаса. Куда она могла уйти? Отправилась за одеждой? У него были свои планы на это прекрасное утро: ленивый завтрак, потом общая ванна, чтобы остудить ее усталое тело. Гвен наверняка устала, и, если она будет не в состоянии заниматься любовью, он будет нежно массировать ее тело ароматными маслами, чтобы избавиться от возможных неприятных ощущений.

При виде пустой кровати недоброе предчувствие дрожью прошло по его спине. Друстан поставил поднос на столик у двери и прошел к Серебряной Комнате. Гвен не было и там. Он развернулся и направился обратно в спальню. И только тогда заметил клочок пергамента на столе у камина. Дрожащими руками Друстан взял записку.

«Если тебе дорога ее жизнь, приходи на поляну у маленького озера. Один, иначе девушка умрет».

— Нэй! — зарычал Друстан, комкая пергамент в кулаке.

Слишком быстро, протестовал его разум. Его должны были заколдовать только послезавтра! Он даже не успел предупредить стражу и не утроил количество дозорных, которые должны были патрулировать ту часть его владений!

— Во имя Амергина, — хрипло прошептал горец, — мы как-то изменили ход событий.

Он предотвратил смерть Дуга, и это, должно быть, изменило все, что должно было последовать за ней. Мозг заработал в полную силу. Кто стоит за всем этим? Особого смысла в действиях врага он не видел. Зачем ему понадобилась Гвен?

— Чтобы добраться до меня, — мрачно пробормотал Друстан.

В этот раз его не опоили. Вместо этого — раз уж в спальне оказалась Гвен — ее решили забрать и использовать как приманку.

Друстан сунул ноги в сапоги, натянул ремни доспехов. В Грейтхолле доспехи пополнились оружием, после чего он помчался к гарнизону.

««Приходи один!» — неслышно рычал он. — Я приду один. А мои люди зайдут с тыла и

вырежут до единого всех ублюдков, которые осмелились поднять руку на мою женщину».

Спрятавшись за раскидистым дубом, Бессета наблюдала, как цыгане готовятся к ритуалу, который она выторговала. На земле был нарисован огромный красный круг. Руны, которые были незнакомы Бессете, покрывали его по периметру; темная цыганская магия, с дрожью подумала женщина.

Как только Невин отправился в замок, она выскочила из хижины и торопливо дошла до нужной поляны. Ей необходимо было своими глазами увидеть все, что здесь произойдет. Только так она сможет поверить, что ее сын отныне в безопасности.

Бессета нахмурилась, глядя на своего врага. Невеста Друстана, которую — в этом Бессета не сомневалась — выгнали прямо из постели, была идеальной приманкой. Скоро сам лэрд появится здесь, цыгане заколдуют его и унесут прочь, в тайное подземелье, а ее тревоги останутся позади. За то, чтобы наложить заклятие еще и на девушку, цыгане потребовали дополнительной платы, и Бессете пришлось выкрасть часть сбережений Невина, но в борьбе за жизнь сына все средства хороши.

В нескольких ярдах от поляны Невин с тяжелым сердцем наблюдал за матерью. Некоторое время назад ей стало хуже, перепады настроения были просто пугающими, а глаза светились безумным огоньком. Она следила за сыном с таким настойчивым отчаянием, словно боялась, что в него в любой момент может ударить молния. Невин делал что мог, стараясь развеять ее подозрения по поводу Друстана МакКелтара, убеждал, что лэрд не может причинить ему вреда, но уговоры на мать не действовали. Она заблудилась в своих страхах и не видела ничего, кроме них.

Он пробормотал благодарственную молитву за то, что Господь привел его сегодня сюда. Этим утром Невин проснулся с недобрый предчувствием и, вместо того чтобы сразу отправиться в замок, спрятался за домом. Ждать пришлось недолго: уже через несколько минут его мать выскочила из дому. С безумными глазами, растрепанными волосами, кое-как одетая, она натянула капюшон на лицо и побежала к лесу.

Невин последовал за ней, стараясь держаться на расстоянии. Бессета добралась до края леса, туда, где деревья расступались, образуя полукруглую поляну на берегу небольшого озера. Чем дальше он наблюдал за матерью, тем тяжелее становилось на душе. Что она делает? Какое отношение имеет к цыганам и для чего на поляне нарисованы странные символы?

Когда небольшая группа цыган отделилась от остальных и вынесла в центр алого круга связанную девушку, Невин замер. Это была именно та светловолосая девушка, которую он видел в замке. Один из цыган посмотрел в его сторону, и Невин отступил под прикрытие ветвей, прячась в тени.

Что за злодейство они задумали? Почему его мать прячется там же, куда принесли связанную девушку из замка? Во что впуталась Бессета со своими глупыми страхами?

Расправив рясу, Невин напомнил себе, что он Божий слуга и должен исполнять свой долг перед Богом, несмотря на слабое тело и мягкий характер. Что бы здесь ни замышлялось, ясно, что добра это не принесет. И его долг как священника — предотвратить злодеяние, пока никто не пострадал. Невин зашагал вперед, но прежде, чем он достиг края поляны, туда влетел Друстан МакКелтар на взмыленном черном жеребце. Лэрд соскочил на землю, обнажил меч и двинулся к группе цыган, которые несли девушку.

— Отпустите ее. — Голос Друстана звучал хором сотен других голосов, серебристые глаза сияли.

Это не просто голос, понял Невин, это заклятие силы. Он снова отступил, моргая. Цыгане бросили свою ношу с такой поспешностью, словно она жгла им руки. Тело девушки ударилось о каменистую землю и откатилось почти к самым ногам Невина.

И разверзся ад. Когда на поляне воцарился хаос, Бессета упала на колени. Она вытерла вспотевшие ладони о юбку и с ужасом смотрела, как из леса появляются вооруженные стражники. Все пути к отходу были отрезаны — позади было озеро, впереди и по бокам напирала замковая стража, и цыгане схватились за оружие.

Неправильно, неправильно, все должно было быть совсем не так! Бессета воспользовалась суматохой, чтобы незаметно пробраться к повозке — на ней цыгане собирались увезти заколдованного лэрда.

Цыгане вооружились арбалетами. Стражники подняли щиты и обнажили мечи.

«Здесь будет смерть и море крови», — подумала Бессета, радуясь тому, что Невин сейчас в безопасности, в замковой церкви. Возможно, Друстан МакКелтар погибнет в этой стычке и его не придется заколдовывать. Возможно, он погибнет не от ее руки.

Возможно.

Но «возможно» — слишком мало для того, чтобы убедиться в безопасности сына.

«Я не причиню вреда МакКелтару», — обещала она Невину, и она сдержит свое слово. Ведь если сын не сможет доверять собственной матери, кому же он сможет верить?

Она так тщательно спланировала похищение, что с головы лэрда не упало бы и волоска. Но теперь все ее планы рухнули, и, чтобы обеспечить безопасность сына, она должна взять дело в свои руки. Пусть ей нельзя убить Друстана МакКелтара до того, как он женится на своей леди, пусть, но ведь по поводу этой самой леди она ничего не обещала. А сейчас о девушке все забыли в пылу битвы.

Девушку, лежащую на земле, могли затоптать кони... но могли и не затоптать. В нее могла попасть — но могла и не попасть — шальная стрела.

Бессета быстро приняла решение. Если Друстан выживет в этой битве, ей придется позаботиться о том, чтобы он не женился. Нахмурившись, женщина посмотрела на невесту лэрда, которая пыталась освободиться от пут, и направилась к повозке. Дрожащими пальцами Бессета вытаскивала взведенный арбалет и, собравшись с силами, навела его на девушку.

Глаза Невина расширились от ужаса. Его мать, его родная мать собралась убить человека! Она действительно сошла с ума! Ведь сказано: не убий!

— Нэй! — закричал он, бросаясь вперед.

Бессета услышала его голос и замерла. Палец на спусковом крючке задрожал.

— Нэй! Мама! — Он с разбега бросился наперерез, стараясь закрыть связанную девушку своим телом, и рухнул на нее сверху. — Не-е-е...

Крик резко оборвался, когда арбалетный болт вонзился в его грудь.

Бессета застыла. Ей казалось, что весь мир замер вокруг нее. Шум боя стал далеким и приглушенным, а сама она оказалась словно в туннеле, на другом конце которого лежал ее умирающий сын. Бессета подавилась рыданием, колени ее подогнулись, и старая женщина упала на землю.

Видение снова пришло к ней, на сей раз оно было полным, и Бессета увидела лицо четвертого человека. Человека, которого ей никак не удавалось рассмотреть раньше. Немудрено, ведь четвертым человеком была она сама.

Она была женщиной, повинной в смерти Невина. Невеста лэрда была здесь совершенно ни при чем. Ох, конечно, если бы не она, Бессета не стала бы планировать похищение лэрда, не воплотила бы эти планы в жизнь и никогда не выстрелила бы в любимого сына.

«Свершится Господня воля». Невин тысячи раз говорил ей это... но больше никогда не скажет. А она верила в свои видения больше, чем в Бога, пыталась изменить порядок вещей и вот в итоге сама же сделала то, чего больше всего на свете боялась.

Бессета склонилась над сыном и услышала его тяжелое хриплое дыхание, которое для нее

было в сто раз громче, чем шум боя на поляне. Она забыла о том, что вокруг звенят мечи, что в ее сторону летят стрелы, подползла к своему умирающему сыну и положила его голову себе на колени.

— Ох, милый мой, — пробормотала Бессета, глядя его по волосам. — Невин, сыночек, мальчик мой...

Как только тяжелое тело перестало прижимать ее к земле, Гвен попыталась сесть. И всхлипнула, заметив рану и кровь.

Раньше она никогда не видела раненых. Это было ужасно и совсем не так, как в кино. Гвен попыталась отползти, но ее запястья были скручены за спиной, а лодыжки плотно стянуты веревкой. Осторожное продвижение назад получалось очень медленным, а когда за спиной завизжала раненая лошадь и раздался свист оружия, рассекающего воздух, Гвен замерла и решила, что в ту сторону ей не так уж и нужно.

Чуть раньше, стоило Друстану выйти из комнаты, на нее напали цыгане, связали и уволокли с собой. Гвен пыталась сопротивляться, но ее скрутили с унижительной легкостью. Она не ожидала подвоха, но, видимо, спасение Дуга нарушило ход событий. Планы врагов изменились, и если в прошлый раз Друстана выманили запиской об убийце брата, то в этот раз приманкой стала она сама.

Гвен смотрела на рыдающую старуху, которая гладила скрюченными пальцами щеки и брови умирающего. Тот вздохнул — Гвен заметила, как приподнялась его грудь, — выдохнул... и перестал шевелиться.

— Это все время была я! — завопила Бессета. — Это я виновата! Я не должна была связываться с цыганами!

— Ты устроила похищение Друстана? — задыхнулась Гвен. Эта седовласая женщина с изувеченными артритом руками и заплывшими гноем глазами — она и есть их неизвестный враг? — Так это ты стояла за всем этим?

Старуха не ответила. В ее глазах застыло безумие, она, кажется, даже не видела Гвен.

— Гвен! — закричал Друстан. — Отойди от нее!

Гвен запрокинула голову и увидела, как он бежит к ней. На его лице отразился ужас.

— Отползай от нее, скорее! — снова закричал он, отбивая мечи и летящие стрелы.

— Не подходи! — крикнула ему Гвен. — Защищайся!

Ему ни за что не пробраться к ней в этом водовороте... Но Друстан не останавливался, он продолжал бежать, не думая об опасности. Он был всего в дюжине ярдов от нее, когда стрела вонзилась ему в грудь. Друстан упал на колени, потом на спину и...

И Гвен очнулась на плоском камне под теплым солнцем, на скале, с которой открывался вид на озеро Лох-Несс.

— Не-е-е-ет! — закричала она. — Друстан!

Высвобождение атомной энергии изменило все, кроме способа нашего мышления... и решение этой проблемы лежит в самом сердце человечества. Если бы я знал это заранее, я стал бы часовщиком.

Альберт Эйнштейн.

У сердца свои резоны, резонам ума неподвластные.

Блез Паскаль.

Гвен не знала, сколько времени она пролежала на плоском камне. Ее сознание померкло от горя. Когда ощущение реальности вернулось, девушка поняла, что не сможет жить в этом мире, что ей не нужна реальность, в которой Друстана не будет. Никогда.

Как она — блестящий физик — не предугадала, что это произойдет? Почему она оказалась такой дурой?

Она так хотела остаться с Друстаном в шестнадцатом веке, так замечталась об их совместном будущем, что мозг перестал работать в полную силу и она упустила из виду один важный фактор: в тот миг, когда она изменила его будущее, она изменила и свое.

И в новом будущем Друстана МакКелтара никто не заклил. Никто не спрятал его в пещере на долгие века, и девушка из будущего не могла его там найти. А значит, в этом новом будущем, которое они создали вместе, Друстан, который не был заклят, не мог отправить ее в прошлое, чтобы вернуть обратно.

В тот миг, когда шансы горца попасть под заклятие стали равны нулю, реальность словно пружина выбросила Гвен Кэссиди из его столетия. Она вернулась именно туда и тогда, где была до падения в каверну. Белый мост оказался не нужен. Реальность шестнадцатого столетия вышвырнула Гвен прочь, как инородное тело. Как неприемлемую аномалию. Друстана никогда не заколдовывали — а значит, у нее не было возможности попасть в прошлое. И прахом пошли все теории, утверждавшие, что Стивен Хокинг не прав и не существует никакого космического цензора, следящего за тем, чтобы не возникало временных парадоксов. Во Вселенной определенно существует сила, которая следит за порядком вещей. «Бог не любит голой правды», — подумала Гвен, фыркнула и тут же всхлипнула.

Она сжала виски ладонями, внезапно испугавшись, что память тоже исчезнет. Но нет, напомнила ей та часть сознания, которая никогда не переставала быть ученым, память хранит прошлое, а не будущее, поэтому воспоминания о ее реальном прошлом не исчезнут. Она была там, и память о тех событиях стала неотъемлемой частью ее самой.

Ну почему она раньше не поняла, что если спасет Друстана, то навсегда его потеряет? Теперь, оглядываясь назад, Гвен не могла поверить, что ни разу не задумалась о том, что своими руками приближает жуткий финал этой истории. Любовь ослепила ее, и только в ретроспективе стало ясно, что она просто не хотела задумываться о том, что может случиться. Она не позволяла себе думать как ученый и жадно впитывала новые ощущения, став любящей и любимой женщиной.

— Нет! — заплакала Гвен. — Как мне теперь жить без него?

Слезы катились по ее щекам. Гвен посмотрела на каменистую землю внизу, но даже та трещина, в которую она спускалась, теперь исчезла. На северо-восточном склоне горы не было никаких каверн. Наверное, та каверна была как-то связана с цыганами. Может, они сами выдолбили ее, когда прятали тело, кто знает?

Гвен знала лишь одно: даже если она руками раскопает туннель в пещеру, там не окажется спящего горца.

— Нет! — снова воскликнула она.

«Да, — прошептал в ней ученый. — Он мертв уже пять столетий».

— Он пройдет через камни и вернется ко мне, — упрямо возразила Гвен.

Но он не вернется. И ей не нужно было быть ученым, чтобы это понять. Он не мог вернуться. Даже если Друстан выжил после той раны, он не стал бы использовать каменный круг. Она ведь тоже не стала бы этого делать, если бы кто-то сказал ей: «Заверши свои

исследования, создай идеальное оружие и испробуй его на ничего не подозревающем человечестве. Только так ты сможешь снова увидеть Друстана».

Она не смогла бы вручить Злу такое оружие, чтобы справиться со своим горем. И горец тоже не сможет. Его гордость и честь, которые Гвен так любила, навсегда разлучат их. Если он выжил.

Гвен уронила голову на камень, вцепилась в свой рюкзак, как в спасательный круг. Она может так никогда и не узнать, выжил ли Друстан после той раны, ведь в любом случае он уже пять столетий как мертв. До этой минуты Гвен не представляла себе, насколько сильным может быть горе. Темная волна накрыла ее, и Гвен расплакалась, уткнувшись лицом в шершавую ткань рюкзака.

Прошло несколько часов, прежде чем она смогла заставить себя подняться и отправиться обратно в деревню. Несколько часов она рыдала так, словно хотела выплакать свое разбитое сердце.

В деревне Гвен поначалу отправилась в свой номер, однако поняла, что одиночества она сейчас не вынесет. Опустив голову и ни о чем не думая, девушка спустилась в ресторанчик отеля, надеясь найти там Берта или Беатрис. Не для того, чтобы поговорить, — она не смогла бы сейчас разговаривать, — а просто чтобы погреться в лучах их доброжелательности.

Гвен остановилась на пороге столовой, моргая от яркого света ламп. «Я не буду плакать», — сказала она себе. Поплакать можно будет позже, вернувшись домой, в Санта-Фе. Там она сможет позволить себе распасться на части, а здесь нужно держать себя в руках.

После путешествия в шестнадцатый век ресторан показался ей странным и чересчур современным. Небольшой камин у южной стены казался крошечным по сравнению со средневековыми очагами, мерцание неоновых ламп и вывески над баром резало глаза — Гвен успела привыкнуть к мягкому свету свечей и масляных ламп. Десятки столов, на которых стояли вазы с живыми цветами, были слишком маленькими для того, чтобы гостям было за ними удобно. Современный мир казался Гвен безвкусным смещением стилей.

Ее взгляд сместился в сторону автомата по продаже сигарет. Она мрачно подумала, что самый сложный этап отказа от курения прошла в шестнадцатом веке. Желание курить прошло, но стремление к саморазрушению было острым как никогда.

Гвен посмотрела на пожелтевший календарь над кассовым аппаратом. Двадцать первое сентября. В этот день она вышла на прогулку. Конечно же, подумала Гвен. В двадцать первом веке лениво ползли минуты, пока она проживала самые счастливые дни своей жизни в Шотландии шестнадцатого столетия.

Она фыркнула, стараясь сдержать слезы. Гвен оглядывалась вокруг. Она была так уверена, что душку Берта невозможно не заметить, что чуть не пропустила одинокую седовласую женщину, которая сидела в дальней кабинке у окна, застыв темным силуэтом на фоне сгустившихся сумерек. В тусклом свете Беатрис казалась такой старой, что Гвен изумленно замерла. Плечи женщины застыли изломанной линией, глаза были закрыты, а руки судорожно сжимали широкополую соломенную шляпу. Снаружи проехал автомобиль, свет фар скользнул по окнам, и Гвен заметила мокрые дорожки слез на ее щеках.

О Господи, Беатрис плачет... но почему?

Гвен торопливо подошла к кабинке. Что могло заставить жизнерадостную Беатрис так плакать и где Берт? Гвен достаточно хорошо узнала эту пару, чтобы понять: Берт ни за что не оставил бы Беатрис в одиночестве, если бы был в состоянии остаться с ней. Гвен покрылась холодным потом.

— Беатрис? — тихо позвала она.

Женщина испуганно вздрогнула и подняла глаза, покрасневшие от слез и полные глубокой

печали.

— Нет, — выдохнула Гвен. — Скажи мне, что с Бертом ничего не случилось. Ведь не случилось же? — Девушка поняла, что у нее подкашиваются ноги, и опустилась на сиденье напротив Беатрис. Она взяла ладонь женщины в свою. — Пожалуйста, — тихо попросила Гвен.

— Ох, Гвен. Мой Берти в больнице. — Эти слова вызвали у Беатрис новый поток слез.

Вытащив очередную салфетку, она вытерла глаза, прочистила нос и бросила бумажный комочек на кучку его предшественников.

— Что случилось? С ним же все было в порядке еще... еще этим утром! — Гвен до сих пор путалась во времени.

— Мне тоже казалось, что с ним все в порядке. Ты ушла, а мы все утро ходили по магазинам, и нам было весело. У Берти было... игривое настроение, — с жалкой улыбкой добавила она. — А потом все и случилось. Он вдруг стал неподвижным, лицо стало злым. — От этого воспоминания на глаза Беатрис снова навернулись слезы. — Когда он схватился за грудь, я все поняла.

Женщина яростно вытерла щеки.

— Эти чертовы мужчины никогда о себе не заботятся. Он не проверил ни уровень холестерина, ни давление. Несколько дней назад я с трудом выжала из него обещание, что, когда мы вернемся домой, он пройдет полное медицинское обследование... — Беатрис снова замолчала и всхлипнула.

— Но он жив, верно? — тихо спросила Гвен. — Скажи, что он жив.

— Он жив, но у него удар, — прошептала Беатрис. — Сейчас его состояние стабилизировалось, но врачи пока не знают, какими окажутся последствия. Берти все еще без сознания. Я через несколько минут снова поеду в больницу. Медсестры выгнали меня оттуда подышать свежим воздухом. — Она покраснела. — Я все плакала и никак не могла успокоиться. Думаю, получалось слишком громко и доктору стало не по себе. Я решила съесть тарелку супа и выпить чаю, прежде чем возвращаться, потому и пришла сюда. — Она махнула рукой, указывая на пластиковый контейнер с супом и сэндвичами.

— Ох, Беатрис, мне так жаль! — выдохнула Гвен. — Я даже не знаю, что сказать.

Слезы, которые она так долго сдерживала, хлынули по щекам. Она оплакивала Друстана, а теперь еще Берта и Беатрис.

— Милая, ты плачешь из-за меня? Ох, Гвен! — Женщина пересела поближе, обняла ее, и долгое время они просто сидели, держась друг за друга.

А потом Гвен почувствовала, как ломается что-то внутри. Она спряталась в материнских объятиях Беатрис, и боль захлестнула ее. Как нечестно полюбить так сильно и тут же потерять любимого! Жизнь вообще несправедлива! Беатрис прожила со своим Бертом всего несколько месяцев, Гвен так недолго пробыла с Друстаном... А теперь они обе должны всю оставшуюся жизнь страдать от потери любимых?

— Лучше вообще не любить, — горько прошептала девушка.

— Нет, — мягко возразила Беатрис. — Не смей так думать. Лучше любить и терять. Старая поговорка права. Даже если я больше не увижу своего Берти, все равно мне невероятно повезло. За эти месяцы у нас с ним было столько страсти и радости, сколько иные люди не получают за всю свою жизнь. К тому же, — добавила она, — с Берти все будет в порядке. Если мне придется сидеть у его кровати, держать за руку и орать на него, пока он не придет в себя, я это сделаю. Если мне придется каждую неделю пинками гнать эту упрямую задницу к доктору, учиться готовить без жира, масла и прочих вещей, которые делают еду вкусной, я это сделаю. Я не позволю этому мужчине сбежать от меня. — Беатрис подняла сморщенный кулачок с блестящим обручальным кольцом и погрозила потолку. — Обойдешься пока без него. Он все еще мой.

Гвен рассмеялась и снова расплакалась. Если бы в ее жизни все было так же просто, если бы она могла бороться за своего мужчину так же, как Беатрис борется за своего... Но ее мужчина мертв уже пять веков...

Беатрис очень внимательно на нее посмотрела, и Гвен напряглась. Потом пожилая леди взяла ее за плечи, чуть отодвинула и заглянула ей в глаза.

— Милая, что случилось? — взволнованно спросила она. — Мне кажется, что у тебя тоже какие-то проблемы.

Гвен заправила челку за уши и отвернулась.

— Пустяки.

— Не пытайся меня обмануть, — проговорила Беатрис серьезным голосом. — Берти сказал бы тебе, что если уж я за что-то взялась, то сбить меня с толку невозможно. Ты плакала не только из-за моей беды.

— Но у вас и так столько проблем... — запротестовала Гвен.

— Так позволь мне от них отвлечься на пару минут. Разделенная беда — это только полбеды. Что с тобой случилось? Ты нашла себе... черрипикера? — Голубые глаза Беатрис сверкнули, и Гвен поразились тому, что она может шутить в такой момент.

Нашла ли она черрипикера? Гвен подавилась почти истерическим смехом. Ну как она расскажет Беатрис, что за один день прожила целый месяц? Точнее, ей просто кажется, что она прожила. Так странно было спуститься с холма и обнаружить, что за время ее отсутствия время почти не двигалось... Гвен начала сомневаться в своем психическом здоровье.

И все же Беатрис была права: разделенное горе становится вдвое легче. Она хотела обо всем рассказать. Рассказать о Друстане. И, возможно, справиться с болью... хоть немного.

— Да ерунда, — солгала она. — Давай вместо этого я расскажу тебе одну историю, которая поможет отвлечься.

— Историю? — Брови Беатрис исчезли под серебристыми кудряшками.

— Да. Я сегодня размышляла о том, смогу ли стать писательницей. Возилась-возилась с историей, но так и не придумала достойного окончания.

Беатрис задумчиво нахмурилась.

— История, да? Я бы с удовольствием ее послушала, и, возможно, вместе нам удастся придумать подходящий конец.

Гвен глубоко вздохнула и начала:

— Героиня моей истории — девушка, которая отправилась путешествовать по горам Шотландии и нашла заколдованного горца, спящего в пещере над озером Лох-Несс... Довольно далеко отсюда, правда?

Прошел час. Гвен несколько раз видела, что Беатрис очень хочет что-то сказать, даже открывает рот, но закрывает его, не сказав ни слова. Женщина взъерошила свои кудряшки, смяла шляпу, поправила розовый свитер.

— Сначала я подумала, что ты собираешься рассказать мне о том, что с тобой сегодня случилось, но ты решила не признаваться. — Беатрис покачала головой. — Но, Гвен, я и не предполагала, что у тебя такое богатое воображение. Ты действительно помогла мне отвлечься. Боже! — воскликнула она и махнула рукой, указывая на пластиковый контейнер. — Я ведь даже поела, хотя была уверена, что не смогу проглотить ни кусочка. Милая, тебе нужно закончить эту историю. Ты не можешь оставить героев в подвешенном состоянии. Я этого не перенесу. Расскажи мне, чем все закончится.

— А что, если это ничем не закончится, Беа? Что, если это и есть конец? Героиня вернулась в свое время, герой умер. И все.

— Тебе нельзя так заканчивать историю. Придумай, как провести горца через камни.

— Он не может ими воспользоваться, — сухо ответила Гвен. — Никогда. Даже если он выжил...

— Когда дело касается любви, остальные клятвы теряют смысл. Смени правила. Просто перепиши их.

— Не могу. Они часть истории. Если герой нарушит правила, он станет темным друидом. — Гвен прекрасно понимала, что из этого может получиться. — Никто из его клана никогда не нарушал данной клятвы. Им нельзя. И, честно говоря, я стала бы думать о нем хуже, если бы он решился на это.

Беатрис приподняла брови.

— Ты? Ты стала бы думать о нем хуже?

Гвен покачала головой.

— Я имела в виду героиню моей истории. Она стала бы думать о нем хуже. Герой прекрасен, когда остается самим собой. То, что он человек чести, который всегда держит данное слово, очень нравилось моей героине. Если горец нарушит клятву и использует камни в личных целях, это ломает его. Не говоря уже о том, что он перейдет на сторону зла. Нет. Если он выжил — в чем я сильно сомневаюсь, — он никогда не воспользуется камнями, чтобы прийти к ней.

— Но ведь историю рассказываешь ты, — возразила Беатрис. — Не позволяй ему умереть. Перепиши все, Гвен. Зачем ты рассказываешь мне такие печальные вещи?

Девушка выдержала ее взгляд.

— А что, если это не просто история? — тихо спросила она.

Некоторое время Беатрис молча смотрела на нее, потом отвернулась к окну. Ее взгляд скользнул по озеру Лох-Несс, которое смутно блестело в сумерках, и Беатрис слабо улыбнулась.

— В этих холмах живет магия. Я почувствовала ее с первого же дня в Шотландии. Кажется, обычные законы природы не властны над этой страной. — Она помолчала и снова взглянула на Гвен. — Когда моему Берти станет лучше, я перевезу его в холмы. С разрешения доктора, конечно же. Сниму маленький коттедж на всю осень. Пусть магия немного прогреет наши старые кости.

Гвен грустно улыбнулась.

— Кстати о Берте. Я отправлюсь в больницу вместе с тобой. Посмотрим, что скажут врачи. А если ты снова начнешь плакать, я поговорю с ними вместо тебя.

Беатрис запротестовала, но Гвен заметила, как засветились ее глаза от облегчения и благодарности. Ей самой тоже стало легче. Кажется, в ближайшее время ей лучше не оставаться в одиночестве.

Остаток отпуска Гвен провела в деревне возле глубокого прозрачного озера. Она помогала Беатрис и ни разу не позволила себе подолгу смотреть на холмы или отправиться побродить по ним. Гвен запретила себе даже думать о том, что можно поехать к замку МакКелтаров и посмотреть, что с ним случилось. Потеря была слишком свежей, боль от нее — слишком острой. Беатрис проводывала Берта в больнице, а Гвен была в номере, все чаще оставаясь в постели, потому что чувствовала себя больной от горя. Перспектива скорого возвращения домой, в пустой дом в Санта-Фе, казалась ей отвратительной.

Вечером возвращалась Беатрис, уставшая после дневных тревог. Они утешали друг друга, заставляли себя съесть хоть что-нибудь и медленно прогуливались по берегу серебряного зеркала Лох-Несс, глядя, как закатное солнце окрашивает его поверхность в алый и лиловый.

Под небом Шотландии Гвен и Беатрис стали друг другу ближе, чем мать и дочь. Они часто говорили об истории Гвен. Беатрис настаивала на том, чтобы Гвен записала ее, превратила свой сюжет в исторический роман и отправила издателем.

Гвен возражала: «Это никогда не напечатают. Такое им неинтересно». — «Неправда, —

спорила с ней Беатрис. — Этим летом я читала роман про вампира. Про вампира, Господи! Этому миру нужно больше историй о любви. Как ты думаешь, что я читала, сидя в больнице и дожидаясь, пока Берти станет лучше? Уж точно не ужастик...» — «Может, позже», — отговаривалась Гвен, в основном чтобы закончить разговор.

Но потом она начала всерьез размышлять над этой идеей. Да, в жизни не бывает концовки «и жили они долго и счастливо», но ведь она может хотя бы написать это. Пусть кто-то другой прочитает ее историю и поверит в любовь.

Боль не утихала. Гвен оставалась с Беатрис до тех пор, пока состояние Берта не стабилизировалось и женщина не стала веселее. День за днем Берт набирался сил. Гвен была уверена, что не последнюю роль в его выздоровлении сыграла любовь жены.

В день его выписки они с Беатрис отправились в больницу вместе. Берт говорил неразборчиво, левая половина его лица была парализована после инсульта, но врач заверил их, что время и терапия это исправят. Беатрис подмигнула Гвен и сказала, что разговоры не главное, если остальные части тела в рабочем состоянии.

Берт расхохотался и написал маркером на дощечке, что остальные части тела в полном порядке и, если над ним перестанут кудахтать и оставят его наедине с женой, он с удовольствием это продемонстрирует. Гвен улыбалась и смотрела на них со странной смесью радости и боли.

Счастливая парочка отпустила ее только тогда, когда Гвен пообещала прилететь в Мэн на Рождество, — Беатрис все-таки сняла коттедж у озера и до осени они планировали остаться там. Потом Беатрис помогла Гвен собрать вещи и вызвала ей такси до аэропорта.

Гвен устроилась на заднем сиденье, Беатрис крепко обняла ее и расцеловала в лоб, нос, щеки. У обеих глаза были на мокром месте.

— Не смей сдаваться, Гвен Кэссиди. Не переставай любить. Я могу так никогда и не узнать, что случилось с тобой тогда на холмах, но знаю, что в тот день твоя жизнь изменилась. В Шотландии живет магия, но помни: у любящего сердца свое волшебство.

Гвен вздрогнула.

— Я люблю тебя, Беатрис. Позаботься о Берте.

— Обязательно, — заверила ее Беа. — И я тоже тебя люблю.

Беатрис захлопнула дверцу. Такси тронулось. Гвен смотрела на Беатрис, пока ее фигурка не исчезла из виду, а потом проплакала всю дорогу до аэропорта.

20 октября, наше время

Гвен с четырех лет знала, что цвет объекта зависит от его химической структуры. Некоторые световые волны объект поглощает, некоторые отражает, все зависит от его структуры и длины волн. Теперь она поняла, что у души тоже есть свет и от этого света зависят все цвета в мире. Душа светится от счастья, радости, удивления, надежды.

Без этого света мир кажется темным. И не важно, сколько ламп она зажжет, все вокруг останется плоским, серым, пустым. Во сне Гвен не расставалась со своим горцем. Реальность каждый миг напоминала о том, что его больше нет. Часто ей не хватало сил даже на то, чтобы открыть глаза.

В такие дни Гвен лежала на кровати в своей маленькой квартире, задернув шторы, выключив свет и отключив телефон. Она вспоминала каждый миг, который они провели вместе, смеялась и плакала. Иногда Гвен пыталась заставить себя встать с кровати. Но ее сил хватало лишь на визиты в туалет, где бунтующий желудок избавлялся от своего содержимого, и на походы к двери, чтобы оплатить доставку пиццы.

Гвен была смертельно ранена, а глупое сердце продолжало биться. Как ей жить без Друстана?

Банальные штампы не работали. Время не могло излечить ее ран. Время вообще ничего не могло излечить. Время смогло лишь забрать у нее возлюбленного, и, даже если Гвен доживет до ста лет, она не простит времени этого предательского удара.

«Это глупо!» — фыркнул живущий в ней ученый.

Гвен застонала, перекатилась на бок и сунула голову под подушку. «Оставь меня в покое. От тебя никогда не было толку. Ты даже не предупредил меня о том, что я могу потерять Друстана». — «Я пытался. Но ты не хотела меня слушать. Я и теперь пытаюсь помочь тебе, — сухо ответил ученый. — Тебе нужно встать». — «Отвали». — «Тебе нужно встать, если ты не хочешь проснуться в остатках позавчерашней пиццы, которую ты только что съела».

Ладно, это достойный повод подняться с постели, подумала Гвен через несколько минут, дрожащей рукой сжимая зубную щетку. В последнее время она только так и поднималась. Гвен прищурилась, собралась с силами и включила свет, чтобы посмотреть, не нужно ли вымыть туалет. Свет резанул по глазам, и несколько секунд ушло на то, чтобы к нему привыкнуть. Когда Гвен удалось открыть глаза, она увидела свое отражение в зеркале и вскрикнула.

Она выглядела отвратительно. Спутанные жирные волосы, бледная кожа, красные глаза, опухшие от слез. Оказывается, она похудела и осунулась, а в глазах застыло отчаяние. Нужно взять себя в руки, отстраненно подумала она.

«Если не ради себя, то ради ребенка», — согласился с ней внутренний голос.

— Ч-что? — Гвен так долго не разговаривала вслух, что у нее вышло какое-то хриплое карканье.

«Ребенка. Ради ребенка, идиотка!» — рыкнул на нее ученый.

Гвен охнула, замерла и уставилась на свое отражение. Нахмурилась, внимательно рассматривая себя. Разве у беременных лица не светятся от радости? Разве при беременности не набирают вес? Она с сомнением посмотрела на свой живот. Он был плоским. Даже немного ввалившимся. Она определенно похудела, а не поправилась.

«Только не говори, что разучилась считать. Когда у тебя в последний раз были месячные?»

У Гвен появился проблеск надежды. И она тут же запретила себе надеяться. Надежда —

опасное чувство. Гвен не сможет еще раз пройти через ад потери. Надеяться на то, что она забеременела, а потом узнать, что это ложь... Она этого не переживет. Ей и так плохо.

Девушка яростно помотала головой. На этот раз живущий в ней ученый ошибался.

— Я не беременна, — сухо сообщила она своему отражению. — У меня депрессия. Это совсем другое.

Просто у нее задержка из-за пережитого стресса. Так бывало и раньше. Во время Восстания Против Судьбы она пропустила два месяца.

«Хорошо. Залезь обратно в кровать, продолжай питаться черствой пиццей и удивляться, почему тебя тошнит. А когда потеряешь ребенка из-за того, что не следила за собой, не смей меня винить».

— Потеряю ребенка? — задохнулась Гвен.

Укол страха больше походил на удар ножом. Если существует хоть малейшая вероятность того, что в ней растет ребенок Друстана, она ни за что его не потеряет! Испугавшись надежды, потому что ошибка убила бы ее, Гвен не задумалась о том, что беременность не просто возможна. Она вероятна. Они с Друстаном часто занимались любовью, и она не предохранялась. Если бы она не была так заиклена на своем страдании, она сообразила бы это раньше. И если она беременна, но как-то повредила ребенку, она просто умрет.

Гвен вернулась в спальню, включила свет и осмотрелась, усиленно размышляя, считая дни, пытаясь найти подтверждение. Спальня напоминала свинарник. Коробки из-под пиццы валялись на полу, к ним присохли куски содержимого. Стаканы с остатками молока сгрудились на прикроватном столике. Обертки от крекеров были разбросаны на кровати: Гвен жевала эти крекеры утром, пытаясь успокоить бунтующий желудок.

— О Господи, — прошептала она. — Господи, пожалуйста, пусть это будет правдой.

Ожидание подтверждения того, что она действительно беременна, было бесконечным. Никаких домашних тестов для Гвен Кэссиди — она должна была услышать новость только от врача.

Сдав анализы крови и мочи, Гвен притопнула ногой и уселась в приемной с другими пациентками. Она звенела от напряжения, как натянутая струна. Ерзала, пересаживалась с места на место, листала журналы для посетителей. Измерила шагами приемную и коридор. Периодически проверяла, не забыла ли о ней дежурная.

Дежурная морщилась всякий раз, когда Гвен проходила мимо. Наверное, женщина посчитала ее неуравновешенной особой. Когда Гвен впервые позвонила сюда и, балансируя на грани истерики, потребовала немедленного приема у врача, дежурная грубо ответила, что у доктора Керолин Девор все расписано на несколько недель вперед.

Гвен умоляла и плакала до тех пор, пока рассвирепевшая дежурная не позвала к телефону саму Керолин. Керолин, которая наблюдала Гвен с самого детства, а потом стала не только врачом, но и подругой, пригласила ее приехать.

— Сядьте! — рявкнула дежурная. — Вы заставляете других пациентов нервничать.

Гвен испуганно оглядела переполненную комнату и рухнула на стул.

— Мисс Кэссиди? — Из-за угла высунулась симпатичная медсестра.

— Это я! — Гвен буквально взлетела со стула и рванулась к ней. — Это я! — радостно сообщила она дежурной.

Через несколько минут она уже сидела на столе для обследования. Обхватив себя руками — в комнате было холодно, — она болтала ногами и ждала. Когда дверь открылась, пропуская Керолин Девор, Гвен смогла только выдохнуть:

— Ну что?

Керолин прикрыла дверь и улыбнулась.

— Ты была права. Ты беременна, Гвен.

— Беременна? — Ей очень хотелось поверить, но она не осмеливалась.

— Да.

— Правда? — уточнила она.

Керолин рассмеялась.

— Абсолютно и несомненно.

Гвен прыгнула со стола и обняла ее.

— Я люблю тебя, Керолин! — воскликнула она. — Ох, спасибо!

Керолин снова рассмеялась.

— Ну, меня-то благодарить не за что, но — пожалуйста.

Несколько минут Гвен могла только повторять «я беременна» и счастливо улыбаться.

— Тебе нужно набрать вес, Гвен, — осадила ее Керолин. — Я приняла тебя сегодня, потому что по телефону у тебя был ужасный голос. Это обеспокоило меня.

Она запнулась, словно подыскивая нужные слова.

— Я знаю, что в этом году ты потеряла родителей.

Гвен кивнула, ее улыбка поблекла.

— Траур взял свое. Со времени последнего осмотра ты потеряла четыре килограмма. С сегодняшнего дня я прописываю тебе витаминные добавки и определенную диету. Все пункты довольно простые, но если возникнут вопросы, звони мне. Ешь. Ни в чем себе не отказывай. Сейчас тебе можно немного расслабиться и забыть о фигуре.

Она дала Гвен меню со своими примечаниями и пакет с образцами пищевых добавок, которых ей должно было хватить до похода в аптеку.

— Да, мэм, — пообещала Гвен. — Я наберу вес, честное скаутское!

— Отец детей будет помогать тебе? — осторожно поинтересовалась Керолин.

Гвен глубоко вздохнула. «Я сильная, — напомнила она себе. — От меня зависит мой ребенок».

— Он... хм... ну, он... умер. — Она с трудом выдохнула это слово.

Попытка произнести это вслух вызвала у нее почти физическую боль. «Он умер пятьсот лет назад», — чуть не сказала она. Стоит сделать такую глупость, и Керолин придется упаковать ее в смирительную рубашку.

— О Гвен! — воскликнула врач, сжимая ее руку. — Мне так жаль!

Гвен отвернулась, не в силах смотреть в ее глаза, полные сочувствия. Простая вежливость вызвала неудержимое желание расплакаться. Должно быть, Керолин это почувствовала, потому что ее тон изменился, снова стал профессионально-отстраненным.

— Думаю, по поводу твоего веса мы договорились. Твоему телу понадобится особый уход, к тому же я бы посоветовала ультразвуковое обследование.

— Ультразвук? Зачем? Что-то не так? — Гвен с тревогой уставилась на врача.

— Нет, все в порядке, — поспешила заверить ее Керолин. — Думаю, это станет для тебя приятной новостью. Судя по результатам анализов, у тебя будет двойня. Ультразвук поможет определить это с большей точностью.

— О Господи! Двойня! — воскликнула Гвен. — Двойня, — повторила она, все еще не веря. У нее будут двойняшки, такие же как Друстан и Дуг. По спине пробежала дрожь — не один его ребенок, а два! «О Друстан, — подумала она с острой печалью. — У нас будет двойня, любимый!» Как бы он обрадовался этой новости и как бы они праздновали рождение детей!

Но он так никогда и не узнает. Никогда не увидит сыновей или дочек. Ей не суждено поделиться с ним своей радостью. Гвен закрыла глаза, пытаясь справиться с горем. Керолин внимательно наблюдала за ней.

— Ты в порядке, Гвен?

Девушка кивнула, горло у нее сжалось. Через минуту она смогла наконец открыть глаза.

— Гвен, если тебе нужно с кем-то поговорить... — Керолин заглянула ей в глаза.

Она кивнула.

— Спасибо. Но мне нужно немного времени, чтобы справиться с этим. — Ей удалось даже слабо улыбнуться. — Я справлюсь, Керолин. Все будет хорошо, обещаю. Я позабочусь о себе.

Ничто не повредит ее детям.

— Я запишу тебя на пятницу, — сказала Керолин, направляясь к двери. — После обеда тебе позвонит моя помощница и сообщит точное время.

Гвен искренне поблагодарила.

— Ты даже не знаешь, как это важно для меня.

Керолин посмотрела на темные круги у нее под глазами.

— Знаешь, я догадываюсь, — мягко ответила она. — А теперь иди домой, поешь и отдохни. Теперь ты отвечаешь не только за себя.

Уходя, Гвен помахала дежурной на прощанье. Она беременна. В ней растет и живет часть Друстана. Его ребенок, а может, и двое. Можно будет любить их, растить, заботиться.

Шагая по парковке, Гвен удивлялась тому, какое синее небо над головой, как ярко светит солнце, как зеленеет трава. Мир обрел цвета. Ее душа снова светилась.

Через неделю Гвен оказалась в Шотландии. Она сидела на капоте машины, взятой напрокат, у подножия горы МакКелтаров, и с тревогой смотрела вверх.

Когда Керолин подтвердила, что у нее будет двойня, Гвен почувствовала невероятный прилив сил. Она убрала квартиру, снова включила телефон, подстриглась, выщипала брови и прогулялась по магазинам за свежими продуктами. Потом позвонила в Страховую компанию штата, чтобы сообщить о том, что увольняется, но оказалось, что ее уже уволили за несколько недель прогулов. Гвен философски пожала плечами — меньше хлопот.

Она позвонила риэлтеру и выставила на продажу дом родителей. Кредит за этот претенциозный особняк был выплачен много лет назад, а после его продажи у Гвен будет достаточно денег для нового старта. Ее больше ничто не держало в Санта-Фе. Со страховой компанией было покончено, с домом она тоже разобралась. Гвен собиралась перебраться на восточное побережье, может быть, в Мэн, поближе к Берту и Беатрис. Там можно купить милый домик, обустроить в нем детскую. Возможно, она станет преподавать математику в местном университете и постарается сделать эту работу интересной.

Но до того как она начнет всем этим заниматься, до того как будет строить свое будущее, ей нужно разобраться с прошлым. А разобраться с прошлым она могла, лишь получив ответы на вопросы, которые мучили ее в три часа ночи, комком подступая к горлу и выворачивая душу наизнанку.

Умер ли Друстан от той стрелы или выжил? И если выжил, женился ли он на ком-нибудь? Гвен ненавидела этот вопрос, потому что ее душа рвалась на части. Если бы Друстан женился на ком-то, ей было бы больно, и в то же время Гвен не хотела, чтобы он всю жизнь горевал по ней. Она любила его, искренне желала ему выжить и найти свое счастье. А не страдать от разлуки тридцать, сорок, а то и пятьдесят лет. Оказалось, что ей повезло больше: они с Друстаном потеряли друг друга, но у нее остались его дети.

И еще вопросы: а у Дуга появились наследники? Дожил ли до двадцать первого века кто-то из МакКелтаров? Если МакКелтары все еще живут в Алборате, борьба Гвен была не напрасна. Друстан стремился спасти свой клан от уничтожения, они вместе спасли Дуга, и, если все пошло как надо, Гвен сможет почувствовать себя счастливой.

Но дело было не только в вопросах. Она просто хотела побывать на его могиле, положить на нее букет вереска и поговорить с Друстаном. Рассказать ему о детях, посмеяться и поплакать над общими воспоминаниями. А после этого она вернется домой и будет сильной — ради своих детей. Такой, какой хотел бы ее видеть Друстан.

Собравшись с духом, Гвен соскользнула с капота и села за руль. Она не обманывала себя: что бы ни ждало ее на вершине горы, встреча с ним будет мучительной. Потому что, так или иначе, там она скажет свое последнее «прощай».

Добравшись до вершины, Гвен почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Величественные камни Бан Дрохада короной поднимались к сияющему безоблачному небу. Там они впервые занялись любовью. Оттуда она отправилась в прошлое. И именно там, судя по сроку, забеременела.

Гвен знала, что новая встреча с камнями обернется болью, потому что часть ее души все еще хотела окопаться в лаборатории и попробовать воссоздать те непонятные ей формулы, которые она видела на этих камнях. Лишь одно останавливало Гвен — она знала, что при всем своем уме может провести в лаборатории всю жизнь и превратиться в сумасшедшую старуху, так и не приблизившись к разгадке ни на шаг. Она не позволит себе так жить и постарается уберечь

от этого своих детей. Несколько раз Гвен размышляла над вязью загадочных символов, но лишь затем, чтобы убедиться: она не в состоянии их расшифровать. Даже будь она гением, ей не хватило бы ума.

И даже если современные МакКелтары все еще живут в замке, она не позволит себе просить их об одолжении. Она не будет умолять отправить ее обратно и не оставит в этом мире темных друидов. Нет. Она будет той, кого любил Друстан, — сильной, честной, самоотверженной женщиной.

Решившись, Гвен проехала мимо камней и посмотрела вверх, туда, где должен был стоять замок. И ахнула. Замок МакКелтаров стал еще красивее, чем в шестнадцатом веке. На площадке перед ним появился фонтан, сверкающий множеством струй. От замка разбежались каменные дорожки, обрамленные густым цветущим кустарником. Фасад не раз обновлялся за прошедшие века, и когда-то каменные ступени главной лестницы теперь сменились розовым мрамором. Изящные перила из того же мрамора охватывали крыльцо с двух сторон. То, что раньше было тяжелой дверью из мореного дуба, теперь превратилось в двойную дверь из полированной вишни с золотистой окантовкой. Над дверью — сердце Гвен пропустило удар — был витраж, цветные стекла которого сияли на солнце богатым пурпуром плета МакКелтаров.

Она остановила машину у самых ступеней. Интересно, этот витраж над дверью можно считать доказательством того, что замок все еще принадлежит роду МакКелтаров? Дверь замка внезапно распахнулась, выпуская на свет маленькую девочку с копной светлых кудряшек. Гвен, сидящая за рулем «вольво», сощурилась от солнца, разглядывая ее. За девочкой вышел мальчик того же возраста, а за ним — явно двойняшки чуть постарше.

При виде двойняшек у Гвен перехватило дыхание и все вопросы о том, выжил ли кто-то из клана Друстана, отпали сами собой. Определенно выжил. В старших детях, без сомнения, текла кровь МакКелтаров — те же гривы темных волос, золотистая кожа и странного цвета глаза. Они могли быть наследниками Дуга — глаза мальчика сияли таким же золотистым светом.

Гвен зажмурилась, пытаясь сдержать слезы. Ей хотелось плакать от грусти и в то же время — от счастья. Их с Друстаном миссия увенчалась успехом, но теперь стало ясно, что визит в замок будет труднее, чем ей представлялось.

— Эй! — Девочка постучалась в окно машины. — Ты выйдешь или будешь сидеть там целый день?

Гвен тихо фыркнула и почувствовала, что ей стало легче. Она открыла глаза и улыбнулась. Девочка с требовательным выражением лица была невероятно милой. «У тебя скоро будет двое таких», — мягко напомнил ей внутренний голос.

— Кара, отойди от машины! — сказала блондинка двадцати с хвостиком лет, поспешно спускавшаяся по ступеням.

Она была беременна, и Гвен непроизвольно коснулась своего живота. Выключив мотор, она вышла из машины, с опозданием вспомнив, что так и не придумала, как начать разговор с незнакомцами. Она собиралась подстроиться под ситуацию и сориентироваться на месте, рассчитывала напроситься на экскурсию по замку, а дальше действовать по обстоятельствам. И обрадовалась тому, что женщина тоже беременна, — легче будет напроситься в замок с визитом и лишних вопросов это не вызовет. Гвен недавно обнаружила, что беременные женщины не только легко находят общий язык, но и инстинктивно чувствуют себе подобных, словно при беременности между ними возникает какая-то невидимая связь. Несколько дней назад она больше часа поболтала с беременной незнакомкой в кафе продуктового магазина, куда обе пришли за мороженым. Они обсуждали детскую одежду, анализы, роды и уйму других вещей, которые не беременным показались бы невероятно глупыми.

— Насколько я поняла, эти милашки ваши? — с дружелюбной улыбкой поинтересовалась

Гвен.

— Айе. Я Мэгги МакКелтар, а это мои младшие, Кори и Кара, — ответила незнакомка, указывая на детей. Кара сказала «привет», а Кори смущенно улыбнулся. — А это, — движение рукой в сторону темноволосых двойняшек, — Кристиан и Колин.

Двойняшки поздоровались хором.

— А через несколько месяцев будет еще парочка, — добавила Мэгги. — Но по мне это и так видно.

— Я тоже жду двойняшек, — призналась Гвен.

Глаза Мэгги странно блеснули.

— Так будет проще, — сказала она. — Я всегда хотела родить десятерых, а попарно все выйдет быстрее.

Она повернулась к лестнице и крикнула:

— Кристофер, поторопись, она уже здесь!

— Иду, любимая, — откликнулся глубокий баритон.

Гвен недоуменно нахмурилась. Что Мэгги имела в виду, сказав «она уже здесь»? Может, они ждали кого-то другого и перепутали с ней? Наверное, они хотели нанять няньку и решили, что это Гвен.

Кара нетерпеливо подергала Мэгги за руку.

— Мама, а когда мы ей покажем...

— Цыц, — шикнула на нее Мэгги. — Бегите вперед вместе с Кори. Мы скоро придем. Кристиан и Колин, помогите миссис Мельбурн подготовить все к чаепитию на веранде.

— Но, мам...

— Я неясно выразилась?

«Я объясню, что она перепутала меня с другим человеком», — подумала Гвен, глядя, как дети уходят в замок. Она не хотела вводить в заблуждение Мэгги МакКелтар. Однако, когда на пороге появился Кристофер, все мысли вылетели у Гвен из головы. Она задохнулась и почувствовала, что вот-вот упадет в обморок.

— Айе, сходство просто поразительное, верно? — мягко заметила Мэгги, глядя на нее.

Кристофер оказался обладателем такой же гривы темных волос, он был так же невероятно высок и прекрасно сложен. Только глаза у него были не серебристыми, а темно-серыми, но в остальном он был так похож на Друстана, что на него было больно смотреть.

— Ч-что вы имеете в виду? — запинаясь, спросила Гвен, стараясь взять себя в руки.

— Я имею в виду, что он очень похож на Друстана, — ответила Мэгги.

Гвен открыла рот, но не смогла издать ни звука. Похож на Друстана? Что они знают о ней и Друстане?

— Ох, Гвен Кэссиди! — Кристофер говорил с сочным шотландским акцентом. — Мы уже давно тебя ждем.

Он улыбнулся и обнял Мэгги за талию, и оба улыбнулись ей. Гвен моргнула.

— Откуда вы меня знаете? — Голос прозвучал слабо, и Гвен добавила уже громче: — Что вы знаете о Друстане? Что здесь вообще происходит?

Мэгги поцеловала мужа в щеку, выскользнула из его объятий и взяла Гвен под локоть.

— Входи, Гвен. Мы многое должны рассказать тебе, но, думаю, тебе лучше присесть, перед тем как ты выслушаешь новости.

— Присесть, — повторила Гвен, чувствуя, что у нее подгибаются колени.

Хорошая идея.

Но присесть не получилось. В тот же миг, когда Гвен шагнула в Грейтхолл, она застыла, беспомощно хватая ртом воздух, потому что прямо перед ней был огромный портрет, висящий

над двойными дверями.

Ее портрет. Гвен Кэссиди, в полный рост, в лавандовом платье, светлые волосы обрамляют лицо... Портрет занимал все пространство между двумя лестничными пролетами.

— Я, — выдохнула Гвен. — Это же я.

Мэгги рассмеялась.

— Айе. Этот портрет был нарисован в шестнадцатом веке...

Но Гвен не услышала остального. Все ее внимание было приковано к семейной галерее. Почти всю поверхность стен Грейтхолла занимали портреты. Древние полотна, несколько современных, — картины располагались на уровне глаз, а затем шли рядами до самого потолка.

Гвен торопливо прошла мимо современных полотен, ей не терпелось увидеть, на ком женился Дуг и какие у него родились дети. Краем сознания она отметила, что Мэгги и Кристофер следуют за ней.

Рядом с секцией, которая была отведена для полотен, написанных в шестнадцатом веке, Гвен застыла. В первый миг она не поверила своим глазам, а потом улыбнулась, чувствуя, как по щекам катятся слезы. Ей показалось, что она слышит тихий смех Сильвана. И дерзкий комментарий Нелл. И топот детских ножек по каменному полу.

Картина, на которую она смотрела, была в три метра высотой. Нелл сидела на террасе, Сильван стоял за ней, положив руки ей на плечи. На руках Нелл держала двойняшек. Гвен обернулась к Мэгги.

— Нелл?

— Айе. Многие из нас являются прямыми наследниками детей Нелл и Сильвана МакКелтаров. Он женился на своей экономке, и, по записям, у них было четверо детей. В нашем роду близнецы рождаются чаще обычного.

— А мне он кажется слишком старым, чтобы заводить детей, — раздался голос Колин, которая вернулась в Грейтхолл с братьями и сестричкой. — Чай готов, — сообщила она.

Сердце Гвен сжалось.

— Ему было шестьдесят два, — тихо сказала она.

Нелл тоже сложно было назвать молоденькой. Она все же дождалась появления деток, а Сильван помог ей осуществить мечту. Гвен повернулась к следующему портрету, но две соседние ниши на стене пустовали. На стенах остались невыгоревшие отметины, значит, портреты тут все же были.

— А кто был здесь? — спросила она.

Или они сняли портрет Друстана, чтобы отдать ей? Кристофер и Мэгги обменялись странными взглядами.

— Только два портрета сняты со стены, — ответил Кристофер. — А вот снова Нелл и Сильван.

Гвен мельком взглянула на картину.

— А Дуг? Где Дуг?

И снова странные взгляды.

— Судьба Дуга для нас загадка, — сказала наконец Мэгги. — Он пропал в 1521 году.

— Есть записи о его смерти?

— Нет.

«Как странно», — подумала Гвен. Но об этом можно будет поговорить позже, а сейчас она способна думать только об одном.

— А портреты Друстана у вас есть?

— Мам! — снова позвала Колин. — Ну сколько можно тянуть, пойдем уже!

Кристофер и Мэгги улыбнулись.

— Пойдем. Нам нужно показать тебе еще кое-что.

— Но у меня так много вопросов, — запротестовала Гвен. — Как вы...

— Позже, — мягко оборвала ее Мэгги. — Сначала ты должна кое-что увидеть, а потом мы ответим на все твои вопросы.

Гвен открыла рот, закрыла и решила пройти за ними.

Мэгги остановилась у двери в башню, и Гвен глубоко вздохнула, стараясь успокоиться. Неужели Друстан что-то оставил для нее? Что-то, что можно будет передать детям в память об отце, которого они никогда не увидят? Гвен чуть не расплакалась от зависти, когда Кристофер и Мэгги обменялись любящими взглядами.

У Мэгги был свой МакКелтар, а у Гвен не осталось ничего, что напоминало бы ей о любимом. Ни пледа с его запахом, ни портрета, который можно показать детям. Она вздрогнула, ожидая, что будет дальше.

Мэгги достала из кармана ключ на старом потертом шнурке.

— Это... наследие, которое хранилось в замке МакКелтаров многие века. Из поколения в поколение оно служило пищей для романтических мечтаний... — Она приподняла бровь и взглянула на старшую дочь. — А наша Колин — самый тяжелый случай.

— Неправда. Я слышала, как вы с папой обсуждали это и каждый раз обменивались такими противными взглядами...

— Этим противным взглядом ты обязана своим появлением на свет, малявка, — сухо ответил Кристофер.

— Фу-у-у! — Колин сморщила носик.

Мэгги рассмеялась и продолжила:

— Иногда я думаю, что сила вашей любви благословила всех, кто жил когда-либо в этих стенах. Из поколения в поколение передавалась легенда, которая стала сказкой, и все ждали этого дня. И вот он настал, и дальше все зависит от тебя. — Мэгги с улыбкой протянула Гвен ключ. — В легенде говорится, что ты знаешь, что делать.

— Потому что ты уже делала это раньше, — шепотом добавила Колин.

Совсем запутавшись, Гвен вставила ключ в замочную скважину. Рука у нее дрожала, а замком явно долго не пользовались, так что ей пришлось потрудиться, прежде чем ключ повернулся.

Когда дверь открылась, Кристофер протянул ей свечу.

— Там нет электричества. Эту башню не открывали уже пять столетий.

Странное предчувствие росло. Гвен взяла свечу и нерешительно шагнула в комнату, втайне опасаясь, что за ней увяжется весь клан МакКелтаров. Было слишком темно, чтобы осмотреть всю комнату сразу. Круг света выхватил из тьмы груды старой одежды и блестящего оружия.

Клинки Друстана!

Сердце зашло от боли. Гвен опустилась на колени и дотронулась до ткани, на которой лежало оружие. Это был плед, а под ним обнаружили кожаные штаны, которые подошли бы ей по размеру. Глаза Гвен непроизвольно наполнились слезами — Друстан не забыл, как она хотела получить такие.

— Это не то! — нетерпеливо воскликнула Колин. — Ты не туда смотришь. Подними глаза!

— Колин! — строго одернул ее Кристофер. — Всеу свое время.

Гвен сморгнула слезы и посмотрела вверх. Ее глаза уже привыкли к полутьме, и она различила каменную плиту в центре круглой комнаты. Сердце заколотилось как бешеное, и Гвен вскочила на ноги.

— О Господи!

Она нерешительно шагнула к плите. Этого не может быть! Как такое могло случиться? Она

взглянула на Мэгги, и та улыбнулась ей.

— Он ждет тебя. Он ждет тебя уже пятьсот лет. В легенде говорится, что ты знаешь, как разбудить его.

Гвен почувствовала, что теряет сознание. Перед глазами все поплыло, и она чуть не упала прямо там, где стояла. Несколько минут она могла только изумленно смотреть перед собой. Потом бросила Мэгги кожаные брюки, которые бессознательно сжимала в руках, и вскарабкалась на плиту.

— Друстан! — воскликнула Гвен, целуя любимое лицо. — Друстан, любимый...

По щекам потекли слезы. Как его разбудить? Гвен не могла придумать и не могла поверить, что действительно видит его. Дрожащими руками она касалась его кожи, опасаясь, что он в любой момент растает, словно мираж.

— Я ведь не сплю, верно? — слабо прошептала она.

— Нет, не спишь, — улыбнулся ей Кристофер.

Гвен посмотрела на Друстана, пытаясь в точности вспомнить все, что произошло тогда в пещере. Она упала в трещину и приземлилась прямо на него. Ей было интересно, и она бессовестно трогала его, проводила руками по груди. А потом отстранилась, чтобы можно было рассмотреть его лицо, потому что солнечный луч...

— Солнце! Помогите мне вынести его отсюда! — выпалила она. — Думаю, солнце сможет помочь!

Потребовались общие усилия МакКелтаров, чтобы вынести заколдованного горца по лестнице в библиотеку, а потом на крытую террасу. К концу пути они все тяжело дышали, но теперь Друстан оказался на каменном полу залитого солнечным светом коридора.

Гвен постояла над ним с минуту, молча глядя на любимого. Друстан был здесь. Ей осталось только выяснить, как разбудить его! Она оседлала его, как тогда, в пещере. Прижала ладони к его груди. Лучи солнца касались его лица, совсем как тогда... Но ничего не происходило. Символы на груди Друстана оставались по-прежнему четкими. В пещере они исчезли. Почему?

Гвен прищурилась и взглянула на солнце. В этот безоблачный день оно было очень ярким. Она беспомощно оглянулась на Мэгги.

— Он не оставил никаких инструкций?

Она не могла больше ждать! МакКелтары покачали головами.

— Он, казалось, боялся, что его могут разбудить раньше времени, — ответила Мэгги и сурово посмотрела на Колин. — А некоторые были просто одержимы этой идеей, например моя дочь, которая заглянула в окошко башни и увидела его спящим.

Гвен закрыла глаза и задумалась. Что же не так? Открыв глаза, она взглянула на его грудь. Все, как в прошлый раз, солнце, символы, ее руки...

Кровь. В прошлый раз на символы попала кровь с ее расцарапанных ладоней. Может, это и есть недостающий элемент? Человеческая кровь и солнечный свет? Она ничего не знала о заклинаниях, но кровь фигурировала во множестве мифов и легенд.

— Мне нужен нож! — воскликнула Гвен.

Колин бегом вернулась в замок и через пару минут принесла небольшой нож для мяса.

Пробормотав про себя молитву, Гвен полоснула лезвием по ладони. Дрожащими руками она размазала кровь по символам на груди Друстана и отстранилась, застыв в ожидании. Сначала ей показалось, что ничего не произойдет. А потом символы начали исчезать один за другим... Гвен охнула и перевела взгляд на его лицо.

— С добрым утром, англичанка, — лениво произнес Друстан, открыв серебристые глаза. — Я знал, что ты справишься, любимая.

Гвен потеряла сознание.

Она пришла в себя на кровати в Серебряной Комнате. Друстан лежал рядом и смотрел на нее с такой любовью, что из глаз у нее снова полились слезы.

— Друстан, — прошептала Гвен, обнимая его.

— Она очнулась, Мэгги, — сказал он, обернувшись через плечо. — Все в порядке.

Гвен услышала, как закрывается дверь. Мэгги решила оставить их наедине. Девушка заглянула в глаза Друстана. Он смотрел на нее, как на самое прекрасное создание в этом мире.

— Как? — спросила она, прикасаясь к его лицу. Ладони Гвен скользили, поглаживая каждый выступ и впадину, а Друстан целовал ее пальцы, когда они касались его губ. — Как?

— Я люблю тебя, Гвен МакКелтар, — прошептал он, целуя ее ладонь.

Гвен рассмеялась сквозь слезы.

— Я тоже люблю тебя, — ответил она, обнимая любимого и прижимаясь к нему. — Но я не понимаю.

И в промежутках между поцелуями, то быстрыми и жадными, то медленными и любящими, он рассказал ей. Рассказал, как увидел ее исчезновение. Как упал на землю, когда вокруг него кипела битва. Стрела, которая его ранила, соскользнула по металлическому диску доспеха, и рана оказалась неопасной. Рассказал, как они узнали, кто на самом деле был врагом.

— Та старуха, — пробормотала Гвен. — Она сказала, что наняла цыган.

— Айе, Бессета. Она во всем призналась. — Друстан снова поцеловал Гвен и продолжил, время от времени слегка посасывая ее нижнюю губу: — Бессета сказала, что ее гадательные палочки сообщили: ее сын погибнет от руки женщины. Поскольку я собирался жениться, Бессета решила, что женщиной из ее видения станет моя невеста. Она предупредила Невина, но он только высмеял ее и заставил поклясться, что она не причинит мне вреда. Но, по ее мнению, заклятие не было вредом, поэтому Бессета заплатила цыганам за то, чтобы меня заколдовали и помешали моей свадьбе. В первом варианте реальности, когда Кемпбеллы убили Аню, Бессета, должно быть, подумала, что опасность миновала. Но вскоре после смерти Ани у нее снова появилось то же видение, и старуха поняла, что, пока я жив и могу жениться, ей не найти покоя. И она повторила попытку с заклинанием.

— Так это она выманила тебя из замка, подбросив записку с сообщением об убийце Дуга?

— Айе. Меня заколдовали, ты нашла меня, и я отправил тебя обратно.

— Но во второй реальности, — воскликнула Гвен, — Дуг и Аня вернулись живыми! Бессета, наверное, услышала о том, что ты возвращаешься домой вместе с невестой...

— И вспомнила о своем плане. Она не хотела снова ошибиться и поэтому решила заколдовать и мою невесту. Ты была в моей спальне, и цыгане наверняка перепутали тебя с Аней.

Гвен удивленно покачала головой.

— Но ведь получается, что причиной всему было ее видение, Друстан! Если бы она не поверила ему, то ты бы не попал под заклятие, я бы не отправилась в прошлое и Невин не погиб, пытаясь защитить меня.

— Айе. Именно поэтому цыгане так осторожничают с предсказаниями судьбы. Они понимают, что их видения и предсказания на самом деле лишь вариант будущего, а вовсе не предостережение о неотвратимом. Для Бессеты, которая всю жизнь всего боялась, будущее казалось неоспоримым фактом. Страх заставил ее заколдовать меня. В результате колдовства я отправил тебя в прошлое. А когда ты попала туда, Невин пожертвовал собой, чтобы тебя спасти. Страх Бессеты сделал вероятное будущее единственно возможным.

Гвен потеряла лоб.

— У меня от этого голова болит.

Друстан рассмеялся.

— У меня тоже. Я был бы рад никогда больше не возиться со временем.

Гвен помолчала, обдумывая что-то, потом спросила:

— А что случилось с Бессетой?

Глаза Друстана потемнели.

— После того как ты исчезла, она рванулась в самую гущу битвы. Ее старались не зацепить, но она настойчиво искала смерти. Она буквально бросилась на оружие Роберта. — Он нахмурился. — Перед смертью она во всем призналась, так что я смог распутать эту историю до конца.

И снова Гвен почувствовала, как ее глаза наполняются слезами.

— Ты оплакиваешь ее?! — воскликнул Друстан.

— Если бы не она, я бы никогда не нашла тебя, — тихо ответила Гвен. — Мне просто грустно. И жаль, что Бессета так боялась. Но в то же время я очень рада, что нашла тебя!

Друстан еще раз поцеловал ее и продолжил рассказ. О том, как он горевал, как злился. Как бродил в круге камней и спорил с собой. А потом ему в голову пришла идея — настолько простая и реальная, что у него захватило дух.

Цыгане. Однажды они уже заставили его проспать пять сотен лет. Почему бы им не сделать этого снова? Он договорился с одним из таборов и оплатил их услуги. Мешок золота решил все вопросы — сама королева цыган наложила на него нужные чары.

— Мешок золота! — воскликнула Гвен. — Да как они посмели требовать с тебя плату? Это ведь они...

— Они всего лишь продают свои услуги. У цыган свой кодекс и понятия о морали. По их логике, винить цыган в том, что Бессета обратилась к ним за заклинанием, все равно что винить меч за то, что он кого-то ранил. Виновата рука, направлявшая оружие, а не само лезвие.

— Отличный способ уйти от ответственности, — пробормотала Гвен. А потом вздохнула. — Но твоя семья... Сильван, и Нелл, и...

Он прервал ее поцелуем.

— Им нелегко было смириться с моим выбором, но они смирились.

Друстан ушел не сразу. Несколько месяцев он прощался со всеми, кто был ему дорог, а потом согласился на заклятие. Он успел переделать кучу дел, которые должны были принести свои плоды пять веков спустя, дел, которые обеспечили бы безбедное существование ему и его жене. Но об этом он расскажет ей завтра или послезавтра... Когда-нибудь потом.

— Они передавали тебе самые теплые пожелания и радовались, что мы снова будем вместе.

Гвен сморгнула слезы и стукнула его кулаком по груди.

— Почему ты не оставил указаний Мэгги? Она могла бы найти меня еще несколько недель назад. Я чуть не умерла без тебя. Прошел почти месяц...

— Я не был уверен, где именно ты окажешься. И не знал, пройдет ли в твоём времени пропущенный тобой месяц или нет.

— Ох, — выдохнула она.

— И я не хотел, чтобы тебя вызвали раньше, чем мы познакомимся. Это было бы жутковато. Ты бы не знала, как меня разбудить. Ты бы не знала меня, если бы за тобой приехали слишком рано. Я решил, что будет лучше, если ты сама меня найдешь.

— А если бы я не приехала? Что, если бы я решила не возвращаться в Шотландию?

— Я оставил завещание, и, если бы ты не приехала до Самайна, тебя бы нашли и пригласили сюда. Мои наследники отыскиали бы тебя в Америке и привезли с собой.

— Но...

— Женушка, ты собираешься заговорить меня до смерти или все же поцелуешь? — ехидно спросил горец.

Гвен выбрала поцелуй. Когда их губы соприкоснулись, Гвен вздрогнула от вспыхнувшего желания. Друстан отстранился только затем, чтобы стянуть с себя рубашку, а Гвен быстро разобралась с его пледом.

— Ляг на спину, — скомандовала она, когда на горце не осталось одежды. — Сегодня я буду сверху.

Он подчинился, сверкнув улыбкой, которая дразнила обещанием исполнить все ее желания и мечты. Гвен села на пятки, взглянула на своего мужчину, распростертого перед ней на постели. Бронзовая кожа и темные волосы контрастировали с белыми простынями. Перед ней был воин, обещающий наслаждение. И он полностью принадлежал ей...

Долгие годы Гвен не знала уравнения жизни, но ее поиски завершились моментом истины: жизнь равна сумме любви и страсти, возведенной в квадрат. Любить и быть страстно любимой — вот что делает жизнь прекрасной. Гвен собиралась до самой старости подтверждать правильность этого уравнения.

— Прикоснись ко мне, — промурлыкал Друстан.

Гвен прикоснулась. Сначала руками, медленно исследуя каждый выступ и впадину, потом губами к органу, которой явно ждал ее прикосновения. От ее движений Друстана бросило в дрожь, а когда к прикосновению губ добавился ловкий язычок, он не выдержал:

— Гвендолин! Если ты продолжишь свое дело, я и минуты не продержусь!

— О, нэй, мой храбрый лэрд, — отозвалась Гвен с хриплым шотландским акцентом. — Лежи смирно. Сегодня ты послужишь моему удовольствию... ой! — Она рассмеялась, когда Друстан одним быстрым движением опрокинул ее на спину и подмял под себя.

— Думаю, ты не забыла, что я ждал тебя пять веков, а ты меня — всего лишь месяц.

— Да, но этот месяц показался мне... — начала было Гвен, но поцелуй заставил ее замолчать.

Друстан стащил с нее рубашку, покрыл поцелуями обнажившуюся грудь, а потом опустился ниже. Когда они соединились, горец застонал в экстазе. Он ждал бы тысячу лет, нэй, целую вечность, чтобы получить свою любимую женщину.

Гораздо позже, когда они лежали, обнявшись, Друстан удивлялся тому, какое чудо ему досталось. Ему не подошла бы ни одна другая женщина, да и Гвен, достигнув пика в третий раз, сообщила ему, что он ее «частная собственность», а потом объяснила, что это значит. Ему придется многому научиться, чтобы жить в ее столетии. Друстан совершенно не боялся этого, ему нравилось принимать такие вызовы.

Эмоции переполняли его. Чувство завершенности было таким острым, что он поцеловал Гвен, чтобы поделиться своей радостью. И очень удивился, когда она отстранилась, взяла его за руку и положила ее себе на живот.

Друстан сел на кровати, выпрямился и посмотрел ей в глаза.

— Ты собираешься что-то сказать мне?

— Двойня. У нас будет двойня, — ответила Гвен, сияя от радости.

— И ты сказала мне об этом только сейчас? — зарычал он, а потом запрокинул голову и радостно завопил.

Подхватив Гвен на руки, Друстан затанцевал по комнате. Он кружил ее, целовал, сжимал в объятиях... а потом аккуратно уложил обратно на кровать.

— Мне нужно было вести себя осторожнее! — воскликнул он.

Гвен рассмеялась.

— Ну что ты, наша любовь не повредит им, а маленький танец тем более. К тому же срок пока что всего два месяца.

— Два месяца! — завопил Друстан, снова вскакивая на ноги.

Гвен сияла — его радость была просто невероятной. Именно такую реакцию на новость о детях должна видеть каждая женщина — идеальный отец будет именно так сиять и радоваться наследникам. Друстан постоял с минуту, улыбаясь глупой счастливой улыбкой, а потом всхлипнул и упал перед ней на колени.

— Ты пойдешь со мной под венец, Гвен Кэссиди?

— Айе, ох, конечно да! — мечтательно выдохнула Гвен.

И в этот раз их любовь была нежной, медленной и сладкой, как никогда раньше.

— Где мы будем жить? — спросила она, запуская пальцы в его шелковистые волосы.

Гвен не могла не прикоснуться к нему. Не могла поверить, что он наконец здесь. Просто не могла поверить в то, что он пожертвовал ради нее всем. Друстан улыбнулся.

— Об этом я уже позаботился. В 1518 году этот замок был разделен на три крыла. Мне принадлежит южное. Дуг сам следил за постройкой нашего дома. И это крыло ждет нас. Мэгги и Кристофер заверили меня, что оно уже открыто и скоро будет готово принять нас.

Дуг. Гвен собиралась сказать об исчезновении Дуга, но это можно будет сделать немного позже. Сейчас она не хотела портить момент.

— Ты ведь не против пожить в Шотландии? — поддразнил ее Друстан, но она уловила нотку неуверенности в его голосе.

Ему наверняка будет трудно адаптироваться к другому веку. И если она увезет его в Америку, ему будет еще сложнее. Со временем, в этом Гвен не сомневалась, его пытливая натура потребует путешествий, но Шотландия навсегда останется для него домом. У самой Гвен не было ни малейшего желания возвращаться в Штаты, и это было замечательно.

И все же она была в шоке от того, что сделал Друстан, чем он ради нее пожертвовал.

— Друстан, — выдохнула она, — ты бросил все...

Он притянул ее к себе и поцеловал.

— Я бы сделал это снова и снова, любимая.

— Но твоя семья, твое время, твой дом...

— Милая, неужели ты еще не поняла? Мой дом — в твоем сердце.

Я хотела бы познакомить тебя с письмом, которого пока не видели ни Друстан, ни Гвен. Не сомневаюсь, от тебя не ускользнула связь между двумя пропавшими портретами на стене замка МакКелтаров и исчезновением Дуга в 1521 году.

Дело в том, что Мэгги и Кристофер хранили два наследия, но решили не портить воссоединения влюбленных и придержать второе до поры.

Второй частью наследия было письмо, адресованное Друстану и Гвен. Письмо написал Сильван, и он же приложил к нему два шокирующих портрета Дуга. И все же МакКелтары решили подарить влюбленным еще немного времени, прежде чем им придется снова пуститься в путь.

На следующей странице я помещу письмо Сильвана, с которого начнется повествование о темном горце...

Друстан, сын мой. Мне не хватает тебя. И жаль, что ты не можешь увидеть своих братьев и сестер, но сердце твое принадлежит Гвен, и я желаю вам счастливой жизни, дети. Но все же мне придется сообщить вам о делах, которые вы должны будете завершить.

Начну с хороших новостей. Милая Нелл согласилась стать моей женой. И каждый момент моей жизни она наполнила радостью. Мы оставили кое-что вам двоим. В той башне, где ты спал, отсчитай три камня от плиты, на которой ты спал, и попробуй второй камень у основания. Жизнь моя стала счастливой и полной, о чем я не смел и мечтать. И лишь об одном я сожалею сейчас.

Мне нужно было внимательней приглядывать за Дугом после того, как ты ушел в башню. Я должен был понять, что происходит. Но ты спал под заклятием и ждал свою любимую, а я наслаждался жизнью с женой. Дуг же все больше и больше отдалялся от всех.

Я был ослеплен своим счастьем и ничего не замечал, пока не стало слишком поздно. Я слишком поздно свел воедино множество мелких деталей. Со временем становилось ясно: Дуг... одержим тобой. Он боялся, что ты можешь не дожить до встречи с Гвен.

Так и случилось. Я не помню этого, но Дуг признался мне в том, что через три года после того, как ты уснул волшебным сном, северо-восточная башня и прилегающее к ней крыло замка сгорели дотла. С ними сгорел и ты.

Дуг нарушил клятву, вернулся из круга камней в день пожара и погасил огонь. Он спас тебя, но сам стал темным. Древние легенды оказались правдой.

Если ты читаешь это, значит, у Дуга все получилось. Он клялся мне, что станет твоим хранителем и дождетя твоей встречи с Гвен. Он поклялся присматривать за тобой, а затем исчез. Дуг силен, и я верю, что данная клятва помогла ему сохранить рассудок.

Я надеюсь на это, но я ощутил то зло, что поселилось в нем.

Однако я считаю, что в миг, когда ты проснешься и встретишься с Гвен, ничто не удержит тьмы в его душе. Его цель будет достигнута, и тонкие ниточки долга больше не будут удерживать его от падения.

О сын мой, прости меня за эти слова, но ты должен найти Дуга.

Ты должен спасти его.

И если спасти его будет невозможно, ты должен будешь лишить его жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Flatland: A Romance of Many Dimensions, Edwin A. Abbot, Dover Publications

A Brief History of Time? Stephen Hawking, Bantam Books
Infinity and the Mind, The Science and Philosophy of the Infinite? Rudy Rucker, Princeton University Press

The Forth Dimension: A Guided Tour of the Higher Universes, Rudy Rucker, Houghton Mifflin Company

Stephen Hawking's Universe: The Cosmos Explained, Stephen Hawking, Basic Books

The Handy Physics Answer Book, P. Erik Gundersen, Visible Ink Press

The Celtic Reader: Selections from Celtic Legend, Scholarship and Story, John Matthews, ed. Thorsons

A Celtic Miscellany: Translations from Celtic Literature, Kenneth Hurlstone Jackson, ed. Penguin Classics

The Story of the Irish Race, Seumas MacManus, The Devin-Adair Company

notes

Черрипикер — парень, который любит быть у девушек первым (совр. сленг). (Здесь и далее примеч. перев.).

Имеется в виду американский футбол.

Фут — мера длины (0,3 см) и одновременно «ступня», в английском языке звучат и пишутся одинаково. Рост горца примерно метр девяносто пять сантиметров, рост Гвен — метр пятьдесят девять сантиметров.

Около 120 км.

Существует гипотеза, что Генри Синклер открыл Америку за сто лет до путешествия Колумба. Началом его пути была именно Шотландия.